

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВНЦ
ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н П МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЧУКЧЕЙ

ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

Под общей редакцией
чл.-корр. АН СССР А. И. КРУШАНОВА

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1987

На большом фактическом материале, охватывающем период с XVII века до наших дней, рассматриваются вопросы этногенеза, этнической истории и культуры чукчей. Особый интерес представляют материалы о создании национальной государственности, социально-экономическом развитии, духовной культуре народности в период социалистического строительства.

Книга предназначена для этнографов, историков, социологов, филологов, краеведов и всех интересующихся историей и культурой малых народов Северо-Востока СССР.

Редакционная коллегия:

*И. С. Вдовин (отв. редактор), Л. Я. Иващенко, Н. Д. Кириллова,
Н. В. Кочешков (отв. редактор), В. В. Леонтьев, В. Е. Силько*

Рецензенты:

Ю. В. Аргудяева и Э. Н. Осокина

ВВЕДЕНИЕ

Исследование истории и культуры любого народа СССР, каким бы малочисленным он ни был, помогает раскрыть и специфические, яркие черты его самобытности, обусловленные этническими и природно-географическими факторами, и способствует выявлению и оценке того вклада, который он внес в сокровищницу общечеловеческой культуры. Вот почему сложные проблемы этногенеза и этнической истории малых народов, их материальной и духовной культуры, общественных отношений и общественного сознания, современных этнических процессов постоянно находятся в поле зрения историков и этнографов.¹

Однако монографических исследований, охватывающих эти проблемы на всем протяжении развития каждой из народностей Севера Сибири и Дальнего Востока, пока еще нет. Настоящая книга — первая в серии такого рода историко-этнографических очерков.²

В данной работе своеобразная материальная и духовная культура чукчей раскрывается на широком историческом фоне — от первых сведений о народности в XVII в. до показа огромных качественных изменений, происходящих в ее современной жизни, хозяйстве, быте, культуре.

Чукчи живут в настоящее время на большой территории Крайнего Северо-Востока СССР: основная их масса населяет Чукотский автономный округ (свыше 11 тыс. человек) с центром в городе Анадыре, в Корякском автономном округе (1164 человек), в Нижнеколымском районе Якутской АССР (около 400 человек). Всего чукчей насчитывается, по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., 14 тыс. человек.³ Округ, образованный в декабре 1930 г., занимает почти две трети территории Магаданской области и имеет площадь 737,7 тыс. кв. км.⁴

Географические условия территории расселения чукчей во многом определили своеобразие их исторического развития, особенности хозяйства, быта, культуры.

Необозримые просторы Чукотки еще совсем недавно считали «краем ледяного безмолвия». И действительно, три четверти территории Чукотки занимает приполярная тундра, остальная часть ее — горные массивы и нагорья. Скованная вековым холо-

дом, Чукотка и сегодня не стала добрее и податливее, не утратили своей силы ураганы и штормы. Каждый шаг человека тут, в высоких широтах, требует огромного напряжения сил, воли, смелости, точного расчета. Здесь как бы сошлись могущество разума человека и необузданная дикость суровой арктической природы. Природа дает очень мало тепла людям. Например, в районе Анадыря, судя по многолетним наблюдениям метеорологов, последний мороз весной бывает 23 июня, а первый — уже 17 августа. Таким образом, продолжительность безморозного периода составляет всего лишь 54 дня! В течение всего года на Чукотке постоянно дуют холодные ветры: зимой — с охлажденного материка в сторону моря, летом — с холодных морей на материк. Чрезвычайно низкие температуры воздуха в материковых районах, штормовые ветры и густые туманы на побережьях, обильные снегопады и частые пурги значительно осложняют работу на открытом воздухе, эксплуатацию транспортных средств и механизмов, наносят большой ущерб народному хозяйству. . .

Многовековая история формирования и этнического развития чукчей, своеобразие естественно-географических условий их расселения в приполярной тундре, специфические черты социально-экономической структуры чукотского общества способствовали выработке яркой и самобытной национальной культуры. Сложение многих ее элементов происходило, однако, не изолированно, а в процессе этнического взаимодействия и культурного взаимовлияния различных племен и народов Сибири и Дальнего Востока.

Общие черты в хозяйстве, типах поселений и жилищах, одежде, пище и других чертах материальной культуры объединяют чукчей с другими народностями Крайнего Северо-Востока Азии, отражают их древние культурные, а в ряде случаев и историко-генетические связи с их ближними и дальними соседями.

Будучи оторванными от крупных городов и промышленных центров царской России, чукчи вплоть до победы Великого Октября были наиболее отсталыми и обездоленными. Чукчи-морские зверобои вели оседлый образ жизни на побережье Ледовитого океана, чукчи-оленьеводы кочевали по бескрайней приполярной тундре.

Их орудия труда были примитивными и не всегда позволяли добывать зверя в количестве, достаточном для пропитания. Населяя огромные просторы тундры, они жили в условиях первобытно-общинного строя.

Безжалостно обираемые и преследуемые царскими правительственными чиновниками, страдающие от бесчинств купцов, ростовщиков, а также иностранных, главным образом американских, промышленников, чукчи были обречены на постепенное вырождение и вымирание.

Передовые люди России пытались помочь чукчам. Е. М. Ярославский, В. Г. Богораз, Н. В. Слюнин и другие страстно мечтали о социальном преобразовании Чукотки, о возрождении культуры

ее аборигенного населения. Они сумели привлечь внимание общественности к бедственному положению «инородцев», но большего сделать не имели никакой возможности.

Победа Великого Октября создала все условия для бурного национального и социального развития чукчей.

В советское время коренным образом изменилась судьба чукчей. Они не только были уравнены в правах со всеми другими народами СССР, но им были предоставлены даже серьезные преимущества для своего развития. Вместе со становлением и укреплением новых социалистических форм жизни, хозяйства, культуры чукчи были спасены от вырождения и полного исчезновения.

Уже в 1924 г. при ВЦИК был создан Комитет содействия народностям северных окраин (или «Комитет Севера»), основная задача которого — «содействие планомерному устройению народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении».⁵ Осуществляемое по обширному плану национальное строительство затронуло буквально все стороны их жизни.

Только за последние годы был принят ряд постановлений партии и правительства, направленных на дальнейшее развитие районов проживания чукчей и других народностей Севера.⁶ Одно из недавних — постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» (февраль 1980 г.).

Осуществление на практике Ленинской национальной политики привело к тому, что за кратчайший исторический срок чукчи сумели перейти от патриархально-общинного строя к социализму, минуя при этом не только капитализм, но и феодальные общественные отношения. С помощью своего старшего брата, великого русского народа, чукчи преобразовывались в качественно новую социалистическую народность и ныне усиленными темпами развивают свою экономику и культуру. Из их среды выросли высококвалифицированные кадры рабочего класса, народной интеллигенции.

В последние десятилетия чукчи значительно расширили свои хозяйственные навыки и знания, приобщились к новым для них видам хозяйства.

Но самым, пожалуй, выразительным, самым наглядным свидетельством коренных прогрессивных перемен в жизни чукчей служат факты, относящиеся к развитию культуры. Если прежде, по образному замечанию акад. А. П. Окладникова, «лидирующей фигурой в области духовной культуры был шаман-певец, своего рода актер, часто талантливый импровизатор и хранитель богатого культурного фольклора»,⁷ то теперь появились свои, чукотские, деятели народного просвещения, работники культуры и искусства, которые, бережно сохраняя все прогрессивное, все ценное из традиционной культуры своего народа, усваивают все лучшее,

все передовое из культуры братских народов нашей страны и всего мира.

Удивительно выросла и перешагнула границы Чукотки современная художественная культура чукотского народа. Ныне замечательные творения уэленских мастеров-косторезов, романы писателя-чукчи Юрия Рытхэу, искрометные спектакли чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон» знают не только у нас, в Советском Союзе, но и во многих странах мира.

Многие буржуазные историки утверждают, что у чукчей якобы не было своей истории да и не могло быть в условиях первобытной отсталости. Однако они «забывают», что именно чукчи внесли большой вклад в развитие мировой культуры хотя бы тем, что именно они освоили суровый Север, адаптировались к арктической природе. Брошенные судьбой на край ледяной пустыни, именно они внесли бесценный вклад в великий процесс познания мира. Они сумели создать в тяжелейших условиях изумительное изобразительное искусство и довольно сложное устное народное творчество, богатое образами и глубочайшими идеями мировоззренческого и космогонического характера.

«У этого самоотверженного отряда человечества, принявшего на себя самые жестокие удары природы, — подчеркивает тонкий знаток чукотской культуры Н. Н. Диков, — оказалась поразительная сила духа и развились замечательные человеческие моральные качества: смелость, честность, любовь и дружеская взаимопомощь».⁸

Чукчи являются сегодня процветающей социалистической народностью, живущей в условиях справедливого общественного строя, позволяющего всем народам мира строить отношения равенства и дружбы. Исторический опыт чукчей — блестящий пример ленинского разрешения национального вопроса, одного из сложнейших вопросов нашего времени.

В новой редакции Программы КПСС зафиксировано: «Национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен».

Это означает прежде всего, что в СССР полностью и окончательно утвердилась завещанная В. И. Лениным братская дружба более ста наций и народностей страны Советов, их экономическое, культурное и политическое равноправие.

Это означает также, что с каждым днем расширяются экономические и культурные связи всех наций и народностей, населяющих родину Великого Октября, а в их сознании и психологии неизбежно утверждаются общие интернациональные черты, присущие всему советскому народу. Но не следует думать, говорится в Программе КПСС, будто «советское» снимает «национальное» в характере таких, например, народностей Дальнего Востока, как чукчи, эскимосы, коряки, ительмены, нанайцы, нивхи, удэгейцы, эвены, алеуты, юагиры, негидальцы, орочи или ороки. «Советское» — это прежде всего новое качество, которое дополняет и обогащает национальный характер любого народа, но

не поглощает его. Более того, национальное и интернациональное, все социалистическое, общесоветское, существует нераздельно, образуя органический сплав, новую качественную определенность и историческую общность людей.

Вхождение коренных народностей Дальнего Востока в состав России явилось крупнейшим поворотным этапом в их историческом пути, оно вывело их из состояния вековой изолированности и включило в общий поток мировой истории.

Дальнейшее сближение наций и народностей СССР представляет собой объективный и весьма прогрессивный процесс, который нельзя ни искусственно форсировать, ни сдерживать или закреплять национальную обособленность, ибо это противоречило бы интересам коммунистического строительства.

Монография подготовлена авторским коллективом:

Введение написано *Н. В. Кочешковым*;

«Краткий обзор источников», I раздел («История и культура чукчей в дооктябрьский период — с XVII в. до 1917 г.») — *И. С. Вдовиним*;

II раздел («Чукчи в период социалистического строительства»), включающий следующие главы и параграфы, писали: «Создание национальной государственности» — *Б. И. Мухачев*;

«Социально-экономическое развитие» — *В. В. Леонтьев* и *В. А. Тураев* при участии *В. Ф. Леснякова* (§. «Кооперативно-колхозное строительство»);

«Жилищно-бытовые условия. Образ жизни»; «Народное образование» — *В. В. Леонтьев* и *В. А. Тураев*;

«Культурно-просветительная работа» — *В. Е. Синько* и *Л. Е. Фетисова*;

«Народное танцевальное искусство» — *С. Ф. Карабанова* при участии *М. Я. Жорницкой*;

«Музыкальный фольклор» — *В. А. Лыткин*;

«Народное декоративно-прикладное искусство» — *Н. В. Кочешков*;

«Устное народное творчество» — *Л. В. Беликов*;

«Становление и развитие художественной литературы» — *Л. Я. Иващенко*;

«Чукчи в составе новой исторической общности» — *В. А. Тураев*.

¹ См.: Этногенез народов Севера. М., 1980. 278 с.; Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980. 240 с.; Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. 284 с.; Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX—начало XX в.). Л.,

1979. 228 с.; Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М.; Л., 1960. 366 с.; Народы Сибири: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1956. 1083 с. + илл.; и др.

² Серию предваряет обобщающая вводная книга: Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. М., 1985. 240 с.

- ³ Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1980. С. 25—26; Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 217; *Вдовин И. С.* В сегодня, минуя века // Радуга на снегу: Культура, традиционное и современное искусство народов Крайнего Севера. М., 1972. С. 19.
- ⁴ Советский Союз: Географическое описание в 22-х томах. М., 1971. С. 343.
- ⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 331—336.
- ⁶ Там же. Т. 6. С. 388—393.
- ⁷ *Окладников А. П.* Шагнувшие через столетия // Таежные зори: Большая судьба народов. Хабаровск, 1978. С. 13.
- ⁸ *Диков Н. Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки: 15 тысяч лет истории. Магадан, 1969. С. 243.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Проблемы истории и этнографии чукчей давно привлекали внимание исследователей Сибири и Дальнего Востока. Уже накоплена обширная литература, содержащая самые разнообразные сведения из всех областей материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта, истории.

Работы, опубликованные в дореволюционное и советское время, не только отличаются друг от друга своим методологическим подходом к вопросам истории и этнографии, но и широтой и глубиной постановки исследуемых в них проблем. Всех их можно условно подразделить на несколько групп, которые мы далее и рассмотрим.

Сведения путешественников

Ценные и важные для истории и исторической этнографии сведения о быте и культуре чукчей начали появляться уже в первых публикациях мореплавателей-географов, занимавшихся изучением Северо-Востока Азии и Америки. Это — не исследования, а описания наблюдений, продолжавшиеся иногда лишь в течение нескольких дней. Такого рода материалы непосредственны и обычно содержат непредвзятое освещение виденного. В этом ряду работ заметное место занимает «Путешествие флота капитана Сарычева» (СПб., 1802; новое несколько сокращенное издание книги Г. А. Сарычева вышло в 1952 г., куда было включено и «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога», и «Плавание капитана Галла на катере „Черный орел“ 1791 года»).¹

В пяти главах описания путешествия Биллингса, подготовленного к печати Сарычевым на основе дневников Биллингса и штурмана Ботакова, содержатся наблюдения из жизни и быта чукчей, в частности, единственные сведения о путях торговцев *каврадьит*. Важным дополнением к этим сведениям служат личные впечатления о чукчах переводчика экспедиции И. Кобелева, который совместно с чукчей Н. Дауркиным был командирован на Чукотский полуостров еще до прибытия туда И. Биллингса.²

Подробное описание чукчей, их культуры, обычаев, составленное участником экспедиции доктором К. Мерком, опубликовано в 1978 г. В это же издание вошли материалы и заметки этнографического характера, принадлежащие также участникам экспедиции сержанту Гилеву, штурману Ботакову и другим.³

Труды участников экспедиции Биллингса содержат разносторонние сведения о чукчах конца XVIII в. Отсюда понятно то заслуженное внимание, каким пользуются названные издания у исследователей истории и этнографии чукчей, эскимосов и алеутов.

Известия о чукчах начала XIX в. находятся в трудах сотрудников экспедиции, проходившей под руководством Ф. П. Врангеля. Три ее участника — Ф. П. Врангель, Ф. Ф. Матюшкин и И. Кибера — составили описания, характеризующие материальную и духовную культуру чукчей, их общественные отношения, политику самодержавия и др. Врангель описал береговых чукчей, а сведения Матюшкина и Кибера касаются преимущественно оленеводов и чукчей-торговцев, приходивших на Анюйскую ярмарку.⁴ В новое издание «Путешествия...» Ф. П. Врангеля (1948 г.) не вошли некоторые «Прибавления», в то же время оно дополнено публикацией писем Ф. Ф. Матюшкина к директору Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардту. Письма содержат сведения о западных соседях чукчей, о промысле дикого оленя, а рисунки Матюшкина дают наглядное представление о некоторых видах мужской и женской одежды чукчей, упряжке оленей и др. Из работ доктора Кибера следует отметить статью «Чукчи».⁵

Интересные данные преимущественно об оседлом населении побережья Берингова моря были собраны участниками кругосветных плаваний первой четверти XIX в. Наиболее подробные сведения о чукчах (их промыслах, средствах передвижения, семейной и общественной жизни, устройстве зимних и летних жилищ, об одежде, украшениях и т. п.) находим у А. П. Лазарева.⁶

О плавании у берегов Чукотки, о встречах с чукчами, их нравах, видах поселений, устройстве байдар и некоторые другие данные приводятся в описании плавания, совершенного под командованием О. Е. Коцебу.⁷

Серия таких описаний путешествий была бы неполной без книги Ф. П. Литке,⁸ автор которой рассказывает о кочевых и оседлых чукчах, их торговых и охотничьих поездках на р. Анадырь, расселении народности, чукотско-эскимосских отношениях, устройстве жилищ, больших и малых байдар, развлечениях, шаманстве и др.

В 1878 г. началось плавание А. Е. Норденшельда с запада на восток вдоль берегов Ледовитого океана. Зимой 1879/80 г. его судно «Вега», скованное льдами, провело у берегов Чукотки (восточнее Колючинской губы). Это дало возможность Норденшельду и его спутникам — поручику русской гвардии О. Норд-

квисту⁹ и другим — подробно наблюдать условия жизни чукчей, их занятия, особенности материальной культуры, быта. Их сведения носили широкий характер. Норденшельд произвел археологические раскопки и сообщил ряд сравнительных данных, сопоставляя элементы материальной культуры оседлых чукчей с аналогичными эскимосов Гренландии.¹⁰

Обстоятельные сведения о чукчах, их жизни, быте, культуре имеются в книге проф. Г. У. Свердрупа.¹¹ Эта норвежская экспедиция дважды зимовала у берегов Чукотки. Во время вынужденной стоянки «Мод» в 1920/21 г. у мыса Сердце-Камень Свердруп почти повседневно общался с оседлыми и оленными чукчами. Весной 1921 г. он предпринял путешествие на собаках вокруг Чукотского полуострова до залива Креста и обратно. Эта поездка и зимовка дали возможность Свердрупу накопить большой этнографический материал, который изложен им в особом разделе книги: «На собаках вокруг Чукотского полуострова».

Кроме перечисленных сочинений, можно назвать и другие, в которых имеются сведения о чукчах, но они менее подробны и обстоятельны. К их числу относятся книги Д. Кука,¹² М. Сойера,¹³ У. Гильдера¹⁴ и другие.

Материалы официальные

К данной группе книг и статей относятся работы лиц, которые занимались изучением вопросов хозяйственной и промысловой деятельности, быта, культуры, общественных отношений чукчей в связи с административными задачами, по определенному плану, нередко при участии местных отделов Русского Географического общества. Подбор таких материалов, их анализ, интерпретация и выводы носят не только прикладной, но и научно-познавательный характер. Как правило, они содержат разносторонние сведения о чукчах XIX в. Необходимо, однако, заметить, что выводы и заключения в них далеко не бесспорны, а некоторые носят явно предвзятый характер. Поэтому наиболее ценна в них фактическая часть.

Так, в ряде статей Ф. П. Врангеля, написанных им в его бытность главным правителем русских колоний в Америке,¹⁵ приводятся любопытные данные о посреднической торговле чукчей на западе с русскими, а на берегах Берингова пролива — с эскимосами северно-западного побережья Америки (по его сведениям, чукчи доходили до устья р. Пастол). Благодаря этим работам стали известны размеры и значение обмена, существовавшего на берегах Берингова пролива. Наблюдения и выводы Врангеля подтверждаются и другими авторами.¹⁶

Поездка колымского исправника Г. Майделя¹⁷ на мыс Шелагский, посещение Анюйской ярмарки, затем путешествие на оленях до устья Анадыря, оттуда до селений Марково, Гижига и обратно в Нижнеколымск дали автору большой этнографический материал

о кочевых и оседлых чукчах, однако многие суждения Майделя вызывают серьезные возражения.

От Сибирского отдела РГО Майделя сопровождал К. Нейман, которому также принадлежит несколько статей, содержащих сведения о чукчах, о контрабандной торговле иностранцев на Чукотке.¹⁸

Как известно, в 1884 г. было создано Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого вошли Камчатка и Чукотка. Весной в 1885 г. на китобойной шхуне «Сибирь», направлявшейся к берегам Камчатки и Чукотки, был командирован капитан А. А. Ресин, чтобы составить «возможно полную картину жизни Севера».¹⁹ Его отчет содержал историко-этнографические данные о положении населения побережья Берингова моря от Хатырки до мыса Сердце-Камень.²⁰ Поездка Ресина окончательно убедила Приамурского генерал-губернатора в необходимости создания особой Анадырской округи, которая и была образована в 1888 г.

В 1892 г. в Анадырскую округу был командирован адъютант командующего войсками Приамурского округа полковник А. В. Олсуфьев. Из Нижнеколымска он поехал на Анюйскую ярмарку, оттуда в с. Марково и затем спустился вниз по Анадырю до поста Ново-Марийнска (ныне г. Анадырь). При описании виденного Олсуфьев, помимо личных наблюдений, воспользовался документами Колымского и Анадырского управлений, т. е. в своих выводах (а некоторые из них не утратили и по сей день своего исторического значения) опирался на фактическую основу.²¹

С 1893 по 1897 г. начальником Анадырского округа был ученый секретарь Московского общества любителей естествознания Н. Л. Гондатти, который подробно ознакомился с хозяйством и материальной культурой населения, его обычаями, бытом кочевых и оседлых чукчей. На этнографическом поприще Гондатти был не новичок. Его статьи о Чукотке содержат разнообразные сведения о чукчах, эвенах, юкагирах, эскимосах, о деятельности иностранцев у берегов Чукотки, о политике самодержавия.²² В 1898 г. от Гондатти поступила большая коллекция этнографических предметов, за что он был удостоен Академией наук золотой медали памяти Бэра.

Тревожные сведения о тяжелом положении коренного населения в Колымском округе побудили Министерство внутренних дел командировать туда особого уполномоченного. Итоги ознакомления с положением дел на месте выразились в издании специальной работы С. А. Бутурлина, в которой автор сообщает о наблюдениях из жизни западной группы чукчей.²³

Сменивший в 1897 г. Н. Л. Гондатти Н. П. Сокольников пробыл в должности начальника Анадырской округи 10 лет. За это время он также написал несколько оригинальных работ, касающихся этнографии местного населения.²⁴ Как и Гондатти, Сокольников собрал обширную коллекцию предметов материальной и духовной культуры чукчей и других народностей Прианадырья (коллекция хранится в Ленинграде, в Государственном музее этнографии).

Ряд вопросов истории административного устройства на Чукотке, деятельности там Северо-Восточного Сибирского общества, торговли иностранцев, морского зверобойного промысла и многое другое получили подробное изложение в книге П. Ф. Унтербергера, побывавшего в селениях чукчей и эскимосов на побережье Берингова пролива.²⁵

Особое место в этой серии занимает основательный труд Н. Ф. Калининкова.²⁶ В течение 1908—1910 гг. по поручению губернатора Приморской области Н. Ф. Калининков занимался «обследованием естественно-экономических условий Чукотского полуострова». Из восьми глав книги пять посвящены преимущественно этнографии чукчей. Особенно обстоятельно автор знакомит читателей с бытом, материальной и духовной культурой чукчей. Он не делает никаких историко-этнографических выводов, ограничиваясь подробным описанием всего, что видел. Труд Калининкова является хорошим и ценным дополнением к специальным работам по этнографии, особенно оседлых чукчей.

К этой же группе литературных источников следует отнести работы геологов и географов, которые с начала XX в. довольно много занимались изучением естественных богатств Чукотки. Сообщения о чукчах в их трудах носят лишь попутный характер, имеют отношение не столько в этнографии чукчей, сколько к их политическому и экономическому положению.²⁷

Архивные источники

В дореволюционное время было опубликовано довольно много архивных материалов, касающихся главным образом вопросов проникновения в Сибирь, географических открытий, постройки острогов, ясачного обложения, политики Московского государства и т. п. Такого рода материалы по XVII в. частично вошли в труды Археографической комиссии.²⁸ Значительное количество разных сведений о Чукотке XVII в. оказалось в издании той же комиссии в «Дополнениях к актам историческим». В них использованы материалы Копийных книг из собрания Г. Ф. Миллера,²⁹ которые не лишены, однако, некоторых ошибок, допущенных копиистами. Публикация отдельных документов по XVII в. была осуществлена Н. Н. Оглоблиным.³⁰ Автором использованы дела Сибирского приказа, которые не попали в Копийные книги Г. Ф. Миллера.

Документы XVII в., в том числе относящиеся к чукчам, вошли в сборник, изданный в советское время.³¹ В связи с изучением русского мореплавания вдоль берегов Ледовитого океана был опубликован сборник документов, обнаруженных в ЦГАДА. В основном он посвящен географическим открытиям.³² С большой вступительной статьей вышел сборник, посвященный той же теме, составленный М. И. Беловым.³³ Оба сборника наряду с известными содержат новые документы и помогают глубже и полнее понять историю чукчей XVII в.

Специальные поиски в архивах нашей страны велись автором этого историографического обзора, которому удалось извлечь из фонда Якутской приказной избы (ЦГАДА), главным образом из ясачных книг Анадырского и Колымского острогов, актов собрания ЛОИИ АН СССР, а также из Копийных книг Г. Ф. Миллера (№ 30, 31, 33 и 34), хранящихся в Архиве АН СССР, ряд дополнительных сведений о чукчах XVII в.

Архивные материалы XVII в. довольно скупо освещают хозяйственные занятия, быт и культуру чукчей, что объясняется прежде всего характером документов.

Лучше обстоит дело с архивными источниками XVIII в. Они значительно полнее, многообразнее и содержат материалы о разных сторонах истории, социальных отношений, культуры и быта чукчей. Прежде всего необходимо отметить ряд специальных публикаций документов о Сибири, куда вошли также материалы о чукчах и Чукотке.³⁴ Публикация архивных материалов по Северо-Востоку Сибири в наше время была осуществлена С. Б. Окунем.³⁵ Ему же принадлежит обширная вступительная статья, анализирующая события, отраженные в документах. Ряд сведений о чукчах XVIII в. содержится в архивных материалах, опубликованных в работах А. В. Ефимова,³⁶ в приложениях к статье М. И. Белова о походах Никиты Шалаурова³⁷ и др.

Помимо опубликованных, большое значение для работы имеют архивные источники, которые удалось обнаружить в результате поисков. На первое место по полноте и достоверности сообщаемых фактов следует поставить ряд «описаний», «примечаний», писем Т. И. Шмалева Г. Ф. Миллеру, хранящихся в портфелях Миллера в ЦГАДА (ф. 199). Отвечая на вопросы Г. Ф. Миллера, Т. И. Шмалев составил несколько весьма подробных и обстоятельных описаний. К большому достоинству этих сообщений нужно отнести их документальную обоснованность. Например, для того чтобы составить «Примечание. . . о причинах столкновения чукчей с коряками. . .», Шмалев обследовал архивные материалы Анадырского острога за несколько десятилетий. Такого же происхождения и другие его «Примечания».³⁸ Сведения Шмалева представляют исключительную ценность для истории чукчей XVIII в., поскольку архив Анадырского острога в большей своей части, видимо, утрачен окончательно.³⁹

Важным источником служат также дела бывшей Секретной экспедиции Сената (ЦГИА СССР, фонд Сената).⁴⁰ В них содержатся документы по истории чукчей, исходившие от сибирских учреждений или направлявшиеся из центра в Сибирь. Этот фонд охватывает в основном период 40—70-х гг. XVIII в. (дела 1552, 1558, 638, 750, 576 и др.).

Материалы о чукчах 30—40-х гг., а также 80—90-х гг. XVIII в. находятся в Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота СССР. Первые — в фонде экспедиции Беринга, вторые — в фонде Северо-Восточной географической

и астрономической экспедиции И. Биллингса. Кроме того, материалы этих экспедиций имеются в фонде графа И. Г. Чернышева.⁴¹

Отдельные сведения о чукчах конца XVIII в. имеются в фонде 1-го Сибирского Комитета (ЦГИА СССР, ф. № 1264) и в книжном собрании Воронцовых Ленинградского отделения Института истории АН СССР (кн. 950).

Подробное описание событий на Чукотке в 60—70-х гг. XVIII в., не лишенное, однако, тенденциозной окраски, хранится в Архиве АН СССР (фонд 3, оп. 1, д. 137). В том же архиве имеются копии с описания р. Анадырь, составленного в 1742 г. Я. Линденау, и ряд других (оригинал указанного описания и карта хранятся в фонде Сената: Секретная экспедиция, д. 1558, л. 11—25).

Архивные источники XIX в. менее выразительны, чем XVIII в., и значительно уступают последним по полноте сведений о чукчах. Это главным образом сухая канцелярская переписка местных сибирских учреждений: отчеты якутских губернаторов, колымских комиссаров, исправников. В отчетах содержатся преимущественно сведения об Аноуйской ярмарке, поступлении ясака, приведении чукчей в подданство.⁴²

Довольно полное представление о чукчах побережья Ледовитого и Тихого океанов, Прианадырья дают документы из фондов Центрального государственного архива Дальнего Востока РСФСР (г. Томск).

Ряд фондов Канцелярии Приамурского генерал-губернатора (фонды 702, 1005, 1370, 1508) содержат дела от второй половины XIX в. до 1917 г. Кроме правительственных решений, в этих фондах хранится переписка об организации административного управления на Чукотке (организация Анадырского и Чукотского уездов), об охране Чукотского побережья от браконьеров и контрабандной торговли, о положении населения, состоянии оленеводства, морского зверобойного промысла и т. п. Здесь же переписка Анадырского уездного начальника с Камчатским губернатором.

Фонды Центрального Государственного исторического архива СССР в Ленинграде в основном содержат сведения общего порядка, главным образом из отчетов якутских губернаторов (ф. 1265). В фонде Министерства внутренних дел (ф. 1286) содержатся более подробные данные о чукчах в виде, например, специального донесения Нижне-Колымского исправника, сведения о награждениях чукотских старшин и т. п. В фонде 1-го Сибирского комитета (ф. 1264) в отчетах по управлению Восточной Сибирью находятся материалы о правах торговли с чукчами на Аноуйской ярмарке, о подарках, о ясаке и т. п. Несколько дел, касающихся чукчей и Чукотки, имеется в фонде Комитета Министров по Сибири (ф. 1263) в отчетах генерал-губернаторов Восточной Сибири, в архиве Географического общества СССР.

Немногочисленные и весьма лаконичные материалы по христианизации чукчей находятся в фонде Синода (Канцелярия

Синода, д. 958, 1565, 1060), в делах Иркутской духовной консистории и в фонде Центрального государственного архива Дальнего Востока РСФСР (д. 1508).

Исследования по истории и этнографии

По истории Сибири они начали появляться в XVIII в. В них излагалась история проникновения русских в Сибирь, общие и частные вопросы включения отдельных народов в состав русского многонационального государства (Г. Ф. Миллер, И. И. Фишер). Вопросы внутренней истории народов, в том числе и чукчей XVII—XX вв., почти не получили отражения в работах историков досоветского периода, они были лишь вкраплены в общую историю о Северо-Востоке Сибири.

Литература по истории чукотского народа в XVII—XX вв. не так обширна, но она выгодно отличается от других исследований использованием большого архивного материала, извлеченного авторами из дел сибирских учреждений.

К числу важных литературных источников по истории чукчей XVIII—XIX столетий должны быть отнесены работы А. Шаховского⁴³ и А. Сгибнева,⁴⁴ отличительная черта которых — строгое, точное воспроизведение источников, изложение фактов, использование официальных документов. Это очень важно, поскольку ни Охотского, ни Камчатского, ни большей части Иркутского архивов не сохранилось. Сочинения Шаховского и Сгибнева следует рассматривать как источники, вполне заслуживающие доверия исследователя.

Краеведческий характер с этнографическим уклоном носят работы А. Аргентова. На протяжении 15 лет (1842—1857) он являлся миссионером-проповедником православия среди чукчей. За эти годы Аргентов основательно познакомился с бытом, культурой и языком народности.⁴⁵ Ему принадлежит первая попытка переписи чукчей и в связи с этим публикация сведений о численности и расселении чаунских чукчей.

Собственно краеведческой работой следует считать труд А. Дьячкова.⁴⁶ А. Дьячков — чуванец, всю жизнь проживший на Анадыре, проявил большую наблюдательность, любовь к своему краю, его географии, истории и этнографии. Правдивы и интересны его этнографические сведения, изложенные просто, доступно и четко. Не менее интересны его воспоминания, в частности, о деятельности на Анадыре американской телеграфной компании.

Глубокое и всестороннее специальное научно-этнографическое изучение чукчей было осуществлено в конце XIX—начале XX в. В. Г. Богоразом.⁴⁷ Его многотомная монография «Чукчи» («Материальная культура», «Социальная организация», «Религия», «Мифология»)⁴⁸ составила монументальное исследование материальной и духовной культуры чукчей с экскурсами исторического порядка. Еще до опубликования монографии вышли в свет две

его работы на русском языке, представляющие собой существенное добавление к многотомной монографии.⁴⁹ Весьма важным дополнением к этим собственно этнографическим исследованиям явилось его же, первое в истории изучения чукчей, фундаментальное собрание с этнографическими и лингвистическими комментариями материалов по языку и фольклору чукчей.⁵⁰ Этим перечнем далеко не исчерпываются труды Богораза по этнографии, языку и фольклору чукчей.⁵¹

Как известно, выводы Богораза часто носят противоречивый характер. Это можно проследить, например, на интерпретации им общественного строя. Наиболее надежен в его трудах сам этнографический материал, тонкие обстоятельные наблюдения автора, подробно и тщательно описанные. Огромный и первоклассно обработанный материал остается неоценным источником для изучения широкого круга вопросов материальной и духовной культуры, общественного быта, социальных отношений чукчей. В монографии есть главы, посвященные чисто историческим вопросам, в частности присоединению Чукотки, торговли с чукчами, политике самодержавия и др. Труды Богораза о чукчах остаются и теперь самыми полными, самыми подробными и обстоятельными. Мы должны всегда быть благодарны ему за этот огромный вклад в русскую этнографическую науку.

Общим историко-юридическим исследованием явилась работа В. В. Солярского (чиновника канцелярии Приамурского генерал-губернатора), в которой показано правовое и культурно-экономическое положение коренного населения Северо-Востока Сибири в начале XX в.⁵² Автор подробно рассмотрел вопросы о гражданских правах «инородцев», об административном устройстве, судопроизводстве, землепользовании и т. п. Солярский использовал архивные материалы Приамурского генерал-губернаторства, что придает его труду известную объективность и помогает лучше понять положение малых народностей Севера в империи.

Впервые наиболее достоверные сведения о численности коренного населения Севера, расселении оседлых и кочевых чукчей появились в результате Всероссийской переписи населения 1897 г. Итоговые материалы, содержащие также сведения о вероисповедании, языках и родах «инородцев», были подготовлены и опубликованы редактором Центрального статистического комитета С. С. Паткановым. Ценность этих исследований для науки очевидна.⁵³

В советское время начато всестороннее изучение чукчей антропологами, историками, языковедами, этнографами, археологами, фольклористами. Так, обобщение антропологических исследований одним из первых было сделано М. Г. Левиным,⁵⁴ хотя некоторые из его выводов относительно этногенеза и этнической истории чукчей представляются недостаточно обоснованными, в частности вопрос о юкагирско-чукотских связях, о тунгусских элементах в антропологическом типе и культуре чукчей.⁵⁵ В результате полевых исследований по антропологии эскимосов, чукчей

и других народностей Северо-Востока Сибири, проводившихся Г. Ф. Дебецем, появился ряд обстоятельных работ этого автора, благодаря которым определились антропологические особенности разных групп чукчей и их генетические и исторические связи с соседями.⁵⁶ Специализированные исследования за последние двадцать лет значительно углубили и расширили источниковедческую базу для решения проблемы этногенеза и этнической истории народов крайнего Северо-Востока Сибири, в том числе чукчей.⁵⁷

Широко развернулось археологическое изучение Чукотки. Первые находки были зарегистрированы, как уже отмечалось, еще в XVIII в. у мыса Баранова Г. Сарычевым, в начале XIX в. отмечены на побережье Ледовитого океана к востоку от Колымы и м. Шелагского Ф. П. Врангелем, во второй половине XIX в. — А. Е. Норденшельдом, в начале XX в. — Г. У. Свердрупом. Собрание археологических находок с р. Анадырь было доставлено Н. Л. Гондатти.⁵⁸ Однако все это лишь любительские поиски.

Первые археологические раскопки на побережье Берингова пролива от с. Уэлен до м. Энмылин были произведены в 1945 г. С. И. Руденко.⁵⁹ Этим было положено начало научной археологии Чукотки. Хотя труд С. И. Руденко относится в первую очередь к эскимосам, он также имеет важное значение для истории чукчей, особенно их оседлой части.

В 1946 г. А. П. Окладниковым проведено археологическое обследование долины р. Колымы и древних поселений на м. Баранова.⁶⁰ Он установил, что находки на м. Баранова в определенной части совпадают с находками на Чукотском полуострове и Аляске. Таким образом, были найдены определенные следы древней эскимосской культуры далеко от современных мест их обитания.

В 1947 г. геологом Н. Н. Ливошиным были обнаружены на Якитикивеем притоке р. Амгуэмы каменные орудия и остатки жилища.⁶¹ Изучив материалы находок Ливошина, Окладников пришел к весьма важному выводу о принадлежности этих орудий к древней неолитической культуре континентальных охотников Чукотки. Таким образом, было установлено, что внутренние пространства Чукотского полуострова были заселены в более раннее время, чем его побережья.⁶²

Подтверждением этому открытию явились находки Н. А. Граве на притоке р. Белой в районе оз. Чирового. Изучение этих находок (фрагментов керамики, каменных орудий) дало основание Окладникову утверждать, что и здесь оказались предметы, также принадлежавшие культуре континентальных обитателей Чукотки.⁶³

Находки гляциолога И. А. Некрасова на берегу оз. Эльгытгын в 1957 г. принесли новое свидетельство существования континентальной культуры на Чукотке, более древней, чем береговая.⁶⁴

Специальное обследование долины р. Анадырь Н. Н. Диковым дало дополнительные материалы, также подтверждающие раннее

заселение человеком внутренних областей Чукотки. Результаты поисков Дикова нашли отражение в серии его работ.⁶⁵ Одновременно велись археологические раскопки на побережье Берингова пролива и Ледовитого океана.⁶⁶

Вопросы этнографии чукчей в наше время изучались в разных аспектах и значительно бóльшим кругом специалистов, чем прежде. В кратком обзоре нет возможности перечислить всех авторов работ, поэтому мы ограничимся лишь ссылками на основные труды по тому или иному разделу этнографии. По той же причине не представляется возможным хотя бы в общих чертах дать разбор этих работ, хотя с некоторыми из них в соответствующих разделах монографии читатель далее познакомится.

Вопросы этногенеза и этнической истории чукчей получили освещение в работах А. М. Золотарева, М. Г. Левина, Б. О. Долгих, Г. М. Василевич, И. С. Вдовина, И. С. Гурвича, Ю. Б. Симченко, А. И. Дульзона, Н. Н. Дикова.⁶⁷

Материальная культура чукчей в наше время подверглась детальному изучению главным образом на материалах музейных коллекций и литературных источников, что отражено в «Историко-этнографическом атласе Сибири», в труде «Народы Сибири», в работах А. А. Попова, В. В. Антроповой, Г. М. Василевич, Н. Ф. Прытковой и других.⁶⁸

Общественный строй чукчей в дореволюционный период также привлекал внимание исследователей нашего времени.⁶⁹ В решении этого вопроса проявились наиболее противоречивые суждения, особенно по проблеме ранних форм социальной организации, рода. Развитие общественного строя чукчей с XVII до начала XX в. рассматривалось с использованием широкого круга исторических источников, что дало возможность проследить сложные процессы формирования зачатков военной демократии у чукчей в XVIII в.

Религиозные верования и шаманизм явились также предметом внимания ученых советского времени. Получили обобщение уже имевшиеся материалы,⁷⁰ велось исследование этих форм общественного сознания на основе анализа известных фактов и новых полевых материалов, собранных в наше время.⁷¹

Значительно продвинулась регистрация и изучение устного народного творчества чукчей, что выразилось в публикации новых сборников текстов, в том числе осуществленных самими чукчами. Обстоятельному исследованию подверглась классификация жанров чукотского фольклора, его социальное содержание, мифология.⁷²

В советское время положено начало всестороннему изучению народного искусства чукчей: пляски-пантомимы, резьба по кости, орнамент, песенный и музыкальный фольклор.⁷³ Указанные формы народного творчества получили в наше время развитие и обогатились социалистическим содержанием.

Следует отметить, что далеко не все вопросы подверглись исследованию. Почти совершенно не изучалось право, мораль,

этническая психология, этика и другие стороны традиционной культуры. Поэтому названные темы не затрагиваются и в предлагаемой монографии. Их надлежит еще исследовать.

Обширная литература посвящена опыту социалистического строительства у чукчей. Развитие знаний в данной области можно разделить на два периода. Первый (1922—1955 гг.) — время накопления и систематизации материала, первые попытки обобщения опыта социалистического строительства и изучения его отдельных вопросов.

Научная разработка этих проблем на данном этапе и особенно в первые годы диктовалась практическими потребностями переустройства жизни чукчей и представлена поэтому лишь небольшими статьями в периодических изданиях. В 20-е и 30-е гг. были опубликованы различные материалы, характеризующие первые шаги в строительстве новой жизни на Чукотке,⁷⁴ создание и деятельность органов Советской власти,⁷⁵ партийных и комсомольских организаций,⁷⁶ кооперирование и коллективизацию чукчей,⁷⁷ классовое расслоение,⁷⁸ создание системы народного образования,⁷⁹ здравоохранения,⁸⁰ чукотской письменности,⁸¹ других вопросов культурного строительства.⁸²

Характерная черта большинства этих публикаций состоит в том, что написаны они, как правило, практическими работниками — учителями, сотрудниками Комитетов Севера, местных партийных и советских организаций. В основе своей — это информация, не выходящая за рамки простого описания и констатации фактов.

Основные направления исторических исследований тех лет получили достаточно полное и критическое описание в ряде историографических очерков,⁸³ посвященных истории социалистического строительства у народов Севера. Вместе с тем уже в то время были предприняты попытки подвести некоторые итоги некапиталистического развития народов Севера, в том числе и чукчей.⁸⁴

В годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие социалистическое строительство у чукчей не являлось предметом самостоятельного исследования. Историография темы в эти годы представлена в основном юбилейными изданиями⁸⁵ да эпизодическими статьями в периодической печати,⁸⁶ однако в целом это время характеризуется важными качественными сдвигами. Расширяется источниковая база исследований, в научный оборот вводятся новые архивные документы. Появляются работы, отражающие достижения народов Севера в советский период, намечается выделение из общей проблемы некапиталистического развития отдельных вопросов.⁸⁷

Начинается второй период советского североведения, начало которому положила монография М. А. Сергеева — первый обобщающий труд по проблемам некапиталистического развития народов Севера.⁸⁸ Большое внимание уделяется теме борьбы за власть Советов на Чукотке.⁸⁹

Интерес к данной теме особенно усилился в связи с подготовкой к 50-летию Советской власти.⁹⁰ Не снижался он и в последующие годы.⁹¹ В работах этого периода нашли подробное отражение история свержения колчаковской власти и деятельность первых ревкомов, создание и деятельность первых Советов, участие в борьбе за власть Советов коренного населения, мероприятия партийных и советских органов по отношению к чукчам и другим народам Северо-Востока СССР и другие вопросы.

Важная составная часть некапиталистического развития ранее отсталых народов — создание у них собственной социалистической государственности. Решение этой проблемы у чукчей занимает важное место в советском североведении. Не все стороны этой многогранной проблемы получили одинаковое освещение, однако в целом историография темы представлена солидным перечнем работ.⁹²

Большую исследовательскую работу в области национально-государственного строительства у народов Севера, в том числе и чукчей, провел В. А. Зибарев. Серия его статей, посвященных этой проблеме, логически завершилась выходом обобщающей монографии.⁹³

Проблемы советского строительства у чукчей нашли известное отражение в работах комплексного характера,⁹⁴ статьях и монографиях, посвященных другим проблемам национального развития народов Севера.⁹⁵ Значительно дополнили документальную основу проблемы вышедшие в последние годы сборники документов и материалов по истории советского строительства на Северо-Востоке СССР.⁹⁶

К настоящему времени достаточно полное освещение получили такие важные стороны национально-государственного строительства у чукчей, как социальная природа временных органов советского управления, этапы советского строительства, формы существования органов Советской власти и некоторые другие. Вместе с тем малоисследованными остаются пока формы и методы работы национальных Советов, их деятельность в области хозяйственного и культурного строительства. До сих пор отсутствует сводный, обобщающий труд по истории национально-государственного строительства у чукчей.

Среди других проблем некапиталистического развития чукчей внимание исследователей привлекали вопросы экономики и культуры.⁹⁷ Вышла первая монография по социалистическому переустройству сельского и промыслового хозяйства в этом регионе Севера.⁹⁸

Индустриализации Чукотки, истории создания и развития горнодобывающей промышленности, ее влиянию на социальное развитие народностей Севера посвящены исследования Г. Г. Рошупкина.⁹⁹

Среди проблем культурного строительства наиболее исследованными оказались вопросы народного образования,¹⁰⁰ предпосылки, методы и этапы культурной революции на Чукотке.¹⁰¹

Активное изучение проблем социалистического строительства у народов Чукотки в 60-е—начале 70-х гг. дало возможность осуществить подготовку сводного обобщающего труда по истории Чукотки.¹⁰² Эта работа носит комплексный характер, освещает историю Крайнего Северо-Востока в неразрывной связи с историей Русского, а затем и Советского государства.

В последние годы среди североведов заметно усилился интерес к социально-экономическим, проблемам развития народностей Крайнего Севера, в том числе и чукчей, на современном этапе. В работах историков и этнографов нашли отражение громадные перемены в хозяйстве, культуре, бытовом укладе народов Севера за годы Советской власти.¹⁰³

Характеристике современного уровня социально-экономического развития северных народов, анализу актуальных проблем природопользования, повышения эффективности традиционных отраслей хозяйства посвящены также работы советских экономистов,¹⁰⁴ специалистов сельского хозяйства,¹⁰⁵ без которых историография народов Чукотки в советский период была бы неполной.

Крупным событием в развитии исторической науки в СССР явился выход в свет капитального труда, посвященного анализу этнических аспектов культурного взаимодействия, расцвета и неуклонного сближения всех наций и народов СССР, формирования новой исторической общности людей. В этой работе нашли отражение и процессы, происходящие у дальневосточных народностей, в том числе и у чукчей.¹⁰⁶

Новое, перспективное направление в развитии советского североведения вытекает из Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» и решений XXVII съезда КПСС. Предстоит глубоко и всесторонне раскрыть закономерности перехода ранее отсталых народов к социализму в социально-экономической, политической и культурно-бытовой сферах жизни, показать торжество братской дружбы и сотрудничества советских народов в современных условиях периода совершенствования социализма.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны,¹⁰⁷ однако предстоит еще большая работа, требующая усилий не только историков, этнографов, но и философов, филологов, социологов, экономистов.

¹ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. 325 с.

² Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. СПб. 1790. Ч. 5. С. 369—376, Черненко М. Б. Путешествия по Чукотской земле и плаванию на Аляску казацкого сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. // Летопись

Севера. М., 1957. II. С. 121—141; Алексеев А. Ученый чукча Николай Дауркин Магадан, 1961. С. 69—82.

³ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795 гг. Магадан, 1978. 174 с.

⁴ Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823

- и 1824 г. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. СПб., 1841. Ч. 1. 356 с. Новое издание под тем же названием вышло в 1948 г. (455 с.).
- ⁵ *Кибер И.* Чукии // Сиб. вестник. 1824. Кн. 9/10, ч. 2. С. 81—126.
- ⁶ Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах, веденные гвардейского экипажа лейтенантом А. П. Лазаревым. М., 1950. 475 с.
- ⁷ Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах... на корабле «Рюрик» под начальством флота лейтенанта Коцебу. СПб., 1821—1823. Ч. 1—3. Второе издание труда О. Е. Коцебу вышло в свет под названием «Путешествия вокруг света» (М., 1948. 332 с.).
- ⁸ *Литке Ф. П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» 1826—1829 гг. СПб., 1835. VI; X. 356 с.; 2-е изд. М., 1948. 304 с.
- ⁹ *Нордквист О.* Заметки о численности и нынешнем положении чуукей, живущих по берегу Ледовитого океана // ИРГО. 1880. Т. 16, № 2. С. 95—105.
- ¹⁰ Первое издание на русском языке «Путешествие А. Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе „Вега“ в 1878—1880 гг.» вышло в свет в Петербурге в 1881 г. (518 с.), второе — в 1936 г.: *Норденшельд А. Э.* Плавание на «Вега». Л., 1936. I. 479 с.; II. 503 с.
- ¹¹ *Свердруп Г. У.* Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. М., 1930. 440 с.
- ¹² Путешествие в Северный Тихий океан по повелению короля Георга III... под начальством капитана Кука, Клерка и Гора на судах «Резолюции» и «Дискавери» в продолжение 1776—1780 гг. СПб., 1810. Ч. II. 209 с.
- ¹³ *Sayer.* An account of a geographical and astronomical expedition to the Northern Parts of Russia. London, 1802. XXVI, П. 332 p.
- ¹⁴ *Гильбер У.* Во льдах и снегах. СПб., 1898. 314 с.
- ¹⁵ *Wrangell F. P.* 1) Statistische und Ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von America. SPB., 1839. XXXVII + 332 с.; 2) О торговых сношениях народов Северо-Западной Америки между собою и с чуками // Телескоп. 1835. № 8. С. 604—613; 3) О торговых отношениях между туземцами северо-восточного берега Азии и северо-западного Америки // ЖМВД. 1851. Кн. 7, ч. 35. С. 102—112.
- ¹⁶ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956. 454 с.
- ¹⁷ *Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб., 1894. I. 595 с.
- ¹⁸ *Нейман К. К.* 1) Исторический обзор действия Чукотской экспедиции // ИСОРГО. Иркутск, 1870. Т. 1, вып. 4/5. С. 6—34; 1871. Т. 2, вып. 3. С. 7—28; 2) Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // Там же, 1872. Т. 3, № 1. С. 32—44; 3) Плавание по Восточному океану // Там же. 1877. Т. 8, № 1/2. С. 43—56; № 3/4. С. 83—96; № 5/6. С. 147—155.
- ¹⁹ *Ресин А. А.* Очерки инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888. 78 с.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Олсуфеев А. В.* Общій очерк Анадырской округи ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. 303 с.
- ²² *Гондати Н. Л.* 1) Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // ТЭОМОЛЖЕ. М., 1888. Кн. 8. С. 49—73; 2) Сведения о поселениях по р. Анадыре // ЗПОРГО (Хабаровск), 1897. Т. 3, вып. 1. С. 71—110; 3) Состав населения Анадырской округи // Там же. С. 166—178; 4) Оседлое население р. Анадыря // Там же. С. 111—165; и др.
- ²³ *Бутурлин С. А.* Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края мирового судьи С. А. Бутурлина. СПб., 1907. 205 с.
- ²⁴ *Сокольников Н.* Болезни и рождение человека в с. Маркове на Анадыре // Этнографическое обозрение. 1911. № 3/4, М., 1912. С. 71—172.
- ²⁵ *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край. 1906—1910. СПб., 1912. 428 с.
- ²⁶ *Калишников Н. Ф.* Наш Крайний Северо-Восток. СПб., 1912. 250 с.
- ²⁷ *Сильницкий А. П.* Поездка в Камчатку и на реку Анадырь // ЗПОРГО (Хабаровск), 1897. Т. 2, вып. 6. 79 с.; *Коллин Н.* Иностранцы в Сибири. I. Чукотский край // Русский вестник 1897. Т. 252, № 12. С. 419—432;

- Богданович К. И.* Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901. 238 с.; *Тулъчинский К. Н.* Из путешествия к Берингову проливу. СПб., 1906. 59 с.; *Корзухин И. А.* Чукотский полуостров. СПб., 1907. 16 с.; и др.
- ²⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. (1841—1843). Тома 3, 4 и 5 содержат материалы, относящиеся к Чукотке.
- ²⁹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. 1846—1875. Т. 3—6, 8, 11.
- ³⁰ *Оглоблин Н. Н.* 1) Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII в. // ЖМНП. 1903. Май. Ч. 347. С. 38—62; 2) Семен Дежнев (Новые данные и пересмотр старых) // Там же. 1890. Ч. 272. С. 249—306.
- ³¹ Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. 280 с.
- ³² Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. М., 1951. 618 с.
- ³³ *Белов М. И.* Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М., 1952. 385 с.
- ³⁴ Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. XXXII + 552 с.; 1885. Кн. 2. XXIV + 541 с.; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 5, 7, 8, 9; и др.
- ³⁵ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архивных материалов. Л., 1935. 212 с.
- ³⁶ *Ефимов А. В.* 1) Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948. 341 с. 2) Из истории великих русских географических открытий. М., 1950. 318 с.
- ³⁷ *Белов М. И.* Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова // Географический сборник. III. История географических знаний и географических открытий. М., 1954. С. 160—184.
- ³⁸ *Алексеев А. И.* Братья Шмалевы. Магадан, 1958. 76 с.
- ³⁹ После ликвидации Анадырского острога архив был перевезен в Гижигу. В настоящее время известно только 60 дел Анадырского острога, которые хранятся в ЦГАДА (Отдел поместных вотчинных фондов, фонд 1095 (1750—1774), Канцелярия командира Анадырской крепости).
- ⁴⁰ В настоящее время фонд 1341 передан в ЦГАДА (фонд 259, оп. 22).
- ⁴¹ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795. Магадан, 1978. 176 с. Описание дел архива Морского министерства (т. 3—9); *Goldner F. A.* Guide to Materials for American History in Russian Archives. Wash. 1917. Vol. 1. 177 p.
- ⁴² Государственный архив Иркутской области. Путеводитель. Иркутск, 1975. 295 с.
- ⁴³ *Шаховский А.* 1) Начало построения Гижигинской крепости // Вестник Европы. 1818. Ч. 102, № 24. С. 280—285; 2) Известия о Гижигинской крепости // Северный архив. 1822. Ч. 4. С. 283—312.
- ⁴⁴ *Сгибнев А.* 1) Материалы для истории Камчатки (экспедиция Шестакова) // Морской сборник. 1869. Т. 100, № 2. С. 1—34; 2) Исторический очерк главнейших событий на Камчатке // Там же. Т. 101, № 4. С. 65—142. Краткая историографическая оценка трудов А. Сгибнева дана в книге: *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири. М. 1970. С. 384—385.
- ⁴⁵ *Аргентов А.* 1) Путевые записки священника-миссионера в приполярной местности // ЗСОРГО. 1857. Кн. 4. С. 1—59; 2) Описание Николаевского Чаунского прихода // Там же. 1857. Кн. 3. С. 79—106; и др.
- ⁴⁶ *Дьячков Г.* Анадырский край. Рукопись жителя села Марково // ЗОИАК (Владивосток). 1893. Т. 2.
- ⁴⁷ Анализ научно-теоретических взглядов В. Г. Богораза дан Я. П. Алькор в предисловии редактора к переводу на русский язык 1-й части «Чукчей» (Л., 1934), а Ю. П. Францевым — в предисловии редактора к переводу 2-й части («Религия»). Л., 1939).
- ⁴⁸ *Bogoras W.* 1) The Chukchee. Material culture. Leiden; New York, 1904. Vol. 7. Part 1. 276 p. 2) The Chukchee. Religion. Leiden; New York, 1907. Vol. 7. Part 2. P. 277—536. 3) The Chukchee. Social organisation. Leiden; New York, 1909. Vol. 7. Part 3. P. 537—753. 4) The Chukchee. Mythology. Leiden; New York, 1910. Vol. 8. Part 1. 197 p.
- ⁴⁹ *Богораз В. Г.* 1) Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края // ИВСОРГО. 1899. Т. 30, № 1. 51 с.; 2) Очерк материального быта оленных чукоч, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти. СПб. 1901. 65 с.

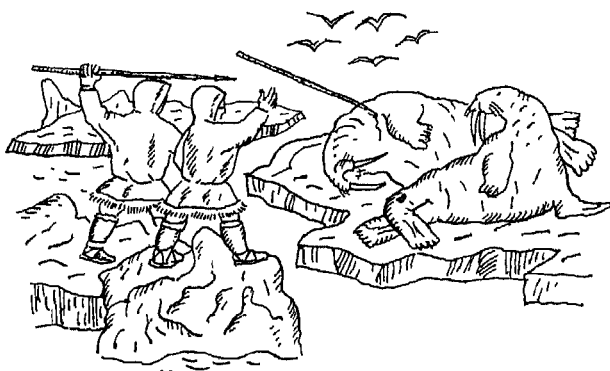
- ⁵⁰ *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. 417 с.
- ⁵¹ *Винников И. Н.* Библиография этнографических и лингвистических работ В. Г. Богораза // СЭ. 1935. № 4/5. С. 235—241.
- ⁵² *Солярский В. В.* Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916. 175 с.
- ⁵³ *Патканов С. П.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб., 1912. 1004 с.
- ⁵⁴ *Левин М. Г.* 1) К антропологии чукчей // Антропологический журнал. 1936. № 2. С. 228—232; 2) Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. 359 с.
- ⁵⁵ *Вдовин И. С.* Юкагири в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 99—113.
- ⁵⁶ *Дебец Г. Ф.* 1) К антропологии чукчей // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 63—64; 2) Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951. 263 с.
- ⁵⁷ См., например: *Алексеев В. П.* 1) Антропологические исследования на Чукотке в 1970 г. // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971. С. 11—22; 2) Антропологические исследования на Чукотке в 1971 году // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М., 1972. Ч. 2. С. 303—309; *Алексеева Т. И., Алексеев В. П.* Антропологические исследования на Чукотке // ЗЧКМ. 1973. Вып. 6. С. 3—8; и др.
- ⁵⁸ Музей антропологии и этнографии АН СССР; кол. 872 (1896 г.) и 443 (1899 г.).
- ⁵⁹ *Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М., 1947. 116 с. + 38 табл.
- ⁶⁰ *Окладников А. П.* Древние культуры Северо-Восточной Азии по данным археологических исследований 1946 года в Колымском крае // Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 176—182.
- ⁶¹ *Левочкин Н. Н.* Древняя стоянка в верховьях р. Якиткивеема (Чукотский полуостров) // КСИИМК, 1950. Вып. 31. С. 193—195.
- ⁶² *Окладников А. П.* Первый неолитический памятник Чукотского полуострова // Там же. С. 196—198.
- ⁶³ *Окладников А. П.* О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова // ИВГО. 1953. № 4. С. 405—412.
- ⁶⁴ *Окладников А. П., Некрасов И. А.* Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгытгын) // Сов. археология. 1957. № 2. С. 102—114.
- ⁶⁵ *Диков Н. Н.* 1) О раскопах Усть-Бельского могильника по данным 1958 года // ЗЧКМ. 1961. Вып. 2. С. 10—14; 2) Первая археологическая коллекция из внутриконтинентальной Чукотки // Там же. С. 3—10; 3) Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году // Там же. С. 21—36; и др.
- ⁶⁶ *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969. 205 с.; *Окладников А. П., Береговая Н. А.* Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971. 214 с.; *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979. 352 с.; и др.
- ⁶⁷ Ссылки на работы указанных авторов см. далее — в разделе I, в главе «Проблема этногенеза. Этнические связи чукчей».
- ⁶⁸ Ссылки на работы указанных авторов см. далее — в разделе I, в главе «Хозяйство и материальная культура».
- ⁶⁹ Подробнее см. далее — раздел I, главу «Социально-экономические отношения».
- ⁷⁰ Религиозные верования народов СССР: Сб. этнограф. материалов. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 45—51.
- ⁷¹ *Богораз-Тан В. Г.* Религия как тормоз соцстроительства среди малых народностей Севера // Сов. Север. 1932. № 1/2. С. 142—157; *Вдовин И. С.* 1) К методологии и методике исследования шаманизма у народов Сибири // КСДГНСИЭ. 1970. Л., 1971. С. 16—19; 2) Исследование шаманизма народов Сибири и Севера (9 МКАЭН). М., 1973. С. 1—20; 3) Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 217—253; 4) The study of Shamanism among the Peoples of Siberia and the North. The Realm of the Extra-Human, Agents and Audiences. Mouton, The Hague—Paris. 1976.

- Р. 261—273; 5) Этапы развития религиозного синкретизма у народов Сибири и Севера // КСДГНСИЭ. 1974—1976. М., 1977. С. 31—33; 6) Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 117—171; 7) Social foundations of ancestor Cult among the Yukagirs, Koryaks and Chukchees // Shamanism in Siberia. Budapest, 1978. P. 405—419; 8) Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 86—114; 9) Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 178—217, 265—283.
- ⁷² Подробнее см. раздел II, § «Устное народное творчество».
- ⁷³ Подробнее см. соответствующие главы II раздела.
- ⁷⁴ *Беликов С. М.* Заметки о Чукотке // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 9. С. 115—125; *Кавелин Е.* В стране анкалин и чауча // Сов. Север. 1931. № 7/8. С. 75—120; *Пугачев Н. Ф.* Чаун стал передовым районом // Сов. Арктика. 1938. № 3. С. 106—108; *Семушкин Т.* Место чукотской юрты — стандартный домик // Сов. Север. 1931. № 5. С. 101—105 и др.
- ⁷⁵ *Лукс К. Я.* Советский аппарат на Дальнем Севере // Сов. строительство. 1930. № 6. С. 115—125; *Тевлякто.* Работа кочевых Советов в Чукотском округе // Тайга и тундра. 1932. № 1 (4). С. 15—16; *Скачко А. Е.* Советская работа среди малых народностей Дальнего Востока. М., 1930. 36 с.; и др.
- ⁷⁶ *Медведев Д.* Вопросы партийной работы на Крайнем Севере // Сов. Север. 1934. № 6. С. 16—24; *Бергавинов С. А.* Партийные организации Крайнего Севера // Сов. Арктика. 1936. № 12. С. 54—62; *Воблов И.* Комсомол Чукотки // Сов. Арктика. 1938. № 10/11. С. 27—30; *Горбатов Б.* Коммунисты далекого Севера // Сов. Арктика. 1937. № 4. С. 45—51.
- ⁷⁷ *Марголин А. В.* О хозяйстве на Чукотке // Сов. Арктика. 1936. № 6. С. 70—73; *Парфентьев П.* Коллективизация Севере (Анадырский район) // Тайга и тундра. 1931. № 3. С. 35—39; *Самарин Я. Ф.* На Чукотке // На рубеже. 1934. № 3. С. 42—47.
- ⁷⁸ *Богораз-Тан В. Г.* Классовое расслоение у чукотских оленеводов // СЭ. 1931. № 1/2. С. 93—116; *Скачко А.* Имущественные показатели социальных групп у малых народов Севера // Сов. Север. 1930. № 3. С. 5—28.
- ⁷⁹ Организации первых туземных школ на северном побережье Чукотского полуострова // Сов. Север. 1931. № 1. С. 51; *Семушкин Т. З.* Опыт работы по организации школы-интерната Чукотской культбазы ДВК // Сов. Север. 1931. № 3/4. С. 171—192; *Комов Н.* Работа в Чукотской школе // Сов. Север. 1933. № 1. С. 72—79.
- ⁸⁰ *Виленский М.* От шамана к советской медицине // Сов. Арктика. 1936. № 1. С. 105—106; *Богданов Ф. Р.* Медицинская помощь малым народностям Крайнего Севера // Сов. Север. 1929. № 1. С. 182—199.
- ⁸¹ *Алькор Я. П.* Письменность народов Севера. Л., б. г. 20 с.; *Лукс К. Я.* Проблема письменности у туземных народов Севера // Сов. Север. 1930. № 1. С. 38—47; *Богораз-Тан В. Г.* Чукотский букварь // Сов. Север. 1931. № 10. С. 122—132; и др.
- ⁸² *Морозов В.* На Чукотской культбазе // Сов. Север. 1931. № 3/4. С. 228—234; *Панфилов В. Н.* Культурная революция и пятилетка нацменпросвещения. М.; Л., 1930. 76 с.; *Алькор Я. П.* Задачи культурного строительства на Крайнем Севере // Сов. Север. 1934. № 3. С. 45—50; и др.
- ⁸³ *Антропова В. В.* Проблемы некапиталистического пути развития народов Севера в советской историко-этнографической литературе // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. С. 50—65; Переход к социализму народностей Севера (Историографический очерк). Томск, 1974. 86 с.; Некоторые вопросы историографии национального развития народов Крайнего Севера в советский период // Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979. С. 277—302; Историография крестьянства советской Сибири. М., 1976. С. 449—476.
- ⁸⁴ *Бочарер М.* Народы Севера к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Революция и национальности. 1937. № 11. С. 63—74; *Базанов А. Г., Казанский Н. Г.*

- Школа на Крайнем Севере. Л., 1939. 208 с.; и др.
- ⁸⁵ Кольма: [Специальный номер журнала к 15-летию Дальстроя]. Магадан, 1946.
- ⁸⁶ *Кравченко П.* Земля Чукотская // Дальний Восток. 1949. № 3. С. 90—105.
- ⁸⁷ *Сергеев М. А.* Малые народы Севера в эпоху социализма // СЭ. 1947. № 4. С. 126—158; *Якубовская С. И.* 1) Вопрос о переходе народов Советского Севера к социализму, минуя капитализм // Вопросы истории. 1951. № 8. С. 80—88; 2) Первые мероприятия Советской власти по содействию малым народностям Севера // Исторические записки. 1952. № 40. С. 260—266; *Ковязин Н. М.* Колхозное строительство в национальных округах Крайнего Севера СССР // ИВГО. 1955. № 1. С. 11—22; и др.
- ⁸⁸ *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера // ТИЭ. М.; Л., 1955. Т. 27. 569 с.
- ⁸⁹ Первый ревком Чукотки (1919—1920 гг.). Магадан, 1957. 130 с. *Юхименко-Ехало В. И.* Под знаменем Октября. Магадан, 1957. 47 с. *Жихарев Н. А.* 1) В борьбе за Советы на Чукотке: Очерки истории борьбы за установление Советской власти на Чукотке. Магадан, 1958. 120 с.; 2) Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917—1923 гг.). Магадан, 1961. 252 с.; *Крушанов А. И.* 1) Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918—март 1920 гг.). Владивосток, 1962. 355 с. 2) Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1969. Ч. 2. 182 с. *Гарусов И. С.* Разгром белогвардейщины в Охотско-Камчатском крае. Магадан, 1962. 71 с.; *Мухачев Б. И.* Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией в Камчатской области в годы гражданской войны (1918—1922 гг.). Автореф. . . канд. ист. наук. Томск, 1963; и др.
- ⁹⁰ Борьба за власть Советов на Чукотке (1919—1923 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1967. 208 с.; Время, События. Люди. Исторические очерки о становлении Советской власти на Колыме и Чукотке. 1917—1927 гг. Магадан, 1967. 287 с.; *Мухачев Б. И.* 1) О характере деятельности исполкомов и нарревкомов в период ДВР (1920—1922 гг.) // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 104—110; 2) Борьба за установление Советской власти на Северо-Востоке (1917—1923 гг.) // Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1967. С. 63—74; Героические годы борьбы и побед. М., 1968. 390 с.
- ⁹¹ Бессмертие чукотского ревкома. Магадан, 1972. 160 с.; *Мухачев Б. И.* 1) Становление Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР. Новосибирск, 1975. 200 с.; 2) Борцы за власть Советов на Камчатке. Петропавловск-Камчатский, 1977. 109 с.; *Жихарев Н. А.* Революцией рожденные. Магадан, 1977. 231 с.
- ⁹² *Флеров В. С.* Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке (1922—1926 гг.). Томск, 1964. 288 с.; *Ларионов О. В.* К истории организации родовых Советов на Крайнем Северо-Востоке СССР // Правоведение. 1968. № 5. С. 114—117; *Куликов М. И., Крюк В. А.* От патриархально-общинного строя к социализму // История СССР. 1962. № 2. С. 42—65; *Борисов Б. Л. В. И.* Ленин и развитие национальной государственности народов Сибири // ИСО АН СССР. Сер. общ. наук. 1970. № 1, вып. 1. С. 31—39; и др.
- ⁹³ *Зибарев В. А.* Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. 334 г.
- ⁹⁴ *Балицкий В. Г.* От патриархально-общинного строя к социализму (О переходе к социализму малых народов Северо-Востока РСФСР). М., 1969. 222 с.; *Клещенок И. П.* Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики среди малых народов Севера (1917—1937). М., 1972. 239 с.; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. 344 с.
- ⁹⁵ *Гарусов И. С.* К истории Чукотской окружной партийной организации // На Севере Дальнем. Магадан, 1960. С. 115—126; *Кузаков К.* Ожившая тундра. Владивосток, 1973. 198 с.; *Нефедова С. П., Гарусов И. С., Рощупкин Г. Г.* Социалистическое строительство на Чукотке (1923—1958 гг.) // Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1967. С. 75—86; и др.
- ⁹⁶ Ревкомы Северо-Востока СССР (1922—1928 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1973. 240 с.;

- Советы Северо-Востока СССР (1928—1940 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1979. Ч. 1. 287 с.
- ⁹⁷ Гарусов И. С. 1) О социальной принадлежности крупного оленевода Северо-Востока накануне коллективизации // ЗЧКМ. 1967. Вып. 4. С. 52—57; 2) Переход к оседлости и укрупнение поселков у малых народов Северо-Востока СССР // История и культура народов Севера Дальнего Востока. Магадан, 1967. С. 116—124; Крюк А. В. Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по поднятию экономики малых народов Северо-Востока (1922—1932 гг.) // Из истории Советского Дальнего Востока. Хабаровск, 1963; Куликов М. И. К истории коллективизации на Чукотке // История СССР. 1968. № 3. С. 124—133; и др.
- ⁹⁸ Гарусов И. С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки (1917—1952 гг.). Магадан, 1981. 188 с.
- ⁹⁹ Рощупкин Г. Г. 1) Роль Чаунской районной партийной организации в промышленном освоении Чукотки (1933—1942 гг.) // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 150—159; 2) Промышленное развитие Чукотки в годы Великой Отечественной войны // ЗЧКМ. 1968. Вып. 5. С. 43—46; 3) Создание и развитие промышленности на Чукотке (1917—1953 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. Магадан, 1971. С. 5—80; и др.
- ¹⁰⁰ Леонтьев В. В. 1) Школа и труд. Магадан, 1964. 56 с.; 2) Письменность и пути повышения грамотности чукчей // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 192—208; Верин Л. Н. 1) Становление и развитие народного образования на Колыме и Чукотке. Магадан, 1969. 92 с.; 2) Развитие общеобразовательной школы на Колыме и Чукотке (1917—1969 гг.). М., 1970. 16 с.; Севильгаев Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л., 1972. 423 с.
- ¹⁰¹ Нефедова С. П. 1) Культурное строительство на Чукотке в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Общие закономерности исторического развития народов Советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965. С. 31—36; 2) Создание и расцвет социалистической культуры на Чукотке (1917—1958 гг.) // На Севере Дальнем. 1967. № 1. С. 68—80; 3) Культурное строительство на Чукотке (1917—1958 гг.) // Из истории промышленного и культурного развития Чукотки. Магадан, 1971. С. 81—158; и др.
- ¹⁰² Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. 456 с.
- ¹⁰³ Новая жизнь народов Севера. М., 1967. 119 с.; Леонтьев В. В. Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск, 1973. 178 с.
- ¹⁰⁴ Лашов Б. В., Литовка О. П. Социально-экономические проблемы развития народностей Крайнего Севера. Л., 1982. 145 с.
- ¹⁰⁵ Задорин В. И. Социально-демографическая характеристика оленеводческих бригад Чукотского автономного округа // Интенсификация сельскохозяйственного производства Магаданской области. Магадан, 1981.
- ¹⁰⁶ Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. 530 с.
- ¹⁰⁷ Кузаков К. Г. Социализм и судьбы малых народностей Северо-Востока СССР. Магадан, 1981. 113 с.; Луковцев В. С. Минувшая тысячелетия. О социалистическом развитии народностей Севера. М., 1982. 176 с.; и др.

**ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
ЧУКЧЕЙ
В ДООКТЯБРЬСКИЙ
ПЕРИОД
(XVII в.— 1917 г.)**

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА. ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЧУКЧЕЙ

Этногенез

Решение проблемы этногенеза чукчей на широкой научной базе начато лишь в советское время, но имеет уже свою историю. По мере выявления и накопления данных по археологии и антропологии, а также в результате привлечения языковых, фольклорных, этнографических и исторических материалов появилась возможность на более широкой источниковой основе подходить к решению данной проблемы.

Интенсивные археологические и антропологические исследования последних десятилетий дали много нового материала. Значительно отстают в этом отношении исследования этнокультурной специфики аборигенов, их фольклора, особенно языков, а также этнографии со всем комплексом ее предмета применительно к проблеме этногенеза. Указанное обстоятельство заметно сдерживает возможности системного подхода к исследованию этногенеза и этнической истории чукчей.

К вопросу этногенеза чукчей в связи с древней историей эскимосов одним из первых обратился А. М. Золотарев, считая эскимосов непосредственными предками чукчей и коряков. По его мнению, на Северо-Востоке Азии последовательно сменились две ступени материального производства и культурного развития аборигенов. Первая ступень — оседлая культура морских охотников. Носителями ее были древние эскимосы. Вторая ступень — комплексное хозяйство, совмещающее морской зверобойный промысел с малочисленным оленеводством.¹ На этой ступени сложились чукчи и коряки, культура которых возникла на основе оленеводства, а сами они — потомки древних эскимосов, превратившихся в оленеводов.² Автор статьи не дает никаких объяснений, как могла произойти трансформация эскимосского языка, из которого появились чукотский и корякский языки, материально и типологически совершенно отличные от своего источника. Такие явления в истории не известны.

Опираясь на данные чукотского фольклора, языка, этнографические материалы, автор этих строк пришел к заключению, что предки чукчей издавна были бродячими охотниками на диких оленей и обитали в континентальной части Чукотки. Лишь в результате соприкосновения с азиатскими эскимосами часть из них

стала постепенно переходить к оседлому образу жизни на берегах Чукотского и Берингова морей. При этом они заимствовали от эскимосов уже хорошо специализированную культуру морского зверобойного промысла.³

В археологическом отношении внутриматериковая часть Чукотского полуострова и Камчатки изучена слабо. Однако имеются, хотя и немногие, но определенные указания на следы обитания человека в глубине Чукотского полуострова, в частности на р. Эки-тикивээм (букв.: «Незамерзающая река») — притоке р. Амгуэмы. Здесь обнаружены остатки древнего жилища с неолитическими орудиями, значительно отличающимися по своему характеру от орудий древнеэскимосского типа (древнеберингоморского), в том числе наиболее ранних. «Геоморфологические условия обнаруженной стоянки, — замечает Н. Н. Лешошин, — и характер найденных в ней предметов свидетельствуют о том, что стоянка относится к весьма древним временам».⁴ Комментируя сообщение Н. Н. Лешошина, А. П. Окладников отметил, что находки эти выделяются «как древнейшие, известные в настоящее время, следы человека на Чукотском полуострове, предшествующие распространению на его берегах поселков оседлых морских зверобоев».⁵

Находки на р. Эки-тикивээм датируются временем не ранее второй половины II тысячелетия до н. э.,⁶ тогда как самые ранние предметы древнеберингоморских культур определяются рубежом и началом I тысячелетия н. э.⁷ Не только хронологически, но и типологически это разные культуры. Внутриматериковая культура принадлежала охотникам на диких оленей и рыболовам — предкам современных чукчей и коряков, в то время как приморская — морским охотникам — предкам эскимосов.

Несколько отличные по своему характеру орудия и остатки глиняной посуды на берегу оз. Чирового обнаружил Н. А. Граве. Они также датируются второй половиной II тысячелетия до н. э.⁸

Сказанное выше подтверждается новыми археологическими находками, обнаруженными И. А. Некрасовым в 1955 г. в истоках правого притока р. Белой — Энмывээм («Скалистая река»), на берегу оз. Эльгытгын (правильно Ы'лгыкэгытгын — «Нетяющее озеро»). Эти археологические материалы позволили А. П. Окладникову сделать вывод о том, что «по крайней мере около четырех тысяч лет назад неолитические племена, следы деятельности которых уцелели на оз. Эльгытгын и в других местах Чукотского полуострова, уже прочно и широко освоили эти северные места. . .».⁹ Обитатели этих мест были бродячими охотниками на диких оленей и лосей. Выдвинутое положение о более раннем заселении человеком внутренних районов Чукотского полуострова в сравнении с прибрежными подтверждается также данными археологических раскопок Н. Н. Дикова.¹⁰

Проблемой этногенеза чукчей занимались и антропологи. В 1945 г. Г. Ф. Дебец провел антропологические исследования на Северо-Востоке. При этом он пришел к весьма важному выводу

о дифференциации арктической расы на локальные варианты: берингоморский (эскимосы) и камчатский тип, который был распространен, как и ныне, «преимущественно во внутренних районах среди племен, вероятно, еще не оленеводческих, а живущих охотой на дикого оленя».¹¹

Вопросы этногенеза северо-восточных аборигенов получили подробное освещение в работе М. Г. Левина.¹² По его мнению, берингоморский арктический тип в наибольшей степени характерен для эскимосов, к ним близки береговые чукчи. Коряки и оленные чукчи представляют камчатский антропологический тип.¹³

Вместе с тем он отмечает, что у оленных и отчасти береговых чукчей прослеживаются некоторые черты, свидетельствующие о примеси байкальского антропологического типа, — результат смешений с юкагирами. «Глубинные районы Чукотки, — писал М. Г. Левин, — первоначально не входили в пределы этнической территории чукчей. . . Еще в XVII в. эти области были заняты юкагирскими племенами, которые предшествовали здесь чукчам. . . Продвижение чукчей и коряков в глубинные районы было связано с распространением у них оленеводства, которое они заимствовали от северных тунгусов, по-видимому, через юкагиров».¹⁴

Предположение Левина о том, что континентальные области Чукотки первоначально были заселены юкагирами, не находит подтверждения в исследованиях последних лет.¹⁵ Череп, найденный в Усть-Бельском могильнике Н. Н. Диковым, был всесторонне исследован палеоантропологом И. И. Гохманом, по мнению которого, череп близок к черепам оленных чукчей и резко отличается от древних черепов Якутии, т. е. юкагирских.¹⁶

«Население позднего неолита и ранней бронзы северо-восточной азиатской Арктики, — резюмирует сказанное Гохманом Диков, — не может больше рассматриваться как исключительно древнеюкагирское».¹⁷ Если бы юкагиры действительно предшествовали чукчам в континентальных областях этой территории, то в материальной и духовной культуре, а также в языке чукчей и коряков неизбежно остались бы какие-то элементы языка и культуры юкагиров. Попытки выявить такие следы не дали почти никаких результатов. Е. А. Крейнович отметил всего три слова, корни которых можно считать общими для чукотского, корякского и юкагирского языков. «Отсутствие значительных языковых связей, — отмечает Крейнович, — между юкагирским языком и языками чукотским и корякским особенно интересно в свете тех связей, которые устанавливаются между юкагирским языком и языками народов, обитавших далеко от них. Это обстоятельство также является одним из доказательств того, что юкагиры не являются аборигенами крайнего Северо-Востока Азии, что в эти районы они пришли из каких-то иных мест. . . Из современных народностей, живших и живущих в соседстве с юкагирами, самыми древними обитателями Северо-Востока Азии несомненно являются чукчи».¹⁸

Показательно также и то, что ни в чукотском, ни в корякском фольклоре почти не упоминается о юкагирах. «Чукотские сказки,— отмечал В. Г. Богораз, — почти совсем не упоминают о юкагирах».¹⁹ В исторических преданиях юкагиров имеются прямые указания на то, что когда они пришли на Колыму, ее берега были заселены чукчами.²⁰

Н. Н. Диков полагает, что нет никаких оснований сближать культуру Приохоться с континентальной культурой Чукотки.²¹ Нет также убедительных оснований утверждать, что оленеводство чукчами и коряками заимствовано от тунгусов через юкагиров.²²

Несколько упрощенно, по схеме А. М. Золотарева, решал вопрос этногенеза чукчей Б. О. Долгих, полагая, что «расселение чукчей и коряков в 17 в. отражает „береговое происхождение“ этой этнической группы».²³

Такая трактовка не учитывает исторической действительности и имеющихся археологических, историко-этнографических и языковых источников. Приобщение чукчей к морской зверобойной культуре является более поздним, чем преимущественное занятие охотой на диких оленей и бродячий образ жизни. Более того, к тому времени, когда чукчи начали переходить к оседлости на побережье океанов, у них уже было оленеводство, о чем свидетельствуют данные языка. Половозрастные названия морских млекопитающих образованы от половозрастных названий, существующих для оленей.²⁴ Ко времени первых контактов с эскимосами чукчи уже имели прирученных оленей. Об этом говорит то, что эскимосы называют чукчей куйил'ык 'оленный' (человек, «владеющий оленями», от слова *куйник* — домашний прирученный олень).

Несмотря на очевидную ограниченность возможности решать проблему этногенеза на базе одного источника, попытки такого подхода все еще имеют место.²⁵

Согласованное использование комплекса археологических, антропологических, этнографических, фольклорных, языковых источников с учетом природно-климатической и фаунистической истории Крайнего Северо-Востока, сравнительный анализ, сопоставление и сочетание всех этих данных позволяют подойти к решению проблемы этногенеза чукчей на более надежной основе.

Следы проникновения людей на Север Сибири относятся к верхнему палеолиту — 35—30 тыс. лет тому назад.²⁶ Около 10,5 тыс. лет назад произошли кардинальные изменения в природе. Климат, растительный и животный мир на Северо-Востоке Сибири принимают облик, близкий к современному. В лесной зоне стали преобладать лоси, косули, в лесотундре и тундре — северные олени. Охота на этих животных составляет основной источник существования появившихся здесь обитателей. Как полагают археологи, это были пришельцы с верховьев Енисея.²⁷

Исторические изыскания известного лингвиста А. П. Дульзона вполне согласуются с выводами археологов.²⁸

Приблизительно 9 тыс. лет назад в Восточной Сибири формируется и широко распространяется новая культура палеолитического типа, получившая название «сумнагинская». Следы деятельности носителей данной культуры зафиксированы на Алдане, Лене, Вилюе, Витиме, Олекме, Индигирке, Колыме, Амге, Мае, Улье. Сопричастность с ней находят и на Камчатке.

Следы человека на Чукотке относятся к мезолиту или раннему неолиту.²⁹ Однако в верхнем течении Малого Анюя и на берегу озера Тытыль в 1977 г. было обнаружено несколько ранних стоянок. На основе типологии найденных изделий, как полагают исследователи, «в данном районе представлены все голоценовые культуры, характерные для Якутии,— от сумнагинской до ымыяхтахской включительно». Эти же исследователи считают, что большая часть Чукотки на различных этапах каменного века входила в ареал приленских культур.³⁰

По мнению А. П. Окладникова, исследовавшего археологические материалы из континентальных частей Чукотки, «древняя охотничья культура в глубинной части Чукотского полуострова по своему происхождению связана с континентальными областями заполярной Якутии и Колымского края и что, таким образом, заселение Чукотки происходило с Запада».³¹ Этот важный вывод подтверждает глубокие исторические связи Чукотки с древними культурами Якутии, по всей видимости, и палеолитическими.

Новый период в жизни аборигенов Северо-Восточной Сибири наступил на рубеже 5—4 тыс. до н. э. В результате притока населения с юга сумнагинцы пережили значительные изменения в культуре. По-видимому, они были частично оттеснены, оставшиеся — ассимилированы пришельцами, которые принесли шлифованные орудия, лук и стрелы, костяные накопечники гарпунов, глиняную посуду. Эта ранненеолитическая культура (сылахская), впитавшая в себя элементы сумнагинской, распространилась по всей северо-восточной окраине Азии.³² Однако новопришельцы и аборигены остались охотниками.

На Чукотке остатки неолитических поселений сосредоточены главным образом в долине р. Амгуэмы, на Анадыре и его притоках.³³ Географы называют это место «Чукотскими воротами». Именно здесь проходили основные пути миграции диких оленей. Расселение неолитических охотников было продиктовано сезонным постоянством промыслов.

Исследования истории материального производства, материальной и духовной культуры чукчей с учетом определения их места в современной лингвистической и антропологической систематике дают основания полагать, что чукчи являются древнейшими насельниками Чукотки. Их предки обосновались здесь, вероятно, на рубеже 4—3 тыс. до н. э.³⁴ С того времени жизнь людей в этом регионе протекала в относительно постоянных природно-климатических условиях, в одном и том же окружении животного и растительного мира. Почти неизменными оставались

источники существования. Лишь часть чукчей постепенно стала совмещать сухопутную охоту с морским промыслом, что, однако, прослеживается не ранее начала нашей эры.

В этих широтах и в этой естественно-географической среде формировались материальная и духовная культура чукчей, их мифология, мировоззрение, язык, развивались и закреплялись расовые особенности, складывались своеобразные общественные отношения, социальные нормы, характер бытового уклада.

Чукчи вместе с коряками, ительменами, эскимосами и алеутами выделяются антропологами в особую арктическую расу.³⁵ При этом чукчи, коряки и ительмены имеют между собой больше общих черт, чем с эскимосами. Антропологические исследования на Чукотке показали своеобразие арктической расы по сравнению с внутриконтинентальными монголоидами. У чукчей и эскимосов Т. И. и В. П. Алексеевы находят ряд специфических признаков: интенсивную теплорегуляцию, высокий показатель содержания гемоглобина, обмена веществ, «комплекс», который характерен для представителей арктической расы вообще и формирование которого происходило, по-видимому, не без влияния экстремальных условий в районе Берингова и Чукотского моря.³⁶ Формирование арктической расы, сохранение ее признаков могло осуществиться лишь в результате изоляции и весьма длительного пребывания ее носителей в этом регионе. Таким образом, антропологические данные вполне могут быть увязаны с археологическими свидетельствами появления человека в центральных областях Чукотки в 4—3 тыс. до н. э. Длительное и обособленное формирование чукотского этноса именно в арктических условиях подтверждается древними чертами комплекса их культуры.

Чукотский язык входит в особую чукотско-камчатскую группу так называемых палеоазиатских языков. По своей структуре чукотско-камчатские языки «резко отличаются от других языков не только частными грамматическими признаками, но также наличием особых грамматических разрядов слов и даже, вероятно, своеобразных языковых единиц».³⁷ Чукотский язык отличается цельностью своей системы, что свидетельствует о самостоятельности его развития. Эскимосские наслоения в нем (в лексике) — результат исторических контактов уже нашей эры.³⁸

У чукчей, коряков, ительменов и эскимосов распространен весьма своеобразный, известный только в регионе расселения этих народностей, вороний эпос. В мифах ворон действует то как творец тех благ, какие дает природа людям, то как устроитель жизни. Он — создатель оленей, других животных, рек, гор, он добыл людям солнце, научил их жить в этих природных условиях. Следовательно, сложение мифов с их реалиями у чукчей протекало в арктической природной среде. Даже в мифах о сотворении светил, земли и всего живого на ней фигурирует только арктическая природа, ее флора и фауна.

В полном соответствии со сказанным находятся и астрономические представления аборигенов Чукотки, сформировавшиеся

опять-таки на Крайнем Севере. Название ряда созвездий и отдельных звезд связано с главным жизнеобеспечивающим занятием — охотой на оленей. Звезда Капелла из созвездия Возничего — это олений бык, привязанный к саням человека, едущего на двух оленях. Две звезды, находящиеся поблизости от созвездия Орла, называются «Оленья самка с теленком». Полярная звезда — *Унпэнэр* («Воткнутый кол звезда»). Все остальные звезды ходят вокруг, как олени на привязи. Кастор и Поллукс — два лося, убегающие от двух охотников, каждый из которых едет на оленьей упряжке. Млечный путь — песчаная река со многими островами, на одном из которых пасется группа диких оленей и т. д.³⁹ Совершенно очевидно, что истоки и этих представлений находятся все в том же древнейшем занятии — охоте на оленей.

Как известно, названия месяцев отражают жизненно важные занятия людей и связанные с ними природные явления. Названия месяцев чукотского календаря связаны с жизнью дикого оленя в этих широтах, с его миграционными и биологическими особенностями.⁴⁰

Охота на диких оленей и соответствующий образ жизни определили содержание всех форм общественного сознания чукчей, в том числе и религиозного. Их религиозные представления и культы формировались на базе тех условий материального производства, которое было ведущим с глубокой древности. Даже представление о месте нахождения главного божества связано с севером: это — Полярная звезда, ей приносили жертвы. В качестве главных жертвоприношений чукчи выделяли жертвоприношения благодарственно-просительного характера: убой тонкошерстных оленей (совершался в августе, во время миграции оленей с севера, когда их добывали на переправах через реки); жертвоприношение созвездию Пэгиттин (звезды Альтаир и Тараред из созвездия Орла), которое появлялось на северном небе после зимнего солнцестояния (с этого времени дикие олени меняли направление движения с юга на север, Пэгиттин представлялось чукчам владельцем неисчислимых стад оленей); весеннее жертвоприношение (после отела важенок). Все культовые отправления чукчей связаны с решающими в жизни охотников сезонами промыслов, во время которых люди обеспечивали себя запасами продовольствия, необходимыми материалами для одежды, жилища, обуви, освещения и т. п.

Чукчей вместе с коряками и эскимосами объединяет и в то же время выделяет из среды всех сибирских народов их изобразительное искусство.⁴¹ Пляски-пантомимы известны только у этих народов. В их содержании, приемах и средствах пластики, голосовых сопровождениях лежат все те же охотничьи наблюдения за поведением в разных ситуациях оленей и других животных. Особенно выразительны пляски-пантомимы, изображающие бег запыхавшихся оленей. И эта область культуры чукчей подкрепляет тесную, устойчивую связь их с Севером, с основным источником существования.

Все вышеизложенное перекликается и согласуется с материалами из наиболее древних стоянок охотников на Амгуэме, Анадыре, Анюе, подтверждает автохтонность чукчей в континентальных областях Чукотки, глубокую историческую древность освоения их предками этой территории, на которой они сложились как этнос, где сформировалась их материальная и духовная культура. Этническая история чукчей ввиду недостаточной изученности может быть рассмотрена подробно лишь с середины XVII в. Этнические процессы раннего периода можно восстановить на основе антропологических, археологических и комплекса этнографических данных. Поэтому периодизация этнической истории чукчей до XVII в. носит условный характер и определяется известными в историко-этнографической науке фактами.

Чукотско-эскимосские этнические связи

В начале I тыс. н. э. чукчи вошли в контакт с эскимосами. Степень глубины взаимовлияния этнических систем чукчей и эскимосов отчетливо выражается в их современной расовой близости. Оседлые чукчи и сибирские эскимосы — типичные представители арктической расы ее берингоморского типа. По мнению В. П. Алексеева, «древность расового варианта, получившего наименование арктического, устанавливается. . . минимум в 2000 лет».⁴² Это положение согласуется с комплексами других данных.

С появлением эскимосов чукчи получили образец нового для них способа добывания средств к существованию, который стимулировал более интенсивное развитие их собственной экономики и способствовал переходу части населения к оседлости, преимущественному занятию морским зверобойным промыслом. Столкновение двух разных культур, находившихся на приблизительно одинаковых уровнях развития производительных сил и производственных отношений, сыграло прогрессивную роль в истории чукотского и эскимосского обществ, положило начало разносторонним этническим и экономическим связям.

Процесс взаимосвязей эскимосов с чукчами протекал при явном количественном преобладании последних. Эскимосское население побережий Тихого и Ледовитого океанов под напором устремившихся к берегам морей континентальных охотников частью было вытеснено, частью ассимилировано и органически вошло в состав пришельцев, поселившихся в обжитых эскимосами местах. По-видимому, на первых порах тундровые охотники — чукчи не образовывали своих постоянных поселений, а приселялись к эскимосским. Справедливость этого соображения подтверждается тем, что значительное количество поселений по побережьям обоих океанов, ныне заселенных чукчами, имеет в основе своей эскимосские названия, что было отмечено еще Ф. П. Врангелем,⁴³ более подробно В. Г. Богоразом.⁴⁴

Следы приселения чукчей к эскимосам прослеживались до недавнего времени. Наряду с эскимосскими патриархально-семейными общинами в эскимосских селениях имелись общины с чисто чукотскими названиями, что несомненно свидетельствует об их чукотском происхождении. Так, в с. Чаплино была община Армарамкыт 'сильный народ' (от чукотского *э́рмэ/арма* — основа слова «сила» и *рэмкын* — «народ»). На острове Св. Лаврентия также имеется община Аймарамкыт. Это, очевидно, филиация чаплинской общины того же происхождения. Переселения на о. Св. Лаврентия и обратно на азиатский материк были довольно обычными в прошлом. Южнее с. Чаплино был поселок Униирэмкыт (от чукотского Унин — с. Чаплино и *рэмкын/рамкын* — «народ» — Чаплинский народ, люди). В поселке Сиреники обитала община под названием *Валвырамкин* — «Вороний народ» (от чукотского *вэ́лвы/валвы* — «ворон» и *рэмкын/рамкын* — «народ»). Там же одна из общин носила название Илвантаг'мит — от чукотского *ылвэ/ылва* — «дикий олень», *нтэ/нта* — суф. со значением «ходить за чем-нибудь», т. е. ходить, охотиться за дикими оленями, и эскимосского суффикса *г'мит*, указывающего на принадлежность лица к какой-либо местности, национальности или стране.

Перечисленные общины этнически уже считались эскимосскими. Видимо, некогда приселившиеся чукчи постепенно слились с эскимосами, но сохранили свои исконные названия общин. В то же время (конец XIX—начало XX в.) зарегистрировано несколько эскимосских населенных пунктов, в которых жили чукчи, например, Кивак, Чечин и др. И. И. Крупник и М. А. Членов выяснили, что науканские общины Кыпынныг'мит и Майог'мит — переселенцы из некогда существовавшего поселка Нунаки — говорили на чукотско-эскимосском жаргоне.⁴⁵ В конце XVIII в. ныне чисто чукотское селение Уэлен было частично эскимосским, частично чукотским. Жители его говорили на двух языках — чукотском и эскимосском. Об этом убедительно говорят записи слов чукотского и эскимосского наречий, сделанные К. Мерком.⁴⁶

Взаимовлияние чукчей и эскимосов нашло широкое отражение в языке. Значительная часть терминов, связанных с морским зверобойным промыслом, в языке чукчей — эскимосского происхождения, а термины, отражающие оленеводство, оленеводческий быт в языке сибирских эскимосов, — чукотские.⁴⁷

У эскимосов, как и у чукчей, бытовало представление о реинкорнации, видимо, поэтому и закрепились чукотские личные имена у эскимосов, а эскимосские у чукчей. Такие примеры многочисленны в особенности у эскимосов, что также может быть объяснено приселением чукчей в эскимосские поселки, вступлением в брак с эскимосками.

Устное народное творчество сибирских эскимосов содержит много сказок, преданий, отображающих оленеводческий быт, с разными подробностями, не свойственными быту приморских охотников. Эти сюжеты пришли к ним от чукчей.⁴⁸ В свою очередь эскимосские сюжеты сказок вошли в фольклорный фонд чукчей.

Чукотские заимствования из эскимосского языка

Эскимосский язык	Чукотский язык
авлыках'так — бола (орудие для ловли птиц)	эплыкытэт — бола
камгыт — торбаза (всякая обувь из кожи тюленей)	кэмыгэт — мужские летние торбаза из тюленьей шкуры, кожи
калю — сачок для ловли рыбы	кэлюнгин — сачок для ловли рыбы
манан — удочка	мэнэмэн — нажива удочки
накаг'ья — северо-восточный ветер	никкэйэн — северо-восточный ветер
палюх'так — бобр	пэлютэн — бобр (речной)
пинака — амулет	пэнакалгын — амулет на одежде, кисть из шерсти молодого тюленя, прикрепленная к одежде для украшения
пураля — батрак, работник, слуга	пурэл — раб
таг'юк — соль, соленая морская вода	т'э'юут'эй — соль, соленая морская вода
тувак — прибрежный ледяной припай	туквэн — прибрежный ледяной припай
тухкак — костяное или металлическое основание наконечника гарпуна	туккэн — наконечник гарпуна
улг'ак — сивуч	отлек (осн. улу'ул) — сивуч
юваю, югвая — гагара	ёквэё — гагара
канг'ак — санки, полозья которых сделаны из моржовых клыков	кэныр — санки, полозья которых сделаны из моржовых клыков
пухзак — белуха	пуурэк — белуха
кипукак — кит-горбач	кыйпук — кит-горбач

Эскимосские заимствования из чукотского языка

Чукотский язык	Эскимосский язык
агран — зимний полог	агра — зимний полог
вапак — гриб (мухомор)	в'апака — гриб (мухомор)
ватал — мох (ягель)	в'атапа — мох (ягель)
кэйнын — бурый медведь	кайна — бурый медведь
кораны — домашний олень	куйник — домашний олень
мгурэл — олений кочевой обоз	мугу — караван, олений обоз
нэлвыл — стадо оленей	нилвыл — стадо оленей
пити'и — тонкие кишки	пития -- варенье оленьи кишки
прэрэм — кушанье из толченого оленьего мяса с жиром (в форме колобков)	прара -- кушанье из толченого оленьего мяса, смешанного с жиром
рэтэмйрын (рэтэм/ратам — крышка шатра + ир'ын — кухлянка) — летняя кухлянка из ровдуги	ратамирак — верхняя одежда из ровдуги
рэтэмйэгыт (рэтэм/ратам — крышка шатра + йэгыт — ступни ног, лап) — обувь из ровдуги	ратамйагык — обувь из ровдуги
човыргын — передняя пола полога из оленьих шкур	сюгырна -- передняя пола полога из оленьих шкур и др.

Существенным оказалось чукотское влияние на мировоззрение и некоторые черты религиозных представлений сибирских эскимосов. Оно особенно рельефно проступает в отпраздновании праздников, связанных с оленеводством и оленеводческим бытом. Например, сибирские эскимосы, подобно чукчам, отмечали праздник рогов Килвэй.⁴⁹

Вместе с материальной культурой, бытовой обстановкой приморских охотников чукчи восприняли значительное количество черт мировоззрения эскимосов, сложившегося на базе морского

зверобойного промысла. В. Г. Богораз отметил ряд элементов духовной культуры чукчей, особенно приморских, идентичных эскимосским. По его заключению, «обряды, связанные с рождением, браком и смертью обеих групп чукоч и азиатских эскимосов, в основном одинаковы».⁵⁰ Все главные праздники приморских чукчей, сопутствующие производственной деятельности морских охотников в разные сезоны года, соответствуют аналогичным праздникам сибирских эскимосов и проводятся почти так же, как у эскимосов.⁵¹ К числу таких праздников относились: осенние жертвоприношения морю для получения удачи в предстоящем промысле; главный годовой праздник (в начале зимы), посвященный Кереткуну,⁵² который иногда делали благодарственным праздником «духам» морских зверей, убитых в течение осени; весной справлялся праздник спуска байдар на воду; в середине лета — праздник «Голов» — праздник благодарности «духам» морских зверей, добытых в весенний сезон охоты, праздник Кита.

Материальные предметы, используемые в качестве амулетов и охранителей, одинаковы у чукчей и сибирских эскимосов.⁵³

Бубен оленных и приморских чукчей той же конструкции, имеет те же формы и размеры, как у сибирских эскимосов.⁵⁴ Как известно, этот тип бубна резко отличается от типов бубнов других сибирских народов.

Идея помазания для чукчей и сибирских эскимосов была общей.⁵⁵ Помазания применялись теми и другими как средство защиты от заразных болезней. При этом материал, которым пользовались при помазании (кровь жертвенного животного, сажа с жирника), и формы знаков помазания были общими. Игры в мяч и подбрасывание на моржовой шкуре у чукчей и эскимосов также одинаковы.

Татуировка, особенно женщин чукчанок и эскимосок, была идентичной по формам рисунка, по способам ее нанесения

Много общего в плясках-пантомимах приморских чукчей с эскимосами и сопровождающем их характере музыки. Само название — *путурэн* — от эскимосского *путугакук* — танцевать без песен под бубен.

Процессу языковой ассимиляции способствовало то, что эскимосы оказывались экономически зависимыми от оленеводов-чукчей, от которых они приобретали крайне необходимые им шкуры оленей для одежды и жилища, а также оленье мясо. Поэтому многие эскимосы в той или иной мере владели чукотским языком.⁵⁶

Наиболее существенное последствие чукотско-эскимосских связей — возникновение общественного разделения труда, оказавшего устойчивое влияние на весь ход дальнейшего экономического и этнического развития этих этносов. На Чукотке оно произошло не на основе выделения пастушеских племен (классический пример),⁵⁷ а на основе пришедших в соприкосновение двух охотничьих культур — сухопутной (чукчей) и культуры охотников на морских млекопитающих (эскимосов).

Вся материальная культура, орудия охоты, жилища, средства передвижения и быт сухопутных охотников резко отличались от комплекса культуры морских зверобоев, что порождало благоприятные условия для развития обмена продуктами охоты. Появилась потребность к усилению и совершенствованию тех сторон производственной деятельности пришедших в соприкосновение этносов, которые находили наибольший спрос у партнеров обмена. Эскимосам нужны были шкуры и кожи оленей и изделия из них, а чукчам — ворвань, шкуры морских животных и ремни из них, отличавшиеся значительно большей прочностью, чем ремни из кожи оленей.

Таким образом, возникновение общественного разделения труда на Чукотке произошло посредством установления обмена между ранее независимыми друг от друга сферами общественного производства, носителями которых генетически и этнически были разные племена, пришедшие в соприкосновение.

Ко времени прихода русских на Северо-Восток отношения между чукчами и азиатскими эскимосами носили устойчивый мирный характер. Очевидно, давно уже на Чукотке сложились местные рынки (ярмарки). В августе—сентябре в определенных местах встречались прибрежные охотники с оленеводами. Такие пункты обмена были известны на р. Курупке, куда съезжались эскимосы, в Мечигменской губе, на р. Амгуэме, около мыса Шмидта, в районе мыса Биллингса, в Чаунской губе и других местах. По традиции такие ярмарки функционировали на Чукотке еще в 30-х гг. В 1932 г. в Мечигменской губе группа богатого оленевода Папылё забила свыше 400 голов оленей в обмен на продукты морского зверобойного промысла, готовые изделия из них, которые были доставлены оседлыми чукчами из сел Уэлена, Нунямо, Яраная, Лорино и эскимосами из с. Чаплино.

По-иному развивались отношения чукчей с эскимосами Аляски. По-видимому, наиболее ранние связи между ними носили неустойчивый характер, так как довольно часто чукчи организовывали набеги на побережье Аляски. Однако к концу XVIII столетия набеги прекращаются, уступая место широким торговым связям, в развитии которых были заинтересованы обе стороны.

Существование двух видов связей между чукчами и аляскинскими эскимосами отчетливо прослеживается по документам того времени. Так, документы начала XVIII в. отмечают нападения чукчей на население Аляски, захват имущества и угон в плен женщин и детей.⁵⁸ Приблизительно с середины XVIII в. появляются указания на то, что чукчи наряду с грабительскими набегами ведут обмен товаров с эскимосами Аляски. В «Собрании известий о разных племенах иноверцев, обитавших в Иркутской губернии», составленном в 1789 г., говорится: «Летом в тихую погоду на байдарах, зимою же по льду на оленях на лежащий почти в середине пролива остров Имоглин (остров Ратманова. — *И. В.*), а оттуда в Америку в один день переезжать можно; те чукчи

нередко ту часть света посещают и торг там, а иногда и грабежи там производят». ⁵⁹

Весьма любопытные подробности о торговых отношениях чукчей с американскими эскимосами сообщает сотник И. Кобелев. Ему удалось уговорить «увеленского острожка лутчево пешего человека Опрею» свозить его «через проливы на американскую землю». Поездка состоялась в июне 1789 г. Чукоч собралось около 150 человек на 10 байдарках. С остановкой на острове Ратманова переплыли Берингов пролив и прибыли к американскому берегу, где было селение «юрт до пятидесяти». Отсюда чукчи поплыли на юг «к устью реки Хеверен», откуда повернули в море «на Укипень остров» (о. Кинг современных карт. — *И. В.*). Подъезжая к острову, чукчи остановили байдары, «оделись в кюяки, в руках копье, луки и стрелы на тетивах так, как ратница должно». То же проделали и «укипанцы на берегу», однако все это, как полагает И. Кобелев, было только «для примера». «Того самого дни сделались между ими торговля, укипанцы променивают куньи парки, лисицы, волки, росомахи, выдры, рысьи и оленье постели небольшою частью, которые все достают с Америки, а с нашей стороны променивают же копыя, ножи, топоры, пальмы, котлы, железки (видимо, к теслам. — *И. В.*), корольки всякие, бисер». ⁶⁰

Рассказывая об островах и жителях Американского побережья Берингова пролива, И. Кобелев сообщил, что «прежде чукчи на ту землю ходили походами». ⁶¹

Это замечательное по выразительности и фактам сообщение И. Кобелева подтверждает, что торговые мирные связи только налаживались. Ни та, ни другая сторона не доверяли вполне друг другу, поэтому и чукчи и эскимосы-укипанцы были вооружены. Не случайно сама церемония встречи напоминала подготовку к сражению, однако, по образному выражению И. Кобелева, все это было только «для примера».

Впрочем, в 1793 г. в Сенате обсуждался рапорт капитана Биллингса, в одном из пунктов которого сообщалось, что «северовосточные американцы, изъявив желание, имели дружественное с россиянами обхождение, спрашивают защищения от нападения и грабежа чукчей». ⁶²

К началу XIX в. отношения между чукчами и эскимосами Аляски приняли исключительно мирный характер. Через Берингов пролив шел оживленный обмен. *Кавралыт* — чукотские торговцы — стали регулярными поставщиками товаров русского и чукотского производства на американское побережье Берингова пролива, а оттуда вывозили пушнину, дерево и моржовые клыки. Эта торговля охватила глубинные районы Аляски и распространилась далеко на юг, в нее оказались вовлеченными не только прибрежные эскимосы, но также обитатели рек Пастола, Юкона, отчасти Кускоквима с их притоками.

На протяжении первой четверти XIX в. чукчи не только прекратили свои набеги на побережье Аляски, но и вообще

постепенно отказались от торговых поездок к берегам Аляски. Торговля с аляскинскими эскимосами сосредоточилась на нейтральной почве, на островах Диамида в Беринговом проливе. Посредниками чукчей в торговле с побережными американцами, расположенными далее к югу, выступали жители острова Азиак (sledge Island), зовущиеся азиагмютами, сметливостью и способностью к торговым оборотам превосходящие всех своих соседей.

Яркую картину чукотско-эскимосской торговли в первой половине XIX в. нарисовал Ф. П. Врангель.

«За русскими товарами и теплою одеждою приезжают азиагмюты к чукчам на Имаклит (о. Ратманова. — И. В.), один из Гвоздевых островов, и получив, что дадут им чукчи, отправляющиеся ежегодно, в начале июля на 10 байдарках, в числе 100 хорошо вооруженных человек, вдоль извилин материка на юг, променивая у прибрежных жителей, на означенные товары... меха разных животных. Таким образом, достигают они, наконец, устья реки Пастол, куда стекается большое количество мехов и моржового зуба, добываемых охотою как внутри страны, преимущественно по рекам Квихпаку и Кускоквиму, так и по морскому берегу, до острова Нунивока и даже до устья Кускоквима: постольмюты скупают в течение года эти товары у обитателей помянутых мест с тем, чтобы перепродать их азиагмютам, а эти, нагрузив байдары полученным здесь товаром, возвращаются обратно на Имаклит, где сдают их чукчам...»

Далее на юг торговля чукок не заходит: там уж производят ее фактории Российско-Американской компании; но довольно и того, что они снабжают своими и русскими товарами пространство американского берега на протяжении почти 1000 итальянских миль, или 1700 верст, тогда как оно отделено от них морем, и когда, для получения большей части этих товаров должны они совершать еще сухопутные переходы по своей земле, верст в 500 и более!»⁶³

Из этого сообщения Врангеля видно, какой широкий размах имел обмен на берегах Берингова пролива и как далеко по побережью Тихого океана Америки распространилось торговое влияние России, проходившее с запада через Чукотку и чукчей.

Итак, к середине XIX в. население северо-западных берегов Аляски и островов Берингова пролива получало большое количество металлических орудий, оружия, посуды и т. п., что способствовало преодолению неолитических традиций в производстве и быту этого населения, приобщению его к современной культуре.

Таким образом, отношения чукчей и сибирских эскимосов с населением северо-западных берегов Америки развивались по пути постепенного увеличения обменных связей.

Русское влияние на хозяйственно-экономическое, политическое и общественное развитие чукчей и сибирских эскимосов объективно содействовало успешному развитию мирных отношений между населением восточного и западного побережий Берингова пролива, налаживанию регулярного торгового обмена.

Чукотско-корякские этнические связи и отношения

Эти связи и отношения целесообразно рассмотреть в двух аспектах: генетическом и историческом. Чукчи и коряки связаны общностью происхождения, антропологического типа, единством характера материального производства, общими чертами материальной и духовной культуры, едиными основами фонетики, грамматики и лексики их языков. Наряду с этими общими, сближающими их чертами существуют и отличия, которые развивались на протяжении длительного времени и привели в конце концов к этническому и языковому обособлению, к территориальной разобщенности, к появлению этнического самосознания у них как отдельных народностей.

Определенную роль в процессе обособления двух этносов сыграли юкагиры. Их появление в долине р. Анадыря отделило территориально коряков от чукчей. Произошло это, по всей вероятности, в XIV—XV вв., тогда, когда юкагиры вынуждены были двигаться на восток под давлением тунгусов и якутов. Они вошли в долину р. Анадыря клином с ее верховий. К югу от р. Анадыря оказались коряки, к северу — чукчи.⁶⁴ Можно предполагать, что появление юкагиров привело и к каким-то перемещениям некоторых групп ныне оседлых коряков. Исторические перипетии последующих веков способствовали дальнейшему сложению и формированию особенностей, отличающих чукчей от коряков.

В XVII в. юкагирский клин, разъединивший чукчей и коряков, был, видимо, еще достаточно прочным. Наиболее вероятным местом непосредственного соприкосновения чукчей с коряками следует считать устье р. Анадыря, на южной стороне которого еще С. Дежнев сталкивался с коряками.⁶⁵ В. И. Огородников вообще считал, что на устье Анадыря жили коряки.⁶⁶

К началу XVIII в. появляются первые сведения о чукотско-корякских отношениях, которые развивались в основном в двух направлениях: на оленных коряков чукчи нападали, а с оседлыми коряками вели обмен.

В марте 1777 г. отряд чукчей, шедший «для поиску и разорения оленных коряк», прибыл к оседлым апукским корякам, «чукчи с ними имели дружество и мену».⁶⁷

У приморских чукчей побережья Берингова пролива до сих пор сохранились предания о том, как их предки плавали в залив Мэйны-пилгын, к устью р. Хатырки, где они вели обмен с коряками.⁶⁸ Оживленную торговлю чукчи также вели с коряками Охотского побережья. Так, в одном документе 70-х гг. XVIII в. отмечается, что коряки Жирового острожка «всегда с чукчами и олюторцами и камчадалами приезжающими торгуют».⁶⁹

Начало XVIII в. в истории чукчей совпадало с коренными изменениями в развитии производительных сил и производственных отношений. Чукчи вступили на путь формирования отношений военной демократии. Внешним толчком, содействовавшим ускоре-

нию этого процесса, послужило нарушение равновесия в их промыслах, сокращалась охота на диких оленей.

Распространение русских и юкагиров по Анадырю, захват ими охотничьих угодий на переправах диких оленей поставило северо-восточных чукчей перед необходимостью искать разрешения создавшегося кризиса в их экономике. Начиная с 1720 г. на протяжении почти шестидесяти лет чукчи с исключительным упорством преследуют оленных коряков. По сведениям, поступившим в Сенат, «чукч, которые разоряют коряк, будет военных людей человек до 2000».⁷⁰

На протяжении 30—70-х гг. XVIII в. зарегистрировано около 50 случаев нападения чукотских отрядов на оленных коряков.

Лишившись домашних оленей, коряки, кочевавшие в бассейнах рек Олюторки (Ыпываям), Пахачи, Алуки, вынуждены были перейти к оседлости, охоте и рыболовству.

В свою очередь коряки предприняли ряд походов в Чукотскую землю с целью возвращения захваченного чукчами имущества и пленных. Однако их действия в этом отношении были организованы слабо, а сами коряки не были такими закаленными и настойчивыми воинами, какими были чукчи. Известно всего несколько случаев ответных действий коряков.⁷¹

В отношениях чукчей с оленными коряками наблюдались неуравновешенность и противоречивость. Даже в самые критические периоды наибольшего обострения их отношений наблюдались случаи примирения отдельных групп чукчей и коряков. Однако связи эти были непрочными и часто нарушались как чукчами, так и коряками.

Набеги чукчей на ясачных коряков вызывали беспокойство властей. Уже в 1740 г. Сенат и Кабинет министров занимались обсуждением создавшегося положения во взаимоотношениях чукчей с коряками. Было принято решение одновременно с усилением гарнизона Анадырского острога в целях защиты ясачных коряков «велеть Иркутскому вице-губернатору, чтоб он обстоятельно наведался, за что у помянутых народов между собою такие ссоры происходят».⁷² На эту «резолюцию» Кабинета министров, по сообщению Сената, последовали с мест ответы. «Ссоры и бои у них чукчей с ясашными коряками, — писал Д. Лаптев, — от начала жития их за то, что в их чукотской земле для оленей их дворовых скудно кормом и лесу во всей их чукоцкой земле никакова роду нет и в том им крайняя нужда. . . а у ясашных коряков земля привольная к житию их и к содержанию оленей, лесами и кормом и для того те чухчи всегда ищут чтоб их коряк искоренить, а местами их завладеть и тут жить. А их чукоц как впустить корякам в свою землю, невозможно».⁷³ Как видно, основной причиной нападения чукчей на коряков Лаптев считал «скудость кормами и лесом» чукотской земли.

Сами чукчи следующим образом объясняли причины своих войн с коряками. В 1775 г., при встрече отряда чукчей с русскими, на вопрос последних: куда и зачем идут чукчи, те ответили:

«За поиском оленных коряк, для их разорения, смертного убийства и отгону у них оленных табунов».⁷⁴ На вопрос, хотят ли чукчи идти в подданство, платить ясак, а равно жить в мире не только с русскими, но и с «подданными оленными коряками», ответили, что быть в подданстве и платить ясак они готовы, а с оленными коряками мирно жить и дружбу иметь они, чукчи, не будут, а всегда на них, оленных коряков, «за поиском походами для разорения и отгону у них оленных табунов ходить не оставят».⁷⁵

Следовательно, сложившиеся отношения между чукчами и южными соседями в XVIII в. определялись стремлением чукчей к увеличению оленных стад. Нападение на соседей с целью захвата их имущества составляли важное звено процесса перехода чукчей к новым общественным отношениям.

Нападения чукчей повторялись почти ежегодно, до тех пор, пока не произошло известного «насыщения» оленями отдельных групп чукчей, пока, собственно, не сложилось чукотское пастушеское оленеводство. После ликвидации Анадырского острога практически никаких препятствий к проникновению чукчей на юг от Анадыря не осталось. Чукчи обосновались на Анадыре и к югу от него, но уже не как охотники на дикого оленя и рыболовы, а как оленеводы, обладатели больших стад.

В 1781 г. между чукчами, кочевавшими около Анадыря, и начальством Гижигинской крепости была достигнута договоренность о том, что чукчи не будут нападать на коряков.⁷⁶ Чукчи соблюдали этот пункт договора, не нарушая его, так как сами искали мирных условий жизни. Налаживалась торговля чукчей с русскими и коряками через Гижигу и поселки оседлых коряков (Каменское, Парень и др.). Жизнь входила в новое русло. Уже в 1787 г. чукчи приходили в Гижигу для торговли с русскими.⁷⁷

К началу XIX в. отношения чукчей и оленных коряков окончательно умиротворились. Исчезли недоверие и подозрительность. Налаживанию хороших отношений между чукчами и коряками содействовали ярмарки, организованные русскими. В первые десятилетия XIX в. действовали Гижигинская и Анадырская ярмарки, на которых встречались оленные чукчи, коряки и ламуты.⁷⁸

В условиях разрешения новых социально-экономических задач по-новому сложились отношения чукчей со своими соседями, в первую очередь с коряками-оленеводами. К середине XIX в. экономические и культурные связи с ними упрочились. В местах соприкосновения оленеводов исчезли границы, отделявшие ранее чукчей от коряков. Чукчи проникли далеко на юг, вглубь корякской территории.

Чукотско-юкагирские отношения

Юкагиры пришли в соприкосновение с чукчами не ранее XIII—XIV вв. Заселив р. Колыму и ее правые притоки, они проникли и далее на восток в бассейн р. Анадырь, захватив значительные охотничьи угодья. В нижнем течении р. Колымы юкагиры разъединили чукчей. Территориальное соседство юкагиров не оказало непосредственного влияния на экономику, культуру и язык чукчей. Сами юкагиры — бродячие охотники на диких оленей и лосей — не внесли ничего нового в развитие производительных сил аборигенов. Они же подверглись сильному влиянию культуры и языка своих новых соседей, стоявших на более высоком уровне развития производительных сил и производственных отношений. Вскоре после прихода юкагиров начался процесс постепенной физической, культурной и языковой их ассимиляции коряками, чукчами и в еще большей степени — эвенами.

В разные периоды по-разному складывались чукотско-юкагирские отношения. Появление русских на Северо-Востоке не одинаково было воспринято отдельными группами юкагиров. Одни из них, ослабленные в результате межплеменных и межродовых столкновений, искали у русских покровительства и защиты. Эти группы (роды) поддерживали русских, оказывали им содействие в продвижении, в освоении новых районов Крайнего Северо-Востока, были аккуратными плательщиками ясака. Другие, наоборот, противодействовали продвижению русских, отказывались вносить ясак, преследовали ясачных юкагиров. Такое поведение этих групп объясняется тем, что с приходом русских они теряли возможность безнаказанно грабить и разорять ослабевшие роды единоплеменников или соседей чужеплеменников. То же прослеживается в отношениях чукчей и юкагиров. С одними чукчи выступали совместно, на других нападали. Поэтому в отношениях между чукчами и юкагирами в XVII—XVIII вв. наблюдается некоторая противоречивость.

При первых встречах русских с юкагирами западные чукчи выступали на стороне последних. Так, летом 1642 г. отряд казаков во главе с Дмитрием Ерило, прибывший с Индигирки на Алазею, стал призывать юкагиров «под государеву высокую руку» и требовать ясака. Но «юкагиры и чухчи в государеве ясаке отказали и по обе стороны Алазейские реки обошли, и учили нас они алазеи с обеих сторон стрелять».⁷⁹

Во второй половине XVII в. отношения между чукчами и юкагирами заметно начинают изменяться. Отчетливо обозначается два враждующих лагеря. Неприязнь чукчей проявилась по отношению к ясачным группам юкагиров.

Занимаясь рыболовством, охотой и оленеводством, юкагиры жили по берегам больших рек, по которым проходило продвижение русских на север Сибири. Поэтому большинство юкагиров очень скоро было обложено ясаком. Юкагиры служили первыми проводниками промышленных людей и казаков на новые места.

Кроме того, они являлись поставщиками оленьего транспорта, продовольствия и зимней одежды. Все это способствовало осложнению отношений между чукчами и юкагирами. Однако не только чукчи, но и соплеменники — неясачные юкагиры преследовали ясачных, громили их стойбища, забирали их имущество и оленей. Вообще с приходом русских отношения между чукчами и юкагирами, коряками и юкагирами, а также между самими юкагирами, внутри племени начинают определяться тем, подчинены или не подчинены те или иные роды юкагиров самодержавию.

В целом во второй половине XVII и первой половине XVIII в. юкагиры были очень ослаблены. Это уже не было многочисленное и сильное племя. Набеги соседей, внутриплеменной разлад, эпидемии оспы опустошили их стойбища. Ни одна из народностей Северо-Востока не подверглась такому дружному нападению соседей, как юкагиры. В 1678 г. алазейские ясачные юкагиры просили Якутского воеводу Фому Бибикова послать к ним служилых людей для защиты от «немирных и неясачных чукоч». «Во 184 году, — говорится в их челобитной, — немирные и неясачные иноземцы чюхчи побили наших многих лутчих людей и улусных, и жен и детей в полон взяли и оленешек отгнали, приходя в наши ясачные промыслища. . . А топере мы холопи ходим на соболиные ясачные дальние промыслища, боячись тех чюхочь и иных посторонних орд».⁸⁰

Взаимоотношения чукчей с юкагирами на Анадыре также носили неустойчивый характер. Здесь, с одной стороны, известны частые нападения чукчей на юкагиров и, с другой — то, что юкагиры были весьма активными посредниками в торговле между чукчами и русскими.

С присоединением Камчатки Анадырск стал узловым пунктом, в котором сосредотачивалось много народу. Потребовались большие запасы рыбы и оленьего мяса, так как в Анадырск практически никакого провианта не завозили, и питание русских зависело от промысла рыбы и диких оленей. Все места перехода оленей через р. Анадырь от верховьев до устья р. Красной использовались командой Анадырского острога и другими его жителями. Это также служило одной из причин ухудшения чукотско-юкагирских отношений. Однако, как и на Колыме, на Анадыре ясачных юкагиров преследовали в первую очередь неясачные коряки и чукчи. В 1685 г. Василий Тарасов, ясачный сборщик Анадырского острога писал в Якутск: «Которые иноземцы ясак платят и те у ясачного платежу говорят: ясак с нас просите, а от неясачных коряк и чюхоч не обороняете, те коряки и чухчи многих родников их на соболиных промыслах побивают и жен и детей и родников их в полон емлют и оленей грабят, из их жилищь сбили».⁸¹

В 1732 г. командир Охотского порта Скорняков-Писарев приказал Д. Павлуцкому «строить остроги: один на устье р. Анадыря, или р. Березовой, для защиты русских, коряк и юкагиров от немирных чукоч, мешающих последним заниматься здесь промыслом диких оленей».⁸²

К середине XVIII в. преследование юкагиров чукчами приняло особенно жестокий характер. В 1754 г. «на речке на Луче восемь юрт князца Ядачи Соболякова в 17 человеках, да трех женок смертно убили, да в плен взято мужеска полу 25, да женска полу 56, да пограблено оленей 912, куяков железных два, шишак один, копей железных 4, котлов медных и железных 23, да кроме оногo собственных их пожитков всего на 8114 р. 77 коп.»⁸³

Особенно опустошительным было нападение чукчей на юкагиров в 1756 г., когда чукчи забрали 120 человек юкагиров в плен и захватили все их имущество.⁸⁴

Несмотря на частые случаи нападения чукчей на юкагиров, между ними существовали и другие формы отношений. По-видимому, юкагиры издавна были посредниками в обмене чукчей с Югом и Юго-Западом. Можно предполагать, что через них осуществлялась связь с Охотским побережьем и Якутией. Они же оказались посредниками в торговле между чукчами и русскими, по крайней мере в XVII и первой половине XVIII в. Подтверждение этому имеется в ряде документов того времени.⁸⁵

Одна из бухт с впадающей в нее небольшой речкой в Заливе Креста называется по-чукотски *Этэлкуем*, что означает «Юкагирская бухта». Возможно, где-нибудь на этой речке или на берегу бухты и было прежде «юкагирское торговище».

После ликвидации Анадырского острога все местное и пришлое оседлое население было вывезено большей частью в Нижне-Колымск и частично в Гижигинск. На Анадыре юкагиров не осталось. Однако с конца XVIII в. Анадырь снова начали заселять пришельцы с Колымы и Гижиги. К середине XIX в. возникло несколько поселков с оседлым населением, которое вело свое происхождение от юкагиров, чуванцев, ходынцев, русских. Наиболее крупными поселениями были Марково, Усть-Белая, Еропол.⁸⁶

Между чукчами и оседлыми жителями Анадыря установились хорошие деловые отношения. На Анадыре снова пачала развиваться торговля. Местное оседлое население содействовало этому, доставляя на своих собаках товары гижигинских купцов на Анадырь. Кроме того, среди местного оседлого населения возникло кустарное производство некоторых предметов нужных в хозяйстве и быту чукчей-оленоводов (легковые нарты, ножи, тесла, табакерки и др.).

На Колыме и к востоку от нее в конце XVIII в. нападения чукчей на юкагиров также прекратились. Со времени основания Аноийской ярмарки между чукчами и коренным населением Приколымья (юкагиры, эвены, эвенки, коряки) наладился оживленный обмен.⁸⁷ В местах наиболее близкого соприкосновения чукчей с юкагирами шел процесс ассимиляции юкагиров. А. Аргентов в середине XIX в. отметил значительное количество смешанных браков чукчей с юкагирами.⁸⁸

- ¹ *Золотарев А. М.* Из истории этнических взаимоотношений на Северо-Востоке Азии // Изв. Воронеж. пед. ин-та. 1938. Т. 4. С. 81.
- ² Там же. С. 86.
- ³ *Вдовин И. С.* К истории общественного строя чукчей // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1950. № 115. С. 73—100.
- ⁴ *Леошин Н. Н.* Древняя стоянка в верховьях р. Якиткивема (Чукотский полуостров) // КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 193.
- ⁵ *Окладников А. П.* Первый неолитический памятник Чукотского полуострова // КСИИМК. 1950. Вып. 31. С. 197—198; История Якутии. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 124.
- ⁶ *Окладников А. П.* О первоначальном заселении человеком внутренней части Чукотского полуострова // ИВГО. 1953. № 4. С. 411; *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979. С. 134, 139, 147.
- ⁷ *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969. С. 28; *Диков Н. Н.* Древние культуры. . . С. 176, 201.
- ⁸ *Окладников А. П.* О первоначальном заселении. . . С. 411.
- ⁹ *Окладников А. П., Некрасов И. А.* Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у оз. Эльгытгы) // СА. 1957. № 2. С. 114.
- ¹⁰ *Диков Н. Н.* Древние культуры. . . С. 129.
- ¹¹ *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. Новая серия. 1951. Т. 7. С. 114.
- ¹² *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. 359 с.
- ¹³ Там же. С. 300.
- ¹⁴ Там же. С. 301.
- ¹⁵ *Вдовин И. С.* Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 99—113.
- ¹⁶ *Диков Н. Н.* Предварительные данные о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1958 году // Краевед. зап. (Магадан). 1959. Вып. 2. С. 93.
- ¹⁷ Там же; *Диков Н. Н.* Древние культуры. . . С. 157.
- ¹⁸ *Крейнович Е. А.* Юкагирский язык. М.; Л., 1958. С. 245—246.
- ¹⁹ *Богораз-Тан В. I* Чук. чин. Л., 1934. Ч. 1. С. 175.
- ²⁰ *Березкин Н. Н.* Юкагиры (рукопись) // Архив ЛЧ ИЭ, К-5, оп. 1, № 6, с. 8.
- ²¹ *Диков Н. Н.* Древние культуры. . . С. 152.
- ²² *Василевич Г. М., Левин М. Г.* Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1. С. 63—87; *Вайнштейн С. И.* Роль экологических факторов в этнокультурогенезе (на примере генезиса оленеводства у народов Тихоокеанской зоны Северной Азии). М., 1979. С. 71—73; *Гурвич И. С.* Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 223—225.
- ²³ *Долгих Б. О.* Расселение народов Сибири в 17 в. // СЭ. 1952. № 3. С. 81; Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 9.
- ²⁴ *Вдовин И. С.* К истории общественного строя чукчей. С. 78.
- ²⁵ *Алексеев В. П.* Антропологические исследования на Чукотке в 1970 г. // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1971. С. 22.
- ²⁶ *Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А.* Самые северные в мире следы верхнего палеолита // СА. 1972. № 3. С. 332—336; и др.
- ²⁷ *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. С. 250.
- ²⁸ *Дульзон А. П.* О древних связях енисейских народов с чукотско-камчатскими по данным языка // Магериалы конференции «Этногенез Северной Азии». Новосибирск, 1969. С. 31.
- ²⁹ *Диков Н. Н.* Древние культуры. . . С. 129.
- ³⁰ *Мочанов Ю. А., Багынанов Н. Г., Кистенев С. П.* Первая археологическая разведка в верховьях Малого Анюя (Центральная Чукотка) // Археология, этнография Восточной Сибири: Тез. докл. Иркутск, 1978. С. 63.
- ³¹ *Окладников А. П.* История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 174—175.
- ³² *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения. . . С. 250—253; *Федосеева С. А.* Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980. С. 155.
- ³³ *Диков Н. Н.* Древние культуры. . . С. 108, карта «Неолитические памят-

- ники Камчатки, Колымы и Чукотки».
- ¹⁴ Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977. С. 242; Федосеева С. А. Ымыяхтаская культура. . . С. 160; Кистенев С. П., Михалев В. М. Родинское погребение в низовьях Колымы // Сибири в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 3. С. 47.
- ³⁵ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951. С. 108; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. С. 248; Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960. С. 294—295; Золотарева И. М. Юкагиры (антропологический очерк) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 165; Гладкова Т. Д., Хитъ Г. Л. Материалы по дерматоглифии некоторых народов Сибири // Там же. С. 146; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры М., 1971. С. 118; Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Антропологические исследования на Чукотке // ЗЧКМ. 1973. Вып. 6. С. 6—7.
- ³⁶ Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Антропологические исследования на Чукотке. С. 7.
- ³⁷ Скорик П. Я. Чукотско-камчатские языки // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968. Т. 5. С. 246.
- ³⁸ Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сибирский этнограф. сб. М.; Л., 1961. III; Меновицков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Л., 1967. Ч. 2. С. 269—272.
- ³⁹ Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1939. Ч. 2. С. 23—25, 28—29.
- ⁴⁰ Вдовин И. С. К истории общественного строя чукчей. С. 77—78.
- ⁴¹ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. С. 243.
- ⁴² Алексеев В. П. Антропологические исследования на Чукотке в 1971 г. // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М., 1972. II. С. 307.
- ⁴³ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820—1824. М., 1948. С. 298.
- ⁴⁴ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. С. 10, 15, 19
- ⁴⁵ Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов // СЭ 1979. № 2. С. 23—24.
- ⁴⁶ Вдовин И. С. Предисловие редактора к книге В. Г. Богораза «Материалы по языку азиатских эскимосов». Л., 1949. С. 12—14
- ⁴⁷ Подробнее см.: Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сиб. этнограф. сб. М.; Л., 1961. III. С. 27—63.
- ⁴⁸ Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.; Л., 1954 (ср. тексты № 1, 11, 12, 16 и др.).
- ⁴⁹ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 2. С. 100 и др.
- ⁵⁰ Там же. С. 46.
- ⁵¹ Там же. С. 66.
- ⁵² Там же. С. 84, 95—97.
- ⁵³ Там же. С. 46, 66, 68.
- ⁵⁴ Там же. С. 61.
- ⁵⁵ Там же. С. 69.
- ⁵⁶ Замечания о чукчах // ЖМВД. 1835. № 5. С. 337.
- ⁵⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 160.
- ⁵⁸ См. подробнее: Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 55—56.
- ⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1264, 1-й Сибирский Комитет, д. 2, л. 77.
- ⁶⁰ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795. Магадан, 1978. С. 162—164; ЦГАВМФ СССР, фонд экспедиции Биллингса (214), д. 28, л. 403—406.
- ⁶¹ Там же, д. 12, л. 104.
- ⁶² Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1, ч. 2. С. 260.
- ⁶³ Врангель Ф. 1) О горговых отношениях между туземцами северо-восточного берега Азии и северо-запада Америки // ЖМВД. 1851. Кн. 7, ч. 35. С. 108—110; 2) О торговых отношениях народов Северо-Западной Америки между собою и с чукчами // Телескоп. 1835. № 8. С. 604—613; Лазарев А. П. Плавание вокруг света военного шлюпа «Благонамеренный». М., 1950. С. 308—309; Вдовин И. С. Торговые связи населения Северо-Востока Сибири и Аляски (до начала XX в.) // Летопись Севера. М., 1964. 4. С. 117—127; Ray D. J. The Eskimos of

- Bering Strait, 1650—1898. Seattle and London, 1975. P. 87—102.
- ⁶⁴ *Вдовин И. С.* Юагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 99—113.
- ⁶⁵ ДАИ. Т. 4. Док. 7.
- ⁶⁶ *Огородников В. И.* Из истории покорения Сибири. Покорение юагирской земли // Тр. Гос. Ин-та народного образования в Чите. 1922. Кн. 1. С. 268.
- ⁶⁷ ЦГАДА, ф. 199. № 528, т. II, тетр. 9, л. 142 об.
- ⁶⁸ Там же, л. 51; № 539, тетр. 13, л. 25.
- ⁶⁹ Там же, № 539, тетр. 1, л. 10 об.
- ⁷⁰ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: Сб. архивных материалов. Л., 1935. С. 161.
- ⁷¹ См. подробнее: *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. С. 66.
- ⁷² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е, 1830. Т. XI. Ст. 548.
- ⁷³ ЦГАВМФ СССР, ф. 116, д. 2, л. 251.
- ⁷⁴ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 19, л. 54.
- ⁷⁵ Там же, л. 55.
- ⁷⁶ *Шаховской А.* Известия о Гижигинской крепости // Северный архив. СПб., 1822, Ч. 4. С. 288.
- ⁷⁷ Лесеепово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири. М., 1801. Ч. 2. С. 114.
- ⁷⁸ Замечания о чукчах // ЖМВД. 1835. № 5. С. 365.
- ⁷⁹ *Оглоблин Н. Н.* Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. // ЖМНП. 1903. Май. С. 60; *Токарев С. А.* Несколько данных XVII в. о якутах и их соседях: Сб. материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 10.
- ⁸⁰ ДАИ. Т. 4. С. 69.
- ⁸¹ ЛО ААН СССР, фонд 21, оп. 4, кн. 32, л. 124.
- ⁸² *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 4. С. 130.
- ⁸³ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. I, тетр. 17, л. 16; *Гурвич И. С.* Юагиры чуванского рода в середине XVIII в. // Сибирский сб., II. М.: Л., 1957 (ТИЭ. Новая серия; Т. 35). С. 250—262.
- ⁸⁴ ЦГИА СССР, фонд Сената, Секретная экспедиция, д. 1558. л. 300.
- ⁸⁵ Там же, ф. Сената, Секретная экспедиция, № 1552, л. 12.
- ⁸⁶ *Дьячков Г.* Анадырский край // ЗОИАК (Владивосток) 1893. Т. 2. С. 67.
- ⁸⁷ *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. С. 176, 389.
- ⁸⁸ *Аргентов А.* Первая народная перепись чукчей, населяющих Чаванский край // Архив Географ. общества в Ленинграде, разряд 64, оп. 1, № 32.

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Авторы первых известий о чукчах XVII—начала XVIII в. делят их по роду занятий на оленных, «сидячих» и «пеших». Не трудно понять, что «чукчи оленные» — это те, кто имел оленей, вел кочевой образ жизни. «Сидячими» называли группу оседлых чукчей, которые имели оленей лишь в количестве, необходимом для передвижения в целях охоты. Жили они на побережье моря, охотились на диких оленей и на морских млекопитающих.

«Пешие чукчи» — это оседлые охотники на морских зверей, которые, однако, не имели оленей и не использовали, по-видимому, и ездовых собак. Определение «пешие» чаще всего применялось к оседлым жителям Тихоокеанского побережья, т. е. к сибирским эскимосам. Уже в XVIII в. всех чукчей в отличие от эскимосов называли «чукчи оленные», а эскимосов — «чукчи пешие».

В 1711 г., возвратившись с «Чукотского носа» в Анадырский острог, Петр Попов рассказывал: «Оленные чукчи в Носу живут по камням, ради оленных своих табунов кочуют по разным местам. А пешие чукчи по обе стороны Носу живут по коргам, подле море, в зимных юртах, где коротает морж. А кормятца они, чукчи, оленные и пешие: промышляют по камням и рекам диких оленей и морскими китами, моржами, белугою (белухою. — *И. В.*), нерпами, корением и травою». ¹ Эта характеристика замечательна тем, что в ней предельно просто и отчетливо показан комплексный характер чукотской экономики. Несмотря на уже определившееся выделение из этого комплекса оленеводства, с одной стороны, и морского зверобойного промысла — с другой, для представителей того и другого направления хозяйственной деятельности было все еще весьма важно занятие охотой на диких оленей.

Ежегодно весной стада диких оленей совершали переходы с юга на север, из полосы лесотундры к побережью моря. Насколько велико было количество оленей, можно судить по такому сообщению: «Дикие важеньки проходят на север еще по льду (через р. Анадырь. — *И. В.*) так великими табунами, что тысяча по десять более в одном месте бывает». ²

Охота производилась так: когда олени достигали середины реки, из засад выезжали чукчи на одноместных байдарках, окружали их и кололи специальными «покологами» на «плаву». Покольщиками были сильные и ловкие мужчины, тогда как другие, в том числе и женщины, ловили уносимые течением туши убитых и раненых оленей. Как сообщал Т. И. Шмалев, «хоняб тысячу оленей, то в полчасы 10 человек могут заколоть. . . Когда хорошая плавь бывает, то не выключая и младенцев, на каждого достается оленей по двадцати». ³

По мере развития пастушеского оленеводства экономическое значение охоты на диких оленей падало. К 50-м гг. XIX в. резко

сократилась численность этих животных не только на Чукотке, но также на Колыме и ее притоках Б. и М. Аноях, Омолоне.

Наряду с упадком промысла диких оленей шло развитие морского зверобойного промысла и оленеводства — ведущих занятий чукчей.

Оленеводство

Никаких статистических сведений о количестве оленей у чукчей в XVII—XVIII вв. нет. Наличие у основной массы лишь ездовых и небольшого количества воспроизводящих стадо оленей прослеживается по косвенным материалам. С начала XVIII в. усилились набеги чукчей на коряков и юкагиров с целью захвата их оленей и имущества. Сами себя коряки и юкагиры не могли защитить. Они просили защиты у гарнизона Анадырского острога. На протяжении первой половины XVIII в. были предприняты известные походы Павлуцкого по Чукотке. Из донесений о них мы и получаем некоторые сведения о состоянии чукотского оленеводства.

Первый поход Павлуцкого в 1731 г. продолжался в течение 8 месяцев. За все это время было взято 12 табунов оленей, «в коих было по тысяче и по две».⁴

Во время второго похода в 1744 г., продолжавшегося 6 месяцев, «в добычу было получено оленей 4620».⁵ Табуны оленей у чукчей были малочисленны. Так, из донесений отдельных команд узнаем: «чукчей было 157 человек . . . оленей 100»; «В стойбище чукотского тойона Киниама было мужчин 22. . . оленей 300»; в другом месте — «олений 50».

В 1746 г. был совершен поход из Анадырска к р. Чаун и по побережью Чаунской губы, где было обнаружено всего 600 оленей. По материалам означенных походов на Чукотку прослеживается оленеводство и у «сидячих» чукчей. В показаниях сотников Нижегородова, Попова и пятидесятника Русакова сообщается: «9 числа мая (1732 г. — *И. В.*), дошед до первой сидячих около того моря чукок юрты, нашли оленей сто».⁶

В 1756 г. чукчи в количестве 43 юрт переселились к югу от Анадыря. У них было всего до 5000 оленей,⁷ т. е. в среднем около 100 голов на хозяйство.

Таким образом, чукотское оленеводство в конце XVII и первой половине XVIII в. еще далеко не сложилось в самостоятельную отрасль производства, оно еще было органически слито с охотой.

К началу 70-х годов XVIII в. чукчи разорили прианадырских юкагиров, захватив не только их оленей, но и территорию, где они кочевали. «Которые юкагиры прежде жительство имели от Анадырска к Яблоной речке между хрептами. . . все убиты чукчами», — сообщал в 1763 г. сибирскому губернатору Ф. Соймонову из Анадырска Ф. Плениснер.⁸

По данным канцелярии Анадырского острога, а после 1770 г. канцелярии Гижигинской крепости, с 1725 по 1773 г. чукчи захва-

тили у коряков 239 000 оленей, угнали в плен несколько сот женщин и детей.⁹ Цифра эта явно преувеличена, что признавали еще в XVIII в., однако сам факт захвата является красноречивым свидетельством того, на какой базе складывалось чукотское пастушеское оленеводство.

К 80-м гг. XVIII в. набеги чукчей на коряков прекратились. С этого времени чукотское оленеводство развивается только за счет естественного прироста.

В экономике чукчей, начиная со второй половины XVIII в., становится заметным влияние русского торгового капитала. С ликвидацией Анадырского острога (1771 г.) чукчи потеряли ближайший пункт торговли с русскими. Они неоднократно обращались к представителям царской власти с просьбой о восстановлении его. В 1788 г. была основана Анойская ярмарка, которая сразу же привлекла большое количество чукчей. В том же году иркутский купец Александр Баранов получил разрешение основать промыслы и торговлю на Анадыре.¹⁰ То обстоятельство, что торговые пункты русских оказались на границах территории, занимаемой чукчами, побудило последних перекочевать со своими стадами в районы более близкие к местам торговли. Так, в 60-х гг. XVIII в. началось переселение чукчей к югу от Анадыря, а в 70—80-х гг. — движение оленных чукчей к западу от Чаунской губы на притоки р. Колымы — Б. и М. Анюев, а затем и другие реки; к середине XIX в. значительная группа чукчей-оленоводов вышла уже к р. Колыме.

На протяжении конца XVIII и первой половины XIX в. торговля на Анойской ярмарке развивалась успешно и привлекала значительное количество чукчей и чукотских торговцев *кавральыт*. Продукты оленеводства, особенно шкуры и одежда из них, находили большой спрос на Анойской ярмарке, а на берегах Берингова пролива охотно скупались аляскинскими эскимосами, что также стимулировало развитие оленеводства. Кроме того, для перевозки грузов как на Аною, так и к берегам Берингова пролива требовалось значительное количество упряжных, обученных оленей, которые готовились чукчами-оленоводами, особенно в тех местах, где проходили пути на Аною. «На берегах Чаунской губы, — отмечал Ф. Матюшкин, — чукчи переменяют своих оленных оленей у кочующих там племен и следуют далее».¹¹

Так постепенно чукотское оленеводство выходило из рамок узкопотребительского натурального хозяйства. Формирование пастушеского оленеводства явилось важным шагом в развитии производительных сил чукотского общества.

В XIX в. количество оленей у чукчей возросло. «Бедные оленные чукчи имеют до 100, а богатые до 1000 оленей».¹² Позднее имущественная дифференциация у оленеводов зашла еще дальше. Так, по наблюдениям А. Аргентова, хорошо знавшего анойскую и чаунские группы чукчей, «некоторые хозяева содержат по 10 и даже по 12 тысяч голов, а по 3 и по 5 тысяч штук многие».¹³

К середине XIX столетия преобладающим занятием чукчей являлось оленеводство. По данным переписи 1897 г., 8869 человек

чукчей были оленеводами, 2841 — охотниками на морского зверя и рыболовы, 18 — занимались преимущественно торговлей и кустарными промыслами, 67 — прочими занятиями.¹⁴

В XIX в. чукчи-оленеводы продолжали распространяться к западу от Колымы и к югу от Анадыря. В конце XIX в. 13 лагерей оленеводов уже кочевали в междуречье Индигирки и Алазеи.¹⁵ Таким образом, кочевья чукчей были разбросаны на огромной территории от побережья Тихого океана на востоке до правых притоков нижнего течения р. Индигирки на западе, а на юг — до Камчатского перешейка.

Исторически сложились две области расселения оленных чукчей: южная — по долине р. Анадыря с ее притоками и северная — от побережья Ледовитого океана до Анадырского хребта.

В свою очередь на территории южной и северной областей чукчи делились на более мелкие территориальные группы. Об их расселении, численности в них стойбищ, количестве оленей в хозяйствах подробно писал В. Г. Богораз.¹⁶ Его оценки весьма приближительны, однако никаких других, более точных данных по этому вопросу к началу XX в. не было. Наиболее плотно оленеводы были расселены по М. Анюю и его притокам. Здесь их стойбища, по образному выражению чукчей, располагались *ым нылгыл вытра* («на расстоянии возможности видеть дым»).

Как бы промежуточное положение между оседлыми и оленеводами занимали чукчи, которые имели незначительное количество оленей, что принуждало их жить постоянно в непосредственной близости от берега моря, дабы возмещать недостающие продукты питания и другие средства к жизни за счет морского зверобойного промысла и рыболовства. В стадах таких оленеводов обычно выпасались также олени, принадлежавшие оседлым чукчам. Такие хозяйства насчитывали 150—200 оленей. Они кочевали и зиму, и лето недалеко от береговых поселков преимущественно Тихоокеанского побережья Чукотки.¹⁷

Во второй половине XIX в. начали переходить на постоянное жительство по р. Анадырю обедневшие оленеводы. Средствами к жизни им служили охота на диких оленей и рыболовство. Количество хозяйств оседлых чукчей на Анадыре не превышало двух десятков.¹⁸

Продукты оленеводства давали все необходимые средства к жизни чукчам-оленеводам: пищу, одежду и обувь, жилище и средства передвижения. Вся жизнь чукчей-оленеводов была тесно связана с выпасом оленей, с перекочевками и подысканием наиболее удобных пастбищ.

В летнее время стада находились на побережье океана, где благодаря постоянным ветрам, прохладе, идущей от воды и льдов, было меньше оводов и комаров. Пребывание на побережье океана давало возможность части чукчей заняться промыслом морских зверей и рыбной ловлей.

Около четверти оленных чукчей проводили лето со своими стадами в горах, где в лощинах по северным и западным склонам

гор сохранялся снег. Здесь было прохладно, меньше было «гноса». Это были по преимуществу крупные стадовладельцы. Летом их стада выпасались по притокам верхнего и среднего течения р. Анадыря, в верховьях Б. Анюя, на водоразделе рек Погынден и Б. Баранихи, в верховьях Олая и других правых притоков Омолона.¹⁹

С наступлением осени все группы чукчей оленеводов продвигались в глубь материка, к границе леса, на зимние пастбища, в места, более защищенные от ветров. Стоянки оленеводы меняли по мере того, как стадо выедало моховища. Перекочевки обычно производились на расстоянии 5—10 км в одном районе и с таким расчетом, чтобы к весне можно было снова выйти на то место, где находилось стойбище в прошлое лето. Годовой маршрут представлял собой замкнутую кривую.

Резко менялись районы кочевания при образовании гололедицы, что приводило к изнурительным дальним перекочевкам, а иногда к смене района обычного кочевания.

Чукчи не знали пастушеской собаки, поэтому вся тяжесть выпаса оленей ложилась на плечи пастухов. Они неотлучно находились при стаде, иногда сутками не приходили в стойбище, опасаясь потерять оленей.

Большой урон оленеводству причиняли волки, особенно в зимнее время. Весной и летом труд пастуха становился еще более утомительным, так как олени стремились быстрым бегом избавиться от назойливых преследований гноса. Не менее трудной порой для пастухов было время отела и гона оленей, тогда на помощь пастухам приходили все жители стойбища.

Для удовлетворения жизненных потребностей семьи (в мясе, шкурах для одежды, жилищах, наличия достаточного количества упряжных олсней) требовался определенный минимум оленей — 200—250 голов на одну обычную семью. Количество оленей, необходимое для существования одной семьи, установлено на основании проведенного мною опроса оленеводов (в 1932—1934 гг.). Однако на этот счет существуют разные точки зрения. Так, В. Г. Богораз считал, что средний размер стада, обеспечивающий существование семьи, — 300—400 голов.²⁰ Н. Ф. Калинин полагал, что для сносного существования семьи оленевода достаточно иметь около 100 оленей.²¹ Впрочем, среднее число оленей в отдельных хозяйствах чукчей в разных районах их расселения было неодинаковым: «У чукчей Чаунской губы и групп Эрри и Тэлкэп стада в среднем состоят из 400—500 важенок, на Чукотском полуострове стадо среднего размера имеет не более 100 важенок».²²

Хозяйство абсолютного большинства чукчей во второй половине XIX в. сохраняло в основном натуральный характер. Все необходимые средства передвижения, многие предметы домашней утвари, некоторые орудия труда — все это изготовлялось внутри хозяйства. В середине XIX в. чукчи сравнительно слабо были втянуты в товарно-рыночные отношения. Из продуктов оленевод-

ства поступали на рынок разные виды шкур и в очень малом количестве мясо оленей. Для средних и малооленных хозяйств большое товарное значение имела добываемая ими пушнина.

Вовлечение чукчей-оленоводов в товарно-рыночные отношения, которые стали более заметны с 70-х гг. XIX в., способствовало развитию кустарных промыслов и усилению ручного труда женщин, изготовлявших на продажу одежду и обувь.

К концу XIX в. увеличился спрос на продукты оленеводства. По наблюдениям В. И. Йохельсона, «раньше вывоз оленьих шкур из Нижнеколымского округа был довольно ограничен, но за последние 6—7 лет эти шкуры занимают по стоимости вывоза их в Якутск то второе, то первое место в ряду более ценных мехов». С 1890 г. из Якутска начали вывозить олени выпоротки и на Ирбитскую ярмарку. «За период от 1886 по 1892 год было вывезено с Анюйской ярмарки 18 000 выпоротков, 4000 ровдуг, 200 пыжиков, 450 недорослей и постелей (шкуры оленя зимнего убоя. — И. В.)».²³

Ровдуги выделялись жителями Нижнеколымска из шкур оленей, приобретаемых у чукчей. Значительная часть их поступала с Анадыря. На востоке шкуры и изделия из них интенсивно скупались аляскинскими эскимосами, американскими китобоями и контрабандистами. Потребителями их были золотоискатели Аляски.

Большое значение для дальнейшего вовлечения оленеводческого хозяйства Чукотки в товарно-рыночные отношения имело налаживание регулярного сообщения пароходами из Владивостока. С начала XX в. пароходы пошли и до Колымы.

Русское и обруселое туземное население р. Анадыря вело с чукчами оживленный обмен, променивая им предметы кустарного производства, товары, завозимые русскими купцами, главным образом на мясо и шкуры оленей. Н. Л. Гондатти подсчитал, что «с октября 1894 года по май 1895 года оседлым населением по Анадырю было приобретено у кочевого, на еду, 1986 голов оленей».²⁴ Аналогичные отношения складывались в XIX в. и на Колыме.

Развитию чукотского оленеводства в районах обеих Анюев способствовал все увеличивавшийся спрос на оленью сырье (шкуры, кожи) со стороны якутских торговцев. Известное влияние на развитие чукотского оленеводства во второй половине XIX в. оказали возраставшие потребности в его продуктах со стороны оседлых чукчей и сибирских эскимосов. По донесениям Анадырского окружного начальника, в 1896 г. «экономическое благосостояние оленных чукчей в общем увеличилось вследствие увеличения количества стад оленей и значительного спроса на оленью мясо со стороны оседлого инородческого населения».²⁵

Постепенное расширение торговли с русскими и иностранцами во второй половине XIX в. способствовало дальнейшему разрушению натурального характера чукотского оленеводческого хозяйства.

В конце XIX—начале XX в. в чукотском оленеводстве можно отметить несколько социально-экономических процессов: во-первых, обеднение части оленеводов, в результате чего они попадали в разряд бедняков-батраков или переходили на оседлость; во-вторых, увеличение численности оленей у богатых ставовладельцев; в-третьих, обзаведение оленями зажиточной частью оседлых чукчей и эскимосов.

Большое влияние на обеднение чукчей имели частые падежи оленей. Начальник Анадырской округи в 1895 г. сообщал приамурскому генерал-губернатору, что «у многих инородцев погибло более половины стад». ²⁶ В 1915 г. из Анадырского уезда доносили, что «эпизоотии оленей не прекращаются». С 1897 по 1915 г. «погибло не менее 300 000 оленей». ²⁷ Разорение оленеводов охватило и Чукотский уезд. Как сообщал начальник уезда (1910 г.), «на востоке Чукотского полуострова олени почти совсем перевелись. Не так давно... в районе Мечигменской бухты стояли крупные оленеводы. Но гололедица и выкочевки обезоленили край и теперь там только изредка можно встретить маленькие стада». ²⁸ Большой урон оленеводству нанесли нападения волков и гололедицы. Во время гололедицы зимой 1904—1905 г. около сорока малооленных хозяйств чукчей в районе Чауна потеряли всех своих оленей. ²⁹ Тот же процесс обеднения слабых хозяйств чукчей наблюдался и к востоку от Колымы. В результате гибели оленей у чукчей западной тундры «интенсивно распространяется... переход от кочевого скотоводства к полуседлому рыболовству». ³⁰ Как чукчи приспосабливались к новым условиям, описывает С. А. Бутурлин: «Я был поражен той степенью духовной и бытовой эластичности, которую они... выказали, переходя без замедления от привычного бродячего пастушества к полуседлому рыболовству. Всего несколько лет назад можно было просхать от Колымы до Чаунской губы, не встречая у моря чукчей, теперь же повсюду виднеются их руды (юрты. — *И. В.*). Я видел стариков, в первый раз прикочсвавших к морю с тундренных хребтов, чтобы приобрести рыболовные и нерпичьи сети и поучиться у русских их метать». ³¹

Заметное влияние на разорение части оленеводов имела торговая эксплуатация их местными купцами, которые в целях обогащения не гнушались никакими средствами. «В некоторых мне известных случаях, — отмечал С. А. Бутурлин, — причиной разорения была... беспощадная эксплуатация торговцев или увлечение картами и спиртом». ³² Были случаи злоупотребления чукотским гостеприимством.

Большой урон чукотскому оленеводству в конце XIX—начале XX в. нанесла политика американского капитализма. В 1891 г. представитель Департамента просвещения на Аляске Джексон Шелдон под предлогом налаживания разоренного хозяйства аляскинских эскимосов организовал закупку живых оленей на Чукотке. Американский конгресс утвердил специальный закон о финансировании предпринимателей, изъявивших желание за-

няться приобретением оленей на Чукотке и Камчатке. Американская печать пропагандировала ввоз оленей на Аляску как основное «прибыльной промышленности». Этот призыв имел успех. С 1896 г. начали вывозить оленей с Чукотки частные предприниматели. С 1892 по 1899 г. вывезено 1920 живых оленей, преимущественно самок, не считая того количества, которое вывезли частные предприниматели.³³

Вывоз живых оленей, мяса и шкур с Чукотки особенно усилился после 1899 г., когда в Номе было открыто золото. Какое количество оленей было забито и вывезено на Аляску, никем не учитывалось. «Закупку оленей, — писал Гондатти, — американцы производят почти насильно, продают необыкновенно бедные иногда последних животных, соблазняемые ружьями: за 5 важенок двухлетнего возраста или трех важенок и трех быков того же возраста дают винчестер»³⁴ с принадлежностями.

В. В. Солярский пришел к выводу, что в среде оленеводов «систематически умножается безоленный пролетариат».³⁵

В то же время оседлые зверобои — зажиточные байдаровладельцы, торговцы — скупали живых оленей и создавали свои стада. «Сидячие чукчи сами стараются завести оленей, — отметил К. И. Богданович, — так, чукчи селения Унынн (эскимосы. — И. В.) и на острове Ширлук имеют уже большие тысячные стада, которые пасутся ими на островах Аракам и Ширлук и на близлежащих берегах; имеются стада у жителей сел. Уэлен и других».³⁶

Не только чукчи, но и эскимосы обзаводились оленями. «Некоторые эскимосы, — сообщалось в 1914 г., — содержат оленей под присмотром чукчей-оленеводов. У айванов — жителей с. Уныина и острова Итыграна имеются оленьи стада в 1000 голов и более».³⁷ Эту тенденцию отметил еще Г. Дьячков, который писал: «Носовые чукчи торговцы „кавраляне“ кочуют вверх по Анадырю и покупают здесь оленей, обменивая их на лафтаки, ремни».³⁸

В то время как массы мелких и средних оленеводческих хозяйств разорялись, крупные стадовладельцы упрочали свое положение. По сведениям В. Г. Богораза, «в верховьях Омолона у Эйгэли было 5 стад, до 15 тыс. голов, у его соседа Рочгэлина — 2 табуна — 5 тыс. На западной тундре у Етыгына 2 табуна — 4 тыс., у Араро — 3 табуна — 8 тыс. оленей».³⁹

Богатые стадовладельцы умножали свое состояние не только за счет размножения оленей: все они занимались торговлей, скупкой пушнины, перепродажей русских товаров, оленей и т. п.

Верную по социальным признакам характеристику богатым чукчам дал первый начальник Анадырского окружного управления Л. Гриневицкий: «Можно принять за правило, что все богатые чукчи всегда отличаются черствостью даже в отношении собратий своих, бедняки же и среднего достатка люди все, сколько мы не знаем их, — прекрасные люди».⁴⁰

Во второй половине XIX—начале XX в. ведение оленеводческого хозяйства, орудия труда оленеводов, весь комплекс средств

передвижения оставались теми же, какими они были в XVIII—XIX вв. Никаких заметных усовершенствований в ведении оленеводства внесено не было.

Морской зверобойный промысел

К середине XVII в. морской зверобойный промысел оседлых чукчей достиг высокого уровня развития. Объектами охоты были тюлени, моржи и киты. От охоты на морских млекопитающих чукчи получали основные продукты питания. Кожы моржей шли на изготовление ремней, для такелажа байдар, для линей к гарпунам; использовались для кровли яранг, настилались на пол в спальных помещениях (пологах). Из кишок моржа шились дождевики. Шкуры тюленей (нерп, лахтаков) шли на пошивку некоторых видов одежды, обуви, мешков для хранения разных хозяйственных предметов и некоторых продуктов, бурдюки (*пыгылыг*) использовались для хранения жира, из них же вырезались ремни разного сечения, которыми крепились части нарт, из них вязали сети для промысла тюленей и т. п.

Жир морских животных употреблялся в пищу, шел на освещение и отопление жилища. Из клыков моржа изготавливались орудия охоты и их части (наконечники гарпунов, стрел, пешней), охотничьи санки (*кэныр*), части упряжи для собак и оленей (кольца, пуговицы), части парусного такелажа для байдар, некоторые предметы бытового обихода (черпаки, ложки, рукоятки) и т. д. Моржовый клык служил материалом для изготовления предметов искусства и культа. Из китового уса делали сосуды, им подбивали полозья нарт, из волокон его плели сети, лески для удочек. Кости китов употребляли в качестве строительного материала (на лабазы, вешала, перекладыны, балки в землянках), из них делались подполозки для нарт и многое другое, использовали их как топливо. Шкуры и кожи морских млекопитающих, всевозможные ремни, жир, обувь — все это находило широкий спрос у чукчей-оленеводов в обмен на продукты оленеводства.

Охота на китов и моржей носила сезонный характер, что было обусловлено миграциями этих животных, появившихся в водах Берингова пролива в весенне-летний период. Охота на китов и отчасти на моржей производилась с байдары и носила коллективный характер, в то время как охота на тюленей и белых медведей была индивидуальной.

Орудия охоты состояли из разных по размерам и назначению гарпунов, копий, ножей и др. При использовании некоторых видов гарпунов чукчи применяли метательные дощечки.

Наибольшее значение в экономике приморских чукчей имел промысел моржей, которые, помимо мяса и жира, давали высокой прочности шкуры. Кроме того, моржовые головы служили одним из наиболее распространенных культов.⁴¹ Около древних населенных пунктов, таких как м. Шелагский, Рыркайпыйя (м. Шмидта),

Энурмин (м. Сердце-Камень), Ванкарема, Мечигмен и др., до недавнего времени можно было увидеть расположенные по кругу черепа моржей и других морских млекопитающих.

Промысел моржа в осенне-летний период был наиболее легким и добычливым. В известных местах моржи выходили на лежбища. Охотники свободно подходили к ним и, пользуясь копьём на длинном древке, кололи этих малоподвижных и почти беспомощных на суше животных. Охотились на моржей также и на плавающих льдинах, на которых те находились.

Добыча других морских млекопитающих была сопряжена с большими трудностями. В XVII—XVIII вв. и в начале XIX в. широко практиковалась зимой и весной охота на тюленей около «продуха». Нужно было обладать большим упорством и ловкостью, чтобы подползти к греющемуся на солнце тюленю, часто просыпающемуся и наблюдающему за окрестностями, на расстояние, с которого безошибочно можно было метнуть в него гарпун. Такая охота производилась с маскировкой. Охотник надевал на голову снятую целиком шкуру с головы тюленя. Вооружившись гарпуном он ползком, подражая движениям животного, приближался к зверю. Приблизившись на нужное расстояние, охотник бросал гарпун с прикрепленным к нему ремнем.⁴² При охоте на тюленей и белых медведей иногда использовались собаки. На ледяной поверхности моря они отыскивали лунки, занесенные снегом, останавливали белого медведя, защищали человека.

Важным объектом охоты были киты. «С ранней весны и до октября оседлые чукчи ловят китов. . . Гарпун обычно делается целиком из моржовой кости, иногда острие из железа. К нему прикреплен прочный ремень, на расстоянии 30 сажен от гарпуна привязано три целых надутых тюленьих шкуры в виде пузырей (пыппи), затем через 20 сажен еще два таких же поплавка и через такое же расстояние в конце ремня еще один. Эти поплавки, всплывая на поверхность воды, показывают им (охотникам. — *И. В.*) дорогу, они следуют за китом, а когда он утомится, добивают его, закалывая копьями, как раненых тюленей».⁴³

До появления в Беринговом проливе иностранных китоловов чукчи добывали значительное количество китов. Так, Ф. П. Врангель писал, что жители острова Колючин добыли за лето 50 китов.⁴⁴

Необходимо отметить, что не во всех районах расселения прибрежных чукчей были одинаково благоприятные условия для промысла моржей и китов. Наиболее интенсивно и с большими результатами морской зверобойный промысел велся населением побережья Берингова моря и отчасти побережья Ледовитого океана, особенно в районах, примыкавших к проливу. Чем далее на северо-запад от Берингова пролива, тем суровее ледовый режим океана, тем меньше проходило туда моржей и китов. Не случайно мыс Шмидта по-чукотски называется Рыркайпаян, что значит «Место закрытия прохода моржам».

Для населения побережья Ледовитого океана большее значение имела охота на тюленей. Как следует из сообщений К. Мерка,

Ф. П. Врангеля, Ф. П. Литке, в XVIII и в начале XIX в. морской зверобойный промысел чукчей не претерпел заметных изменений. Огнестрельное оружие еще только начинало проникать к ним. Исследователи, посещавшие Чукотку в первой четверти XIX в., зафиксировали единичные случаи наличия огнестрельного оружия у чукчей.⁴⁵

Проникновение огнестрельного оружия в морской зверобойный промысел, по-видимому, нужно относить ко второй половине XIX в. Не следует, однако, забывать, что в разных районах расселения чукчей огнестрельное оружие появилось в разное время. Так, на Чукотском полуострове ружья стали входить в обиход морских зверобоев раньше, чем около Чаунской губы. На Чукотку китоловы и американские контрабандисты начиная с 20-х годов XIX в. завозили ружья и огнеприпасы к ним.

Применение ружей потребовало изобретения специального орудия для извлечения добычи из воды, так называемый *акын* (закидушка, кошка). К одному из концов тонкого длинного линя прикреплялась деревяшка грушевидной формы. В утолщенную часть ее забивалось несколько железных крючков (3—5), обработанных остриями к вершине акын, за которую крепился линь.⁴⁶ После удачного выстрела охотник бросал акын с таким расчетом, чтобы он упал дальше убитого тюленя. Когда охотник начинал выбирать линь на себя, крючки акын цеплялись за шкуру тюленя, и таким образом добыча подтягивалась к кромке льда, на которой стоял охотник.

К началу XX в. огнестрельное оружие в морском зверобойном промысле чукчей применялось уже повсеместно. Ежегодно на Восточное побережье Чукотки завозилось от 300 до 500 штук винчестеров с соответствующим снаряжением.⁴⁷

Начиная с 90-х гг. XIX в. русское правительство через своих официальных представителей на Анадыре снабжало чукчей преимущественно винтовками системы «Карле».⁴⁸ И все же не все чукчи имели возможность приобрести ружье, в достаточном количестве иметь порох, свинец, патроны. По сообщению Н. Ф. Калининкова, в 1909 г. у м. Шмидта и дальше к Чаунской губе, «где патроны и ружья встречаются не так часто», еще сохранялся старый способ охоты при помощи гарпуна.

В начале XX в. появились китобойные ружья, гарпуны с бомбами.⁴⁹ В 1915 г. на 667 хозяйств приморских чукчей имелось 1150 штук нарезного оружия разных систем, 207 малых китобойных пушек.⁵⁰

Основным средством передвижения чукчей по морю были байдары. Однако уже в конце XIX в. у байдары появился конкурент — вельбот. В 1909 г. почти в каждом селении, начиная от мыса Беринга на юге до мыса Сердце-Камень на северо-западе, имелись вельботы, а в Чаплино их было 15.⁵¹

В 1915 г. чукотские зверобои имели 101 вельбот и 523 байдары.⁵² Однако вельботы не вытесняли байдар, так как последние имеют свои преимущества. Они легки и очень удобны при высадке

на берег во время приобоя или на льдину, для плавания по мелким лагунам и рекам. Кроме того, их можно было изготовить своими силами из своих материалов.

Богатые чукчи и эскимосы начали приобретать у американцев шхуны с газолиновыми двигателями. Как сообщал Камчатский губернатор в 1911 г., «в последнее время местное население стало обзаводиться от американцев собственными небольшими шхунами, которых в настоящее время пять: в Уэлене, Нуукане, Чаплине, Эстигэте и на м. Беринга».⁵³

Шхуны применялись на морском промысле и использовались для каботажных плаваний с целью торговли. Команда на них состояла из местных жителей.

Во второй половине XIX—начале XX в. условия для дальнейшего развития частной собственности стали более благоприятными. Резко возрос спрос на моржовые клыки, китовый ус, жир морских животных, а с конца XIX в. — на тюленьи и моржовые шкуры, а также на изделия из них. Все это шло на вывоз, преимущественно на Аляску. По далеко не полным данным, в 1895 г. американскими судами вывезено с Чукотки 1240 пластин китового уса, 658 моржовых клыков, 67 пар нерпичьих штанов, 403 пары нерпичьих торбазов, 82 пары нерпичьих рукавиц, 66 нерпичьих мешков, 14 фуражек из шкур нерпы и т. п.⁵⁴

В 1905 г. вывезено в Америку 9850 нерпичьих шкур, моржовых клыков 8200 фунтов, китового уса 8000 фунтов, 230 лахтачьих шкур, 15 моржовых шкур.⁵⁵

В 1906 г. торговая станция Северо-Восточного Сибирского общества на мысе Дежнева отправила на Аляску закупленного у чукчей сырья на 15 тыс. долларов, со станции Владимир (пост Провидения) мехов, моржовой кости, кож и китового уса на 34 тыс. долларов.⁵⁶

Одновременно с развитием частной собственности на орудия и средства охоты шло разрушение первобытнообщинных принципов уравнительного распределения добычи. При сохранении коллективных видов охоты, например на китов, в общинное распределение шло только мясо и жир кита, а китовый ус делился по определенным правилам лишь среди участников промысла. Установились также правила раздела шкур и клыков моржа между участниками охоты, тогда как мясо и жир по-прежнему составляли общее достояние. Однако и при дележе мяса моржа действовали установленные правила.⁵⁷

Продукты охоты на лахтаков также распределялись неравномерно. Шкуры, которые шли на ремни и подошвы, ценились особенно высоко, так как составляли один из главных предметов при обмене с оленными чукчами. Их распределение было не менее строгим и производилось в соответствии с установившимися традициями.

С конца XIX в. обозначился спрос на внешнем рынке на шкуры морских животных, обувь из них. Эти товары скупались в значительном количестве американскими китобоями-контрабандистами.

Иностранцы не только скупали продукты промысла, но и сами охотились на китов, моржей, тюленей, часто в водах и на лежбищах Чукотского полуострова. Уже в конце 60-х гг. XIX в. начало ощущаться уменьшение промысловых животных у берегов Чукотки. «От прибрежных жителей со всех сторон слышались жалобы, что прежде морские промыслы были много прибыльнее. . . в достаточном количестве для того, чтобы выменивать их чукчам-оленеводам на необходимый материал для зимней одежды; но с тех пор как американцы начали ловлю тюленей и моржей у самого берега, добыча, выпадавшая на долю чукчей, стала много беднее, а нужда сильно возросла».⁵⁸ О. Нордквисту чукчи неоднократно говорили о шхунах, которые истребляют китов и моржей, отчего сами чукчи терпят нужду.⁵⁹ А в 1886 г. чукчи и эскимосы всех поселков жаловались полковнику Ресину: если русское правительство не защитит их от американских хищников, «их ожидает в будущем голодная смерть».⁶⁰

В «Правительственном вестнике» за 1890 г. сообщалось: «В Беринговом море истребление китов идет параллельно с уничтожением тюленей, моржей и некоторых других зверей, и если против такого истребления не будут своевременно приняты меры, то и киты также выведутся, как тюлени и моржи. Известно уже, что только из Сан-Франциско и Виктории ходят ежегодно в Берингово море 10 больших шхун, но значительное количество американских судов, занимающихся незаконным промыслом у русских берегов, остается неизвестным».⁶¹

Жалобы чукчей и эскимосов были небезосновательны. В 1885 г. «близ селения Уныин на Чукотском полуострове был убит 21 кит, из них четырех убили чукчи, а остальных — 5 партий китобоев». В 1900 г. в Беринговом море было добыто всего 63 кита, в 1901 — 39, в 1902 — 52, в 1903 — 38.⁶² Уже в 1914 г. в Чукотском уезде было добыто лишь 11 китов, а в 1915 — только шесть.⁶³

И не только киты, но и моржи были объектом хищнического истребления иностранными китобоями. «Чукчи давно уже жалуются русскому правительству на это истребление», поясняя, что «когда морж кончится, и чукчи кончатся».⁶⁴

В 1910 г. генерал-губернатор Приамурского края П. Ф. Унтербергер имел возможность лично выслушивать жалобы чукчей. Жители с. Энмыльын «жаловались начальнику края, что американские шхуны выбивают вдоль берегов морского зверя. Раньше его было много, теперь становится все меньше и меньше, и они опасаются, что моржей сильно истребят, и чукчи будут терпеть острую нужду в продовольствии». В с. Нунлыгран чукчи также «жаловались на американцев, уничтожающих морского зверя, и просили защиты».⁶⁵

Браконьерство усилилось еще больше после 1914 г., так как охрана берегов в связи с войной значительно ослабла. Население почти ежегодно испытывало недостаток в моржовом мясе, местами был просто голод. В зиму 1915/16 г. жители побережья Берингова пролива оказались в крайне тяжелом положении. В феврале

1916 г. губернатор Камчатки Мономахов сообщал генерал-губернатору Приморской области: «По побережью от бухты Провидения до мыса Дежнева в 25 селениях с половины ноября по случаю упадка промысла моржей начался голод, питаются ремнями, кожами. Главная причина ухудшения промысла моржей — массовое хищническое истребление моржей у наших берегов американскими шхунами. В 1915 г. каждая шхуна промышляла до двух тысяч моржей, пользуясь клыками, кожей, жиром, выбрасывая мясо в море».⁶⁶

Браконьеры выбивали моржей и на лежбищах,⁶⁷ следствием чего явилось угасание лежбищ. Многие из них так и не восстановились. Из двадцати моржовых лежбищ Чукотского полуострова к началу XX в. осталось только пять, на которые еще выходили моржи.

Во второй половине XIX—начале XX в. хищническое истребление китов и моржей иностранными китобоями подорвало промысловую базу оседлого населения Чукотки.

Рыболовство и другие промыслы

Рыболовство для чукчей было сопутствующим промыслом. Им, как уже говорилось, занимались и оленные, и приморские чукчи, но запасов рыбы в виде юколы они не создавали.

Подробно ознакомившись с жизнью и бытом чукчей в конце XVIII в., К. Мерк отмечал: «Что касается рыбной ловли, то местные жители занимаются ею лишь мимоходом, поедая рыбу сырой, но не сушат ее. Для этой цели они пользуются сетями из китовых жил или ременными из тюленьей кожи (*Jginhi*). Небольших рыб ловят также на костяную удочку».⁶⁸ «На р. Чауне, — писал далее тот же автор, — встречаются полыньи и в них водятся в очень большом числе форели. . . Чукчи ловят эту рыбу в декабре и январе сетями из жильных ниток. Они также без труда добывают ее из воды багром (очевидно, мариком. — *И. В.*) в виде железного крюка, укрепленного на конце жерди. Они замораживают эту рыбу, укладывают на грузовые нарты и увозят с собой».⁶⁹

Неразвитость рыболовства у чукчей, слабое его оснащение орудиями и средствами лова — свидетельство того, что в прошлом у них не было этого промысла.⁷⁰ К рыболовству вынуждены были прибегать бедняки. Однако и они впрок рыбы не заготавливали, питались ею лишь в отдельные периоды года.⁷¹

Несколько большее значение имело рыболовство для чукчей, переселившихся в середине XVIII в. на южный берег р. Анадыря. Здесь они постепенно усвоили технику и способы добычи рыбы коряками, а также и заготовку ее в виде юколы на зиму

Во второй половине XIX в. значение рыболовства для оседлых чукчей заметно возрастает. Упадок добычи морских млекопитающих побуждал население более интенсивно заниматься рыболовством. «Побережные жители Чукотского полуострова еще мало

интересуются рыбой, хотя и там уже заметен переход к этому источнику довольствия, который в будущем, по истреблении зверя, должен и для них стать главным».⁷²

Чем дальше на юг и на северо-запад от Берингова пролива, тем большее значение в жизни оседлых чукчей играло рыболовство. Промысел рыбы носил индивидуальный характер. Часто чукчи не могли заняться более продуктивно промыслом рыбы, так как не имели необходимых орудий лова (ни индивидуального, ни коллективного пользования). Еще в 1916 г. отмечалось, что «вследствие невозможности получения пряжевого материала для сетей, некоторыми из чукчей применяются при рыболовстве небольшие сети, сплетенные из оленьих сухожилий».⁷³ Чтобы создать такую сеть нужно было несколько месяцев напряженного труда женщины.

Систематически занимались рыбной ловлей малооленные чукчи, проводившие лето на берегах Анадырского лимана, в низовьях р. Анадыря. «Чукчи, которых я видел, — писал Олсуфьев, — знали только один способ ловли рыбы, именно — с помощью неподвижной сети, связанной из кожаных ремней. Сеть эта имеет форму клина, длиною до 3-х сажень, при ширине основания 2 аршина. Один конец укрепляется на берегу, а другой, с помощью длинной жерди, выставляется вперед. Через несколько минут сеть ремнем притягивается к берегу, каждый раз приносит от 2—4 рыб».⁷⁴

При таких несовершенных средствах добычи чукчи не создавали запасов рыбы. «Красная рыба чукчами и ламутами ловится только на их текущую потребность».⁷⁵

Сообщая о чукотском рыболовстве побережья Тихого и Ледовитого океанов Калининков писал: «Они не охотно переходят к рыбе, потому что для этого промысла у них нет ни опыта, ни приборов, ни умения заготавливать ее впрок».⁷⁶ По-видимому, это обобщение справедливо лишь относительно чукчей, которые жили к северу от бухты Провидения и по побережью Ледовитого океана.

Промышленного рыболовства, которое оказало бы влияние на развитие хозяйства местного населения, на Чукотке не было. Лишь с 1908 г. началась промышленная эксплуатация рыбных богатств Анадыря, когда на лимане была основана первая рыбалка.⁷⁷ Рыболовство имело первостепенное значение лишь для оседлого населения по Анадырю.

Незначительное место в экономике чукчей занимала охота на горных баранов, лосей, на белых и бурых медведей, росомех, волков, лисиц, песцов. А. Аргентов дал описание охотничьего промысла чукчей и орудий, какими они пользовались в середине XIX в. «Лисиц, песцов и росомех осенью по глубокому снегу травят собаками. Челибухой (стрихнином. — И. В.) окармливают волка и лисицу зимой в стужу. Белых медведей стреляют из лука или колют копыями. Диких оленей стреляют винтовкою летом, тоже баранов».⁷⁸

Чукчи в прошлом не пользовались ни капканами, ни черканами, зато они применяли ряд оригинальных ловушек, созданных из местных материалов. На песца или лисицу часто употреблялась *улюкэ*, или нора во льду, при входе в которую устанавливалась потайная петля с подвесной тяжестью. В норе оставляли приманку — кусочек мяса. Как только песец касался его, петля затягивалась и давила зверя. Примечательна также ловушка *эвкэв*. Она представляла собою ледяную яму с отвесными стенами. Устье ямы выкладывалось гладким льдом, здесь укреплялась вертящаяся доска с примороженным куском мяса. Когда песец касался наживы, доска поворачивалась и зверь падал в яму. Доска опять выравнивалась.⁷⁹ Однако эти оригинальные способы добычи пушных зверей вскоре чукчами были забыты.

Занимались чукчи охотой и на водоплавающую дичь с помощью особого орудия *эплыкытэт* (бола). В зимнее время охотились на зайцев, куропаток при помощи пегель, лука и стрел. Эти промыслы носили всегда вспомогательный характер.

По мере развития, с одной стороны, оленеводства, а с другой — морского зверобойного промысла сухопутные виды охоты на мясного зверя теряют свое значение. Вместе с тем с налаживанием регулярных торговых связей чукчей с русскими усиливается охота на песцов, лисиц. Н. Ф. Калинин встречал в тундре оленеводов, которые в течение зимы добывали до 80 песцов. Из оседлых чукчей больше и успешнее занимались пушным промыслом те, которые жили к западу от мыса Шмидта.

На смену исконным орудиям охоты пришло огнестрельное оружие, фабричные капканы и пасти, которые чукчи переняли от русских жителей. Последние применялись там, где был выкидной лес в районе м. Шелагского, по берегу Чаунской губы и далее к западу, вплоть до Колымы, по берегам рек Анадыря, Колымы.

Охота была делом мужчин. Среди чукчей не было людей, которые существовали бы только за счет пушного промысла: охота была подсобным занятием, но имела важное значение в экономике. Пушнина служила валютой, на которую приобретались привозные и местные товары.

Некоторые из чукчей уделяли большое внимание этому промыслу. Они вносили в него усовершенствования, пытались сделать промысел, в частности песца, регулярным. Для этого они в летнее время, когда был удачным промысел морского зверя, часть мяса закладывали на приманку песцам.⁸⁰

О размерах пушного промысла чукчей можно в известной мере судить по количеству закупленных на Чукотке американцами песцовых шкурок. В 1894 г. в с. Уэлен было закуплено 45 шкурок песца, в 1895 — 118.⁸¹ В 1905 г. на всем побережье Берингова моря (к северу от м. Беринга) было закуплено 560 шкурок песца.⁸²

Приморские чукчи, подобно оленям, заготавливали ягоды (шикшу, морошку), корни некоторых клубней растений, а также листья кустарников, которые употреблялись в пищу зимой. Калин-

ников записал около 20 видов различных растений, употребляемых чукчами в пищу.⁸³

В весеннее время поедали некоторые виды моллюсков, а осенью вылавливали в море особым орудием листья морской капусты, которые шли в пищу в сыром виде.

На базе морского зверобойного промысла и «на почве оленеводческого хозяйства развились кустарные промыслы: выделка ровдуги (замши) и изготовление для продажи кухлянок, одеял, ковров, кукулей, перчаток, рукавиц, торбазов и пр.»⁸⁴

Особым способом чукчи выделывали нерпичью кожу, пропитывали ее жиром, благодаря чему она делалась эластичной, водонепроницаемой и темного, почти черного цвета. Из такой кожи делались чемоданы для продажи на Колыме и Анадыре русским, для сбыта на Аляску — шились торбаза в виде сапог. «Кроме сапог, рукодельницы этой местности готовят в течение долгой зимы много ковриков разнообразной величины из белой и разноцветной нерпичьей кожи, вырезанной разнообразными фигурами, с опушкой из какого-либо меха, вышитых сумочек, поясов, ружейных чехлов, патронташей и прочей мелочи».⁸⁵

«Наряду с женщинами, мужчины режут из кости незатейливые цепочки, ножи для бумаг, мундштуки, трубки, пуговицы, модели пароходов и шхун, просто полируют красивые моржовые клыки. Некоторые достигают в своих работах большого изящества, приобретают в Америке специально для этой цели токарные станки».⁸⁶ Почти все эти предметы предназначались для сбыта.

Зачатки кустарного производства, обслуживавшего внешний рынок, возникали лишь на восточном побережье Чукотки. В этот вид новой деятельности (все процессы производства от начала и до конца носили ручной характер) в большей степени были вовлечены женщины.

Скупщики кустарных изделий в соответствии с требованием рынка заказывали чукчам предметы по образцам, которые отступали от традиционных форм, часто это были совершенно новые предметы, изготовлявшиеся из местных материалов (коврики, скульптуры Пеликенов и др.).⁸⁷

С развитием китобойного промысла в Беринговом море капитаны китобойных шхун предпочитали нанимать на свои суда матросами чукчей и эскимосов. Они были не только самой дешевой рабочей силой, но и легко переносили тяготы суровой жизни на маленьком суденышке в водах бурного и холодного океана. «По окончании плавания с таким работником рассчитываются ружьем, ящиком табаку и сухарей».⁸⁸

Известно, что некоторое количество чукчей трудилось на золотых приисках на р. Надо в 1907—1908 гг.,⁸⁹ на разработках графита в Пуутыне, в услужении у торговцев и т. п. Однако за исключением единиц, они не отрывались окончательно от своего основного занятия — морского промысла.

Орудия охоты и оружие

Наиболее распространенными орудиями охоты на сухопутных животных в XVII—XVIII вв., отчасти в XIX в., служили лук со стрелами и копье. Последнее использовали при охоте на белых медведей, моржей. Орудия охоты на морских млекопитающих конструктивно отличны от орудий сухопутной охоты. В большинстве своем это разные по размерам метательные гарпуны с отделяющимися наконечниками, к которым прикреплены длинные линии.

Материалами для изготовления орудий и оружия служили камень, дерево, кость морских и сухопутных животных, китовый ус и железо. На протяжении XVII и XVIII вв. чукчами широко использовался камень (обсидиан, кремь, сланец), из которого делали вкладыши к гарпунам, наконечники копий, стрел и другие орудия. Из дерева изготовлялись луки, стержни для стрел, древки для гарпунов, копий, дротиков, копьёметалки. Дерево применялось в качестве основы для щитообразных открьлков чукотского панциря, обшивавшихся сверху кожей моржа. Наиболее широкое применение имели кости и рога (преимущественно оленей), моржовые клыки и китовые ребра и челюсти. Из рога оленей делали наконечники стрел, проколки, части упряжи, рукоятки, копылья для нарт оленьих и собачьих, вытрясалки снега (с одежды и полога), ложки, крючки для подвешивания. Из ребер оленя делали ножи, пластинки для панцирей и т. п. Китовый ус применялся как материал для вкладышей в наконечники стрел. Им крепили деревянную основу луков. Волокна китового уса шли на лески, из них плели сети, сачки.

В XVIII в. каменные топоры (*garrэ*), наконечники копий и стрел, костяные ножи были почти вытеснены металлическими. К середине XIX в. железо, медь проникли во все уголки Чукотки и прочно вошли в обиход чукчей, стали незаменимым материалом для орудий и оружия. Покупая медные и железные котлы, чукчи разрубали их и делали наконечники для стрел и даже латы. Однако следует отметить, что главным образом чукчи получали металлические ножи, наконечники копий, котлы, иголки в виде готовых изделий. Оружие чукчей, средства защиты воинов подробно и обстоятельно описаны в работе В. В. Антроповой.⁹⁰

Лук со стрелами и копье составляли вооружение чукотского воина. Как можно понять из сообщения Т. И. Шмалева, луки у чукчей были сложные, т. е. состояли из нескольких слоев, склеенных вместе — «луки к тому ж с наклейкою».⁹¹ Иногда для упрочения лука применялся китовый ус. Для оперения стрел использовались маховые перья гусей, ворон, чаек и сов.⁹² В отличие от коряков и юкагиров чукчи прикрепляли к стреле два пера, а не три.⁹³ Известно, что чукчи нередко выменивали луки и материал для них у коряков и аляскинских эскимосов.⁹⁴

Из средств защиты воина в XVII—XVIII вв. в обиходе были два типа панцирей, отличающихся по материалу и форме. Панцирь

из моржовой кожи или китового уса, очевидно, был выработан охотниками на морского зверя (эскимосами), панцирь из костяных или металлических пластинок известен и у других народов Азии.⁹⁵

Попадают у чукчей и железные кольчуги, весьма ценные ими, из продолговатых четырехугольных кусков железа, скрепленных ремешками, а также такие же шлемы с забралом на лбу и с наушниками.⁹⁶

Капрал Г. Шейкин, служивший в Анадырском остроге в 50-х гг. XVIII в., так описывает панциры и стрелы чукчей: «Чукчи ж место панциря во время баталии надевают куяки однобоки, деланы из железа и из китовых усов, и на голову от куяка открылок — доска деревянная и обитая кожей морской, лафтаком называется, из-за которой доски, выглядывая, стреляют из деревянного лука стрелою, которая подобна татарским стрелам. . . копьё вставлено костяное и то присажено не крепко, оно же с зазуброй, дабы есть ли потрафит в человека, то стрела выдернетца, а копьё оставитца в человечесей ране. Перья ж к стрелам не приклеивают, а привязывают жилками только по концам».⁹⁷

Казак Кузнецкий в 1756 г. рассказывал о чукотском вооружении следующее: «А к томуж те стрелы со обеих сторон мажут из травы называемой лютика соком, от которой человек, получа стрелою язву в скором времени опухнет и умрет. . .».⁹⁸

Как оружие чукчи применяли также «каменные шибалки» — пращи. «А бой у них каменный и лушной», — отметил в 1660 г. К. Иванов.⁹⁹ То же подтверждается рядом других свидетельств XVIII в.¹⁰⁰

Описанное выше вооружение чукчей просуществовало у них в основном до конца XVIII в. Однако кое-какие изменения наметились уже тогда. Несмотря на строгие запреты продажи чукчам металлических изделий и в первую очередь оружия, оно все же проникало к ним.

В 1778 г., будучи около м. Шмидта, Д. Кук отметил, что «стрелы их вооружены костями или камнями, а копья, железные или стальные европейской работы, висели на кожаном ремне через правое плечо, а на левом кожаные же красные красивые колчаны, наполненные стрелами».¹⁰¹

В качестве средства охоты и «оружия» чукчи применяли иногда и арканы. Использование того или иного оружия зависело от решения тактических задач в данный момент. Описывая вооружение чукчей в первой четверти XIX в., капитан Шишмарев отметил, что колчаны — «очень красивые, сшитые из олснейей кожи, раскрашенные и вышитые».¹⁰² Обязательным оружием каждого воина и охотника были ножи. «Главнейшее их оружие, в аршин длиною нож, всегда носимый при себе и сохраняемый в чехле, у некоторых еще по одному или по два меньших ножа, обыкновенно спрятанных в кармане или за рукавом».¹⁰³

Коцебу, посетивший чукчей в 1818 г., писал: «Оружие их состоит из луков, стрел, ножей и копий; сие же последние суть сплошь железные с медными украшениями. Они имеют ножи

трех родов: первый, длиною в аршин, носят в пожнях на левом боку; другой, немного короче, прячут они под одеждой на спине, так что рукоятка видна на один дюйм выше левого плеча; третьего рода ножи, длиною в полфута, засовывают в рукав, и употребляют только для работы».¹⁰⁴

В конце XVIII в. военные столкновения чукчей со своими соседями прекратились, и вооружение уже не развивалось — панцири, луки, копья, боевые стрелы стали предметом реликтового характера.

Средства передвижения

Основным средством передвижения по суше были олени. Чукчи запрягали оленей в нарты. При этом они использовали несколько видов нарт. Нарты для легкой езды, нарты для перевозки груза, нарты для перевозки посуды *кукишинэн* (букв. котлогрузовые), кибитка, крытая оленьими шкурами, для перевозки детей — *кааран*, нарты для перевозки жердей остова яранги. Чукчи использовали оленей в упряжи лишь по санному пути. «Легкие свои санки, — писал К. Мерк, — они изящно вырезают из березового дерева, весной разбирают их, а к зиме снова собирают, причем к зиме всегда выскабливают их добела и обивают полозья китовым усом. Грузовые нарты тяжелы и за отсутствием леса обычно покрыты заплатами. Соединительные дуги полозьев делаются обычно из рогов диких оленей. . . Для связывания частей грузовых нарт они пользуются китовым усом, а ездовые сани связывают по большей части замшей. . . От дождя и снега нарты (грузевые. — *И В*) укрываются моржовыми шкурами. Кроме того, женщины имеют особые крытые нарты, по большей части из березового дерева, очень кропотливой отделки, которые покрыты пологом из низкошерстного белого или пестрого меха, сшитого в виде покрывки и натянутого на круглые стойки или узкие досочки. По краям эта покрывка обычно обшита полосой ручной вышивки и обвешана бахромой из замшевых ремешков. Кроме того, для украшения они на задке нарт также укрепляют круглый большой кусок вышитого меха, к которому посредине подвешивается несколько длинных кисточек из красных шерстинок молодых тюленей. В таких нартах перевозят роженицу, маленьких детей. . . В них едут также жены, сопровождая мужей при поездках в гости. В такие нарты, а также в легкие ездовые, впрягают по два оленя, в грузовые нарты лишь по одному».¹⁰⁵ По-видимому, никаких принципиальных изменений оленья упряжь чукчей с XVIII в. и по наше время не претерпела.

Каждое хозяйство, каким бы экономически слабым оно ни было, имело хоть пару упряжных оленей и нарты. Только одинокие женщины и сироты не имели оленей.

Отправляясь в дальнейшее путешествие с грузами, чукчи передвигались медленно, делая в день максимум 10—12 км, так как олени быстро утомлялись.

Если чукча отпралялся куда-нибудь далеко налегке, он предпочитал проехать много лишнего расстояния, лишь бы не ночевать с оленями в тундре. Обычно такой путник ехал от стойбища к стойбищу. В первом же стойбище он оставлял своих оленей, ему давали свежих, которых в свою очередь он оставлял в следующем стойбище и т. д. На обратном пути он возвращал хозяевам тех оленей, которых они ему давали. При таком способе передвижения и замены утомленных оленей свежими, путник быстро преодолевал большие расстояния.

Для передвижения по снегу и льду чукчи пользовались ступальными лыжами-ракетками — *валвыегыт* (букв.: вороньи лапки),¹⁰⁶ они сохранились до настоящего времени. При ходьбе по льду и неровной поверхности к ним привязывались шипы, сделанные из рога оленя, бивня мамонта или моржового клыка.

Из средств передвижения по воде чукчи пользовались одноместными байдарками и многоместными большими байдарками. «А лотки у них кожаные, — сообщал в 1660 г. Анадырский приказчик Курбат Иванов, — а поднимают человек по 20-ти и по 30-ти».¹⁰⁷ «Лодки их обтянуты моржовой кожей, остов закрепляется поверху двумя шестью, образующими острый, выдающийся вперед нос, а сзади концы шестов выдаются за тупую корму. В лодке четыре скамьи для гребцов: на передней сидит один, на прочих по 2—3 гребца, и 1 на руле. Гребут короткими однолопастными веслами. При дальних плаваниях в середине байдары, немного ближе к носу, укрепляют два поперечных шеста с надутыми тюленьими шкурами в виде поплавков. Этим они предупреждают опрокидывание байдары волной. В открытое море они не осмеливаются плыть без таких пузырей. Кроме того, поплавки удобны при втаскивании убитых животных и при разделке туш в воде. Тогда оба пузыря подвязываются к одному борту для сохранения равновесия судна. Замшевый парус лодок называется у них *etem-tleun*, а весла — *teveno*».¹⁰⁸

По-видимому, размеры байдар были разными, что зависело от количества людей, объединявшихся для совместного промысла.

В конце XIX в. наряду с байдарками стали использоваться вельботы и шхуны. В случае необходимости оленные чукчи строили плоты *тымитым* (от тунгусского «тым»). Есть указания в фольклоре, что при переправах через большие реки чукчи сплавляли нарты, обтягивали их крышкой шатра, получалась своеобразная ладья, на которой перевозили имущество и переезжали сами.

Известны случаи, когда оленные чукчи пользовались байдарками морских зверобоев. В свою очередь оседлые чукчи, когда возникала необходимость дальних переездов, пользовались оленьими кочевыми чукчей. «Оленные чукчи к сидячим чукчам на оленях приезжают и в зимние походы на коряк поднимают тех сидячих на своих оленях, а, напротив того, сидячие чукчи оленных возят на своих байдарках по морю и по реке и дают им во взаимное дружество свои байдары, а от них оленных вместо байдар своих берут на платье себе разного звания кожи оленей».¹⁰⁹ Так в XVIII в.

между оленными и оседлыми чукчами проявлялась взаимопомощь средствами передвижения.

Еще одним средством передвижения по суше служили собачьи упряжки, начало использования которых относится, по-видимому, к недавнему времени. Ни в одном известном нам документе XVII в. нет указаний на употребление в упряжи собак. Не обнаружено также остатков упряжи собак ранее XVII в. и при археологических раскопках на Чукотке. Весьма показательны также, что вся терминология, связанная с упряжью собак и ездой на собаках, идет от упряжи и езды на оленях. Следовательно, использование собак как средства передвижения возникло позднее использования в упряжи оленя. Такое положение вполне закономерно и соответствует общему пути развития хозяйственных форм чукчей.

Займствуя от эскимосов культуру морского зверобойного промысла, чукчи позаимствовали также использование собак в упряжи по эскимосскому образцу. В это заимствование они внесли и свое, в частности запрягали собак в нарты оленьего типа.¹¹⁰ Как отмечал И. Биллингс, «сидячие чукчи ездят на собаках, запрягая их от 4 до 6 рядом и управляя плетью».¹¹¹ «Зимой оседлые чукчи ездят на собаках, — писал К. Мерк, — нарты их длиной 5¹/₂ футов, высотой 8—10 дюймов, а шириной 1 фут 4 дюйма или немного больше. Полозья узкие и обиты китовым усом, на них поставлено 7—8 дужек из оленьих рогов. В отдельные, привязанные к передку нарт, ремни они впрягают от 3 до 7 собак в один поперечный ряд».¹¹² Сообщаемые К. Мерком подробности не оставляют сомнений в том, что конструктивно и по внешнему облику эта нарта мало чем отличалась от оленьей легкой.

Веерный тип упряжи собак у них сохранялся и в первой половине XIX в., о чем писали Ф. П. Врангель¹¹³ и Кибер.¹¹⁴ В начале XIX в. зарегистрировано использование «собак для бечевания байдар» вдоль берега.¹¹⁵

Таким образом, у чукчей в XVIII и первой половине XIX в. был распространен эскимосский тип упряжи собак веером. Лишь позднее они заимствовали от русских и тип нарты, и способ упряжи — цугом, и управление при помощи остола. По-видимому, этот способ упряжи собак начал распространяться среди чукчей с середины XIX в.¹¹⁶

Во второй половине XIX и до начала XX в. у чукчей еще практиковались два способа упряжки собак: старинный — веером и новый — цугом. Соответственно каждому способу упряжки использовались разные виды нарт. В упряжку цугом запрягали обычно 8—12 собак, в веерную — 5—6.¹¹⁷ Однако Норденшельд отметил, что чаще всего чукчи запрягали собак пара за парой в один длинный общий ряд. Уже, видимо, тогда новый тип упряжки значительно вытеснил прежний.¹¹⁸

В начале XX в. старинный способ упряжки собак веером сохранился у чукчей только при состязаниях в быстроте езды. Такой

способ упряжки применялся чукчами и позднее, как это удалось наблюдать автору в с. Лорино в 1932 г.

В каждом хозяйстве чукчей, в котором имелись работоспособные мужчины, была упряжка собак. Однако их количество и качество находилось в прямой зависимости от состоятельности семьи, морского промысла. На побережье Ледовитого океана, к западу от с. Ванкарем, собак было у чукчей меньше, так как морской промысел здесь был менее продуктивный, чем к востоку, и поэтому обычная упряжка состояла из 6—8 собак. Жители побережья Ледовитого океана вследствие частых голодовок лишались тех немногих животных, которые у них были. «Хроническое бессобачье» чукчей этого побережья отмечалось почти всеми, кому доводилось бывать у них.¹¹⁹

Часто собаки гибли не только от бескормицы, но и от болезней. Только у обруселого населения Анадыря погибло из 1800 собак около 1000.¹²⁰ «Болезни вырывают собак сотнями, потому что население не умеет бороться с ними, никакой ветеринарной помощи здесь не существовало».¹²¹

Чукчи не очень умело занимались разведением и отбором лучших собак. Они предпочитали покупать ездовых собак у русских жителей Колымы и Анадыря. Некоторые из жителей Колымы специально занимались разведением и скупкой собак, с тем чтобы перепродавать их чукчам. Стоимость средней собаки — 15 р. или 2 песца. Лучшие собаки ценились 20, 25 и 30 р., т. е. по 4 песца за голову.¹²² Ни охотничьих, ни пастушечьих собак у чукчей не было.

Кормили собак мясом и жиром морских млекопитающих. На Анадыре — рыбой и нередко оленьим мясом.

Жилище

У чукчей было два типа жилищ: переносное и постоянное. «Сидячие», или оседлые, чукчи имели два рода жилищ: зимнее и летнее. Зимой жили в полуземлянках, тип и конструкция которых были заимствованы от эскимосов.

Наиболее подробные сведения об устройстве полуземлянок оседлых чукчей сообщает К. Мерк: «Принятые у оседлых чукчей зимние жилища называются у них *htaigit* (эскимосское. — И. В.), у оленных же чукчей *cleirat*. . . . Снаружи юрты покрыты дерном, закруглены и возвышаются над уровнем почвы на несколько футов. Сбоку расположено четырехугольное отверстие, через которое можно войти внутрь.

Вокруг входа поставлены стоймя по всей окружности землянок, кроме только места для прохода, китовые челюсти. . . высотой до 7 футов. Сверху они прикрыты китовыми ребрами, а поверх того — дерном. Через упомянутый вход попадаешь сперва в коридор, длиной во всю землянку, высотой около 6 футов, шириной около сажени или больше и немного углубленной по сравнению

с уровнем пола землянки. Сама землянка имеет всегда четырехугольную форму, ширина и длина ее составляет 10—14 футов, а высота 8 футов и больше. Ближе к стенам высота помещения вследствие изгиба потолка уменьшается. Землянка углублена в землю на 5 футов, а сверх того на три фута высоты уложена земляная стенка, поверх китовые челюсти, установленные по всем сторонам. На упомянутых китовых челюстях покоятся четыре отдельных одинаковых китовых челюсти, уложенные вдоль от самого входа на некотором расстоянии друг от друга и образующие потолок юрты. Поперек них по всему потолку уложены китовые ребра. На высоте трех футов от уровня пола по четырем углам юрты прикреплено по одному ребру, которые по середине своего изгиба покоятся на подпорках, а на них вдоль всех четырех стен уложены доски. Они и представляют собой нары, на которых спят и сидят чукчи. Пол также покрыт досками, а под нарами взамен настила положены моржовые шкуры. Близ входа в потолке имеется решетчатое отверстие, затянутое пузырем китовой печени. . Около окна имеется в потолке еще одно небольшое отверстие в виде вдавленного в крышу позвонка, оно предназначено для выпуска наружу дыма от ламп, расположенных по четырем углам юрты. Некоторые из китовых ребер, образующие крышу, окрашиваются по бокам в белый цвет и на них изображаются фигуры, как то: киты, байдары и прочее, что ими делается при празднествах. Сени освещаются таким же окном, вделанным в потолок близ самой землянки. В другом конце сеней расположены входы в две—три кладовые, иногда у двух землянок имеется лишь один общий наружный ход с сенями». ¹²³

Эти данные дополняются сведениями Ланганса: «В одной юрте живут много семейств, из коих каждая отделяется только своим особливим пологом, сделанным из оленьих кож. У них днем и ночью горит огонь в площадках, налитых жиром разных морских зверей и имеющих вместо светильни мох». ¹²⁴

При сопоставлении этих описаний с материалами археологических раскопок С. И. Руденко обнаруживается поразительное сходство планов землянок пунукского времени (VII—XVII в. н. э.) с вышеописанными. Руденко отмечает наличие кладовых, расположенных около коридоров, иногда один общий вход для двух землянок. Совпадает также и материал, из которого строились землянки в пунукское время и в XVIII в. ¹²⁵

В народной памяти современного населения Чукотки сохранились представления о том, что раньше было два типа полужемлянок. *валкаран* («жилище из челюстей») и *клерган* («мужское жилище»). *Клерган*, несмотря на такое, казалось бы, специальное название, местное население считает просто зимним коллективным жилищем, в котором селилось несколько семей ближайших родственников. *Валкаран* тоже зимнее жилище, но для одной семьи. По свидетельству информантов, в *валкаран* жили сироты или посторонние, которых могла поселить около себя большая семья

Летние жилища оседлых чукчей в XVIII в. отличались от зимних тем, что обитателями яранги обычно были члены одной семьи. Вблизи зимних юрт «стоят их летние яранги». «Зимних юрт всегда приходится одна на несколько летних яранг», — замечает К. Мерк.¹²⁶

В Уэлене было «летних юрт 26, зимних 7».¹²⁷ Такое соотношение количества зимних и летних жилищ было характерно для всех оседлых поселений чукчей. Г. Сарычев отметил, что селение «Янданай (Янранай. — И. В.) имеет две землянки и шестнадцать летних шалашей. . . Лугрень (Льурэн. — И. В.) состоит из четырех землянок и семнадцати шалашей». «Селение Мечигмы. . . имело двенадцать шалашей и три земляные юрты. Летнее жилище сидячих чукчей есть ничто иное, как шалаша, поставленные сверх земли; сделаны из китовых ребер и жердей и покрыты кожами морских зверей. К зиме шалаша сии разбирают и переходят жить в землянки»¹²⁸

Яранги прибрежных чукчей по внешнему виду и внутреннему устройству напоминали яранги оленных чукчей. Сохраняя конструктивную основу яранги оленеводов, летнее жилище оседлых чукчей имело и некоторые отличия. Оно не имело дымового отверстия наверху. Там, где не было леса, чукчи не устраивали даже очага. Пищу готовили на жировых лампах или в специально устроенных «кухнях» около яранги, где жгли кости морских животных, обливая их жиром.

В XVII—XVIII вв. чукчи пускались в дальние плавания (на реки Колыму, Амгуему, Анадырь и др.) со всем своим имуществом, с семьями, и на этот период жильем им служили яранги. Однако во время остановок в пути и при необходимости укрыться от непогоды, они вытаскивали на берег байдары, опрокидывали их вверх дном и располагались под их укрытием.

Уже в конце XVIII в. некоторые чукчи на зиму оставались жить в ярангах, крытых моржовыми кожами с пологими из оленьих шкур внутри. Позже А. П. Лазарев отметил: «Зимних юрт мы у чукчей не видели; летние же делаются книзу довольно круглыми, в диаметре от 2¹/₂ до 4 сажень, а сверху выпуклыми, отчего издали походят на стопсена. Нам говорили, что чукчи живут и зимой в сих юртах, чему мы сначала не верили, но нас уверяли, что зимой в них не холодно».¹²⁹

В XIX в. окончательно исчезают полуподземные жилища валкаран и клегран. Вместо них используются и в зимнее время яранги со спальными пологими из шкур оленя. Ф. П. Врангель, проехавший на собаках от м. Шелагского до Колючинской губы, видел лишь развалины старых землянок, но нигде не говорит о том, что чукчи живут в них. «Оседлые чукчи живут малыми селениями, — писал он. — Хижины их делаются на шестах и китовых ребрах, обтягиваемые сверху оленьими кожами».¹³⁰

Оленные чукчи и зимой, и летом жили в ярангах. Отличие их заключалось лишь в качестве шкур, из которых была сделана покрывка и полог.

Описания жилища чукчей-оленеводов XVIII в. свидетельствуют о том, что с развитием производства и изменением общественных отношений претерпела изменение и яранга, прежде всего — ее размеры.

«В ярангах объединяются в летнее время, а также зимой, при длительных стоянках на одном месте, все связанные хотя бы дальним родством. Такие яранги вмещают по несколько пологов из оленьих шкур и имеют поэтому значительные размеры. . . Просторная яранга, вмещающая 6 оленьих пологов, имеет в окружности 20 сажень; длина поперек, от двери до двери, составляет 5 сажень, ширина 4 сажени. Высота в середине равняется 9 футам». Описанный Мерком тип общинной яранги оленьих чукчей бытовал еще кое-где в первой четверти XIX в.¹³¹

Интересна еще одна подробность устройства части яранги, отмеченная К. Мерком: «Двойной полог — мехом наружу и мехом внутрь». Такой тип пологов не сохранился в более позднее время.

У чаунских чукчей-оленеводов «полог имел $2\frac{1}{2}$ аршина от пола до потолка, $2\frac{3}{4}$ аршина от порога до переда, $4\frac{1}{2}$ аршина между боковыми стенами. . . Шатер имел $6\frac{1}{2}$ аршин вышины от основания и в окружности 22 аршина». ¹³² Это было жилище зажиточного оленевода.

К 40-м и 50-м гг. XIX в. отдельная семья становится основной хозяйственной единицей чукотского общества; произошло, по-видимому, полное ее обособление и в быту. В этой связи коллективное жилище утратило свое значение.

Домашняя утварь

У чукчей она отличается простотой и немногочисленностью предметов. Глиняный жирник (светильник) давал тепло и свет. Необходимые для варки пищи котлы изготовлялись из глины с примесью песка. Как рассказывается в чукотских преданиях, глина и песок замешивались на крови добытых животных, для большей вязкости в эту смесь добавлялась собачья шерсть. Чукчи, как показывал в 1756 г. Кузнецкий, «имеют в пологах. . . жирники, выдолбленные из камня и сделанные из глины на подобие плоски. А за неимением во всей той земле упоминаемого лесу едят мясо оленье, рыбу, нерпу и протчих морских зверей, каких упромыслить могут, сырое и мерзлое и всякое из земли мягкое коренье, а хотя со временем варят себе еду в сделанных из глины горшках. . . , но и то очень редко». ¹³³

И в конце XVIII в. чукчи еще пользовались глиняной посудой. Они собирают молодые листья ивняка, «варят в глиняном горшке (*йякукяненг*). Эти горшки, а также деревянную посуду получают они из Америки». ¹³⁴ Вряд ли справедливо это утверждение Мерка применительно ко всем чукчам. Скорее всего глиняной и деревянной посудой изготовления аляскинских эскимосов пользовались чукчи, обитавшие на побережье Берингова пролива.

Капитан Шишмарев, посетивший залив Лаврентия в 1821 г., отметил: «В каждой юрте видели котлы: медные, железные, чугуновые и глиняные».¹³⁵

Уже на первых порах знакомства с русскими чукчи весьма высоко оценили преимущества металлических котлов перед глиняными. И поэтому при всяком удобном случае обзаводились ими. Деревянное блюдо *кэмэны*, несколько жестяных и фаянсовых чашек с блюдами дополняли скромный набор посуды чукотской семьи.

В домашнем обиходе чукчей долгое время использовались некоторые виды каменных и костяных орудий. Кибер писал: «Чукчи прежде довольствовались каменными топорами, таковые и теперь еще находятся у бедных, острый кремь служил им ножом, рыбная кость иглою».¹³⁶

Находили применение также каменные молоток и наковальня (плита) для дробления оленьих костей, размельчения мерзлого мяса и кусков жира, каменные скребки для выделывания кожи, костяные лопаты и мотыги для выкапывания съедобных корней и т. п. В XVII и отчасти в XVIII в. огонь чукчи добывали трением с помощью специального лучкового снаряда. Такой же снаряд, вооруженный каменным острием или сколком костей, служил сверлом.

По мере упорядочения отношений с русскими, особенно после установления регулярных торговых связей, деревянный снаряд для добывания огня был повсеместно заменен стальным огнивом. Вместо трута они использовали сухие листья ивы. Серу, необходимую для получения огня, чукчи добывали сами. С этого времени деревянное огниво вошло в домашние святыни, им пользовались для добывания огня лишь в случаях, когда требовался огонь для жертвоприношений и т. п.

Одежда

Все виды одежды чукчей шились из шкур и кож оленей и некоторых морских млекопитающих, они были прочны, теплы. Обувь и некоторая часть мужской верхней одежды (штаны летние и для охоты на море) шились из шкур нерпы. До развития пастушеского оленеводства, особенно в XVIII в., некоторые из оседлых чукчей побережья Берингова пролива изготавливали себе одежду из шкурок морских птиц (гагар, топорков), евращек (вид суслика), котиков, куниц и др. Шкуры котиков и куниц они выменивали у жителей американского материка: «Предлагая железные изделия и бусы и получая в обмен парки из куньего и мышинного меха, волчьи, рысьи, росомашьи, лисьи и выдровые шкуры».¹³⁷

Некоторые приморские чукчи имели верхнюю одежду «из морских утечьих шкурок», а иные — «собачьи парки».¹³⁸ На протяжении XIX в. этот вид одежды чукчей исчез почти совершенно и заменился одеждой из шкур оленей.

Весьма подробное описание одежды чукчей находим у К. Мерка: «Одежда мужчин плотно прилегает к телу и отлично греет. Они, обычно, возобновляют ее к зиме. Штаны, опускающиеся до ступни, называемые *chonaita* (конагтэ. — И. В.), как и у американцев, не имеют завязок, а закрепляются продетой по верху кругом тесемкой из сухожилий. По низу пришивается широкая полоса стриженного пушистого меха, по цвету отличного от самих штанов, а через нее продевается сухожильная тесемка.

Пока позволяет время года, они большей частью носят штаны из тюленьих шкур, реже — из выделанной оленьей кожи, а под ними — штаны из другого меха, чаще всего бараньего. В начале зимы и ранней весной носят наружные штаны большей частью из белого меха оленьих ног (*panra*), который лучше защищает от ветра и пурги. Зимой носят более теплые наружные штаны — из шкур годовалых оленей, которых они убивают для этой цели не позднее августа. Иногда носят штаны из меха волчьих лап, на которых оставляют висеть когти. . . Короткие меховые чулки (*pamiat*) выделывают в теплое время года из тюленьих шкур, мехом внутрь: они не пропускают влаги. Зимой носят чулки из самых пушистых кусков густого меха с оленьих бедер, реже из меха молодых оленей (пыжиков).

Летом носят короткие сапоги из тюленьих шкур, мехом внутрь, а также из выделанной оленьей кожи, или непромокаемые сапоги из дубленых тюленьих шкур. Они завязывают сапоги под верхними штанами, а снизу обвязывают их еще кругом ремешками из белой или красной выделанной тюленьей кожи. Кроме того, носят они высокие сапоги из тюленьей кожи, иногда высотой по колено, а иной раз до верхней части бедер. Зимой чаще всего носят короткие сапоги из меха оленьих ног. Иногда, хотя и реже, в холодное время года носят сапоги до колен. В том и другом случаях сапоги украшаются. Подошвы сапог делаются обычно из моржовых шкур, мехом внутрь. Подошвы к зимним сапогам сшиваются из кусочков меха, взятых между копытами оленей волосами наружу. Будучи плотно сшиты, эти сапоги прекрасно греют ноги. Внутрь сапог (без чего они совсем не греют) закладывается сухая мягкая трава, а иногда — скобленая рыба кость.

Тело покрывают две меховые рубашки. Летом обе из поношенного меха или меха оленят, зимой нижняя рубашка — такая же. Осенью и ранней весной верхняя рубашка делается из короткошерстного меха молодых оленей. Зимняя рубашка делается из меха годовалых оленей. Эти парки имеют сверху лишь небольшой круглый вырез на груди, доходят внизу до середины бедер и подвязываются кожаным ременным поясом, застегиваемым спереди костяными застежками. По подолу и рукам они оторочены собачьим или волчьим мехом, по вороту — большей частью собачьим мехом, а иногда — узкими полосками меха росомахи.

Если только позволяет погода, летом, а также осенью и весной голова остается непокрытой. В прохладную погоду покрывают голову повязкой вроде венка с отделкой из волчьего меха на лбу,

а иногда с круглыми наушниками из мягкой, выкрашенной в красный цвет, тюленьей кожи, изнутри тепло подбитыми, а снаружи вышитыми шетинками самцов-олений. Иногда они для этого употребляют выбеленные собачьи горловины. Зимой часто надевают на голову малахай: он делается обычно из шкурок пыжика, подбит изнутри такими же шкурками и оторочен собачьим или волчьим мехом. Иногда малахай шьются из меха оленьих ног, к ним пришивают круглый воротник, закрывающий затылок, закругленная часть воротника покрывается зубчатыми украшениями из замши. Некоторые чукчи, в особенности оседлые, летом носят на лбу четырехугольный широкий козырек из усаженных рядом птичьих перьев. Кроме того, особенно зимой, они покрывают голову поверх малахая верхней шапкой (*waarka*), круглые концы которой ниспадают на плечи, грудь и спину. Такие шапки делают из густых оленьих шкур, а для прочного закрепления затягиваются подмышками ремной петлей. Они защищают не покрытую ничем шею от ветра и непогоды, а так как оторочены волчьим мехом, то защищают и лицо. Их надевают мехом внутрь. Иные вместо шапки носят шкуру, содранную с головы волка, оставляя в целости ее морду, торчащие уши и глазные впадины, к ней для защиты от ветра сзади подвешивается узкая полоска оленьего меха.

При дожде и сыром тумане они носят поверх одесжды дождевики, имеющие капюшоны. Шьются дождевики из продолговатых четырехугольных небольших кусков тонких китовых кишок, соединенных зубчатым поперечным швом. Рукава и ворот завязываютсявшитыми жильными тесемками, а внизу затягиваются прошитым по подолу кругом китовым усом. Дождевики эти носят название *paugtgn*. При длительных дождях эти дождевики начинают промокать, а потому под ними надевается второй дождевик, как правило, женский, называемый *okontshin*.

Летом, в ветреную сухую погоду, а зимой в бурю и пургу они надевают поверх одежды еще рубашку из замши (*etemauschin*), у которой по плечам нашито два кружка с нанизанными бусами.

Мужчины редко носят зимой при дальних поездках широкие верхние парки из короткошерстных оленьих шкур, хотя большинство их и имеет. Русские называют их кухлянками, оленные чукчи — *utitschgin*. Парки бывают одинарные, а также двойные, тогда вторая надевается мехом наружу.

Рукавицы (*lili*) делаются из оленьих лап. Они просторны, длинные, заходят глубоко в рукава парки, изнутри ничем не подбиваются, носятся мехом наружу. При всей их кажущейся легкости, они достаточно греют и не портятся от потения рук. Кроме того, чукчи носят нагрудник из сшитых, немного подстриженных оленьих лап, который они надевают вокруг шеи при помощи двух пришитых к верхнему краю меховых ремней. Один из них застегивается концом на пуговицу. Этот нагрудник защищает шапку или парку от образующихся при дыхании в стужу заледенелых влажных испарений. Зимой необходимо ежедневно перед заходом

в полог выколачивать одежду от набивающегося в нее снега колушкой из оленьего рога (*tewitschgin*), которую приходится возить с собой, при переездах с места на место.¹³⁹

«Одежда их сегсег (женщин. — *И. В.*) обтягивает тело и переходит в широкие мешковидные шаровары, завязанные ниже колен. Одежда эта надевается снизу и для облегчения надевания на груди сделан вырез, более короткий вырез есть на спине. Спереди рукава шланки и обшты, также как и вырезы, собачьим мехом. Такая одежда носится двойная: нижняя — из бараньего меха, а верхняя — из шкур оленей, убитых поздней осенью, одевается мехом наружу.

У мужчин и женщин оседлых чукчей нижняя часть тела до ляжек покрыта короткими нижними штанами, а женщины носят еще и другие штаны из тюленьих шкур, мехом наружу с нашитой по бокам оторочкой из собачьего меха, доходящие до колен, где и остаются открытыми.

Это — подражание одежде, принятой в Америке. Сапоги (*pläket*) доходят до колен, где заправляются под штаны и завязываются. В теплое время года сапоги делают из тюленьих шкур, зимой же из оленьих лап, а под ними надеваются меховые чулки. Поверх этой одежды они носят просторную меховую рубашку с капюшоном, доходящую до колен, одевают ее при празднествах, при поездках в гости, а зимой и при походах. По обе стороны шеи сзади они имеют круглый вырез, который от середины сужается и выклинивается, а спереди закругляется. Надевают ее мехом внутрь, но зажиточные чукчи носят еще одну, мехом наружу, поверх нее, делают ее из белопятнистых коротковолосых оленьих шкур. Оторочка из волчьего меха, у иных только вокруг капюшона, а по подолу — из белого длинношерстного собачьего меха, с шеи свисают черные собачьи лапы, касаясь когтями груди. На плечах и по спине с обеих сторон нашиты отдельные небольшие куски волчьего меха, с некоторых из них свисают замшевые ремешки с нашитыми кое-где бусами. У рубашек, носимых шерстью наружу, эти ремешки заменяются кисточками из шерсти молодых тюленей, окрашенной в черный или красный цвет. Более богатые щеголяют широкой оторочкой волчьим мехом, а собачьи лапы заменяют лапами росомахи.

Старухи носят вместо описанных верхних парок простые длинные, а зимой носят также накидку. Рукавицы и нагрудник они носят такие же, как и мужчины. В дождливую погоду женщины носят обыкновенные дождевики, кроме того, имеют еще и дождевики из белых кишок, которые, однако, служат больше для украшения, чем для защиты от дождя.¹⁴⁰

В XIX в. вышла из употребления одежда из бараньего меха (штаны, женские комбинезоны), штаны из волчьих шкур, четырехугольные широкие козырки, усаженные рядом птичьих перьев, которые носили на голове, и некоторые другие.

Начинает проникать, хотя и очень медленно, одежда из тканей. Однако широкого распространения этот вид одежды не получил. По мнению очевидцев XVIII—XIX вв., одежда и обувь чукчей

весьма практичны и вполне приспособлены к суровым условиям климата, производству и бытовой обстановке.

- ¹ Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1 (1700—1713). СПб., 1882. С. 459.
- ² ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 1, тетр. 19, л. 31.
- ³ Там же, л. 32.
- ⁴ Там же, тетр. 17, л. 5.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: Сб. архив. материалов. Л., 1935. С. 159.
- ⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 2, тетр. 7, л. 46.
- ⁸ ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10, л. 137, тетр. 6.
- ⁹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 2, тетр. 9, л. 49.
- ¹⁰ ЦГАВМФ СССР, Дела графа Чернышева, д. 414, л. 360.
- ¹¹ *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. 1820—1824. М., 1948. С. 179.
- ¹² Записки, издаваемые Государственным адмиралтейским департаментом. СПб., 1827. Ч. 13. С. 197.
- ¹³ *Аргентов А.* Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности // ЗСОРГО. 1857. Кн. 4. С. 97.
- ¹⁴ *Серебрянников И. И.* Инородцы Восточной Сибири // ИВСОРГО (Иркутск), 1914. Т. 43. С. 166.
- ¹⁵ *Богораз В. Г.* Краткий отчет об исследовании чукоч Колымского края. Иркутск, 1899. С. 6.
- ¹⁶ *Bogoras W.* The Chukchee. 1. Material culture. New York, 1904. P. 26—27.
- ¹⁷ *Майдель Г.* Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. СПб., 1894. Т. 1. С. 5, 120, 213, 214, 271, 507; *Дьячков Г.* Анадырский край. Владивосток, 1893. С. 40; *Гондатти Н. Л.* Состав населения Анадырской округи // ЗПОРГО, 1897. Т. 3, вып. 1. С. 166—178; *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. С. 12—17; *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 118—122.
- ¹⁸ *Гондатти Н. Л.* Анадырские очерки. Сведения о поселениях по Анадыру. Хабаровск, 1897; ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 3, д. № 414, л. 11.
- ¹⁹ *Богораз В. Г.* Краткий отчет... С. 6.
- ²⁰ *Богораз В. Г.* Очерки материального быта оленных чукчей, составленные на основании коллекций Н. Л. Гондатти. СПб., 1901. С. 37.
- ²¹ *Калинников Н. Ф.* Наш крайний Северо-Восток. СПб., 1912. С. 163.
- ²² *Солярский В. В.* Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Материалы по изучению Приамурского края. Хабаровск, 1916. Вып. 26. С. 127.
- ²³ *Иохельсон В. И.* Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Вестник СОРГО (СПб.), 1898. Т. 10, отд. 3, С. 35, 127, 129.
- ²⁴ *Гондатти Н. Л.* Анадырские очерки... С. 71.
- ²⁵ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 259, л. 35.
- ²⁶ Там же, оп. 3, д. 160, л. 28.
- ²⁷ Там же, д. 563, л. 147.
- ²⁸ Там же, ф. 702, оп. 1, д. 682, л. 13.
- ²⁹ *Бутурлин С. А.* Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края. СПб., 1907. С. 47.
- ³⁰ Там же. С. 52.
- ³¹ Там же. С. 71.
- ³² Там же. С. 69.
- ³³ *Богданович К. И.* Очерки Чукотского полуострова. СПб., 1901. С. 35.
- ³⁴ *Гондатти Н. Л.* Поездка из с. Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив) // ЗПОРГО. Хабаровск, 1897. Т. 4, вып. 1. С. 24.
- ³⁵ *Солярский В. В.* Указ. соч. С. 17.
- ³⁶ *Богданович К. И.* Очерки Чукотского полуострова. С. 209.
- ³⁷ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 65.
- ³⁸ *Дьячков Г.* Анадырский край. С. 51.
- ³⁹ *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1. С. 115.
- ⁴⁰ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 116, л. 104.
- ⁴¹ ДАИ, 1848. Т. 3. Док. 24.
- ⁴² Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 35.
- ⁴³ Там же. С. 36.
- ⁴⁴ *Врангель Ф. П.* Указ. соч. С. 308.
- ⁴⁵ *Лазарев А. П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света.

- М., 1950. С. 303; *Врангель Ф. П.* Указ. соч. С. 306; *Коцебу О. Е.* Путешествие вокруг света. М., 1948. С. 96; *Литке Ф. П.* Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». М., 1948. С. 221; *Аргентов А.* Описание Николаевского Чаунского прихода // ЗСОРОГ. 1857. Кн. 4. С. 100.
- ⁴⁶ *Vogoras W.* The Chukchee. 1. P. 121.
- ⁴⁷ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 117.
- ⁴⁸ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 116, л. 68.
- ⁴⁹ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 115.
- ⁵⁰ *Куликов М. И.* Характер экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX и начале XX в. // Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 159.
- ⁵¹ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 115.
- ⁵² *Куликов М. И.* Указ. соч. С. 159.
- ⁵³ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 720, л. 10.
- ⁵⁴ *Гондатти Н. Л.* Поездка. . . С. 23.
- ⁵⁵ *Тульчинский К. Н.* Из путешествия к Берингову проливу. СПб., 1906. С. 30.
- ⁵⁶ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 333.
- ⁵⁷ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 138—139; *Вогораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1. С. 157.
- ⁵⁸ *Майдель Г.* Указ. соч. С. 183.
- ⁵⁹ *Нордквист О.* Заметки о численности и нынешнем положении чукчей, живущих по берегу Ледовитого океана // ИРГО. 1880. Т. 16. С. 103—104.
- ⁶⁰ *Ресин А. А.* Очерк инородцев Русского побережья Тихого океана. СПб., 1888. С. 70.
- ⁶¹ Торгово-промышленные сношения приморской окраины Восточной Сибири с иностранцами (по сообщению русского генерального консула в Сан-Франциско А. Э. Олоровского) // Правительственный вестник. 1890. № 255.
- ⁶² *Кириллов Н. В.* Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову. СПб., 1912. С. 14—15.
- ⁶³ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 347, л. 579.
- ⁶⁴ *Солярский В. В.* Указ. соч. С. 124.
- ⁶⁵ *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край 1906—1910 гг. СПб., 1912. С. 281—282.
- ⁶⁶ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 278.
- ⁶⁷ *Солярский В. В.* Указ. соч. С. 124.
- ⁶⁸ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 37.
- ⁶⁹ Там же. С. 107.
- ⁷⁰ *Литке Ф. П.* Указ. соч. С. 223.
- ⁷¹ *Аргентов А.* Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности. С. 98.
- ⁷² *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 133.
- ⁷³ *Солярский В. В.* Указ. соч. С. 129.
- ⁷⁴ *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. С. 129.
- ⁷⁵ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 130.
- ⁷⁶ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 651, л. 30.
- ⁷⁷ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 131.
- ⁷⁸ *Аргентов А.* Описание Николаевского Чаунского прихода. С. 99.
- ⁷⁹ Там же. С. 99—100.
- ⁸⁰ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 148.
- ⁸¹ *Гондатти Н. Л.* Поездка. . . С. 14, 23.
- ⁸² *Тульчинский К. Н.* Указ. соч. С. 30.
- ⁸³ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 92.
- ⁸⁴ *Солярский В. В.* Указ. соч. С. 128.
- ⁸⁵ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 123.
- ⁸⁶ Там же. С. 124.
- ⁸⁷ *Иванов С. В.* Чукотско-эскимосская гравюра на кости // СЭ. 1949. № 4. С. 107—124.
- ⁸⁸ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 6, д. 6, л. 55.
- ⁸⁹ *Оводенко С. Д.* Отчет о поездке на Чукотский полуостров и на устье реки Анадырь в июне—августе 1911 года // Горный журнал. 1913. Т. 3. Июль. С. 6.
- ⁹⁰ *Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сиб. этнограф. сб. М.; Л., 1957. II. С. 186—225.
- ⁹¹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 2, тетр. 3, л. 11 об.
- ⁹² Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 81.
- ⁹³ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 2, тетр. 3, л. 11 об.
- ⁹⁴ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 32.
- ⁹⁵ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 1, тетр. 17, л. 4; *Окладников А. П.* К истории этнографического изучения Якутии: Сб. материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 35—36.
- ⁹⁶ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 32—34.
- ⁹⁷ ЛОИИ АН СССР. Собрание Воронцовых. Кн. 950: Материалы для истории Российской. Т. 2. Л. 585.
- ⁹⁸ Колониальная политика царизма на Камчатке. . . С. 183

- ⁹⁹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.; Л., 1952. С. 269.
- ¹⁰⁰ Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Генварь. С. 203; Цветущее состояние Всероссийского государства... М., 1831. Кн. 2. С. 99; *Миллер Г.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных: Сочинения и переводы... СПб., 1758. Ч. 1. С. 199.
- ¹⁰¹ *Кук Д.* Путешествие в Северный Тихий океан... на судах «Резолюция» и «Дискавери» в продолжение 1776—1780 гг. СПб., 1810. Ч. 2. С. 188.
- ¹⁰² Сведения о чукчах капитана Шишмарева // Зап. Гидрограф. департамента Морского министерства (СПб.). 1852. Т. 10. С. 183.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрик» под начальством флота лейтенанта Коцебу. СПб., 1821. Ч. 1. С. 146.
- ¹⁰⁵ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 30—31.
- ¹⁰⁶ *Окладников А. П.* К истории этнографического изучения Якутии. С. 34.
- ¹⁰⁷ Русские мореходы... С. 269.
- ¹⁰⁸ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 37—38.
- ¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 199, № 539, тетр. 13, л. 26.
- ¹¹⁰ *Ратцель Ф.* Народоведение. 4-е изд. СПб., 1895. Т. 1. С. 588.
- ¹¹¹ *Сарычев Г.* Путешествие капитана Биллинга через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Кольмского острога в 1791 г. СПб., 1811. С. 125.
- ¹¹² Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 38—39.
- ¹¹³ *Врангель Ф.* Указ. соч. С. 339, 327.
- ¹¹⁴ Кибер. Извлечения из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотистых пустынях Северо-Восточной Сибири // *Сибирский вестник*. 1824. Ч. 1. С. 125—126.
- ¹¹⁵ Замечания о чукчах // ЖМВД. 1835. Ч. 16. С. 359.
- ¹¹⁶ *Аргентов А.* Описание Николаевского Чаунского прихода. С. 97.
- ¹¹⁷ *Норденшельд А. Е.* Плавание на «Вега». Л., 1936. Т. 2. С. 172, 308.
- ¹¹⁸ *Свердруп Г. У.* Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930. С. 243.
- ¹¹⁹ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 156.
- ¹²⁰ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 3, д. 563, л. 151.
- ¹²¹ *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 158.
- ¹²² Там же. С. 156.
- ¹²³ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 15—17; *Кук Д.* Путешествие... С. 188; *Сарычев Г. А.* Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 237.
- ¹²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1264, Первый сибирский комитет, оп. 54, д. 2, л. 79.
- ¹²⁵ *Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947. С. 69, 108.
- ¹²⁶ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 14.
- ¹²⁷ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции. 1785—1795. Магадан, 1978. С. 155.
- ¹²⁸ *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири... С. 237, 242, 249.
- ¹²⁹ *Лазарев А. П.* Указ. соч. С. 302.
- ¹³⁰ *Врангель Ф. П.* Указ. соч. С. 311—312.
- ¹³¹ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 5—14; Перевод с рукописного сочинения доктора Нижне-Кольмского отряда Северной экспедиции Кибера от 1823 года // *Сиб. вестн.* 1824. Ч. 2. С. 101.
- ¹³² *Аргентов А.* Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности. С. 36.
- ¹³³ Колониальная политика царизма... С. 181—182.
- ¹³⁴ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 50.
- ¹³⁵ Сведения о чукчах капитана Шишмарева. С. 181.
- ¹³⁶ Перевод с рукописного сочинения доктора Нижне-Кольмского отряда Северной экспедиции Кибера от 1823 года // *Сиб. вестн.* 1824. Ч. 2. С. 121.
- ¹³⁷ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 42.
- ¹³⁸ ЦГИА СССР, ф. Первого сибирского комитета, оп. 54, д. 2, л. 79—80.
- ¹³⁹ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 17—23.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 45—46.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ШАМАНИЗМ

Первые школы на Чукотке появились в 1916 г. Никто из местных жителей не выписывал газет, журналов, не читал книг; библиотек не было. Медицинского обслуживания местного населения практически также не было.

Вся культурно-бытовая обстановка оседлых и особенно кочевых чукчей носила тот же замкнутый характер, что и их экономика, и сосредоточивалась внутри стойбища, селения. При этих условиях в идеологии господствовали взгляды, опиравшиеся в основном на общественно-экономические, правовые и моральные нормы, выработанные в процессе развития патриархально-общинных отношений. Религиозное сознание обуславливалось тем же патриархально-общинным строем, теми жизненными условиями, о которых уже говорилось, мифологическими (ненаучными) основами мировоззрения. Исполнение религиозных обрядов, распространение традиционных представлений, деятельность шаманов ничем не сдерживались.

Застойный характер состояния основных видов производства (оленоводство и морской зверобойный промысел), мало втянутых в товарно-капиталистические связи, слабое влияние извне — все это тормозило общее развитие культуры, проникновение в среду чукчей основ истинных знаний.

Положительные знания тесно переплетались с фантастическими представлениями, наивными объяснениями причинно-следственных связей в явлениях природы и зависимости от них человека в его повседневной производственной деятельности.

Мировоззренческие основы их взглядов опирались на расплывчатые двойственные представления о природе и обществе, о мире в целом. И в начале XX в. у них еще господствовали мифологические объяснения космогонии, вообще мироздания, и в том числе человека, животных и растений. Эти их представления содержатся в мифах.

Картина сотворения мира, животных и человека в чукотских мифах рисуется предельно просто и лаконично. Нет целого связного повествования. Есть как бы отдельные отрывки, в которых сообщается о создании Творцом особых видов жизни на земле, так, без всякой связи и обоснования. В одном из текстов рассказывается, что некогда было темно, но уже были две земли Льюрэн и Кэнычвэй (названия реально существующих селений на Чукотском полуострове). Творец сидел и думал, как бы сделать свет. Занятый этой идеей, он создает ворона, затем маленькую птичку, которым и поручает «продолбить зарю». Ворон не выполнил этого, за что и был изгнан Творцом, а маленькая птичка сделала большое отверстие, заря брызнула, стало светло. Творец сошел на землю, набросал нерпичьих костей, сказал: «Будьте люди!». И опять ушел к себе. Чтобы провернуть, как живут люди, он создает куропатку,

затем полярную сову, лисицу, песца, волка. Все они боятся людей и ничего не могут узнать. Тогда он снова отправляется на землю и учит людей, как надо размножаться. Сделал оленей из тальника. Сделал одежду, деревянный снаряд для добывания огня. Люди стали кочевать. Из земли сделал бурого медведя. Из забытого на стойбище огнива стал человек, которого Творец превратил в русского.

Однако Творец не создал должной гармонии в природе, не все сделал для удобства жизни человека. Дальнейшие усовершенствования в природе и жизни на земле, во вселенной, созданием их современного облика стал заниматься Ворон (Куркыль). По просьбе людей Ворон сделал реки, потом создал горы, скалу среди моря. Создал и поселил на ней птиц.¹ В другой мифе рассказывается, что Ворон создал рыбу, тюленя, моржа, кита, лахтака. Потом создал медведя, волка, лисицу. Затем сказал: «Довольно тепер даров! Стану незримым, буду летать над землей, шумя пугать». И стал громом. Уже с первых шагов благой деятельности Ворон стелкивается с *кэле*, выступая в роли защитника и покровителя людей, всегда успешно справляющегося с кознями *кэле* (мн. ч. — *кэльэт*) — носителями зла.

Нередко он действует и выглядит как человек. То он возвращается к жизни умершего единственного сына,² то становится весьма сильным шаманом, то просто человеком, со свойственными ему переживаниями, жизненными перипетиями. В конце концов он заблеивает и умирает.³

Таким образом, Ворон не превратился у чукчей в «божество» и не вошел в пантеон существ, к которым следует обращаться за помощью, ему не приносят жертв. Сверхъестественные функции его ограничились только устройством мира; дальнейшая судьба мира и всего, что на нем происходит, уже зависит от других существ и обстоятельств.

Помимо жизни людей на поверхности земли и окружающей их среды, животного и растительного мира, а также явлений природы, видимых светил, по представлениям чукчей, существовала жизнь и над небесной твердью и под землей. На верхней (небесной) вселенной живут предки. Причем они ведут тот же образ жизни, что и на земле. Там также имеются стойбища, олени.⁴ Эта вселенная пополняется людьми после смерти на земле. Однако не все умершие люди попадали туда. Лишь те, кто умирал достойной смертью, как воин, погибший во время сражения, или как человек, выразивший желание испросить у близких насильственного умерщвления («добровольная смерть»), или в результате естественной смерти по старости. Люди, умершие от болезни, попадали в подземный мир, обиталище вредоносных существ (*кэле*).

Из всего многообразия представлений о предметах и явлениях природы первостепенное значение принадлежит *наргынэн* — это 'вся окружающая землю среда', 'наружное пространство', 'вселенная', 'дух' вселенной', 'природа'. *Наргынэн* ведает тем, от чего зависели промыслы, оленеводство, благополучие людей. В повсе-

дневной религиозной жизни наргынэн воспринималось как божественная сила. Непосредственно наргынэн ведаёт всеми метеорологическими явлениями. Чукчи говорят: наргынэн илиръркын — ‘наргынэн дождит’, наргынэн пинэтыркэн — ‘наргынэн снегопадит’; наргынэн выялятыркын — ‘наргынэн пуржит’ и т. п. Наргынэн же подведомственны и такие явления, как туман, гром, молния, ветер, которые, однако, рассматриваются как особые живые существа. Наргынэн поддерживает жизнь людей на земле, это вполне доброжелательно относящееся к человеку существо. Само наргынэн не вмешивается ни в какие людские дела, их связи с природой. Оно как бы безучастно к судьбам людей, если они к нему не обращаются с призывами о помощи. Просьбы людей к наргынэн обычно удовлетворяются положительно, хотя и не безвозмездно.

Представления о всех явлениях и предметах природы характеризовались их олицетворением, перенесением на них свойств человека и человеческого общежития на уровне тех социальных особенностей, которые прочно закрепились в быту и сознании чукчей. Олицетворялось все то в окружающей природе, чему свойственно было состояние видимого или осязаемого движения, перемещения, как бы сознательной деятельности, по аналогии с целеустремленной деятельностью человека. Однако степень очеловечивания разных видов животных, птиц не была одинаковой, а зависела от «разумности» их поведения в жизни. Отсюда качественно различное представление и отношение к живым существам природы. Внимание фиксировалось преимущественно на таких предметах и явлениях природы, соприкосновение с которыми, наблюдение которых порождали аналогии с производственными действиями людей, с отрицательным главным образом вмешательством их в жизнь людей, как это могли делать, например, враги. Исходя, очевидно, из представлений об этих различных качественно человеческих свойствах у разных видов животных и птиц, чукотская мифология одних приближает по образу жизни и поведению к людям, другим же не приписывает таких свойств совершенно. В мифах четко прослеживается представление о «народе» белых медведей, мышинном, волчьем, паучьем, но нет ни одного упоминания о «народе» диких оленей, водоплавающих птиц и т. п.

Живыми существами, обладающими человеческими (чукотскими) свойствами, были земля (*нутэнут*), солнце, месяц, вершина неба (зенит), Полярная звезда, рассвет, полдень, тьма (запад), наружное пространство (наргынэн) и вообще все, что способно обнаруживать видимое движение, изменение качественных и количественных состояний.

Олицетворение светил и явлений природы носило настолько реалистические черты, что все они представлялись существами, обладающими человеческими потребностями, желаниями.

Так, узнав о том, что дочь Нутэнута (Земли) красавица, Солнце, Месяц, Небо, Рассвет, Наружное пространство (наргы-

нэн) пришли сватать ее.⁵ Они говорят по-чукотски, выполняют различные хозяйственные работы, как делают это люди (чукчи).

Между человеком и некоторыми видами животных не было абсолютного разграничения. Поэтому человек мог жить с волками, жениться на белой медведице, женщина могла выйти замуж за орла, тюленя, человек — сватать савку (утку), росомаха — воспитывает и учит жить сиротку (человека) и т. д.

По представлениям чукчей, солнце и луна, юго-восток и северо-запад, тепло и стужа, надземный и подземный миры, день и ночь и т. п. — все то, что по своей природе существовало в естественном противоположении, рассматривалось как противоборство двух начал в природе — благожелательных, благорасположенных к человеку и всему живому (солнце, тепло, свет и т. п.) и отрицательных к ним (луна, стужа, тьма и т. п.).

Сознание тесной сопричастности (сопряженности) человеческой жизни с явлениями природы, светилами воспринималось как жизненная реальность. В природе солнце и луна — светила антиподы.⁶ Их постоянное противостояние, противоборство подобно тому, которое существует у людей на земле, отражает социальные противоречия нашего времени. В этих суждениях обнаруживается логика, последовательность представлений о близости человека к природе, о их тесных взаимосвязях, о подчиненном положении человека природе и ее проявлениям.

Жизнь чукчей всецело зависела от успешных промыслов, благополучного состояния оленеводства. Поэтому их представления содержат понятия о существах, ведающих промысловыми животными, угодыями, отдельными местами.

По существу каждое место, где останавливались чукчи даже только на ночлег или на непродолжительную стоянку, представлялось как место, принадлежащее невидимому существу, хозяину, благожелательному, но требующему обязательно за пребывание на этом месте какого-нибудь подарка, жертвы.

Леса, реки, озера, а также различные виды зверей и деревьев имеют своих хозяев (*этын, этынвыт*). Эти этынвыт (хозяева) отдельных объектов природы, видов фауны ведут себя точно так же, как и подлинные хозяева стад оленей и другого имущества. Если человек им оказывает внимание, почтение, что-то дает, они в свою очередь так же проявляют щедрость и взамен дают то, чем они владеют, чем богаты.

Особую категорию благодетельных существ составляли предки семьи, патриархальной общины, селения. В принципе каждая семья искала поддержки у своего ближайшего родственника по мужской линии: умершего отца, деда. Представление о них, как о старших наставниках, умелых и опытных оленеводах, охотниках, смело и самоотверженно борющихся за благополучие своих семей, умевших находить правильный выход во всех испытаниях жизни, сохранялось за ними и после их смерти.

Внешним выражением связи семьи с соответствующими предками были стилизованные деревянные или вырезанные из кожи

фигурки, призванные изображать этих предков, быть их заместителями. Находились они в связках домашних покровителей.

В окружающей среде, помимо всяких доброжелательных к человеку существ, находилось не меньшее количество разных вредоносных существ, созданных фантазией чукчей, — носителей всех видов зла, неприятностей, вплоть до затмения луны и солнца. Кознями кэльэт объяснялись скоропостижная смерть, медленно разедающая организм человека болезнь, нечаянная гибель людей, неожиданный плач ребенка, потеря правильного направления в пути и т. д. Кэльэт всегда подкарауливали зазевавшихся пастухов, путников, людей беспечных, утрачивавших необходимую бдительность, собранность, готовность сопротивляться. Как ни были страшны последствия вмешательства кэльэт в жизнь человека, борьба с ними и их действиями бывала нередко удачной в пользу человека. Не нужно терять самообладания и тогда можно справиться с кознями этих вредоносных существ.

При затмении солнца или луны нужно было мобилизовать все бубны, сковороды, тазы, имевшиеся в селении, чтобы звуки, извлекаемые из этих предметов, отпугнули кэле — похитителя солнца. Это ложное представление всегда подкреплялось положительным исходом. Затмение естественным путем заканчивалось, а люди видели в этом свою победу над кэле.

В соответствии с системой религиозных представлений у чукчей существовали и культовые отправления. Главными формами выражения культов были жертвоприношения, кормления, сопровождавшиеся словесными обращениями, просьбами. «Как известно, — отмечал К. Маркс, — во всех религиях покаяние, жертва, а по возможности и самопожертвование составляют самую суть богослужения, культа».⁷

Всем «священным» предметам, действиям, обращениям приписывалась способность изменять в нужном для человека направлении ход и развитие событий, вызывать желаемые и предупреждать, приостанавливать нежелательные явления.

В религиозных культах чукчей находим отражение и культов природы, и культов общественных сил. У чукчей — оленеводов и приморских охотников были некоторые отличия в религиозных культах. Если в религиозном сознании оленеводов все основные культы определялись желанием поддерживать и успешно развивать оленеводство и связанный с ним быт, то для приморских охотников было характерно поклонение морю — их главному источнику существования. Вместе с тем у тех и других существовали общие представления и общие культы. Это в первую очередь культ Наргынэн (Природы, Вселенной), Рассвета, Полярной звезды или Зенита неба (обители Творца), созвездия Пэгиттин и некоторых других, а также ряд промысловых культов. У чукчей каждая семья имела домашних (семейных) охранителей *тыйнык-выт*. Это связки разных предметов, преимущественно остатки, части животных, птиц. Обязательными в таких связках были изображения предков (деревянные, кожаные), доски-огнива и

традиционные в данной семье предметы: клюв ворона, коготь медведя, шкура песца, лисицы, череп волка, песца, белого или бурого медведя.⁸ По представлениям чукчей, все эти предметы обладали присущими человеку, данному виду животных, птиц жизненными свойствами. Но это не были божества, а только охранители семьи, жилища от кэльэт, стада от нападения волков и т. п. Находясь в жилище человека, они защищали его обитателей средствами своей грубой силы (медведи, волки), ловкостью и хитростью (песцы, лисицы), мудростью (ворон), жизненным опытом (фигурки предков). При всех обращениях и жертвоприношениях Рассвету, Наргынэн, Полярной звезде, созвездию Пэгиттин домашние святыни всегда выносились из жилища к месту отправления таинства. Таким образом они, как и их обладатели, принимали участие в этих ритуалах, т. е. они рассматривались как члены данной семьи, патриархальной общины. Им не поклонялись, не приносили жертв, их только угощали, кормили.

В мифах и в религиозной практике чукчей первостепенное значение имел культ Наргынэн (Природы, Окружающей среды, Наружного пространства) и проявлявшихся в ней стихий, которые создавали непреодолимые обычными жизненными трудовыми способами трудности в добычании средств к существованию. Наргынэн были подведомственны все явления природы: туман, дождь и снег, ветер, пурга и т. п. В то же время к Наргынэн обращались за помощью и в других, как правило критических, случаях жизни. Наргынэн отзывчива на просьбы людей, но требовательна к исполнению их обещаний. Поэтому никакой обман человека не оставался безнаказанным. Всякие просьбы к ней обязательно должны сопровождаться определенными обещаниями. Если просьба не будет исполнена, значит Наргынэн не была удовлетворена обещанным. Так объясняли себе чукчи неудачу в каком-либо деле, когда они призывали на помощь Наргынэн и желаемое не исполнялось.

Не менее важным считался культ *Тнагыргын* — Рассвета и других сторон света. Любое наружное жертвоприношение непременно сопровождалось угощением (кормлением) Востока (Рассвета), Юга (Полдня), Запада (Предвечерних сумерек) и Севера (Тьмы). Добродетельные свойства Рассвета использовали не только для того, чтобы он помогал находить добычу, но рассчитывали с его помощью исцелиться от болезни.

Звезды и комбинации звезд, которые можно было бы назвать чукотскими созвездиями, также принадлежат к существам, покровительствующим людям в их благих делах. Особого внимания заслуживает Полярная звезда.

В связи с такими широкими, жизненно важными благотельными функциями Полярная звезда (Творец) рассматривалась чукчами как *вагыргын* — жизнедающее, жизнеподдерживающее бытие (существо), всегда благосклонное к людям, опекающее и защищающее их. К нему мог непосредственно обратиться каждый чукча.

К числу общих для всех чукчей объектов культа принадлежало и особое созвездие Пэгиттин (звезды Алтаир и Тараред из созвездия Орла). Культ этого созвездия опирался на представление, будто появление на небосводе названных звезд во время зимнего солнцестояния приводит свет, солнце, а за ними тепло, постепенное оживление в природе, облегчение в промыслах. В этот период дикие олени меняли направление движения с юга на север.⁹ Видимо, это один из древних культов чукчей. Пэгиттин представлялся им владельцем неисчислимых стад оленей.

Вообще по «праздникам» костер очага получал угощение обязательно, наравне с домашними охранителями. Когда требовалось испросить хорошую погоду, делалось это через огонь костра, который выполнял роль посредника между тем, кто просил, и тем, кому адресовалась просьба: Природе, Вселенной. Через костер угощали всевозможными продуктами предков. С домашним очагом тесно связан культ предков.

Культ предков у оседлых и кочевых чукчей носил явно выраженный патриархальный характер. В этом культе отражена социальная роль в производственной, общественной и семейной жизни мужской половины чукотского общества. В мифах чукчей все персонажи пантеона создателей и покровителей жизни людей, а также и их антиподы — непременно мужского пола. У чукчей жертвы выполняли основную роль в их отношениях и связях со всеми видами сверхъестественных существ. Просьбы, обращения сами по себе не имели никакого магического значения, если они не сопровождались материальными подношениями.

По социальному значению жертвоприношения чукчей носили общинный, семейный и индивидуальный характер. Наиболее часто встречающимися были жертвоприношения семейные, что вполне согласовывалось с известной экономической и общественной самостоятельностью чукотской семьи.

Чукчи не выработали никаких определенных по форме и содержанию, общепринятых формул (молитв) при обращениях во время жертвоприношений. Такого рода обращения всегда были индивидуальны. Они выражали определенную просьбу, носили лаконичный, предельно конкретный и ясный по содержанию характер.

Зависимость от промыслов породила целую систему «воздействия» на природу, с тем чтобы получить добычу: тут и жертвоприношения умиловительного и благодарственного назначения, разовые и регулярные, и, наконец, промыслово-магические пантомимы. Магические действия, как известно, представляют составную часть всякого культа.¹⁰

Шаманы, их деятельность и роль в обществе — историческое явление. Чем глубже зашло разложение первобытно-общинных устоев, тем шире и многообразнее социальные функции шаманов, тем больше и плотнее они смыкаются с имущими слоями общества, служат их интересам. Шаманство как социальная прослойка формируется и развивается вместе с общественно-экономическим

и культурным развитием народа. Практически в каждом стойбище, в каждом селении оседлых был человек, в той или иной мере обладавший свойствами шамана.¹¹ Чукотские шаманы не отделились от производственно-хозяйственной и промысловой деятельности семьи, патриархально-семейной общины. Для большинства из них шаманство не стало профессией, постоянным источником существования. Все обрядовые служения, все, что связано с «божествами», исполнялось внутри семьи, патриархально-семейной общины их главами.

В каждой семье кто-нибудь из ее членов, обычно муж или жена, знал некоторые приемы, способы и средства борьбы со злокозненными существами *лыгикэльэт* — главными врагами чукчей. В борьбе с такими существами защитными свойствами обладали бубны, имевшиеся в каждой семье, обычное огнестрельное оружие, собаки, холодное оружие и, наконец, семейные и личные охранители — *тайныквыт*.

В еще большей мере главе каждой семьи были известны способы связи с доброжелательно расположенными к человеку существами, различными вагыргыт.

Члены патриархально-семейной общины составляли производственный и социальный коллектив, связанный также единством культа предков, общими годовыми жертвоприношениями, традициями. Производственным руководителем, духовным наставником, первым защитником был глава патриархально-семейной общины. Его авторитет во всех жизненных делах был непререкаем. Он отправлял религиозные обряды, связанные с годовыми хозяйственными или промысловыми циклами. В доклассовом обществе, каким было чукотское, не было особой, отдельной религиозной организации, религиозные функции выполняла патриархально-семейная община, ее старшина в первую очередь по своей должности. Однако ни патриархально-семейная община, ни отдельная семья не были в состоянии справиться своими силами и средствами с разными неожиданностями в виде болезней, затяжных неудач в промысле или в ведении оленеводческого хозяйства и т. п. В таких случаях обращались за помощью к шаманам, иногда даже далеко живущим, но известным. Борьба со злокозненными существами, в какой бы форме ни проявлялось их действие — болезнь людей, падеж оленей и т. п., — осуществлялась уже шаманом. Самоутверждение шаманов происходило постепенно, по мере проявления их способностей, подтверждения их заключений жизненной практикой. Не все шаманы пользовались авторитетом у окружающих. Одних слушали, доверяли им, боялись их, над другими посмивались.

В отличие от рядовых чукчей шаманы имели духов-покровителей. В этом состояла их особенность и преимущество. Пользуясь силой, ловкостью, хитростью духов-покровителей, шаман изгонял или уничтожал *лыгикэльэт*, разрушал их злые козни, направленные против человека и его благополучия. Однако духи шамана были тоже *кэльэт*, но в известной мере управляемые шаманом,

исполнявшие его просьбы, хотя и временно. В отличие от вредоносных, злокозненных духов, преследовавших человека, кэльэт шаманов состояли из представителей животного мира, обычно зверей и птиц, обладавших такими природными данными, которые, по мнению шамана и окружающих, были достаточными, чтобы справиться с вредоносными существами. Обладание духами кэльэт составляло одну из главных черт шаманского дара. Другим важным признаком шамана было состояние экстаза, во время которого предполагалось вхождение в него духов-покровителей, путешествия шамана в подземный или надземный мир в поисках души умершего или тяжело больного, в поисках предков больного или человека, пожелавшего получить совет от умерших ближайших родственников. Не менее важным качеством шамана, также обязательным для него, было умение разговаривать со своими покровителями, предками, имитировать их голоса, завывание ветра, морского прибоя, т. е. иметь «отдельные голоса» (*янка-колет*). Всегда главным достоинством шамана было врачевание — изгнание из тела больного лыгикэли, загадывание коварных замыслов других шаманов и своевременное предотвращение их осуществления. «Шаман, — писал Н. Галкин, — хранитель традиций и предрассудков, он врачует больных, узнает волю духов, предотвращает дурные намерения злых сил».¹² Чукчи долго отождествляли врачей и чукотских шаманов, называя тех и других по-русски «доктор» и по-чукотски *энэньльын* — шаман. «Всех этих людей, одержимых сверхъестественными качествами, считают шаманами и называют докторами».¹³

Все благодарственные служения, праздник голов (моржей), осенний праздник кита, устраивавшиеся чукчами, проходили под руководством глав патриархально-семейных общин. В их ямах хранились основные продукты промыслов (головы моржей, наиболее ценимые части кита). Они должны были устраивать благодарственные праздники в своем жилище со всеми присущими им обрядами, служениями, обращениями, заклинаниями, магическими действиями, игрой на бубнах, угощением присутствующих и т. п. Шаманы принимали участие в них, присутствовали как рядовые члены охотничьего коллектива. Их преимущество перед остальными охотниками состояло лишь в том, что когда доходила очередь до них исполнить песню под собственный аккомпанемент на бубне, то делали они это с большим мастерством и вдохновением; никаких собственно шаманских действий от них не требовалось и не допускалось.

Чукчи полагали, что в трудных случаях жизни, когда нужно было принять ответственное решение, полезно обратиться к старшим, в том числе и к предкам. Их жизненный опыт, ум пользовались доверием, особенно прямых потомков. Связь с предками осуществлялась через шаманов.

Под звуки бубна и собственный напев шаман приходил в экстатическое состояние, вызывал духа требуемого предка и задавал ему нужные вопросы. Ответы шаман произносил подражая голосу

вызванного предка. Дар имитировать в таких случаях играл роль доказательности разговора.

Самой распространенной и главной функцией чукотских шаманов было врачевание. Чукчи не выработали почти никаких рациональных средств борьбы с болезнями.¹⁴

Используя рациональные приемы лечения ран, чукчи в то же время применяли и заговоры, которые иногда содержали рекомендации практического характера. По убеждению их и по определению шаманов, причиной всех внутренних заболеваний являлось проникновение в организм человека злокозненных существ. Еще хуже было, когда они, изловчившись, похищали душу (*увирит*) человека. В таких случаях шаману предстояло отыскать похитителя, вызвать душу и водворить на место, т. е. в тело больного человека.

Весьма распространенным было использование разного рода защитных средств и действий, в том числе отступных жертвоприношений, предназначавшихся заменить находившуюся в опасности душу человека душой жертвенного животного. К собственно врачеванию шаманами, в понимании чукчей, следует отнести борьбу с вредоносными существами при помощи духов — покровителей шамана; имитацию извлечения разными способами причины болезни, т. е. вселившегося в тело человека лыгикэле;¹⁵ поиски души больного, унесенной лыгикэле, и водворение ее на место.

Шаманы наделяли больных амулетами; прибегали чукчи и без участия шаманов к изменению внешнего вида больного путем нанесения знаков помазания, татуировки в виде черточки на переносье или кружков по обе стороны рта; полезным считалось изменить имя, отрастить волосы, изменить прическу, одежду. Все это делалось для того, чтобы избавиться от преследования злокозненных существ, сделать себя неузнаваемым, другим человеком.

Все, что делал шаман, его назначения, рекомендации считались наиболее целесообразными, в них верили, применяли безоговорочно. У чукчей было принято не обвинять шамана даже в том случае, если лечение его оказывалось безрезультатным и пациент умирал. При таких исходах не роптали, а обычно говорили: «Значит, так хотят лыгикэльэт», а духи — покровители шамана оказались бессильны и не могли справиться с ними.

Разные авторы отмечали непричастность шаманов у чукчей к отправлению религиозных обрядов; как правило, в такой роли выступали главы патриархально-семейных общин, просто главы обособленных, независимых семей.¹⁶

Чукотское шаманство было порождено борьбой за существование, ложными народными представлениями о скрытой силе, способной вести борьбу со злокозненными существами лыгикэльэт во всем многообразии проявления этой нечисти. Чукотское религиозное сознание, воображение еще не поднялось до такого уровня, когда религиозные средства могли вести борьбу с нечистой силой,

когда религия брала на себя защиту от всех козней, приносимых ею.

При помощи бубна и пения шаман как бы связывался с духами-покровителями, с духами предков, одновременно воздействовал на психику присутствующих, постепенно подготавливая их настроение и воображение к восприятию имитированных им разных звуков, что служило проявлением контакта шамана с духами. В то же время игрой на бубне и пением шаман создавал себе настроение, впадая в экстаз.

Все камлания происходили в закрытом пологе, в абсолютной темноте, поскольку, как полагали, кэльэт — шаманские покровители — могли появляться на зов шамана только в темноте, ночью. Шаман видел и различал их, тогда как присутствующие могли только слышать их голоса. Искусные шаманы умели имитировать приближение их издалека. Они могли изобразить завывание ветра, морской прибой, голоса разных животных, птиц, полет насекомого и т. д.¹⁷

Чукотское камлание производило гипнотическое воздействие на окружающих, а самого шамана доводило до галлюцинаций.

Помимо фокусов, шаманы широко применяли ранние, вероятно зачаточные, формы идеологической обработки сознания окружающих. Значительный слой чукотского фольклора насыщен героическими, хвалебными повествованиями о подвигах шаманов, о их силе в борьбе с другими шаманами и их коварными замыслами, с разными стихиями природы, о их неизменной победе над извечными врагами человека лыгикэльэт.¹⁸ Нет, кажется, таких трудностей, из которых не мог бы найти выход шаман, не мог бы преодолеть их, — конечно, с помощью сверхъестественных возможностей. Этот род фольклора насыщен оптимизмом в борьбе за существование, за жизнь, но непременно при помощи шаманов, их таинственных сил. Этот жанр чукотского фольклора первое, наиболее отчетливо выраженное противопоставление шаманов другим людям; в то же время это ранняя форма выражения духовного воздействия на окружающих, форма защиты особого положения шаманов, оправдания их поведения, зачатков социального паразитизма. В этом жанре следует видеть зарождение идеологии обмана, утверждения «естественности» подчинения слабого сильному.¹⁹

Плата шаману полагалась только в тех случаях, когда его приглашали к больному.

Установление Советской власти, утверждение советских форм самоуправления, демократических начал выборности в органы власти, строительство школ, учреждений культуры, развитие здравоохранения, организация коллективных форм хозяйства — все это встретило решительное сопротивление со стороны зажиточной части населения (богатых стадовладельцев, торговцев, хозяев байдар и вельботов), а также шаманов, которые во всех случаях социальных противоречий принимали сторону хорошо обеспеченной части и никогда не выступали в защиту интересов бедноты.

Действия советских учреждений, по уверениям шаманов, приведут чукотский народ к гибели, детей в первую очередь, исчезнут олени, уйдут морские животные и т. п. Такие действия шаманов нельзя рассматривать только как проявление их собственного невежества и темноты. Это были сознательные, политически осмысленные действия, направленные на подрыв доверия ко всему советскому, новому, что приходило в жизнь чукчей.

Новое победило, оно вошло во все поры материальной и духовной жизни чукчей, однако кое-какие следы шаманской деятельности как отголоски прошлого иногда проявляются и теперь.

- ¹ *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. С. 161.
- ² Там же. С. 239.
- ³ Там же. С. 308—309.
- ⁴ Там же. С. XII.
- ⁵ Там же. С. 235—236.
- ⁶ Там же. С. XIII; *Богораз В. Г.* Чукчи. 2. Религия. Л., 1939. С. 22.
- ⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 372.
- ⁸ *Богораз В. Г.* Чукчи. 2. С. 48—50.
- ⁹ Там же. С. 24; *Вдовин И. С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 125.
- ¹⁰ *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. М. Т. 3. С. 342.
- ¹¹ *Свердруп Г. У.* Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930. С. 300; *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи. СПб., 1896. С. 117.
- ¹² *Галкин Н.* В земле полуночного солнца. М.; Л., 1929. С. 43.
- ¹³ Там же. С. 93.
- ¹⁴ *Вдовин И. С.* Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 192, 193.
- ¹⁵ *Богораз В. Г.* Чукчи. 2. С. 42—43; 137; 140.
- ¹⁶ *Аргентов А.* Описание Николаевского Чаунского прихода // ЗСОРГО. СПб., 1857. Кн. 3. С. 93; *Богораз В. Г.* Чукчи. 2. С. 73; *Свердруп Г. У.* Указ. соч. С. 300; *Галкин Н.* Указ. соч. С. 43; *Калинников Н. Ф.* Наш Крайний Северо-Восток. СПб., 1912. С. 108.
- ¹⁷ *Богораз В. Г.* Чукчи. 2. С. 121—123.
- ¹⁸ *Аргентов А.* Указ. соч. С. 51; *Богораз В. Г.* Чукчи. 2. С. 126—130; *Калинников Н. Ф.* Указ. соч. С. 112—113; *Свердруп Г. У.* Указ. соч. С. 301—306.
- ¹⁹ *Богораз В. Г.* Материалы. . . С. 12—16, 19—26, 30—33, 36—41 и др.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В XVII—XVIII вв. основной социальной единицей чукчей была патриархальная община, членов которой объединяло совместное добывание средств к существованию — охота на диких оленей. Это были производственные и социальные коллективы со свойственными им правовыми, брачными, бытовыми и культовыми функциями. К приходу русских на Северо-Восток чукчи в значительной мере еще сохраняли основные черты давно утвердившихся общественных отношений.

Наиболее ранние исторические источники не дают ничего определенного относительно структуры чукотского общества. Лишь в документах XVIII в. появляются сведения, опираясь на которые можно восстанавливать состояние общественного строя чукчей. Следует все же отметить, что уже в документах XVII в. упоминаются чукотские *князцы* со своими улусными людьми (из района р. Алазеи). В материалах, касающихся чукчей, обитавших к востоку от р. Колымы, называются *старшины*, *тоены*, «лучшие и прожиточные мужики» (они обычно фигурируют с «улусными мужиками», «со своими родниками»). Упоминается иногда и *род*.

Как видно, терминология документов XVII—XVIII вв. отображала социальную структуру феодального общества, существовавшую в Якутии. Однако эта терминология, примененная к чукчам, не отражала существа их общественных отношений. Поэтому ко всем определениям того времени необходимо относиться критически. Уже в начале XIX в. были высказаны сомнения относительно правильности применения к чукчам этой терминологии. В 1815 г. Пестель, сибирский губернатор, справедливо замечал, что «чукчи вовсе не знают звания тойоноз», что звание это не чукотское, а якутское.¹

В 1711 г. побывавший на Чукотском полуострове казак П. Попов сообщал: «... начальных людей... никого у них нет».² В 1718 г. из рассказов чукчей, пришедших в Анадырский острог, выяснилось, что они «власти над собою никакой не имеют и живут самовольно родами».³

Командир Анадырского гарнизона капитан Шатилов, отвечая на запрос Военной коллегии о чукчах, писал в 1751 г.: «Старшинство оные (чукчи. — И. В.) имеют по своему иноземческому древнему обыкновению, так же как и коряки, по родам: кто из них постоянное и прожиточнее оленными табунами, тот у них и старшина».⁴ «Чукчи главного командира над собою не имеют, — сообщил в 1756 г. казак Кузнецкий, — а живет всякий лучший мужик со своими сродниками и с собою. И тех лучших мужиков яко старшин признают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей».⁵

Аналогичные высказывания встречаются на протяжении почти всего XVIII в. Примечательно в этих свидетельствах то, что старшинами считались те, кто «прожиточнее оленными табунами»,

или «кто более имеет у себя оленей». Встречающемуся термину «род» не дается никаких пояснений; нет ни одного названия рода. Под этим термином следует понимать не род в его собственном значении, а патриархальную общину. Такая община имела единое хозяйство, общее жилище — как у оседлых, так и у кочевых чукчей.

В состав общины входило до 10 и более взрослых мужчин, связанных между собою узами родства. Примеров этому много. Так, в 1731 г. русские встретили «оленных чукоч две юрты, в коих 30 человек мужеска полу». Тогда же «нашли на Каменном отпрыдыше пеших чукоч в одной земляной юрте, в которой 20 человек (мужчин. — И. В.) да баб и ребят, а сколько не упомнят».⁶

Г. Сарычев об общественном строе чукчей писал: «Вообще как олениные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей, соединенных родством и дружбой. Особенных властей или начальников не имеют, а почитают в каждом таком обществе одного, который богаче прочих и имеет большое семейство. Дальнего повиновения ему не оказывают: он может только преподавать советы и воздерживать от дерзостей или других поступков одними словами, но никого не имеет власти наказывать. При таком безначалии удивительно, что сей народ по сие время мог удержать свою вольность».⁷

Сарычев отчетливо выделил наиболее заметные черты их патриархальной общины. Вместе с тем он подметил и зарождение других отношений. Наряду с семьями-общинами, «соединенных родством», он указывает на общины, связанные «дружбою».

Производственные и социальные связи патриархальной общины у оседлых чукчей складывались вокруг байдар, которой пользовались члены семьи на морском промысле и во время дальних переездов. Размеры байдар, видимо, определялись количеством членов общины. Так, по одним показаниям, чукотская байдара поднимала «40 человек»,⁸ по другим — «15—20 и более».⁹

Во главе патриархальной общины приморских чукчей стоял «старшина», или, как его называли чукчи, *ытвэрмэчьын*, т. е. «лодочный начальник», сильный человек. У кочевых чукчей патриархальная община объединялась вокруг общего стада и возглавлялась *эрмэчьын* (букв.: силач, старшина, начальник).

Связи внутри патриархальной общины в XVII в. у чукчей были прочнее, нежели к концу XVIII в., когда размеры оленьих стад возросли и возникла необходимость дробить их в целях более удобного выпаса, лучшего ухода за оленями. Дробление стад в свою очередь ускорило упрочнение частной собственности на них, однако пастбища и охотничьи угодья (сухопутной и морской охоты, лежбища моржей) составляли общинную собственность; зимние жилища, байдары, являлись собственностью патриархальной общины.

Собственность на оленей и порожденное ею имущественное неравенство нашли довольно отчетливое выражение в бытовом укладе чукчей. Главы патриархальных общин, по определению

Кошкарева, «работы никакой не работают, всегда обращаютца в гулянье».¹⁰ Жили они в многоженстве: «Старшины между собою весьма союзны и имеют у себя по четыре и пять жен и более».¹¹ «Чукчи берут по 3—4 жены, бедные довольствуются одной», — отмечал К. Мерк.¹²

Наряду с частной собственностью, имущественным неравенством, многоженством продолжали прочно бытовать традиции общинной жизни, групповой брак, левират, сорорат и некоторые другие.

Источники XVIII—XIX вв. отмечают у чукчей «мену жен», иными словами, пережитки группового брака. Казачий сотник И. Кобелев, пробывший у чукчей зиму и лето 1780 г., рассказывал: «Муж женатый с женатым же меняются женами своими».¹³ Мерк рассказывал об этом обычае у чукчей так: «Обмен женами (*pev-tumgin*) — мужья договариваются, чтобы таким способом укрепить свою дружбу, спрашивают согласия жен, которые редко отклоняют такую просьбу. . . Обмен женами чукчи обычно ограничивают лишь одним или двумя друзьями, нередки, однако, примеры, когда такого рода близкие отношения поддерживаются со многими, до десяти человек (мужчин. — *И. В.*)».¹⁴

«Самое замечательное обыкновение их, — писал Кибер, — есть мена жен. . . Дети, от разных матерей рожденные, пользуются одинаковыми правами».¹⁵ Отсюда вполне естественно отсутствие признаков родовой организации, экзогамии.

Групповой брак влек за собой определенные права и обязанности, как материальные, так и моральные. Вступившие в отношения группового брака должны были поддерживать друг друга всеми средствами к жизни, так как при общности жеп они имели и общих детей. Групповой брак связывал членов группы обязательствами кровной мести. «Дети чукчей, поскольку установился такой обычай (идет речь о *нэвтумгын*. — *И. В.*), послушны чужим отцам», — отмечал Мерк.¹⁶ Таким образом, групповой брак у чукчей расширял рамки отдельной патриархальной общины, тем самым увеличивался круг лиц, связанных родством, а следовательно, и силой защиты, силой большей экономической устойчивости, иначе говоря, связывал несколько патриархальных общин в одну большую общину. Групповой брак у чукчей как бы возмещал утраченный род и его наиболее жизненные институты.

Основной формой поселений оседлых чукчей были *нылным* (поселок), оленных — стойбище. Приморские поселки включали несколько патриархальных общин, каждая из которых имела особое место с особым названием и размещалась в отдельной полужемлянке. Так, например, в конце XVIII в. в с. Уэлен проживало 7 патриархальных общин, в с. Янранай — 2, в с. Лорино 4 и т. п.

В больших селениях родственные патриархальные общины имели общие участки, на которых были расположены их жилища. Такие участки носили также особые названия. Так, с. Уэлен состояло из трех групп полужемлянок: *Танкаральыт* (жители

морской косы, от *тэпкэн* — коса), *Гынонралыт* (жители середины поселка) и *Кэунэлыт*.

Аналогичного типа были стойбища оленеводов, объединявшие несколько патриархальных общин, каждая из которых занимала одну ярангу. Однако по мере увеличения стад такие стойбища дробились.

Поселки береговых чукчей и стойбища оленеводов представляли собой нечто целое, имели своего главу, считавшегося старшим в селении, стойбище. Это были союзы патриархальных общин — следующая ступень в общественной иерархии чукчей, но менее прочная, чем первоначальная патриархальная община. Такие союзы общин были связаны родством, а иногда и совместным производством: у оседлых — коллективной охотой на китов, на диких оленей; у оленеводов — совместным выпасом оленей, совместной охотой, а также объединенными действиями при защите от врагов и нападениях.

Термины «князцы», «тоены», часто встречающиеся в документах XVII—XVIII вв., обозначали представителей не только отдельной патриархальной общины, но поселка, стойбища в целом, т. е. территориальных объединений нескольких патриархальных общин, одновременно связанных и узами родства. В 1653 г. известный землепроходец Иван Ерастов сообщал в Якутск, что между реками Колымой и Алазеей «живут на тундре чукотские мужики, а князцы у них 3 человека Аун, да Тыко, да Кенчека. . . со своими улусными людьми. . .».¹⁷

Помимо князцов, тоенов, старшин, документы называют «главных тоенов», т. е. таких, которые объединяли большие группы как оседлых, так и кочевых чукчей. Среди имен, встречающихся в середине XVIII в. упоминаются «Главный восточного моря чукошкой тоен Кею» (1732 г.), находившийся со своими людьми около залива Креста и руководивший отрядом чукчей более 400 человек.¹⁸

Летом 1763 г. Плениснер встретился на Анадыре с чукчами, которые прибыли туда «более чем в 60-ти байдарах по 20 и 25 человек к каждой», считая женщин и детей, среди них было около 300 человек взрослых мужчин. На вопрос Пленниснера: «Жслают ли они быть в вечном подданстве?» — ответили, что «без главного их старшины Омылята согласия учинить не могут».¹⁹ Имя этого старшины встречается и в другом документе, из которого следует, что власть его была наследственной. В 1764 г. Николай Дауркин сообщал: «В бытность во объявленном чукоцком народе был отец его именем Омылят, а в тогдашнее де время в том чукоцком народе был главным тоеном оного отца ево родной дядя именем Тентион, который по смерти своей оному ево отцу (Омыляту. — И. В.) тою тоенскую власть по наследству и поручить обещал».²⁰

Институт чукотских тоенов существовал и в первой половине XIX в. В 1837 г. Главное управление Восточной Сибири сообщало в Министерство внутренних дел, что чаунский и беломорский тоен Ятыргын, присягнувший вместе с другими на подданство, «состав-

для у чукоч значительное лицо, пользующееся между ними большим уважением, по огромному своему богатству, состоящему в бесчисленных стадах оленей, имеет сильное на всех вообще чукоч влияние по родству своему с Носовым (т. е. Чукотского полуострова. — И. В.) тоеном Леутом. . .».²¹ Леут был самым крупным поставщиком пушнины и оленьего сырья на Анойскую ярмарку. Таким образом, власть тоенов опиралась на экономические основы. Не следует, однако, забывать, что роль и значение чукотских тоенов в середине XVIII в. значительно отличалась от их роли и значения в 30-х гг. XIX в.

Возникновение временных объединений чукчей, более сложных, чем территориальное объединение патриархальных общин (поселок, стойбище), было вызвано к жизни взаимоотношениями с соседними племенами, народностями и с царизмом. По мере налаживания мирных отношений с соседями и самодержавием институт «главных тоенов» прекратил свое существование. К середине XIX в. остался лишь один такой тойон около Колымы, которого всячески поддерживали представители царской администрации. Власть главных тоенов, или главных старшин была преходящей, она проявлялась лишь в моменты обострения отношений чукчей с коряками и самодержавием, во время набегов на Аляску.

У чукчей существовала начальная, наиболее примитивная форма патриархального рабства. Рабами были только иноплеменники, захваченные во время военных столкновений или купленные. Преимущественно это были эскимосы с Аляски, коряки и юкагиры.

Казак П. Попов еще в 1710 г. встретил у «носовых» чукчей «тех островных людей (эскимосов Аляски. — И. В.) . . . , взятых в полон. . . человек с 10».²²

В XVIII в. в связи с чукотско-коряжскими и чукотско-юкагирскими военными столкновениями чукчи вместе со стадами оленей захватывали в плен подростков, женщин и детей. Мужчин и подростков использовали пастухами в захваченных стадах. Элементы рабства наблюдали у чукчей А. Чириков и И. Биллингс.²³

В фольклоре красочно отражены эпизоды, когда чукотский богатырь не только отнимает стада, но и забирает в рабство коряжских подростков, пасущих эти стада.²⁴

Ф. П. Врангель отмечал, «что у кочующих и у оседлых чукчей существует рабство. Богатейшие из чукчей владеют целыми семействами, уже с древних времен находившимися у них в зависимости, не смеющими удаляться никуда, не имеющими собственности и совершенно подчиненными произволу своего господина, употребляющего их в самые тяжелые работы: в вознаграждение он одевает и кормит их. . . Вероятно, рабы чукчей суть потомки прежних военнопленных».²⁵

Рабы, таким образом, служили рабочей силой, что характерно для патриархальной общины, в составе которой, наряду со свободными членами могли быть и несвободные. Кроме того, рабы (чукот. — *пурэл*) служили товаром, обмениваемым на оленей.

Как сообщал майор И. С. Шмалев в 1756 г. чукча «Менигытьев в разговорах объявлял, что ежелиб в аманаты браны были их холопи. . . , то они не токмо по одному, но и по два б дали, которые холопи между ими покупаютца оленей по 20-ти и по 30-ти».²⁶

«С тою же целью, т. е. для грабежа, — писал К. Мерк в 1791 г., — оседлые чукчи переезжают на байдарах через пролив в Америку, нападают на стойбища, убивают мужчин и уводят с собою в плен женщин и детей. Оленные чукчи платят оседлым 12 важенок или 10 важенок и двух объезженных ездовых оленей за американскую женщину, дети стоят дешевле. Они принуждают их к работе. . . , одевают же их в поношенную одежду».²⁷

Весьма любопытны отмеченные К. Мерком подробности, характеризующие начальный, наиболее примитивный этап развития рабства у чукчей. Чукчи охотно за небольшой выкуп возвращали захваченных в плен людей их родственникам, что несомненно свидетельствует о недостаточных возможностях применения труда рабов. О недоразвитости института рабства у чукчей говорит также и то, что рабы часто становились равноправными членами чукотского общества. «Встречаются среди чукчей иногда и коряки и юкагиры в качестве работников, иногда женят их на своих бедных женщинах. Оседлые также иногда берут в жены пленных американок».²⁸

Рабство у чукчей не получило глубокого развития и широкого распространения. Возникнув вместе с войнами, оно прекратило свое существование, как только прекратились военные столкновения с соседями. Оно не стало ведущим способом производства. В первой половине XIX в. следы патриархального рабства у чукчей окончательно исчезли

Из сказанного следует, что общественный строй чукчей имел сложную организацию, охватывавшую большие группы чукчей, с задачами не только совместного производства (коллективная охота), но и для ведения войн с соседями (коряки, юкагиры, эскимосы Аляски). К началу XVIII в. военные столкновения чукчей с соседями становятся регулярными.

Усложнение отношений с самодержавием с начала XVIII в. привело к сближению территориально разобщенных групп чукчей, к осознанию общности народных (племенных) интересов всех чукчей, что способствовало окончательному сложению чукотской народности и выделению ее из среды других палеоазиатов. Изучение материалов XVII—XVIII вв. дает основание говорить о наличии у чукчей элементов военной демократии. Ко времени наибольшего обострения отношений с царской администрацией в XVIII в. чукчи уже имели достаточно слаженную военную организацию. Во главе небольших дружин воинов (*орачекыт*) стояли вожди — *йинычыт* (передовые, или впереди идущие), *очоттэ* (повелевающие), *эрмэчыт* (силачи, витязи, сильные воины). В известиях о походе Павлуцкого на Чукотский полуостров упоминается тоен Наихйе, руководивший отрядом чукчей до 1000 и более человек.

При описании второго столкновения с чукчами упоминается тот же Наихйе и «тоен Восточного моря Хыпае», которые стояли во главе отряда чукчей в три тысячи человек.²⁹

Предводители отрядов были выборными, однако не из рядовых воинов, а, очевидно, из глав патриархальных общин, союза родственных общин, из числа отличавшихся организаторскими способностями, силой, ловкостью. «При такого рода предприятия (т. е. походе. — *И. В.*) чукчи, чего не принято у них ни в каких других случаях, выбирают себе предводителя. . . При приближении к чужой земле. . . вожак собирает совещание самых опытных стариков. Старики, по их представлению, имеют преимущественное право на голос в таких предприятиях, а прочий народ ограничивается молчанием».³⁰

Для решения наиболее важных вопросов, которые касались коренных интересов чукчей, собирались на «совет» несколько патриархальных общин, а иногда и территориально обособленных групп. Однако не всегда они находили общий язык.

Кошкарев в 1756 г. наблюдал у чукчей «собрания» в несколько сот человек, обсуждавших вопрос о подданстве и платеже ясака. Но тот же Кошкарев отметил, что обсуждение этих вопросов велось и самостоятельно в стойбищах «лутчих мужиков» Леуче и Менигытьева. На предложение майора И. Шмелева в 1756 г. всем чукчам вступить в подданство, тоен Менигытьев, давая согласие за себя и свою группу, заявил, что за других решать этот вопрос он не может.³¹ Как видим, мероприятия, связанные с внешними сношениями чукчей обсуждались коллективно, большими группами. Однако решения их были не обязательны для всех.

В момент наибольшей опасности и напряжения чукчи могли, видимо, объединиться и собрать в одно место всех способных носить оружие. Но создать из них организованное войско, подчиненное единому командованию, готовое решать определенные тактические задачи, они не могли. Чукотское общество того времени еще не развилось до объединения всех групп в единый союз, с общим руководством.

Успехи чукчей в их столкновениях с соседями в известной мере были обусловлены их вооружением и подготовкой воинов. Воином считался каждый мужчина, юноша, способный владеть оружием и управлять упряжкой оленей.

Постоянные тренировки молодых мужчин и подростков вырабатывали бесстрашие, выносливость, силу, ловкость, умение пользоваться оружием, быстроту реакции и другие качества, необходимые для воина и охотника. «Чукчи все мужественны на копьях и из луков стрелять проворны, и на оленях ездить поспешны, в разговорах к ответу скоры. . . обычай имеют: став поутру рано уйдут все в оленный табун, а обратно пришед, между собою здруг здругом шурмуют копьями и надевши куяки бегают вокруг, например, часа по три и более, а потом стреляют друг в друга из луков стрелами. Оне же ходят, когда приспеет кочевать, то за табуном всегда пешком в куяках идут».³²

«А для легкости и разминажу, — сообщалось в 1769 г., — чукчи пинают мячи и копейному сражению обучаются, тако ж и друг друга из луков стреляют до ран».³³ «Молодые мужчины нередко упражняются в ношении панцырей, одевая их на целые дни, следуя за обозом нарт по боковым горным дорогам. Нередко им при этом приходится еще тащить на себе кое-какой груз».³⁴

Около каждого большого селения чукчей до недавнего времени сохранялись правильные круги — тропинки с плотно утрамбованной землей и глубоким следом. В центре и по краям круга лежали камни разной величины и веса. В свободное от промысла время по кругу бегали мужчины и подростки, тренируя себя на выносливость. Упражнялись в поднимании камней, боролись и т. п.³⁵

В соответствии с наступательным захватническим характером войн чукчи выработали определенную тактику, применяя которую обычно достигали успеха.

Довольно подробно тактические приемы чукчей были изложены «лутчим чукотским мужиком Пурехом Менямтиным», который в 1776 г. намеревался напасть на стойбище коряков, расположенное около Гижигинской крепости. «Оставя большую половину своего чукотского войска. . . в прикрытом месте, а достальным малым числом для обману появиться близ крепости у стойбища коряцкого, учинить сражение и не долго оное имея, обратитца к побегу, а когда преследование будет, то чукчи, находящиеся в засаде, должны будут выскочить сбоку и перебить преследователей. . .».³⁶

Более упрощенной была тактика нападения на отдельные стойбища коряков и юкагиров. Делалось это следующим образом: «При приближении к чужой земле. . . высылают разведчиков. Нападение на юрты всегда начинается на рассвете, иногда они бросаются с арканами для ловли оленей на яранги и стараются разрушить их, накинув петлю на верхнее сплетение жердей остова. Другие в это время колят копьями сквозь покрывку яранги, а остальные, подъехав на всем скаку на нартах к оленьему стаду, делят его на части и угоняют».³⁷

Развитие у чукчей в XVIII в. экономических и общественных основ, характерных для эпохи военной демократии, наиболее полно изученной советскими историками и этнографами,³⁸ носило зачаточный характер, более примитивный, нежели, например, у гликистов, которые шли по пути к образованию раннеклассового общества.³⁹

В 80-х гг. XVIII в. происходит перелом в развитии общественных отношений чукчей. В результате прекращения набегов на соседей, формировавшиеся ранее институты военной демократии начали заметно ослабевать. Насильственный захват большого количества оленей в XVIII в., их естественное размножение обусловили быстрое увеличение чукотских стад. Большие стада в силу чрезмерной подвижности и, следовательно, трудности их выпаса и охраны, диктовали необходимость деления на более мелкие. Владельцами их становились отдельные семьи, что

неизбежно приводило к укреплению частной собственности на оленей. Начался распад основного звена чукотского общественного строя — патриархальной общины, выделение из нее отдельных семей и постепенное их экономическое и территориальное обособление. Таким путем нарушалась внутренняя спаянность патриархальных общин и их союзов, распадалась прежняя основа их связей. Жизнь оленеводов и приморских оседлых охотников могла протекать нормально лишь в условиях мирной жизни. Стадовладельцы тяготились обстановкой напряженности. Теперь они стремились к урегулированию отношений с соседями и в первую очередь с русской администрацией.

Помимо чисто внутренних причин отмирания зачатков военной демократии, были причины и внешние, которые также способствовали этому процессу. Весьма важную роль в этом отношении сыграли сложившиеся по-новому в 70-х гг. XVIII в. политические и экономические связи с Россией. Первостепенное значение имели усилия русской власти, направленные на прекращение набегов чукчей на коряков и юкагиров, установление регулярной торговли с чукчами.

Еще в 60-х гг. XVIII в. правительство Екатерины II отказалось от обязательного обложения ясаком чукчей и азиатских эскимосов, от насильственного их подчинения. В 1771 г. был упразднен Анадырский острог.⁴⁰ Положительную роль в развитии новых отношений чукчей с соседями сыграли учрежденные в конце 80-х гг. XVIII в. Аноийская ярмарка, торговый пункт русских на Анадыре (при впадении в него р. Майн) и чукотская ярмарка в Гижиге.

Излишки производства оленеводов и приморских охотников породили посредников обмена между ними, а также между чукчами и русскими купцами. Таким образом, сложилась социальная прослойка *кавральыт* («поворотчики», торговцы).

У чукчей уже существовала социальная разнородность, у них были богатые «прожиточные», «лучшие люди», основные производители; бедные и «холопы» (рабы). К середине XIX в. новая прослойка определилась весьма отчетливо.

Распространение среди чукчей металлических орудий, огнестрельного оружия, расширение торговых связей с русскими, с населением Аляски и китоловами содействовало развитию частной собственности на оленей, на орудия и средства производства морского промысла и пушной охоты. Эти же процессы привели к изживанию родственных устоев, лежавших в основе общественной организации чукчей.

Вопрос об общественном строе чукчей второй половины XIX—начала XX в. привлекал внимание не только исследователей, но и представителей власти. Интерес последних вытекал из чисто практических потребностей организации среди чукчей таких учреждений, на которые могла бы опираться власть. В этих целях предполагалось использовать действующие общественные институты чукчей. Начиная со второй половины XIX в. изучение быта, общественного устройства входило в планы командированных

на Чукотку официальных лиц. Этими вопросами занимались, в частности, Г. Майдель, А. Ресин, А. Олсуфьев, Л. Гриневецкий, Н. Гондатти.

Наиболее полно осветил состояние общественных отношений чукчей Н. П. Сокольников: «Родового устройства и старост пока нет. Главою семьи является отец, спорные дела решаются стариками, но иногда обходятся без них и правым часто остается наиболее сильный. Для распределения паев на совместных промыслах есть всеми признаваемые правила. В некоторых местах есть так называемый эрмэчын — «хозяин». У оленных чукоч — это обыкновенно хозяин большого табуна, возле которого группируются 2—3 юрты, имеющих незначительное количество оленей. . . В прибрежных поселках эрмэчыном считают самого давнего жителя данного места, он считается хозяином и руководителем промысла и получает за это большой пай».⁴¹

В. В. Солярский, специально изучавший правовое и культурно-экономическое положение коренного населения Приамурского края, касаясь чукчей, отметил: «Семья представляет не только родственный, но и производственный союз, в котором объединяются не только отец и нисходящие — дети, но и братья, дядя и племянники и даже посторонние — зятья, и в котором домохозяин, не обладающий правом единоличной индивидуальной собственности семейного имущества, является лишь распорядителем общего хозяйства».⁴²

Цитированные высказывания содержат хотя неполные, но достаточно определенные характеристики. Опираясь на одни из них, можно прийти к заключению, что у чукчей была большая патриархальная семья (община). Соглашаясь с другими, надо признать, что обычная (моногамная) семья была вполне независима как в хозяйственной, так и в общественной жизни. Обе эти характеристики дополняют одна другую. Они отражают тот противоречивый процесс, при котором старые отношения еще не исчезли, продолжали жить, а новые не настолько окрепли и распространились, чтобы вытеснить собой старые.

В специальных работах этот вопрос освещен полнее. В них используется большой фактический материал, хотя интерпретация его не всегда бесспорна. Наиболее обстоятельно и подробно общественные институты чукчей описаны В. Г. Богоразом. В наше время на эту тему написаны интересные работы М. И. Куликова,⁴³ И. С. Архинчеева.⁴⁴

В. Г. Богораз верно подметил основные черты общественных отношений чукчей: «Стойбище у оленных чукчей и поселок у приморских представляют собой социальную единицу. Однако эта первичная социальная организация не отличается прочностью. Она постоянно изменяется».⁴⁵

Применительно к приморским чукчам это определение не совсем верно. Производственная и общественная жизнь у приморских чукчей в основном складывалась внутри байдарной общины, а у оленных чукчей — внутри стойбищной общины. Связи бай-

дарных общин внутри поселка и соседних стойбищных общин оленеводов были различными. По сравнению со стойбищем поселок — более сложное общественное объединение. Некоторые элементы производственного и общественного коллективизма байдарных общин в поселке сохранялись в большей мере, чем между общинами оленеводов. Производственная и общественная связь жителей поселка проявлялась теснее во время коллективной охоты на китов и моржей (на лежбищах), при пользовании результатами промысла и т. п. Значительно слабее были экономические и духовные связи общин оленеводов. Взаимопомощь соседних стойбищных общин проявлялась лишь во время отбивки стельных важенок от остальной части стада. Члены общин оленеводов присутствовали в качестве гостей при проведении благодарственных жертвоприношений, участвовали в празднествах, состязаниях у соседей. Следует, однако, иметь в виду более сложные взаимоотношения между стойбищами оленеводов, скрепленных узами группового брака (*навтомгывагыргын*). В отличие от оседлых, обособленность, независимость стойбищных общин — характерная черта их социально-экономического облика.

Утверждение В. Г. Богораза, что «организация приморского поселка основывается не на родстве, а на принципе территориального сожительства»,⁴⁶ справедливо только частично. Во-первых, потому что, как писал сам Богораз, «байдарная артель составляется из ближайших родственников владельца байдары». Следовательно, семейное родство налицо. Во-вторых, существовали довольно сложные родственные отношения между всеми жителями поселка. Значит, поселок оседлых чукчей представлял не только территориальное объединение.

Приколымские чукчи, быт которых изучал он тогда, были почти все переселенцами «из разных мест области, лежащей за Чауном».⁴⁷ Поэтому здесь родственный принцип в организации стойбищ был нарушен сильнее, чем в районах с более постоянным населением.

Касаясь отношений между социальными группами оленеводов, В. Г. Богораз писал: «Рядом со связью семейно-родовую существует связь по соседству на стойбище (нымтумгывагыргын), до некоторой степени напоминающая зачатки вассальных отношений и успевшая выработать представление об обоюдных материальных и нравственных обязанностях лиц, заключающих ее. . . Собственно у олснных чукоч соседственная связь начинает изменяться таким образом, что все более и более напоминает отношения между хозяевами и работниками. . . Теперь бедный сосед на стойбище (нымтумгын) является находящимся в чисто экономической зависимости от хозяина и его поэтому прямо называют работником (чавчуваамульын)».⁴⁸

Таким образом, исследователь верно подметил основную тенденцию развития общественных отношений чукчей от патриархально-общинных к соседским с существенными элементами эксплуатации.

По-иному подходит к определению общественных отношений чукчей во второй половине XIX и начале XX в. М. И. Куликов. «Экономические отношения чукчей, — писал он, — мы определяем как разлагающиеся первобытно-общинные отношения. У оседлых чукчей, кроме того, появляются зачатки капиталистического уклада, чего мы не находим у кочевых чукчей, где в полной мере сохраняются отношения „добровольного“ (патриархального) рабства».⁴⁹

М. И. Куликов, как видно, исходит из предположения, что оленные и оседлые чукчи в хозяйственном и общественном отношении развивались как независимые обособленные друг от друга части одного народа. Такое понимание представляется ошибочным; оно не соответствует фактам, истории чукчей.

Возникновение двух отраслей хозяйственной деятельности явилось результатом общественного разделения труда, специализации части чукчей в области оленеводства, другой — в области морского зверобойного промысла. Частная собственность на движимую часть имущества была одинаково распространена как у оленеводов, так и у оседлых. Не было хозяйственной и территориальной обособленности оленных чукчей от оседлых. На протяжении второй половины XIX в. происходило интенсивное перемещение населения Чукотки. Многие из береговых жителей уходили в тундру, в свою очередь обедневшие оленеводы переходили к вынужденной оседлости и селились на берегу моря.

Настолько тесны и многообразны были связи между этими группами чукчей, подтверждает чукотский язык: он не имеет диалектов. Единство языка могло сохраниться лишь в результате тесных экономических, общественных и других видов связей всего населения. Правовые, бытовые, семейно-брачные и другие обычаи оленных и оседлых чукчей повсеместно идентичны. Таким образом, тезис М. И. Куликова о том, что оленные и оседлые чукчи находились на разных ступенях общественного развития не подтверждается действительностью.

Невозможно согласиться с самим определением экономических отношений оленных чукчей, которые дает М. И. Куликов. Если встать на его точку зрения, то под понятие «добровольное» (патриархальное) рабство можно подвести и рабочих при капитализме. Ведь они, чтобы не умереть с голоду, так же вынуждены продавать свою рабочую силу, наниматься к собственникам средств производства. Лично (юридически) рабочие свободны, но они находятся в полной экономической зависимости от класса капиталистов. Однако никто не говорит, что рабочие, нанимаясь к капиталисту, становятся «добровольными» рабами. М. И. Куликов забывает одно весьма важное, решающее обстоятельство. Пастух у чукчей был свободен. Он мог в любое время уйти от хозяина. Во второй половине XIX—начале XX в. у чукчей не существовало внеэкономического принуждения, что, как известно, характерно для рабовладельческого и феодального способов производства.

Нельзя, конечно, приравнивать положение чукчи-пастуха к положению рабочего при капитализме, что было бы также неверно. Однако и в том, и в другом случаях мы имеем экономическое принуждение, личную свободу и пастуха, и рабочего. Именно это обстоятельство и дало нам повод, в свое время, высказать мысль о том, что как оленные, так и береговые чукчи шли по пути развития капиталистического уклада.⁵⁰

Развитие общественных отношений у той и другой групп шло по одному и тому же пути распада патриархальной общины и перерастания ее в соседскую. Интенсивность этого процесса была более заметной у оленеводов. У них отчетливее проявлялось имущественное неравенство.

Общим для всех чукчей было наличие частной собственности на орудия труда и охоты, на оленей, байдары, вельботы, жилища, собак и общинная собственность на пастбищные и охотничьи угодья. Однако к началу XX в. было немало случаев, когда богатые ставладельцы фактически распоряжались пастбищами как собственностью. Никто не имел права прийти со своими стадами на ближайшие к богатому ставладельцу места. В таких случаях право оставалось на стороне сильного, а сильным был богатый.

Среди оседлых чукчей известны случаи захвата отдельными лицами моржовых лежбищ. В этих фактах сквозит тенденция такого общественного развития, которое все больше и больше порывало с первобытнообщинными принципами.

Вторая половина XIX—начало XX в. характеризуются дальнейшим развитием частной собственности, нарастанием имущественного неравенства, более отчетливым формированием социальных прослоек.

Среди оленеводов распространенными были стойбищные общины, объединявшие семьи близких родственников — отца и его взрослых сыновей, родных, двоюродных братьев, дядю с племянником и т. д. Обычно сыновья с отцом, братья оставались вместе, сохраняли единое хозяйство, если стадо состояло из нескольких сот оленей и не было необходимости дробить его. Это — средняцкие хозяйства.

Другую большую группу составляли стойбища добровольно объединившихся мелких хозяйств, каждое из которых имело несколько десятков оленей. Часто это были люди посторонние или дальние родственники. В таких хозяйствах олени выпасались совместными усилиями. Состав населения таких стойбищ не отличался постоянством. Это были бедняки, которые в поисках лучшей доли часто разъединялись.

«Оленные чукчи, — писал Калинин, — кочуют даже не родством, а товариществами, сообразно количеству рабочих рук и оленей. Товарищества эти страшно непрочны: на зиму они устраиваются в одном соседстве, а на лето его меняют и пристраиваются к другому».⁵¹

Иногда хозяйства, насчитывающие несколько сот оленей и имеющие достаточное количество рабочей силы в семье, обра-

зовывали особое стойбище, которое могло состоять из одной семьи.

«Владельцы, имеющие стада в 500 голов, — отмечал А. В. Ольсуфьев, — могут кочевать совершенно самостоятельно, тогда как семейства с меньшим числом оленей соединяются по несколько вместе. . . Эти стойбища чукоч не представляют, однако, постоянных общин; каждая семья совершенно свободно отделяется и перекочевывает со своими оленями в другое стойбище или же образует самостоятельное хозяйство».⁵² Такие хозяйства составляли основную массу чукчей-оленеводов.

Значительно меньшую часть оленеводов представляли владельцы крупных стад. В их руках находилась основная масса оленей. Многие из них имели по несколько стад. Хотя они принадлежали одному хозяину, но выпасались раздельно. Иногда они находились одно от другого на довольно значительном расстоянии. В каждом стойбище богатого стадовладельца находился кто-нибудь из его родственников (сын, племянник), чаще одна из жен, а иногда и посторонние пастухи, пользовавшиеся особым доверием хозяина.⁵³

Обычно стойбище богатого стадовладельца состояло из яранги хозяина и яранг так называемых нымтумгыт — «соседей по стойбищу». Чаще всего это были малооленные семьи. Около хозяина большого стада «группировались 2—3 юрты, имеющие незначительное количество оленей, а иногда и вовсе безоленные».⁵⁴

Отношения в первых двух типах стойбищ были просты и ясны. Там, где были одни близкие родственники, все строилось примерно на равных началах, хотя они могли быть обладателями разного количества оленей (например, отец и сыновья).

В стойбищах, объединявших посторонних, совместными усилиями лишь выпасались олени, тогда как удовлетворение всех жизненных потребностей составляло заботу каждой семьи в отдельности.

По другому складывались отношения богатого стадовладельца с его нымтумгыт — батраками. Здесь не было равных отношений ни в труде, ни в распределении продуктов труда. В качестве платы за труд пастух получал скромное питание и минимальное количество шкур для одежды и обуви. При равном труде семейный пастух получал мясо на содержание всей своей семьи, а холостой — только то количество, которое нужно было только ему для пропитания. То же правило распространялось и на снабжение работников шкурами.

Пастухами у богатых оленеводов нередко работали эвены, юкагиры, чуванцы, кереки.⁵⁵ Условия найма оленеводами пастухов не чукчей были те же, что и для пастухов-чукчей.⁵⁶ «Я не могу иначе, как пролетарием, считать ламута, — писал С. А. Бутурлин, — который ютится со своим семейством (а я встречал и 2—3 семьи в одной) в крошечной, изодранной и дырявой палатке среди тундры, не имея даже пары оленей для кочевания. . . Ему остается розыскать на тундре какого-либо „оленного“ чукчу

и за корм работать у него: возить дрова, смотреть за оленями и т. п.»⁵⁷

Условия найма пастухов не всегда были одинаковыми. В конце XIX в. потребность в пастухах, в частности по Анию, возросла, и поэтому некоторые ставовладельцы, чтобы привлечь к себе работников, устанавливали сверх традиционного содержания плату в виде живых оленей. По наблюдениям В. Г. Богоразы, «многие бедные семьи поступают в услужение к одному из богатых соседей на несколько лет. Они весьма упорно трудятся и получают в качестве платы мясо для пищи и шкуры от стад своего хозяина. В награду за хорошее услужение можно рассчитывать на получение от хозяина ежегодно до 10 телят».⁵⁸ Такая плата, конечно, была мизерной. Но и это надо считать шагом вперед.

К началу XX в. частная собственность на оленей приобрела более определенный характер. Новорожденный мальчик получал от отца в подарок одну или несколько важенок с особым клеймом, приплод от которых составлял собственность ребенка.

После смерти отца сыновья делили между собой оленей, отмеченных отцом.⁵⁹ Обычно старшие сыновья отделялись при жизни отца, тогда все остальное имущество наследовал самый младший сын.

Экономическая разнородность в XIX—начале XX в. наблюдается и среди патриархальных общин оседлых чукчей.

Сильные и многочисленные патриархальные семьи нередко образовывали два байдарных объединения общин. Слабые семьи присоединялись для охоты к более сильным, так как сами они не имели байдар или не были в состоянии укомплектовать их полностью гребцами-охотниками. В среднем одна байдара приходилась на 2—3 малых семьи.

Производственному дроблению патриархальных семей способствовало распространение и широкое применение новых орудий и средств охоты (огнестрельное оружие, вельботы) и возраставшее вовлечение оседлого населения Чукотки в товарно-рыночные отношения.

Наглядным отражением процесса дробления патриархально-семейной общины на отдельные семьи явилось изменение размеров и типов жилищ. Вышла из употребления полуземлянка — *клегран* — жилище патриархальной общины. На смену ей пришли яранги, в каждой из которых проживала одна обычная (малая) семья. Однако яранги близких родственников ставились на земле патриархальной общины.

Уменьшились размеры байдар: больших байдар, поднимающих до 30 человек, почти не строили. Кроме того, во многих случаях байдару заменил вельбот.

Состав членов байдарных общин стал менее постоянным, изменялся характер их производственной и общественной спаянности. Байдарная община составлялась из мужчин и молодых людей — представителей малых (обычных) семей, преимущественно родственников.

Производственная деятельность байдарных общин, т. е. коллективная охота, в конце XIX—начале XX столетия протекала в основном лишь во время сезона морской охоты (лето—осень).

В другое время обычная семья вела свое индивидуальное хозяйство самостоятельно, имела свой склад (яму), в которой хранились ей принадлежащие запасы мяса и жира морских животных. В близкородственных семьях бытовала тесная взаимопомощь, которая иногда распространялась и на соседей. В случае нужды члены байдарной общины могли обратиться за помощью к ее старшине — «байдарному хозяину». Обычай обязывал его оказать такую.

Байдарная община состояла из гребцов (4—6 человек), гарпунера-стрелка и *ытвээрмэчыи* — старшины (букв.: байдарный силач, хозяин). Таков обычный состав общины. Как правило, гарпунером-стрелком был сын или другой близкий родственник. Гребцы могли и не быть ему родственниками. Отношения внутри такого производственного объединения покоились на частной собственности на средства и орудия охоты (вельбот, байдара, гарпун, ружье и т. п.). По традиции некоторое значение имели родственные отношения членов общины.

К концу XIX в. байдарные общины чукчей, как и отношения внутри них, не были однородными, особенно в больших селениях. К этому времени сложилось два основных типа байдарных общин.

Наиболее распространенными были байдарные общины, объединявшие в основном родственников по мужской линии, члены которой «охотятся вместе и поровну делят между собой добычу».⁶⁰

Чаще всего байдарные общины встречались по побережью Ледовитого океана, где населенные пункты были малочисленны. Они состояли, как правило, из близких родственников. Вместе с тем в морском промысле этих общин принимали участие бедные оленеводы, проводившие лето на побережье океана. Распределение нетоварной части добычи было относительно равномерным. Продукция промысла, имевшая товарное значение, распределялась по усмотрению владельца байдары. Основная часть ее переходила к нему и его ближайшим родственникам.

Двойственный характер использования продуктов промысла — потребительский и товарный — способствовал развитию неопределенных скрытых форм эксплуатации.

Владелец байдары был обязан проявлять заботу о всех семьях общины, в случае нужды наделять их мясом, жиром, содействовать, чтобы оно было у всех в достатке, чтобы у них были шкуры на одежду, обувь и жилье. Он также должен был содержать в порядке байдару (прожиривать, менять кожи и т. п.). Все это создавало условия для присвоения хозяином байдары большей части добычи, особенно шкур моржей, жира. Рядовые члены общины признавали за старшиной такое право присвоения, но в то же время считали его обязанным проявлять о них заботу. Спрос на те же продукты на рынке стимулировал еще большее их присвоение хозяином байдары, превращение их в товар.

«Если хозяин не настолько богат, чтобы запастись весь необходимым материалом для сооружения байдары, то ему помогают в этом двое-трое из его родственников, обычно родные или двоюродные братья. Тогда они все вместе считаются „байдарными хозяевами“. Старший из них сидит на руле и распоряжается охотой».⁶¹ Если умирал хозяин байдары, она переходила по наследству к его сыну. Сын наследовал от отца и право быть байдарным старшиной. Право наследования отображало прочное существование у чукчей частной собственности и на байдару.

Уравнительный характер распределения добычи заменился неравным. Новый порядок прежде всего распространился на товарную часть промысла (моржовые клыки, китовый ус, шкуры).

Распределению между участниками охоты, помимо шкур, моржовых клыков, китового уса, подлежали мясо и жир моржа, иногда и лахтака. Тюлени принадлежали тому, кто их добывал. Однако обычай требовал, чтобы охотник, если в этом была нужда, наделил мясом, жиром всякого, кто обращался к нему, хотя бы небольшим куском. Мясо и жир моржей, лахтаксов делились между членами байдарной общины примерно поровну.

Мясо и жир кита (за исключением языка, печени и некоторых других частей) не делились. Каждый брал столько, сколько мог перенести в свою яму. Лишь после «праздника голов» моржовые клыки делились между родными и двоюродными братьями хозяина, участниками промысла. Другие члены общины, не родственники, обычно гребцы, получали только жир «из-под моржовых усов».⁶²

В распределении шкур моржей существовал следующий порядок. Шкуру первого убитого моржа получал хозяин байдары, шкуру второго — гарпунер-стрелок. Гребцы получали по одной-две шкуры за весь сезон, по усмотрению хозяина. Все остальные шкуры моржей он брал себе, часть получал стрелок. Моржовые головы вместе с клыками хранились до осеннего «праздника голов» у хозяина байдары.

В начале XX в. старый порядок распределения добытых лахтаксов был значительно изменен. Хозяин байдары устанавливал очередность выстрелов для всех охотников, находящихся в байдаре. Кто убивал зверя, тому и принадлежала шкура, а мясо делилось между всеми. Распределение частей кита велось также по особым правилам. Кости от челюстей, из которых выпиливались подрезы для полозьев нарт, доставались тому, кто первый замечал в море кита.⁶³

Китовый ус, составлявший особую ценность, делился хозяином байдары. По собранным нами сведениям, половину уса забирал сам хозяин, из второй половины, лучшую часть, около половины, он давал гарпунеру, все остальное делилось между гребцами.

Если участниками охоты было несколько байдар, то половину уса получала байдара, первой загарпунившая кита. Другая половина уса делилась между другими байдарами. На каждой байдаре в свою очередь распределяли свою долю между членами общины.

Индивидуализация морского промысла в связи с применением скорострельного нарезного оружия породила присвоение значительной доли добычи охотником. Однако и при этом все еще действовали обычаи, требовавшие делиться с товарищами, односельчанами.

Охотник брал себе целиком тушу моржа или лахтака лишь в том случае, если во время добычи никого вблизи не было. Если же были другие охотники, то каждый из них имел право получить известную долю. Правило дележа было таково: если убит лахтак, охотник брал себе шкуру, голову и обе лопатки; первый пришедший на место добычи получал тазовую часть, второй — правый задний ласт, третий — левый задний ласт, четвертый — грудинку, нижнюю часть ребер с полосой жира, нарезанной кругом всей туши; другие ребра делились между пришедшими позже. Самые последние получали по куску мяса.

При дележе туши моржа охотник брал себе шкуру, голову и спину с жиром. Все остальное мясо делилось между присутствующими.⁶⁴

Таким образом, налицо сложное переплетение старых обычаев с пробивающими себе дорогу новыми производственными отношениями.

В производственных отношениях оседлого населения Тихоокеанского побережья Чукотки произошли более глубокие изменения, чем на побережье Ледовитого океана. В 1908 г. имевшиеся у чукчей и азиатских эскимосов вельботы и моторно-парусные шхуны являлись собственностью отдельных лиц. Некоторые из чукчей имели по 2 вельбота или вельбот и байдару. Здесь состав байдарных общин был менее постоянным. «Выйдя по окончании осеннего промыслового сезона из одной артели, охотник может в начале следующего лета присоединиться к другой, или, если у него „большая удача“, он может построить или купить новую байдару и составить свою артель из числа родственников и друзей».⁶⁵

Н. Ф. Калинин вообще считал, что общинные начала у оседлых чукчей постепенно утратили свою основу. «Некоторый намек на общину, — писал он, — можно видеть в обычаях береговых чукчей делиться между собою плодами добычи. Однако этот обычай распространяется только на мясо, а не на меха, кожи, ус, привозные товары и носит скорее характер угощения, чем обязательного дележа».⁶⁶

В общественных отношениях оседлых и кочевых чукчей к началу XX в. более отчетливо выделились экономические признаки социальных групп, тогда как идеологических разграничений между ними по существу еще не было. Они только начинали зарождаться. Поэтому классового самосознания также не было, хотя богатые стадовладельцы, собственники вельботов, шхун уже противопоставляли себя беднякам. Этому немало содействовало самодержавие. Стремясь укрепить свои позиции на окраинах, царское правительство опиралось на богатей, поддерживало их,

оказывало им покровительство. Все старосты назначались из числа богатых.

Хотя экономическое развитие чукотского общества испытывало значительное влияние капиталистического уклада, однако в производственных отношениях различных социальных групп чукчей еще не сложились определенные, классово выраженные, отношения.

Чукотское общество представляло массу отдельных мелких общин, в которых индивидуальное хозяйство и индивидуальное производство сочетались с коллективным. У них не сложились еще развитые формы частной собственности. Эксплуатация также носила неразвитый, скрытый характер. Полного отрыва производителя от средств производства у чукчей не было. Рабочая сила еще не превратилась в товар. Здесь не было договорных отношений между хозяином и работником, не было никакой регламентации труда и его оплаты.

Удовлетворение ряда жизненных потребностей большинства хозяйств чукчей получало за счет продуктов собственного производства и охоты. Следовательно, в этот период (конец XIX в.) у них еще не сложились необходимые условия для широкого товарного производства, оно имело узкую сферу распространения.

В новых условиях жизни все еще сохранялись обычаи старых, отживающих отношений — пережитки группового брака, левират, отработка за жену, многоженство и другие. Их бытование находило еще опору и объяснение в пережиточно существовавших общинных формах производства, которые были жизненно необходимы.

По сведениям В. Г. Богораза, групповой брак охватывал почти все семьи чукчей. «Семья, не входящая в такой союз, не имеет ни друзей, ни доброжелателей, ни покровителей в случае нужды».⁶⁷ Таким образом, люди, вступившие в отношения группового брака, обязаны были оказывать взаимно трудовую, материальную и общественную помощь и поддержку. В этом были причины сохранения группового брака в начале XX в.

Дети, родившиеся в семьях, состоящих в отношениях группового брака, считались родными братьями и сестрами. Они не могли вступать между собой в брак. Право наследования распространялось на детей, родившихся только в семье, которой принадлежало имущество. Оно не распространялось на детей от группового брака в других семьях. Это — одно из правовых ограничений функций группового брака. Общих средств производства, имущества члены нэвтумгын не имели. Обычай левирата⁶⁸ имел экономическую основу. Часто он носил характер не права, а обязанности. Овдовевшая женщина с малолетними детьми оказывалась в тяжелом состоянии. Вести хозяйство самостоятельно, выпасать оленей или охотиться на море она не могла. Ей нужна была постоянная помощь и опека. Обычай предусматривал обязанность одного из ближайших родственников, либо младшего брата, либо двою-

родного брата умершего, взять на себя обязанности мужа овдовевшей женщины и отца для детей.

Многоженство в большинстве случаев составляло привилегию богатых стадовладельцев и хозяев байдар.⁶⁹ «Если я владею одним стадом, — говорили чукчи В. Г. Богоразу, — мне нужен один шатер и одна женщина, однако, если у меня два стада, я должен иметь два хозяйства и по женщине в каждом из них».⁷⁰ Были и другие причины многоженства — бездетность первой жены, желание иметь сыновей и т. п. По подсчетам Богоразы число мужчин, имеющих двух и больше жен, достигало 15 % к общему количеству женатых людей, тогда как богатых оленеводов, имеющих два стада и больше, было всего около 3 %. Отсюда можно сделать вывод, что многоженство вызывалось не только экономическими причинами. Одним из источников его служил обычай левирата. Случаи многоженства у приморских чукчей были более редки, чем у оленеводов.

Подробно описанный и хорошо известный по литературе обычай отработки за жену⁷¹ был распространен среди чукчей повсеместно. Бытование его во второй половине XIX—начале XX в. оправдывалось не только традицией. К этому же заметно примешивалась заинтересованность в использовании бесплатного труда. Отработка за жену была тяжким трудом, особенно продолжительным для бедняков, добивавшихся руки дочери стадовладельца или богатого хозяина байдары. Иногда отработка длилась два—три года. Такие случаи были одинаково распространены среди кочевых и оседлых чукчей.⁷² Отработка могла закончиться безрезультатно, при этом сватавшийся не получал никакого вознаграждения за свой труд. У оседлых чукчей отработывавший за невесту не только трудился по дому, но охотился и всю добычу приносил будущему тестю. У оленеводов он пас оленей. «Часто ему не дают места в спальном пологе, и он ночует в переднем шатре или под открытым небом. Большую часть времени он проводит около стада».⁷³

Другое дело, когда сватается молодой человек из богатой семьи к девушке из бедной семьи. В таких случаях отработка носила чисто символический характер, могла длиться не более дня. Отработка за вторую жену была вовсе необязательной, особенно для богатых стадовладельцев.⁷⁴ Во всех случаях сватовства согласие невесты было необходимо.

Положение женщины в семьях разных социальных групп чукчей было различным. Оно было принижено в семьях богатых многоженцев, особенно положение второй и третьей жены. В семьях рядовых труженников женщины принимали участие в решении хозяйственных и общественных дел семьи наравне с мужчинами. «Женщина во многих отношениях чукотского быта почти равноправна мужчине, и если нет старика в доме или он отсутствует, доминирующую роль занимает старуха мать».⁷⁵

На протяжении второй половины XIX—начала XX в. произошли изменения в поступательном развитии производительных сил

и производственных отношений чукчей. Этот период характеризуется дальнейшим развитием частной собственности, нарастанием имущественного неравенства, более отчетливым формированием социальных прослоек.

Патриархальная семья (община) как основная производственная и общественная единица чукчей утрачивала свое основное экономическое и социальное значение. Она уступала место соседской общине, в основе производственных отношений которой лежало сочетание частной собственности на основные средства производства с общинной. Вместе с тем все еще продолжали бытовать пережитки прошлого, переплетающиеся с новым в области материального производства и духовной культуры.

¹ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 1. С. 316.

² Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Кн. 1 (1700—1713). С. 457—459.

³ ЛЧ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 34.

⁴ Шашков С. Материалы для истории Северо-Восточной Сибири в XVIII в. Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1864. Кн. 3. С. 65.

⁵ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: Сб. архив. материалов. Л., 1935. С. 181; ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 1, тетр. 19, л. 53.

⁶ Там же, тетр. 17, л. 3—8.

⁷ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 186.

⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 2, тетр. 7, л. 9.

⁹ ЦГИА СССР, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 12.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 1, тетр. 17, л. 23 об.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 30.

¹² Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 55; Сиб. Вестн., 1824. Ч. 2. С. 112.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1264, 1-й Сибирский Комитет, д. 2, л. 80.

¹⁴ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 57.

¹⁵ Сиб. Вестн., 1824. Ч. 2. С. 112.

¹⁶ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 58.

¹⁷ ЛЧ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 31, л. 5.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 1, тетр. 17, л. 5.

¹⁹ Там же, л. 23.

²⁰ Там же, т. 2, тетр. 4, л. 160.

²¹ ЦГИА СССР, ф. Министерства внутренних дел, д. 570, 1836, л. 11 об.

²² Колониальная политика царизма... С. 157.

²³ ЦГАДА, ф. 199, № 481, тетр. 7, л. 345 об.; ЦГАВМФ СССР, Экспедиция Беринга, д. 2, л. 251.

²⁴ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900. Ч. 1, тексты № 133, 134, 135 и др.

²⁵ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948. С. 313.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 36—37.

²⁷ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 41.

²⁸ Там же.

²⁹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 1, тетр. 17, л. 4.

³⁰ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 39.

³¹ ЦГИА СССР, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 37.

³² Там же, л. 30; Колониальная политика царизма... С. 181.

³³ Окладников А. П. К истории этнографического изучения Якутии // Сб. материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 36.

³⁴ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 33.

³⁵ Леонтьев В. Национальные игры чукчей // На Севере Дальнем. 1960. № 1. С. 129—130.

³⁶ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 2, тетр. 7, л. 23.

³⁷ Архив ЛЧ ИЭ АН СССР, кол. 3, оп. 1, п. 2, с. 39.

- ³⁸ Толстов С. П. 1) Военная демократия и проблема «генетической революции» // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 7/8; 2) К вопросу о периодизации истории первобытного общества // СЭ. 1946. № 1. С. 25—30; Потехин И. И. Военная демократия матабеле // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М., 1951. С. 234—254; Косвен М. О. К вопросу о военной демократии // Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960. С. 239—261.
- ³⁹ Толстов С. П. Военная демократия. . . С. 182—183.
- ⁴⁰ Вдовин И. С. Анадырский острог: Исторический очерк // Краевед. зап. (Магадан) 1959. Вып. 2. С. 20—27; 1960. Вып. 3. С. 31—48.
- ⁴¹ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 313, л. 34 об.
- ⁴² Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края // Материалы по изучению Приамурского края. Хабаровск, 1916. Вып. 26. С. 44.
- ⁴³ Куликов М. И. 1) Характер экономических (производственных) отношений в чукотских стойбищах типа «гаймысылын» (богатых) (конец XIX—начало XX в.) // Краевед. зап. (Магадан), 1957. Вып. 1. С. 31—58; 2) Характер экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX и начале XX в. // Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 157—175.
- ⁴⁴ Архинцев И. С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Сиб. этнограф. сб. М.; Л., 1957. II. С. 43—98.
- ⁴⁵ Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. С. 142.
- ⁴⁶ Там же. С. 154.
- ⁴⁷ Богораз В. Г. Краткий отчет об исследованиях чукоч Кольмского края. Иркутск, 1899. С. 34.
- ⁴⁸ Там же. С. 34—40.
- ⁴⁹ Куликов М. И. Характер экономических (производственных) отношений у чукчей. . . С. 158.
- ⁵⁰ Вдовин И. С. К истории общественного строя чукчей // Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1950. № 115. С. 100.
- ⁵¹ Калинин Н. Ф. Наш Крайний Северо-Восток. СПб., 1912. С. 56.
- ⁵² Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. С. 121.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 313, л. 34 об.
- ⁵⁵ Августинович Ф. Три года в Северо-Восточной Сибири // Древняя и Новая Россия. 1880. Т. 18, № 12. С. 713.
- ⁵⁶ Памятная книжка Якутской области на 1896 год. Якутск, 1895. С. 137.
- ⁵⁷ Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Кольмского и Охотского края мирового судьи С. А. Бутурлина. СПб., 1907. С. 80.
- ⁵⁸ Bogoras W. The Chukchee. I: Material culture. New York, 1904. P. 83.
- ⁵⁹ Солярский В. В. Указ. соч. С. 47; Дьячков Г. Анадырский край // ЗОИАК (Владивосток). 1893. С. 55.
- ⁶⁰ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. С. 154.
- ⁶¹ Там же. С. 155.
- ⁶² Там же. С. 158.
- ⁶³ Там же. С. 157.
- ⁶⁴ Там же. С. 157—158.
- ⁶⁵ Там же. С. 156.
- ⁶⁶ Калинин Н. Ф. Указ. соч. С. 82—83.
- ⁶⁷ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. С. 135—139.
- ⁶⁸ Там же. С. 139—140.
- ⁶⁹ Там же. С. 133; Калинин Н. Ф. Указ. соч. С. 84.
- ⁷⁰ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. С. 133.
- ⁷¹ Там же. С. 119—124.
- ⁷² Там же. С. 124; 140.
- ⁷³ Там же. С. 123.
- ⁷⁴ Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах. СПб., 1894. Т. 1. С. 164.
- ⁷⁵ Калинин Н. Ф. Указ. соч. С. 87.

ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ НА ЧУКОТКЕ

Этапы проникновения русских землепроходцев на Чукотку хорошо известны.¹ Основанные русскими в 40-х гг. XVII в. поселения оказались — одно на юго-западной границе расселения чукчей (Анадырский острог), другое (Нижне-Колымское зимовье) — среди самой западной их части.

Попытки заставить чукчей вносить ясак были неоднократны. Колымские приказчики скоро убедились в том, что ясак соболями с чукчей не получить. М. Стадухин сообщал в 1647 г.: «У тех чюкоч соболя нет, потому что живут на тундре у моря».² Зато чукчи имели моржовые клыки, о чем сообщал тот же М. Стадухин. Уже в 1647 г. назначенному на Колыму приказчиком Василию Власьеву предписывалось: «. . . и велеть им (чукчам. — *И. В.*) за государев ясак платить тем моржовым зубьем большим и середним, и моржовые лавтаки, и сала имать же за моржовый зуб».³ Это же требование настойчиво повторялось в наказных памятях и более позднего времени.⁴

Начиная с 1649 г. на приколымских чукчей организуется несколько походов, но подчинить их не удается.⁵ Со второй половины XVII в. чукчи сами перешли к активным действиям. В 1653 г. к Нижнему ясачному зимовью подошло несколько сот чукчей и долгое время держали его в осаде. В 1656 г., когда в Нижне-колымское зимовье был взят в аманаты «лутчий чукоцкий князец Миты», чукчи «со своими родами» стали «неотступно приезжать к ясачному зимовью»,⁶ требуя его освобождения. Освобожденный Миты в том же году напал на юкагиров, шедших с ясаком в Нижнее зимовье и отобрал у них соболей. В 1659 г. он же напал на служилых людей на «рыбной ловле». В том же году весной приходили к Нижнему ясачному зимовью чукчи — «человек здвести и больши за щитами и приступали к зимовью накрепко».⁷ В 1662 г. «неясачные люди чюхчи Ковымское нижнее ясачное зимовье обсадили».⁸ В 1679 г. «служилые люди живут в заперти от неясачных людей от чухоч». В 1685 г. опять «неясачные чюхчи» были около Нижне-колымского острога.⁹

В цитированных документах речь идет о «неясачных чукчах». В то же время известно, что чукчи числились и в списках ясачных плательщиков Нижнеколымского зимовья; правда, их было немного, и вносили они ясак не аккуратно.¹⁰

Упорство, с которыми чукчи преследовали ясачных юкагиров и осаждали Нижнеколымское зимовье, было вызвано тем, что юкагиры и русские претендовали на рыбные и «зверинные» промыслы в низовьях Колымы, что затрагивало жизненные интересы этой группы чукчей.

Эпидемии оспы в конце XVII в. (1684, 1691—1693 гг.) опустошили чукотские стойбища. Во второй половине XVIII в. приколымских чукчей почти не осталось. Вполне допустимо, что они ушли

из района нижнего течения Колымы на восток. Для чукчей Северо-Востока и прианадырских вторая половина XVII в. — время первых столкновений с политикой феодально-крепостнического государства.

Положение русских на Анадыре было трудным. Жили они, питаясь рыбой и продуктами охоты.¹¹ Как сообщается в отписке С. Дежнева 1655 г. «наши товарищи. . . помирали голодною смертию, кормились корою кедровою». Недостаточно было у них и орудий лова, «сетей пушальниц» и «мереж», так как «людей заводных пришло мало, платяным и сетяным и всяким заводом должитца не у кого».

Нужда заставляла казаков изыскивать дополнительные средства к существованию. Взимая ясак с коренного населения, Дежнев попутно обеспечивал своих людей всем необходимым. Ясак и десятинная пошлина, собранные С. Дежневым за 10 лет, с 1649 по 1659 г., были весьма незначительны. С. Дежнев, «будучи на государеве службе, упромышлял кости рыба зубу 239 пуд, цена по 60 рублей пуд».¹² В этот период плательщиками ясака были «анаулы», «чуванзи» и «ходынцы». Никаких упоминаний о чукчах на Анадыре в то время в документах не находим. Вероятно, плавание Дежнева к устью Анадыря в 1652 и 1654 гг. происходили в такое время года, когда чукчи туда еще не приходили.

Промысловые возможности (добыча соболей, моржовых клыков) к 70-м гг. в Анадырском остроге и его окрестностях оказались невыгодными для промышленных и торговых людей. С еще меньшей охотой шли туда служилые люди, так как жалованье там не выдавалось годами, не снабжался Анадырск и продуктами питания. В 1675—1676 гг. в Анадырском остроге значилось всего 16 служилых, один приказчик и 12 аманатов, исключительно юкагиры.¹³

В 1676 г. якутский воевода А. А. Барнашлев в челобитной на имя царя поставил вопрос о ликвидации Анадырского острога. По его расчетам содержание 16 служилых и отправка их из Якутска в Анадырск «ставитца. . . в подъеме четьреста в тритцать в четьре рубли», тогда как доход, получаемый из Анадырска «через три и четьре и пять годов», в среднем составлял «по двадцати и по тритцати и по сороку соболей на год», что по якутской оценке не превышало 95 рублей. Он также подчеркивал, что местные жители платят ясак «повольно» и аманатов «отступаются», а «служилые небольшие люди сидят в осаде». За 27 лет, писал А. А. Барнашлев, «как та Анадырская земля сыскана. . . и как учали збирать ясак, побито много людей».¹⁴ Несмотря на эти доводы, указа о ликвидации Анадырского острога не последовало, так как ему отводилась роль опорного пункта для изысканий «новых землиц» на Юге и на Востоке.

С конца 80-х гг. XVII в. начинается некоторое оживление в Анадырском остроге. Появляются торговые и промышленные люди, увеличивается число служилых, усиливается продвижение русских

на юг, в сторону Камчатки, растет стремление подчинить чукчей, обложить их ясаком.

Однако встречи русских с чукчами в низовьях Анадыря в это время были довольно случайными. Плаванья к устью Анадыря тогда совершались нерегулярно, ясачные сборщики посылались редко. Во второй половине XVII в. упоминается лишь два таких случая. Весной 1688 г. В. Кузнецов послал трех человек «к чюхчам для ясашного костяного збору моржового зубу». Посланные благополучно возвратились. Однако в 1689 г. посланные «по Анадырю реке к морю к чюхчам для ясачного костяного збору» не возвратились.¹⁵ В последующие годы XVII в. на Анадыре ясак с чукчей не получали. Отношения начали обостряться. Очевидно чукчи уже тогда преследовали юкагиров и, быть может, коряков.

В 1695 г. в Анадырск прибыл новый приказчик, якутский пятидесятник Владимир Атласов. Ему и принадлежит присоединение Камчатки.¹⁶ С присоединением Камчатки Анадырский острог приобрел особое значение: он стал узловым пунктом, через который поддерживалась связь с Камчаткой. Именно с ней отныне были тесно связаны все административные и политические мероприятия на Крайнем Северо-Востоке. Однако сложность пути на Камчатку через Анадырский острог давно беспокоила сибирские власти. В 1713 г. последовал указ правительства Петра I об отыскании морского пути с Охотского побережья на Камчатку. В 1716 г. судно, построенное в Охотске под управлением И. Трески, вышло в море и благополучно прибыло на Камчатку к устью р. Тигиль. С этого времени надобность сообщения с Камчаткой через Анадырский острог отпала. Новая дорога была значительно короче, дешевле и менее опасна. Правда, еще несколько лет изредка продолжали пользоваться старым путем через Анадырск.

Рост населения Анадырска обострил проблему продовольствия, и казаки вынуждены были вести промысел диких оленей там, где их промыслили чукчи (Чикаево, Родионов Камень, Утесики). На этой почве усилились столкновения русских с чукчами и чукчей с юкагирами. В 1701 г. юкагиры жаловались, что чукчи «чинят в промыслу оленей смертные убийства и грабеж». В 1710 г. сообщалось в Якутск, что служилые люди и ясачные юкагиры, плавающие вниз по Анадырю для промысла оленей, подвергаются нападениям чукчей.¹⁷

С начала XVIII в. участились нападения чукчей на ясачных юкагиров и коряков с целью захвата их оленей и имущества. Ясачные коряки и юкагиры обратились в Анадырский острог, прося защиты от чукчей.

Эти обстоятельства значительно осложнили обстановку на Крайнем Северо-Востоке и побудили сибирскую администрацию предпринять решительные действия против чукчей. В марте 1727 г. указом Сената под началом Афанасия Шестакова была создана «партия», в задачи которой входило «призвать в подданство российского владения немирных иноземцев, которые прилегли к Сибирской стороне. . .».¹⁸ В помощники Шестакову был назначен ка-

питан Дмитрий Павлуцкий. В его распоряжение указом было определено 400 казаков.¹⁹

В июне 1727 г. А. Шестаков выехал из Петербурга и только весной 1729 г. прибыл в Охотск. Д. Павлуцкий должен был из Якутска через Колыму, Анюй проследовать со своим отрядом в Анадырск.

В 1729 г. судно, на котором Шестаков вышел из Охотска, потерпело аварию, но команда благополучно высадилась на берег и вскоре была уже в Тауйском остроге. Отсюда Шестаков в сопровождении небольшого числа русских и более ста человек эвенов, эвенков, якутов и коряков двинулся к Анадырскому острогу. 14 марта 1730 г. отряд Шестакова, перейдя р. Парень, столкнулся с отрядом чукчей. При этом столкновении Шестаков был убит.

Указом от 10 августа 1731 г. Павлуцкому было предложено принять все имущество, оружие и команду, ранее находившиеся в распоряжении Шестакова. В том же указе предписывалось «на чукок и на протчих иноземцев войною... не поступать... а призывать в подданство ласкою».²⁰

Пока указы проходили по инстанциям от Петербурга до Анадырска, Павлуцкий руководствовался старыми инструкциями. Перестроив Анадырский острог, он в первых числах февраля 1731 г. с «командою регулярных и нерегулярных в 230 человек, да верноподанных коряк и юкагиров 270 человек» выступил в чуокскую землю.²¹

В сентябре отряд вернулся в Анадырск, проведя в походе почти 8 месяцев. За это время «в добычу получено оленей 12 табунов, в коих было по 1 тысяче и по 2».²² Часть оленей еще на пути к Анадырску из-за плохого присмотра «отходили по малому числу обратно и к чукам». Часть была израсходована для питания команды. Лишь около 500 оленей дошло до Анадырска.

После похода Павлуцкого какая-то группа чукчей стала вносить ясак. В 1733 г. Анадырский заказчик Ив. Батанкуев сообщал в Тобольск: «Сидячие чуки платят ясак лисицы красные малое число повольно, а иного году не платят».²³

После отъезда Павлуцкого (в конце 1732 г.) в Якутск, гарнизон Анадырского острога в основном занимался промыслом, добывая для себя продукты питания.

В начале 1733 г. чуки подошли к Анадырску и угнали стадо оленей, что резко ухудшило положение служилых. Как сообщал тот же Батанкуев «в Анадырску служилые люди питаются рыбою и мясом оленьим, и былием, и кореньем, и травою с великою нудою, а хлеба там и иных овощей никаких не имеют, а промышленяют корм своими трудами».²⁴

В марте 1738 г. чуки вновь подошли под Анадырский острог, в декабре того же года они произвели опустошительный набег на оленевых олюторских коряков. Донесения об этом вызвали противоречивые решения Сената. 6 июня 1740 г. Сенат издал указ, предписавший «итти на тех чукок военною рукою и всеми силами старатца не токмо верноподанных ея императорского величества коряк оби-

димое возмездие и отомстить, но их чукок в конец разорить и в подданство ея императорского величества привести».²⁵ Однако в январе 1741 г. этот указ был отменен. Сенатом предписывалось «в Чукотскую землицу для разорения живущих тамо чукок. . . оруженнх людей не посылать».²⁶

К этому времени оседлые чукчи, приходившие в Анадырь для промысла диких оленей, начали проявлять склонность к покорности: выше урочища Чикаево, где обычно промышляли оленей русские, они не поднимались; не возражали против взноса ясака, хотя ясак вносили «повольно» и далеко не все. Вместе с тем чукчи не хотели прекращать нападений на оленных коряков. В марте 1741 г. они вновь напали на оленных коряков, многих взяли в плен и захватили несколько табунов оленей.

Получив это сообщение, Сенат снова изменил свое решение. 3 февраля 1742 г. был издан новый указ, в котором говорилось, что «оных немирных чукок оружейною рукою наступить. . . и из их жилищ вывестъ и впредь для безопасности распределить в Якутском воеводстве по разным острогам и местам между живущих верноподанных».²⁷

В июле 1742 г. якутский воевода Д. Павлуцкий получил предписание отправиться в Анадырь для исполнения указа. 7 ноября 1743 г. он прибыл в Анадырь с командой в 407 человек. Присоединив к своему отряду «170 человек верноподанных коряк и 67 юкагир», Павлуцкий 2 февраля 1744 г. выступил из Анадырска.

К легу положение отряда стало критическим. Взятые с собой запасы продовольствия кончились. Захваченные у чукок еще в марте 3000 оленей были съедены. Многие из команды обессилели, не могли самостоятельно двигаться, 11 солдат и 39 казаков «померло гладом». После возвращения в Анадырь, Павлуцкий доносил о результатах похода: «В добычу получено 4620 оленей, кои все без остатку команде в пищу употреблены».²⁸ В марте 1746 г. Павлуцкий предпринял третий поход на чукок, избрав на этот раз направление — к Чауну и «на Колымское море». Как и в прежних походах, Павлуцкого сопровождали юкагиры и коряки «с оленями и санками». За все время было встречено только 6 чукотских юрт, где было взято всего 650 оленей. В июне Павлуцкий возвратился в Анадырь.

В марте 1747 г. отряд чукок около 500 человек перешел р. Анадырь выше острога и напал на ясачных коряков, захватив у коряков семь табунов оленей, в числе которых были олени Анадырских казаков. Павлуцкий с небольшим отрядом пустился в погоню за чуками. Рано утром 14 марта отряд Павлуцкого достиг чукок на р. Орловой. Произошла короткая, рукопашная схватка. Чуки захватили оленей, на которых ехала команда Павлуцкого, 40 ружей, «пушку с припасы», 51 копые, знамя и т. п. В сражении был убит майор Павлуцкий.²⁹

В 1750 г. в Анадырский острог прибыл капитан Шатилов. В августе он отправился на судах вниз по Анадырю «для поиску неприятелей чукок и для промысла оленей». Чукам пришлось уйти

с Анадыря, не проведя промысла оленей. В 1752 г. повторилось то же. Лишившись промысла на Анадыре, чукчи усилили нападения на коряков и юкагиров. В 1753 г. они напали на стойбище юкагиров ходынского рода, стоявшее около Чикаева.³⁰ Весной 1754 г. чукчи на оленях подъехали прямо к Анадырскому острогу. Убили несколько человек, находившихся за пределами острога. У встреченных ими 16 казаков, возвращавшихся с промысла, отобрали собак с нартами, одного казака взяли в плен, остальных отпустили. Тот же отряд чукчей напал на юкагиров, захватив в плен 81 человека, все принадлежавшее имущество, в том числе 912 оленей, 47 чумов, более 350 нарт и т. п. В 1755 г. они напали на коряков, в 1756 г. на юкагиров, кочевавших около устья р. Танинэр, при этом они взяли в плен 120 человек и захватили все их имущество.³¹ Походы Павлуцкого и его преемников не сделали чукчей надежными плательщиками ясака. Вообще вопрос об отношении к чукчам к этому времени встал по-иному. Тому были объективные причины.

Вторая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга (1733—1742 гг.) открыла северо-западные берега Америки и часть Алеутских островов. Начиная с 1743 г. суда торгово-промышленных компаний русских купцов отправлялись с Камчатки или из Охотска на острова и к западным берегам Америки, откуда возвращались с грузами дорогой пушнины.³² Следовательно, искать пути к берегам Америки через Чукотку и в этой связи вести борьбу с чукчами уже не имело никакого смысла. Кроме того, походы на Чукотку ложились тяжким бременем на ясачных коряков и юкагиров, вызывая их недовольство. На примере Павлуцкого убедились, что походы по результатам бесплодны. Поскольку официальным оправданием борьбы против чукчей служила защита ясачных коряков и юкагиров, естественно было продолжать ее, но уже другими методами.

В 1755 г. Военная Коллегия распорядилась построить ряд крепостей, предназначенных охранять коряков от вторжения на их территорию чукчей. Для этой цели был разработан проект, в котором предусматривалось построить четыре крепости по р. Анадырю, крепости на реках Хатырке, Колыме и Чауне. Этот проект в 1755 г. был послан в Анадырск «для опробации».

И. С. Шмалев, назначенный в 1753 г. командиром Анадырской партии, предложил внести в него некоторые изменения.³³ Они были одобрены Сибирским губернатором Мятлевым, а Военная Коллегия подтвердила необходимость их осуществления. В марте 1756 г. Иркутский вице-губернатор Вульф направил И. С. Шмалеву указ.

Пока велась эта переписка, произошли события, которые в корне изменили обстановку на Анадыре, и надобность в постройке крепостей и редутов отпала. Зимой 1755 г., когда чукчи собирались идти на коряков, к ним пришли анадырские юкагиры «для выкупу взятых у них в плен жен и детей их», которые и сообщили чукчам, что в Анадырск прибыл новый командир и при-

вез якобы указ, в коем «велено с ними миритца». В ответ на это известие чукчи по согласию всех направили в Анадырск делегацию из двух человек «лутчих мужиков Харгитита, да Амговгова» для предварительных переговоров с русскими. Вместе с ними был отправлен находившийся с 1754 г. в плену у чукчей казак Борис Кузнецкий. Прибыв в Анадырский острог, где они были хорошо встречены И. С. Шмалевым, чукчи прежде всего заявили, что «присланы они ото всех чукотских народов», и предложили русским следующие условия мира: «Все чукчи также и они желают в подданстве ея императорского величества быть и ясак платить вечно, в год по одной лисице красной с человека токмо без взятия от них аманатов, и военных никаких ссор и кровопролития верноподанному ея императорского величества народу не чинить; а егда паче чаяния российским людям куда случитца в поход итти и им по требованию их вспомогать и в поход ходить без всяких отговорок, а буде и на них чукоц от кого какое нападение будет, а особливо от коряк, тем таким же образом им вспомогать. . . В чем оне на р. Анадыре по собрании их тоенов на Чикаево, по своему обыкновению, и присягу, чтоб им солнца не видеть, учинить и обо всем твердое установление сделать».³⁴

Предложенные чукчами условия И. Шмалевым были приняты и «из высочайшего ея императорского величества монаршего милосердия они в подданство приняты и вины им отпущены», — доносил И. Шмалев в Иркутск.

Чтобы удостовериться в искренности намерений чукчей, Шмалев отправил к ним сержанта, капрала и толмача, снабдив их табаком, бисером и прочим для подарков, «и велено им разведать, подлинно ль они чукчи в подданстве быть и ясак платить желают».

В юртах «лутчево мужика» Леуче, куда прибыла русская делегация и где собралось к ее приезду «родников человек до ста», чукчи говорили сержанту Кошкарову, что «в мир итти и ясак платить готовы» и что эти намерения у них были давно. В юртах старшины Теврюя состоялось большое собрание чукчей, где все собравшиеся «объявили, что в подданстве быть и ясак платить желают».

По совету Кошкарова, вместе с ним выехали в Анадырск «лучших мужиков» пять человек во главе со старшиной Менигытьевым для переговоров.

Менигытьев и приехавшие с ним подтвердили готовность всех чукчей вступить в русское подданство на условиях, изложенных еще первой делегацией. В заключение встречи обе стороны условились: «Для подлинного обо всем договору командиру на судах 756 году летом быть на реке Анадыре при урочище Чикаево, где они все соберутца и по договору в казну ясак платить будут».

По окончании переговоров чукчи выехали из Анадырска, Менигытьев попросил себе в провожатые одного казака. Просьба его была удовлетворена. Кроме того, И. Шмалев распорядился, чтобы до устья р. Белой их проводили юкагиры, которым чукчи «в начатие дружбы подарили более ста оленей».

4 июня в сопровождении 346 казаков на 30 судах Шмалев поплыл вниз по Анадырю для промысла оленей и для встречи с чукчами. На устье Анадыря чукчи передали русским казака Попова, сопровождавшего весной Менигытьева, и ранее взятых в плен несколько человек мужчин и женщин и в свою очередь потребовали, чтобы им были возвращены их сородичи. В то же время «в казну ясаку принесло сто семь человек, а прочие в том числе просили. . . , что впредь все промышлять на ясак лисиц и песцов и приносить будут безотрицательно». ³⁵ Так постепенно начали налаживаться отношения с чукчами.

Чукчи давно были утомлены борьбой, они искали мира с русскими, ибо были заинтересованы в нем. Летом 1756 г. они попросили разрешения «ближним чукчам» поселиться на Анадыре. Воспользовавшись разрешением И. Шмалева, чукчи «в сорока трех юртах» перекочевали на южный берег р. Анадыря и обосновались на р. Хатырке. ³⁶

Учитывая интересы чукчей, а также населения Анадырска, численность которого превышала 1000 человек, И. Шмалев собрал необходимые сведения о возможных наикратчайших путях и наиболее дешевых способах доставки провианта и снаряжения в Анадырк. Сбрав нужные сведения, он представил в Сенат 9 вариантов возможных путей к Анадырску. Сенат привлек для рассмотрения проектов И. С. Шмалева адмирала В. А. Мятлева, контр-адмирала Д. Я. Лаптева, тайного советника и позднее сибирского губернатора Ф. И. Соймонова, который высказал мнение о нецелесообразности содержания Анадырского острога. ³⁷

В 1760 г., по представлению Ф. И. Соймонова, Сенат назначил главным командиром на Анадырь подполковника Ф. Х. Плениснера (участника второй Камчатской экспедиции В. Беринга), поручив ему же наблюдение за всем Охотско-Камчатским краем. Летом 1763 г. в сопровождении 200 казаков он прибыл к устью реки Красной, куда прибыли, как обычно, и чукчи — «более 60-ти байдар по 20 и 25 человек в каждой». При встрече с Плениснером они подтвердили ему свою готовность быть в подданстве и внесли ясак. ³⁸

И. Шмалев и командиры после него уже не тревожили чукчей на Анадыре. В летнее время команда совместно с чукчами, приходившими на Анадырь, занималась промыслом диких оленей и вела с ними оживленный обмен. Из общего промысла русские получали по 5 оленей на участника.

Ясак, получаемый с чукчей, был незначительным, а главное его количество и качество зависели от их доброй воли. В связи с этим обстоятельством Ф. Х. Плениснер в рапорте Ф. И. Соймонову в ноябре 1763 г. настоятельно рекомендовал ликвидировать Анадырский острог. По его заключению, содержание Анадырского острога не оправдывалось с экономической точки зрения. По подсчетам Плениснера выходило, что за 53 года (с 1710 по 1763 гг.) доходов было получено от поступлений ясака всего на сумму 29152 р., в то время как расходы на содержание крепости составили 539 246 р.

Пользуясь своими полномочиями, уже в 1763 г. Плениснер назначил к отставке из Анадырска 142 человека, из них 90 в том же году были вывезены в Якутск. Тогда же он отпустил из Анадырска всех аманатов.

5 марта 1764 г. последовал указ Сената о ликвидации Анадырского острога, и 28 сентября 1766 г. он был утвержден Екатериной II. Однако Анадырский острог просуществовал еще несколько лет. Лишь в 1771 г., после 120 лет существования, был ликвидирован форпост русского феодального государства на Северо-Востоке Азии, роль которого, применительно к политическим и экономическим интересам русского самодержавия, была исчерпана.

Нельзя не согласиться с Т. Шмалевым, который писал, что Анадырский острог «заведением своим был не бесполезен». Через него была «изобретена» в конце XVII в. Камчатка, а в 40-х гг. XVIII в. уже с Камчатки были открыты Алеутские острова и северо-западные берега Америки.³⁹ Анадырский острог, таким образом, был важным пунктом, через который шло расширение границ русского феодального государства.

Вместе с тем историческое значение Анадырска заключается еще и в приобщении народов Северо-Востока Азии и отчасти северо-западных берегов Америки (чукчей, коряков, юкагиров, азиатских эскимосов и эскимосов Аляски) к культуре русского народа, а через нее к постепенному преодолению глубокой социально-политической и культурно-экономической отсталости, которые были характерны для этих народностей в XVII—XVIII вв.

В первые годы после ликвидации Анадырского острога шло проникновение чукчей к югу от Анадыря. Сдерживать это продвижение русские власти не могли, да и не пытались. По существу связи русских с чукчами были прерваны. В Гижигу чукчи идти опасались. Дело в том, что в 1769 г. чукчи в количестве 300 человек напали на оленных коряков, кочевавших в непосредственной близости от Гижигинской крепости, за что, однако, они тяжело заплатились. У них не только были отбиты захваченные у коряков олени, но сами они потеряли 34 человека убитыми, много — ранеными, а оставшиеся в живых вынуждены были бежать. Этот урок был долго памятен им, и поэтому к Гижигинской крепости они уже не шли. Коряки-оленоводы там себя чувствовали спокойно. Но на Парапольском доле, в долинах рек Олюторки, Апуки и Пахачи оленные коряки часто подвергались нападениям чукчей. Местные власти смирились со сложившейся обстановкой. Сверху, однако, продолжали предписывать, чтобы искать случаев к предотвращению грабежей коряков чукчами, но не чинить против них «военных поисков», а уговаривать.

К 70-м гг. XVIII в. общественная спаянность чукчей заметно ослабла: определенная часть их не хотела принимать участия в набегах на коряков. В 1776 г. уже многие чукчи не поддержали Пуреха Менилтина, собиравшего отряд для похода на гижигинских коряков.

Многие чукчи заняты были заботами о выпасе и размножении оленей и интересы их уже не совпадали с интересами тех, которые все еще стремились к отгону корякских табунов. Большое влияние на умиротворение чукчей оказала их потребность в товарах русского производства.

В 1778 г. в Гижигинской крепости побывали «главный чукотской тоен Омылят Хергынтов, с ним Северного Ледовитого моря тоен же Аоеткин Чымкычын»,⁴⁰ с которыми Т. И. Шмалеву удалось заключить договор о мире. Чукчи, взятые в плен еще в 1775 г., были освобождены. Следует отметить особую роль Т. И. Шмалева. Своим гуманным отношением, бескорыстием и добросовестностью по отношению к чукчам он завоевал полное их доверие. Шмалев всячески пытался внушить чукчам расположение к ним русских и всю бессмысленность войны.

Эти действия Т. Шмалева оказались весьма ко времени. После того, как в 1779 г. в Петропавловск на Камчатке заходили английские корабли «*Resolution*» и «*Discovery*», правительство вновь обратило особое внимание на чукчей, в особенности после того, как названные суда побывали около берегов Чукотки. Уже в сентябре того же года генерал-прокурор князь Вяземский докладывал в Государственном Совете о том, что ее императорское величество все милостивейше соизволяет на принятие чукотского народа в свое подданство, и в рассуждении бывшего в нем мору и оленьего падежа увольняет его от платежа ясака на десять лет; что принимая сей народ в подданство, е. и. в. не желает от него иной пользы, как только чтоб он... был спокоен и не разорял граничущих с ним подданных ея коряков.⁴¹

Видя, что дорога к северо-восточным берегам Сибири стала известна иностранцам, Екатерина II поспешила предупредить возможные притязания на эти территории. В 1785 г. был издан указ о снаряжении специальной экспедиции для описания берегов Чукотки, во главе с Иосифом Биллингсом. Подготовка к ее проведению и сама экспедиция сблизила русских с чукчами.⁴²

В октябре 1789 г. последовало высочайшее повеление о том, чтобы чукчи были приняты «в Российское подданство с правом производить торговлю и промышленность без всяких стеснений».⁴³ Последующие мероприятия шли в том же направлении. 7 ноября 1791 г. Екатерина II разрешила из средств Кабинета отпускать ежегодно по 500 р. для приобретения товаров на подарки чукчам, а через пять дней Иркутскому наместническому правлению было послано предписание с препровождением 20 серебряных и 80 медных медалей «сих людей приласкать и раздать медали первейшим из них». Таким образом, подарки за ясак были официально узаконены. Эта мера имела известное значение на приближение чукчей к Колыме.

Стремясь наладить отношения с чукчами и на Анадыре, правительство уступило их настоятельным просьбам. В 1788 г. купец А. А. Баранов основал на Анадыре селение — Крепость. В нем он поселил около 30 человек промышленников, которые занимались не

только добычей пушных зверей и моржей, но вели также торговлю с чукчами.⁴⁴ Торговые связи с чукчами на Анадыре, возобновленные в 1788 г., почти не прерывались, однако они здесь не регулировались предварительным взносом ясака, как это было на Аною. Вместе с тем торговля на Анадыре развивалась медленно, так как товары там продавались по цене в 10 раз дороже, чем в Гижиге.⁴⁵

Центром, связывающим чукчей с русскими, стала Аноյская ярмарка. В 1794 г. по просьбе чукчей место ярмарки перенесли на один из островов Большого Аноя, в 200 верстах от Нижне-Колымска. В 1799 г. была построена Аноյская крепость, у стен которой производился торг. Кроме чукчей, в ярмарке принимали участие юкагиры, эвены, коряки, купцы из Якутска, Нижне-Колымска и Средне-Колымска.

С организацией регулярной торговли на Аною чукчи постепенно вышли на р. Бараниху, а затем на Большой и Малый Аною. Эти места оказались очень удобными для кочевого хозяйства. Именно здесь начала складываться аноյская кочевая группа чукчей, ближе других стоявшая к русским.

В 1810 г. иркутский гражданский губернатор Трескин разработал «Правила иновещерского управления». Одним из пунктов этих правил явилось учреждение ярмарок со строгой регламентацией торговли. Все торговые операции должны были производиться только на ярмарках и лишь после того, как был внесен ясак. Запрещалось, под страхом лишения прав торговли, ввозить и продавать на ярмарках спиртные напитки.

Чукотские торговцы (кавральыт) и тойоны безоговорочно вносили ясак. Однако чукчи, приходившие на ярмарку с небольшим запасом пушины, или просто отнекивались, или требовали себе подарков столько, сколько, по их мнению, стоил вносимый ими ясак.

Идя на сближение с чукчами, Трескин искал опоры прежде всего в среде кавральыт, наделяя их званиями тойонов и старшин. Кроме того, он выдавал им именные печати; щедро награждал медалями, кафтанами, кортиками.⁴⁶

Во взаимоотношения внутри чукотского общества царизм не вмешивался. В 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев», согласно которому чукчи должны были платить дань по собственному их произволу как в количестве, так и в качестве, и в пределах обитаемых ими земель не подчинены гражданским и уголовным законам и суду российскому, подлежат только в случае «убийств, насилий или кормчества, учиненных вне границ этих земель».⁴⁷ Таким образом, общественное устройство и управление чукчей не подвергалось изменениям. Чукчи не несли никаких натуральных земских повинностей. В свою очередь государство не создавало на их территории казенной продажи продуктов (муки) и необходимого снаряжения (порох, свинец и т. п.). Царское правительство оставило за собой лишь право наблюдения за государственными границами на территории расселения чукчей и регламентацию торговли с ними.

Участившиеся в начале XIX в. случаи проникновения иностранных судов в русские воды северной части Тихого океана заставили правительство проявить большее внимание к Чукотке. Указом от 4 сентября 1821 г. были объявлены принадлежащими России все владения по северо-западному берегу Америки от Берингова пролива до 51° северной широты, по островам Алеутским и по восточному берегу Сибири, по Курильским островам от Берингова пролива до южного мыса острова Урупа. Промысел китов и рыбы, а также торговля с туземным населением побережий и островов Тихого океана в указанных границах разрешались только русским подданным.⁴⁸

Однако уже в 1824 г. русское правительство вынуждено было заключить с правительством США конвенцию, согласно которой наряду со свободным заходом судов во все бухты, заливы и гавани, находящиеся в пределах обоих государств, предусматривался свободный промысел кита и свободное ведение торговли с туземцами.⁴⁹

В 1834 г., едва истек срок конвенции, как Министерство иностранных дел России обратилось к правительству США с просьбой запретить американским судам заходить в наши внутренние моря и заливы. Запрещение о плавании в русских территориальных водах было опубликовано в американских газетах. Однако предполагаемых результатов мера эта не дала. Хищническая охота в наших водах и контрабандная торговля американских китобоев процветали. В связи с этим стало заметно падать количество пушнины, попадавшей от чукчей на Анюйскую и другие ярмарки. Убытки от этого несли не только русские купцы, но и чаунские чукчи, которые служили «кондукторами сообщения русских с чукчами носовыми... ибо на своих оленях перевозили их (чукчей. — И. В.) в островную крепость».⁵⁰ Помимо того, оленные чукчи лишались продуктов морского промысла и не находили достаточного рынка сбыта продуктам оленеводства. Русская администрация в свою очередь также опасалась потерять последние нити, связывавшие ее с носовыми чукчами. В связи с этим активизировались поиски путей укрепления контактов с чукчами, на что охотно откликнулся чаунский богач Ятыргын. В 1837 г. 20 чукчей во главе с Ятыргыном присягнули русской короне.

Однако приток пушнины на Ашойскую ярмарку не увеличился, а сокращался с каждым годом. Учрежденная в 1812 г. Чукотская ярмарка между реками Пенжиной и Анадырем почти не имела успеха. Чукчей приходило на эту ярмарку немного, пушнины они привозили еще меньше, чем на Анюй, ясак вносили также «повольно».

Деятельность иностранных китобоев у берегов России возрастала. Десятки китоловных судов плавали в Беринговом море, вели интенсивную торговлю с чукчами, эскимосами, коряками. С 1848 г. началось проникновение китобоев и в Северный Ледовитый океан. В 1849 г. через пролив прошло уже 154 судна. За два года (1848—

1849) американцы выручили от реализации продуктов промысла 17 412 453 доллара.⁵¹

Усилению деятельности китобоев способствовал Нанкинский мир 1842 г., заключенный между Англией и Китаем, в результате которого китайские порты были открыты для иностранных судов. Их продукция нашла новый весьма выгодный рынок сбыта.

Наплыв китобоев к берегам Чукотки отражался на русско-чукотской торговле. Трудно было конкурировать русским товарам, доставляемым за тысячу верст из центра России в Гижигу и на Аной, с товарами из портов западного побережья Америки. Однако Анойская ярмарка продолжала существовать, так как кавралыт привлекали оленье сырье и черкасский табак, с которыми не могли конкурировать американские табаки. На Анойскую ярмарку чукотские торговцы стали доставлять и американские товары.

В период Крымской войны браконьерство, контрабандная торговля у берегов Чукотки не знали никаких ограничений. Спаивание, грабежи, насилия, а подчас бандитизм сопровождали эту торговлю. Так, в 1851 г. произошло столкновение чукчей с английской командой судна «Армата», плававшего под американским флагом. Ссора произошла якобы из-за «обломков якорной цепи, которую чукчи хотели отнять у корабля». В результате столкновения было убито 12 чукчей.⁵²

Бесчинства китобоев побудили якутское и иркутское начальство предпринять ряд мер к охране чукотских берегов и к большему сближению с оседлыми чукчами и эскимосами. В 1858 г. якутский губернатор Штубендорф пригласил приехать в Якутск чукотского эрыма (главного тойона). На это приглашение откликнулся его помощник Дмитрий Хотто (с Чукотского полуострова).

Приезд Хотто был расценен в Якутске как выражение самых добрых намерений чукчей. В соответствии с положением и званием Хотто был оказан должествующий прием. Однако поездку Хотто в Якутск следовало рассматривать как разведывательную, чтобы окончательно решить, с кем выгоднее иметь дело. Неслучайно Хотто очень сдержанно говорил о подданстве и всячески защищал торговлю с китобоями. Отказ послать сына учиться в Якутск был его окончательным ответом.

В Якутске по-прежнему изобретали разные меры для сближения с чукчами, для привлечения северо-восточной их части к более постоянным и более широким торговым связям. Особое старание проявил якутский купец Барамыгин. Совместно с чиновником особых поручений Шевелевым весной 1859 г. он уговорил Чукотского главного эрема Амраургына поехать в Якутск. Еще с Колымы Амраургын писал Якутскому губернатору, Штубендорфу: «Я старался привлечь и народ свой на сторону русских, всеми мерами стараясь распространить нашу меновую торговлю с ними и тем отвлечь чукчей от вредной для нас торговли с ежегодно приезжающими к нам на судах иностранцами, судов которых приходит к нам каж-

дый год от 100 до 150». Далее Амраургын просил принять его и «чукотский народ» в Русское подданство.⁵³

В мае 1859 г. Амраургын выехал в Якутск. Генерал-губернатор Восточной Сибири Штубендорф, которого известили о намерении Амраургына, дал понять ему, что по русским законам не полагается несколько раз приходить в подданство. Единственно, что счел Штубендорф необходимым, это — привести Амраургына к присяге на верность новому царю (Александру II). Для этой церемонии был переведен на чукотский язык текст присяги. Все участвовавшие в деле принятия Амраургыном присяги были награждены правительством. Кроме того, текст присяги был размножен типографским способом и направлен для распространения среди чукчей.

Противоречие в настроениях Амраургына и Хотто были обусловлены внутренними причинами. В них проявились две ориентации торговой верхушки чукчей. Хотто — представитель кавралыт с Чукотского полуострова был заинтересован в торговле с китобоями, которая давала ему возможность конкурировать с русскими кушцами на Анюйской ярмарке и на Анадыре. Амраургын — представитель западной, анюйско-чаунской группы крупных оленеводов. Эта группа оленных чукчей давно уже продвигалась к Колыме, население которой приветствовало приближение чукчей, так как они не раз уже выручали мясом оленей русских старожилов, эвенов и юкагиров во время голодовок. Таким образом, поездка Амраургына в Якутск имела положительное значение для укрепления связей чукчей с русскими.

Со второй половины XIX в. политика самодержавия на Чукотке заметно активизировалась. К этому были более чем достаточные основания. Помимо захвата иностранцами торговли на побережье Берингова и Чукотского морей, в 60-х гг. появилась реальная опасность проникновения американцев на территорию Северо-Востока Сибири. Все чаще стали поступать жалобы от чукчей и эскимосов на хищническое истребление иностранными китобоями моржей и китов и на их бесчинства, грабежи, спаивание населения и т. п. Непосредственным поводом к проявлению забот о Чукотке явилось намерение соединить телеграфную сеть США с телеграфной сетью Европы через Сибирь.

В 1864 г. в Нью-Йорке была основана Русско-Американская телеграфная компания. Её представители на протяжении трех лет (1865—1867) занимались изысканием линии будущего телеграфа.

В связи с этим Чукотка и вообще весь Северо-Восток Сибири приобрели особый интерес. В 1865 г. из Якутска на Колыму был командирован чиновник особых поручений барон Г. Майдель. Ему поручалось собрать необходимые сведения о чукчах, познакомиться с их торговлей, определить, насколько уместны в настоящее время торговые «Трескинские правила» и предложить меры к скорейшему присоединению чукчей.

Для того чтобы чукчи стали действительно российскими подданными, необходимо было пересмотреть сложившуюся систему

отношений и в первую очередь ясачную политику. Майдель предложил учредить институт помощников главного эрыма Амраургына, которые и ведали бы территориальными группами чукчей. Он полагал это нововведение тем более необходимым, что Амраургын якобы выдвинул перед ним идею «собирать подати от всех чукчей без исключения». Вместе с тем Майдель считал, что подарки за ясак выполнили свою роль.⁵⁴

Так как ясак раньше вносился только торговцами и некоторыми старшинами, что Майдель считал для них обременительным, то он нашел более правильным переложить эту повинность на всех чукчей и предложил Амраургыну «заплатить подати по денежному счету и обложить всех взрослых мужчин без исключения хоть маленьким ясаком, примерно, до полтора рубля ассигнациями». Он мог не сомневаться в мнении на этот счет «богатых и сильных чукоц», так как это только укрепляло их позиции и открывало новые возможности в эксплуатации своих соплеменников.

Тогда же часть богатых ставладельцев выразила желание перекочевать в большую тундру к Ледовитому океану между устьями рек Колымы и Индигирки.

О всех предложениях Майделя якутский губернатор сообщил в Иркутск. Вместе с тем он разрешил чукчам перекочевать в Западную тундру. Генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков сообщил министру внутренних дел, что меры Майделя имеют своей целью окончательное приведение чукчей в подданство России, но, чтобы достичь этой цели, «необходимо ближе познакомиться с бытом этих инородцев и местностью, ими занимаемою». «Это обстоятельство, — писал он далее, — приобретает ныне еще большее значение потому, что по означенной местности проводится линия русско-американского телеграфа».⁵⁵

В 1867 г. Российско-Американская телеграфная компания прекратила свое существование в связи с тем, что кабель был проложен через Атлантический океан. Однако комитет министров по Сибири принял решение «О снаряжении экспедиции в Чукотский край...», что было обусловлено внешнеполитическими факторами, в первую очередь продажей Аляски.⁵⁶

Экспедиция состоялась в 1868—1870 гг. Цель ее заключалась в собрании сведений о числе чукотского народа, в старании привести их к присяге на верноподданство с платежом ясака и перекочеванием на левый берег р. Колымы.⁵⁷

В январе 1869 г. Майдель сообщил якутскому областному правлению, что почетные чуки Большой тундры (так называлась местность к западу от Колымы) по его предложению образовали особые общества под начальством головы Луки Ваалергина и старосты Петра Арано, которые избраны на три года, с 1869 по 1872 г. В их обязанности входило собирать со всех родичей ясак и вносить его колымскому исправнику.

В связи с тем что чуки, подведомственные эрему Амраургыну, разбросаны на огромной территории «от устья реки Колымы до Чаунской губы и от Ледовитого моря до притоков Анадыря»,

Амраургын, не будучи сам в состоянии проследить за взносом ясака, «поручил в настоящем году сбор ясака с родичей его четверем благонадежным чукчам, которыми поручение это было выполнено в точности: ясак собран весь».

По настоянию Майделя чукчи, подведомственные Амраургану, были поделены на четыре наслег по якутским образцам. Во главе их были поставлены старосты, снабженные необходимыми в таком случае знаками власти, т. е. «наследными кортиками и петалями».⁵⁸

Так как многие из чукчей отказывались вносить ясак лисицами, то Майдель ввел новый порядок. Полным ясаком облагались все чукчи мужского пола от 15 до 55-летнего возраста и должны были вносить ясак по одному рублю с каждого или, «за неимением денег, по одной ровдуге первого сорта, или по одному песцу с лапами, или за два ясака красную лисицу, а до 15-летнего возраста половинный оклад ясака».

Ясак был внесен, по словам Майделя, без всякого отдаривания, поэтому он просил на будущее время не высылать чукотских подарков.

Сложнее дело обстояло с носовыми чукчами; они не приняли этой реформы и требовали по-прежнему отдарков. Будучи на устье Анадыря, Майдель попытался через старшин и почетных носовых чукчей обложить ясаком всех чукчей на побережье. Однако старшины, выражая готовность внести ясак за себя, в то же время не брали никакой ответственности за своих сородичей.

Вместе с тем чукчи выражали недовольство по поводу некоторых установлений Майделя. Прежде всего Амраургын и его родичи вступили в ходатайство о сложении ясака с малолетних (до 18-летнего возраста), а носовые заявили в категорической форме: если правительство желает получать с них ясак, пусть не прекращает отдарков.⁵⁹ Ходатайство первых и требование вторых были удовлетворены.

В 1871 г. Главное управление Восточной Сибири в целом утвердило решение Якутска о чукчах, однако тут же оговорило необходимость сохранения подарков за внесенный ясак и на будущее время. После этого не предпринималось никаких попыток к реорганизации управления чукчами.

Аккуратными плательщиками ясака были только чукчи Большой тундры, а управляемые Амраурганом стали опять добровольными плательщиками, не говоря уже о носовых. Колымские исправники вели наблюдение за торговлей, собирали ясак. Ярмарка с каждым годом все больше приходила в упадок. В 1874 г. сообщали из Якутска, что «торговля русских купцов с чукчами, обитающими в Колымском округе, падает с каждым годом; большая часть чукчей, бывших для торговли и взноса ясака около Анюйской крепости в апреле 1873 г., не могли ничего предложить из своих промыслов русским купцам в обмен на привезенные ими товары, так как ценная рухлядь променивается инородцами на спирт иностранным китоловам, что от этого чукчи делаются с каждым

годом беднее, так что в скором будущем можно рассчитывать на окончательное прекращение торговых сношений с чукчами». ⁶⁰

Ежегодные обороты торговли с чукчами уже не превышали нескольких тысяч рублей. Так, в 1874 г. на пушнину, доставленную чукчами, было отпущено товаров всего на 5442 р. 61 к., в 1875 г. — на 3657 р. 52 к. ⁶¹ и т. п. Почти совершенно исчезла пушнина, поступающая с американского берега. В 90-х гг. обороты ярмарки несколько повысились, главным образом, за счет поступлений оленьих шкур. Например, в 1899 г. чукчам было променено товаров на 11854 р., в 1900 — на 17551 р. Таким образом, ярмарка приобрела местное значение и обслуживала по преимуществу оленьих чукчей ближайших к Колыме районов, однако с начала XX в. торговый оборот неуклонно падал. Так, в 1901 г. чукчами было променяно товаров на 8500 р., в 1902 — на 5526 р., в 1904 г. — только на 2432 р.

В то же время торговля и промысловая деятельность американцев у берегов Чукотки активизировалась с каждым годом все больше и больше. По официальным сведениям, ежегодно публиковавшимся в «*Whaleman's Shipping List*» (*New Bedford*), у чукотских берегов бывает по 30—35 китобойных судов, в том числе 5 или 6 пароходов. ⁶² Как сообщал Норденшельду некий Бартлетт, в 1878 г. его судно было в заливе Лаврентия, где приняло на борт от китоловов 6100 бочонков ворвани и 37 000 фунтов китового уса. ⁶³

Увеличение количества хищнических шхун у наших берегов особенно стало заметно после 1870 г. Дело в том, что с продаж владений Российско-Американской компании (РАК) воды Берингова моря были разделены точно обозначенной границей. Правительство США передало пушной промысел и всю торговлю по Американскому побережью в долгосрочную аренду Аляскинской компании, которая и позаботилась о том, чтобы никто не смел нарушить ее монопольных привилегий. Одновременно правительство США учредило крейсерство и запретило ввоз спиртных напитков в бывшие владения РАК. Этими мерами американское правительство сразу оградило свое побережье «от эксплуатации мелких „бобровых“ или „воровских“ шхун. Все они, ища добычи, направлялись в пределы наших владений, вдоль Северо-Восточного побережья Азии». ⁶⁴

Жалобы со стороны чукчей и эскимосов усилились. Однако долгие годы бюрократический аппарат царского правительства не мог положительно решить вопроса о принятии действенных мер по охране побережий Чукотки. Только в 1874 г. было признано необходимым «отправить крейсера для ограждения интересов нашего северо-восточного сибирского побережья». В 1875 г. крейсирование вдоль берегов Чукотки было поручено клиперу «Гайдамак», в 1876 г. — клиперу «Всадник». Лишь с 1883 г. было введено регулярное посещение Берингова моря нашими военными кораблями. Они приходили туда во второй половине лета, в то время как американские шхуны уже успевали к этому времени побывать во всех

населенных пунктах пролива. Тем не менее в 80-х гг. военными кораблями было арестовано 5 китобойных шхун, уличенных в контрабандной торговле. Однако ликвидировать контрабандную торговлю при тех средствах контроля со стороны Морского ведомства, которые были определены для этой цели, так и не удалось. Хищники стали более изощренными и изворотливыми.

В 1884 г. клипер «Разбойник» арестовал шхуны «Элиза» и «София Джонсон». Последняя принадлежала американцу Макена, который на следующий год направил к берегам Чукотки пароход «Альянс». При встрече с чукчами он цинично заявил им, что за арест русскими его шхуны он «еще больше будет возить водки и теперь его уже больше не поймают».⁶⁵

В 1886 г. на переходе между заливом Лаврентия и мысом Чаплина русским корветом «Крейсер» была конфискована американская шхуна «Генриета». «На шхуне оказалось 4000 фунтов китового уса, 800—1000 фунтов моржовых клыков, 500 лисьих шкур, 70 пар чукотских сапог, примерно, на 15 тысяч долларов».⁶⁶ Все это было приобретено у населения нашего побережья.

Опасаясь быть захваченными врасплох русскими судами, контрабандисты меняли тактику. После случаев конфискации их судов они начали создавать свою агентуру среди чукчей и эскимосов, по преимуществу из торговцев, с которыми и вели оптовые сделки.

Массы чукотского населения благожелательно отнеслись к появлению русских военных судов и к их действиям. Так, в 1884 г. команда клипера «Разбойник» произвела обыск в складах узленского торговца чукчи. В них было найдено, помимо оружия, три птиведерных бочонка со спиртом, ром. Все это тут же было вылито на землю. «К выносу контрабанды, — сообщалось в отчете о крейсерстве, — и уничтожению вина народ отнесся вполне спокойно...»⁶⁷

Крейсерство не избавляло полностью население Чукотки от иностранной эксплуатации. Возникла необходимость создания на Чукотке административного аппарата и налаживания русской торговли. В 1888 г. было принято решение об образовании Анадырского окружного управления. Первым начальником его был назначен врач Л. Ф. Гриневицкий.

Военный губернатор Приморской области, оформляя назначение Гриневицкого, определил его главную задачу так: «Вы должны стремиться вызвать сознание у чукчей их принадлежности к Русской империи и стараться объяснить их не столько для прибылей государственного казначейства, сколько ради того, что уплата ясака доказывает, что инородец признает над собою известную правительственную власть. Все это должно достигаться ласковым обращением».⁶⁸

Кроме этих поручений, Гриневицкий должен был «ознакомиться с составом, материальным положением, вероисповеданием, обычаями и санитарным состоянием населения края», изучить промыслы и торговлю, собрать сведения о нуждах населения и по-

требностях «с изысканием способов и мер к удовлетворению их, способствовать сближению нашему с инородцами». ⁶⁹ Из поставленных перед ним задач он успел сделать немного, так как в 1891 г. умер. Только через три года был назначен новый начальник — Н. Л. Гондатти.

Гондатти придавал решающее значение развитию русской торговли с чукчами. Кроме чисто коммерческой выгоды, торговля, по его мнению, должна была послужить самым надежным средством «к распространению русского влияния над чукчами». Он установил контроль над торговлей: запретил торговцам объезжать стойбища оленеводов. Организовал ряд местных ярмарок — Устьбельскую, Марковскую, Еропольскую, Туманскую и др. ⁷⁰

На устье Анадыря был создан склад казенных товаров с твердыми ценами, что в известной мере оказало положительное влияние на регулирование цен, по крайней мере на устье Анадыря. Тогда же был основан Ново-Мариинский пост, вокруг которого стали селиться чукчи.

Создание русского поста на устье Анадыря приостановило появление здесь контрабандных шхун. Однако побережье Чукотки к северу от залива Креста оставалось по-прежнему вне досягаемости уездной власти. Там продолжали хозяйничать иностранцы.

Положение населения и вообще вся обстановка на Чукотском полуострове осложнились еще больше после того, как в 1900 г. полковнику Вонлярлярскому было предоставлено исключительное право разведки и попутной разработки золота и прочих полезных ископаемых. В 1902 г. Вонлярлярский создал акционерное предприятие — Северо-Восточное Сибирское общество, большинство акций которого оказалось в руках американских капиталистов. Фактически распорядителем всех дел Общества стал крупный торгово-промышленный синдикат на Аляске, возглавляемый американцем Джоном Розином. ⁷¹

На Чукотке уже в 1902 г. появились проспекторы-золотоискатели из Америки. Тогда же Общество открыло свои фабрики в бухте Провидения, в Дежнев и заливе Лаврентия.

В связи с русско-японской войной Общество приняло поручение правительства доставлять продукты и товары на все Тихоокеанское побережье Чукотки. Так Северо-Восточное сибирское общество монополизировало торговлю на Чукотском полуострове. Многие проспекторы превратились в торговых агентов общества (Волл и др.), рассеянных в разных местах побережья. Некоторые из бывших проспекторов предпочли заниматься торговлей с чукчами самостоятельно (Свенсон, Карпендель и др.). В торговых сделках спирт играл главную роль, хотя ввоз и продажа спиртных напитков на Чукотку правительством воспрещались. Чтобы еще больше увеличить свои прибыли, китобои и торговцы разбавляли водку водой, затем прибавляли для крепости кайенского перцу, табачного соку и др. ингредиентов. «Приходится лишь удивляться, — писал американский журналист У. Гильдер, — каким образом могут люди пить ее безнаказанно, не падая тут же на ме-

сте мертвыми». ⁷² Чукчи и эскимосы оказались во власти иностранных торговцев, которых никто не контролировал. ⁷³

В течение 1904—1905 г. Аляскинской торговой компанией на Чукотском полуострове было закуплено китового уса около 6200 фунтов, «что должно дать американскому синдикату чистого дохода... около 75 000 руб., не считая прочего дохода, в подобных же размерах, от продажи шкур белых медведей, оленьих, нерпичьих, моржовых клыков и проч.» ⁷⁴ Все сырье и пушнина вывозились без пошлин. Грабительский характер торговли отчетливо прослеживался на ценах. На мысе Дежнева фунт китового уса стоил в 1904 г. 1.5 доллара, тогда как в Номе — 4—5 долларов, в Сиэтле — 7.5, в Сан-Франциско — 12, а в Нью-Йорке — уже 20 долларов. ⁷⁵ Казенные склады товаров, созданные с целью регулирования цен, оказались не в силах конкурировать с иностранной торговлей. Все же, как ни слаба была деятельность экономических складов, она принесла некоторое облегчение местному населению. Среди прочих товаров они имели такие продукты, как: мука, крупа, сахар, чай.

В связи с незаконными действиями Северо-Восточного общества в 1905 г. на Чукотку был командирован горный инженер Тульчинский. Его выводы явились предметом обсуждения особого межведомственного совещания в 1906 г., которое пришло к заключению, что «горный и золотой промыслы не получили сколько-нибудь заметного развития, что же касается до укрепления русского влияния на полуострове, в противовес иностранному, то это не только что не было достигнуто, но, наоборот, влияние американское еще больше закрепилось, чему содействовали различные иностранные и полуиностранные уполномоченные и агенты названного Общества». ⁷⁶

В результате этого совещания встал вопрос об организации на Чукотском полуострове постоянной полицейской службы. В 1906 г. был учрежден горно-полицейский надзор. В противовес американской торговле царское правительство всячески поощряло распространение русской торговли на Чукотке. Русским купцам был предоставлен ряд льгот — вплоть до бесплатной доставки товаров из Владивостока на охранных, военных и административных судах. ⁷⁷ На Чукотку потянулись торговцы. Они вели торговлю только в короткое время стоянки судна у какого-нибудь поселка.

В 1909 г. около м. Дежнева открыла свою факторию фирма «Чурин и К°». В 1911 г. начали торговлю на Чукотке братья Караевы и др. В 1912 г. в Анадырском уезде было уже 20 торговцев. Они поделили районы расселения оленных чукчей на сферы монопольной торговли. Торговцы имели на службе у себя чукчей в качестве развозных приказчиков. ⁷⁸ Благодаря такому сговору почти прекратились местные ярмарки. Однако этих мер по распространению русской торговли оказалось недостаточно, они не ликвидировали зависимости Чукотки от иностранцев.

В 1909 г. был утвержден закон, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой об административном устрой-

стве Приморской области, в одном из пунктов которого говорилось о создании Чукотского уезда.⁷⁹

Уездный начальник (барон Клейст) прибыл на Чукотку в 1911 г. Местом пребывания его первоначально служила бухта Провидения, в 1912 г. управление перевели в Уэлен.

Русская администрация опиралась на местную власть в лице старост из числа богатых чукчей, однако опыт показал, что влияние старосты не распространялось за пределы его стойбища и ближайших соседей. По откровенному признанию В. В. Солярского, административное насаждение управления среди чукчей оказалось безрезультатным.⁸⁰

Юридическое положение чукчей и сибирских эскимосов в империи в начале XX в. оставалось таким же, каким оно было определено в уставе 1822 г. Они считались состоящими в зависимости от Российского государства, но не подданными. Управлялись по своим обычаям. Никаких повинностей не несли и никакими сборами не облагались. Ясак вносили только на ярмарках и только добровольно, за что получали подарки. Эти принципы и законы давно уже не соответствовали капиталистическим основам буржуазно-помещичьей России.

В начале 1910 г. Столыпин поставил в известность приамурского генерал-губернатора, что «Комиссия по направлению законодательных предположений высказалась за пересмотр законов о кочевых и бродячих инородцах и за скорейшее учреждение сельских обществ».⁸¹ При этом подчеркивалось, что на территории всего Охотско-Камчатского края совершенно не имеется сельских обществ, обязанности властей повсюду исполняет полиция. В 1914 г. в Анадырском уезде было введено общественное управление для оседлого населения с объединением всех в одно сельское общество под названием «Марковское».

В Чукотском уезде эскимосы и все береговые чукчи были переведены в разряд оседлых, у них также вводилось сельское общественное управление, со всеми вытекающими отсюда обязанностями и правами.⁸²

Министерство внутренних дел разъясняло: «Все оседлые инородцы должны управляться по правилам, установленным для крестьян, без всяких в этом отношении изъятий или отступлений, не исключая и суда», а кочевые, подобно оседлым, должны пользоваться правами сельских обывателей.⁸³ С перечислением в разряд оседлых инородцев они освобождались от ясачной повинности, но должны были нести другие.

По-прежнему на положении бродячих остались оленные чукчи. В разряд кочевых были переведены только оленные коряки и часть чукчей, кочевавших вместе с ними, в частности в районе Алуки. Здесь предполагалось создать Алукинскую инородческую управу.

Первая империалистическая война помешала претворить в жизнь большую часть намечавшихся преобразований. Сами чукчи давно уже считали себя людьми русского государства. Они радовались, когда появились первые военные корабли для

охраны берегов Чукотки. Еще больше они почувствовали себя в составе русского государства, когда были учреждены уездные управления, налажено регулярное сообщение с Владивостоком, появились казенные склады, развернулась торговля русских и т. п. Поэтому нет ничего удивительного в том, что во время Первой империалистической войны чукчи сочувственно отнеслись к призыву оказать материальную помощь обществу Красного креста и вносили пожертвования на строительство воздушного флота.⁸⁴

Верным сподвижником самодержавия в приведении в подданство народов Севера была православная церковь. Ее учреждения возникли почти одновременно с организацией торговых и административных пунктов на Севере. Однако до середины XIX в. пропаганда христианства среди чукчей велась в основном через часовню Анойской крепости, куда чукчи собирались лишь на время ярмарки. Туда же приезжали миссионеры. Деятельность миссионеров почти не оставила никаких следов. Они не знали чукотского языка, действовали через местных переводчиков, которые, как и чукчи, не понимали основ христианской религии, далеких и чуждых их представлениям.

В 1848 г. на устье р. Б. Баранихи была сооружена церковь и жилой дом для миссионера-проповедника А. Аргентова. Позднее эту церковь изредка посещали в летнее время колымские священники.

В 1860 г. миссионер-священник П. Суворов окрестил в этой церкви несколько чукчей. И в 60-х гг. чукчи также не понимали, зачем нужно креститься, как и 40 лет назад. Даже торговцы, которые ежегодно бывали на ярмарке и были окрещены, не прониклись благоговением к церкви и уважением к ее служителям.

В 1879 г. с подчинением Якутской епархии была учреждена Чукотская духовная миссия в составе трех станов: Сенкельского, Чаунского и Эломбальского. Почти никаких следов христианизации чукчей эта миссия не оставила.

Примерно также обстояло дело с христианизацией чукчей и по Анадырю, где еще в 1839 г. в пос. Крепость была построена часовня. Обследовавший в 1895 г. Анадырский округ А. В. Ольсуфьев сделал следующее заключение: «Обращение чукоч в православие пока не дало никаких ощутимых результатов. Хотя теперь большая часть чукоч Колымского округа и около 700 человек Анадырского числится православными, но сами обращенные остались верными языческим обычаям».⁸⁵

Это же состояние подтвердилось и в 1905 г.⁸⁶ Не продвинулось дело христианизации чукчей и в последующее десятилетие. Однако некоторые постулаты христианской мифологии проникли в религиозное сознание чукчей. Пропаганда православия породила своеобразный синкретизм традиционных религиозных верований и христианства с преобладанием исконных представлений и культур.⁸⁷

В системе мероприятий царизма на северных окраинах России просвещение и здравоохранение занимали последнее место. В 1905 г. на Чукотке действовало только два фельдшерских пункта, один в Марково, другой в Ново-Мариинском посту. В 1916 г. открылся еще один пункт в бухте Пlover.

Ввиду того что православная церковь так и не смогла обосноваться на Чукотке, миссионерских школ для чукчей там создано не было. В 1883 г. была открыта церковно-приходская школа в с. Марково, в которой обучались дети эвенов, юкагиров, чуванцев, русских и чукчей, проживающих в с. Марково. За десять лет, с 1883 по 1893 г., в школе обучалось 2 мальчика и 10 девочек чукчей,⁸⁸ в 1905 г. — 32 мальчика и 17 девочек. Учителем был псаломщик Афанасий Дьячков, самоучка. За 3—4 года пребывания в школе дети едва выучивались читать и писать.⁸⁹ В 1910/11 г. учащиеся занимались по учебникам издания 1860—1870 гг.⁹⁰

Впервые вопрос о создании на Чукотке министерских школ возник в 1910 г. Приамурский генерал-губернатор обратился в Министерство внутренних дел с представлением о необходимости открытия на Чукотском полуострове в селениях Униин (Чаплино) и Уэлен, «в целях русификации и просвещения чукчей, школ — опытных станций по оленеводству, собаководству и рыболовству».⁹¹ Любопытно, что в основе этого ходатайства лежала просьба жителей об открытии школы в их селении.

Лишь в 1916 г. на Чукотку были завезены в разобранном виде здания школ. Одна из них была построена в с. Уэлен, другая в с. Чаплино. Обе школы были снабжены «незначительными наборами плотничьих, столярных инструментов». Дети с большой охотой начали посещать школы. В будущем при школах предполагалось открыть ремесленные классы.⁹²

Несмотря на односторонний характер влияния капитализма на экономику и культуру Северо-Востока Азии, распространение капиталистического влияния на эту окраину было положительным, сыгравшим важную роль в развитии производительных сил чукотского общества. Как указывал В. И. Ленин: «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически переходящий характер этого экономического режима»⁹³

Постепенно ликвидировалась замкнутость отдельных групп чукчей, что привело к значительным сдвигам в области их общественных отношений и культуры. Чукотка медленно, но со все возрастающим охватом втягивалась в общее русло капиталистического развития.

* * *

Население Северо-Востока до прихода русских значительно отставало в социально-экономическом и культурном развитии от других народов Сибири. Приход русских в XVII в. на берега

Колымы и Анадыря прервал изоляцию этого региона от внешнего мира, застойный характер быта и культуры чукчей, эскимосов, коряков, ительменов и обитателей северо-западного побережья Америки. В этом огромная заслуга русских поселенцев. Их усилия в налаживании жизни на Колыме и Анадыре, в освоении этого края имели большое историко-культурное значение для общего развития коренного населения. Велики заслуги этих людей перед русской и мировой наукой в географических и этнографических открытиях, в начальных этапах всестороннего изучения северо-востока Сибири. Так, из Анадырского острога силами простых служилых и промышленных людей были обследованы Чукотка, Камчатский полуостров, отчасти северо-западные берега Америки. На чертежах и картах XVIII в. впервые нанесены очертания берегов Чукотки, прилежащие острова, основные направления горных массивов и рек, их названия. Наука получила достаточно достоверные сведения о географическом устройстве северо-востока Азии и очертания северо-западных берегов Америки. Наряду с чертежами и картами служилые и промышленные люди в своих «отписках» и «скасках» донесли до нас и первые сведения о климате, растительном и животном мире этой окраины. История и этнография северо-востока Сибири весьма многим обязана тем же людям. Они сообщили первые хронологически определенные сведения о народах, обитающих в этом регионе, об их занятиях, орудиях труда, оружии, средствах передвижения, о жилищах, одежде, быте, общественном устройстве и т. п.

Поселения на Колыме и Анадыре были очагами русской культуры, местами, где аборигены увидели впервые другой образ жизни, иные формы быта, узнали о существовании книг, письменности, познакомились с новыми для них ремеслами, всем тем, что связано с обработкой и использованием металлов, и т. п. Здесь было положено начало приобщения этих народов к новому этапу их культурно-исторического развития, заложены основы дружбы местного и русского народов. В этом — одно из важнейших значений истории этого времени Чукотки.

¹ *Оглоблин Н. Н.* Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. // ЖМНП. 1903. Май. Ч. 347. С. 38—62; *Белов М. И.* История открытия и освоения Северного Морского пути. М., 1956. Т. 1. 592 с.; *Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах.* Л.; М., 1952. 385 с.; *Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии.* М., 1951. 618 с.

² ДАИ. Т. 3. Док. 24.

³ *Открытие русских землепроходцев.* . . С. 239.

¹ Там же. С. 422; *Оглоблин Н. Н.* Восточно-сибирские полярные море-

ходы XVII в. С. 60; ДАИ. Т. 3. Док. 97.

⁵ ДАИ. Т. 4. Док. 56; *Русские мореходы.* . . С. 223, 245.

⁶ ЛОИИ АН СССР, *Якутские акты*, карт. № 8 (184), стлб. 2, ст. 75—76; *Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.* Л., 1936. Док. 25.

⁷ *Русские мореходы.* . . С. 258.

⁸ *Колониальная политика Московского государства в Якутии.* . . Док. 309.

⁹ Там же. Док. 192; *ЛЧ ААН СССР*, ф. 21, оп. 4, кн. 32, л. 122.

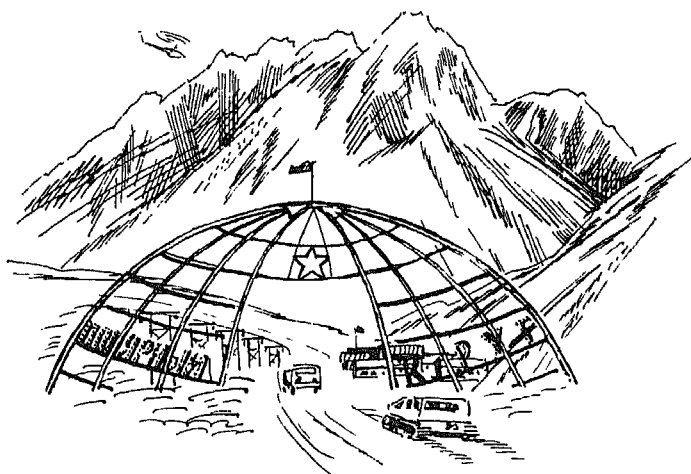
¹⁰ *Открытие русских землепроходцев.* . . С. 326.

- ¹¹ ДАН. Т. 4. Док. 7.
- ¹² *Оглоблин Н. Н.* Семен Дежнев (Новые данные и пересмотр старых) // ЖМНП 1890 Ч 272 С. 49.
- ¹³ ДАН Т. 4. Док. 136. II.
- ¹⁴ ЛЧ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 31, л. 277—278.
- ¹⁵ Там же, кн. 32, л. 152.
- ¹⁶ *Оглоблин Н. Н.* Новые данные о Владими́ре Атласове. Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1898. Кн. 1. С. 6—7; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1935. С. 25—33.
- ¹⁷ Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2. С. 524.
- ¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. С. 771.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ЛЧ ААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 33, л. 243.
- ²¹ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 1, тетр. 17, л. 3.
- ²² Там же, л. 5.
- ²³ ЛЧ ААН СССР, ф. 3, оп. 10, № 137, тетр. 1 (без пагинации).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ЦГАВМФ СССР, Экспедиция Беринга, д. 2, л. 140—141.
- ²⁶ Там же, л. 245.
- ²⁷ Колониальная политика царизма... С. 162—163.
- ²⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 528, т. 1, тетр. 17, л. 8—12.
- ²⁹ Там же, № 523, т. 2, тетр. 3, л. 20.
- ³⁰ ЦГИА СССР, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1552, л. 538.
- ³¹ Там же, д. 1558, л. 300.
- ³² *Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948. С. 298—309.
- ³³ *Алексеев А. И.* Братья Шмалевы: Историчекий очерк. Магадан, 1958. 76 с.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 1558, л. 26.
- ³⁵ Там же, л. 13.
- ³⁶ Там же, с. 298.
- ³⁷ Там же, л. 283.
- ³⁸ ЦГАДА, ф. 199, № 528, тетр. 17, л. 23.
- ³⁹ Там же, тетр. 17, л. 26.
- ⁴⁰ ЦГАВМФ СССР, ф. Экспедиции Биллингса, д. № 12, л. 101—105.
- ⁴¹ Архив Государственного Совета. СПб., 1869, т. 1, с. 259.
- ⁴² *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 233—264.
- ⁴³ *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий на Камчатке // Морской сб. (СПб.). 1869. Кн. 7. С. 31.
- ⁴⁴ Замечания о чукчах // ЖМВД. 1835. № 5. С. 365—367.
- ⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. Сената, Секретная экспедиция, д. 638, л. 363.
- ⁴⁶ ГАИО, ф. Главного Управления Восточной Сибири, оп. 7, д. 495, л. 104; ГАИО, ф. Духовной консистории, оп. 50, д. 93, л. 37.
- ⁴⁷ *Солярский В. В.* Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916. С. 27.
- ⁴⁸ ПСЗ. Т. 37. Ст. 823.
- ⁴⁹ *Сгибнев А.* Исторический очерк... Кн. 8. С. 48—53.
- ⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1236, оп. 6, д. 570, л. 24.
- ⁵¹ *Сгибнев А.* Исторический очерк... Кн. 8. С. 78—82.
- ⁵² ЦГИА СССР, ф. 1286, Министерство внутренних дел, Департамент полиции исполнительной, д. 888, л. 2—3.
- ⁵³ *Стрелов Е. Д.* Материалы к истории чукоч // Сб. трудов исследовательского общества Saqa-Keskile. Якутск, 1925. Вып. 1. С. 16.
- ⁵⁴ ГАИО, ф. Главного Управления Восточной Сибири, оп. 7, д. 495, л. 5—7.
- ⁵⁵ Там же, л. 15.
- ⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 3, д. 142, л. 4.
- ⁵⁷ [Барон] Майдель. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской области // Сб. трудов исследовательского общества Saqa-Keskile Якутск, 1925. Вып. 1. С. 20.
- ⁵⁸ ГАИО, ф. Главного управления Восточной Сибири, оп. 7, д. 495, л. 101—102.
- ⁵⁹ Там же, л. 195.
- ⁶⁰ Там же, д. 73, л. 33.
- ⁶¹ Там же, д. 12, л. 40—41, 45—46.
- ⁶² *Ресин А. А.* Очерки инородцев Русского побережья Тихого океана. СПб., 1888. С. 67.
- ⁶³ *Норденшельд А. Э.* Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878—1880 г. СПб., 1881. Ч. 1. С. 458.
- ⁶⁴ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 36, л. 2.
- ⁶⁵ *Ресин А. А.* Указ. соч. С. 67.
- ⁶⁶ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 548, л. 16—17.
- ⁶⁷ Там же, оп. 6, д. 6, л. 18 об.

- ⁶⁸ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 116, л. 17—18.
- ⁶⁹ Там же, л. 18—19.
- ⁷⁰ *Коллин Н.* Иностранцы в Сибири. 1: Чукотский край // *Русский вестник*. 1897. Т. 252. Декабрь. С. 421.
- ⁷¹ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 64.
- ⁷² *Гильдер У.* Во льдах и снегах. СПб., 1886. С. 35.
- ⁷³ *Тульчинский К. Н.* Из путешествия к Берингову проливу. СПб., 1906. С. 17.
- ⁷⁴ Там же, с. 29.
- ⁷⁵ Там же, с. 29.
- ⁷⁶ *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край. 1906—1910. СПб., 1912. С. 276.
- ⁷⁷ *Беликов С. М.* Заметки о Чукотке // *Экономическая жизнь Дальнего Востока*, 1924. № 9. С. 118.
- ⁷⁸ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 1370, оп. 1, д. 30, л. 240.
- ⁷⁹ Там же, д. 13, л. 51.
- ⁸⁰ *Солярский В. В.* Указ. соч. С. 49.
- ⁸¹ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 414, л. 71.
- ⁸² Там же, л. 36; Инструкция об устройстве сельских обществ в Камчатской области. Хабаровск, 1914.
- ⁸³ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 2, д. 414, л. 71.
- ⁸⁴ Там же, ф. 1370, оп. 1, д. 40, л. 2.
- ⁸⁵ *Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. С. 95.
- ⁸⁶ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 479, л. 82.
- ⁸⁷ *Вдовин И. С.* Влияние христианства на религиозные верования чукчей // *Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX—начало XX в.)*. Л., 1979. С. 86—114.
- ⁸⁸ *Гондатти Н. Л.* Анадырские очерки. Хабаровск, 1897. С. 91.
- ⁸⁹ ЦГА ДВ РСФСР, ф. 702, оп. 1, д. 749, л. 81.
- ⁹⁰ Там же, ф. 1005, оп. 5, д. 78, л. 100—101.
- ⁹¹ Там же, ф. 702, оп. 2, д. 347, л. 49.
- ⁹² Там же, оп. 3, д. 563, л. 56.
- ⁹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597.

ЧУКЧИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила народности Севера от национального и социального угнетения, положила начало новому, некапиталистическому пути развития — специфическому пути строительства социализма в северном регионе страны.

В деятельности Коммунистической партии и Советского правительства национальный вопрос занимал и занимает одно из важнейших мест. Уже в «Декларации прав народов России» (15 ноября 1917 г.) Советское государство провозгласило «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих Россию».¹ Их правовое равенство законодательно закрепила первая Конституция РСФСР, запретив «какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия».²

Вместе с тем партия хорошо понимала, что для преодоления всех последствий национального угнетения нужно было не просто отменить юридическое неравенство, но и покончить с неравенством фактическим. Воплощение этого важнейшего принципа национальной политики КПСС в жизнь стало одной из главных политических задач партии и Советского государства.

Решая эту задачу, партия опиралась на марксистско-ленинское учение о возможности перехода к социализму народов, не прошедших капиталистической ступени развития. Решающим условием такого перехода В. И. Ленин считал бескорыстную помощь этим народам со стороны победившего пролетариата. Уже X и XII съезды РКП(б) наметили обширную программу преодоления фактического неравенства народностей Севера.

В системе советского государственного аппарата были созданы специальные органы (Полярный подотдел Народного комиссариата национальностей, Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК) и их сеть на местах, в функции которых входило изучение жизни и быта народностей Севера, контроль за снабжением коренного населения товарами и продовольствием, за социалистическим переустройством их хозяйства и культуры.

Первостепенное значение отводилось созданию у народностей Севера советской национальной государственности, вовлечению

трудящихся масс в управление государством, в строительство нового общества.

В основе деятельности Коммунистической партии и Советского государства по ликвидации политической отсталости чукотской народности было положено учение В. И. Ленина о возможности советского строительства у народов с докапиталистическими общественными отношениями. «... Всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов, — говорил В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна в 1920 г., — ... эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя...».³

Гражданская война и иностранная военная интервенция не позволили сразу приступить к осуществлению планомерных, систематических мероприятий по приобщению малых народов к советскому строительству. Потребовалось несколько лет упорных классовых битв гражданской войны, кропотливая разъяснительная работа первых чукотских коммунистов, переходные формы управления, понятные и доступные коренному населению, прежде чем чукчи, эскимосы и другие народности Чукотки поднялись к самостоятельному политическому творчеству. Яркой страницей в советской истории чукчей стала недолгая, но героическая деятельность первых ревкомовцев Чукотки.

Вечером 16 декабря 1919 г. в Анадыре была арестована колчаковская администрация. Власть перешла в руки Анадырского уездного ревкома. Во главе его стал коммунист М. С. Мандриков. В своем первом воззвании к трудящимся Чукотки ревком писал: «Товарищи далекого Севера, люди голода и холода! К вам мы обращаемся с призывом присоединить свой голос и разум к общему голосу трудящихся России и всего мира».⁴

Анадырский уездный ревком (или Первый ревком Чукотки, как принято его называть в литературе) показал себя стойким защитником интересов трудового населения: национализирована часть продовольственных товаров у торговцев, рыболовные участки промышленников Грушецкого и Сооне, которые вели хищнический лов лососевых; организована закупка угля для бесплатной раздачи его неимущему и малоимущему населению; установлен контроль над работой продовольственных складов; утверждены твердые расценки на товары; отменены долги бедняков торговцам; была увеличена заработная плата учителям и многое другое.

В воззваниях к трудящимся Анадырский ревком сразу же провозгласил равенство всех национальностей. Уполномоченные ревкома помогли оседлому коренному населению в организации Советов в поселках Усть-Белая, Марково, Еропол, Пенжино. Была предпринята первая попытка создания Советов у анадырских и анюйских кочевых чукчей.⁵

Деятельность Первого ревкома Чукотки охватила в основном оседлое население р. Анадырь — чуванцев, юкагиров, эвенов, чукчей, русских старожилов и почти не коснулась приморских и кочевых чукчей, но мероприятия в защиту обездоленного насе-

ления Чукотки нашли поддержку среди части оленеводов, которые с доверием стали относиться к представителям Советской власти.

Но дальнейшая деятельность ревкома была временно прервана контрреволюционным выступлением местных торговцев 31 января 1920 г., напавших на ревком и зверски убивших его членов.

Знамя борьбы за Советскую власть на Чукотке подхватил Марковский Совет, первым председателем которого стал Федор Дьячков, местный житель, чуванец, секретарем — Василий Чекмарев, бывший балтийский матрос.

Марковский Совет обратился к Камчатскому облвоенревкому с просьбой расследовать дело о контрреволюционном перевороте в Анадыре (быв. Ново-Мариинск) и привлечь бандитов к ответственности. Сами марковцы организовали вооруженный отряд для защиты Советской власти от посягательства контрреволюционеров.

С открытием навигации часть отряда во главе с Чекмаревым направилась в Анадырь, чтобы оказать помощь трудящимся уездного центра в свержении контрреволюционной власти.

1 августа 1920 г. в Анадыре был избран уездный исполком во главе с большевистски настроенным черноморским матросом Г. К. Шошиным. Сложная международная и внутренняя обстановка в стране в 1920 г. не позволяла проводить советизацию на Дальнем Востоке: Антанта еще не отказалась от попыток подовать молодую Советскую республику, а на Дальнем Востоке Япония продолжала интервенцию. В этих условиях, чтобы предотвратить открытый военный конфликт с Японией, ЦК РКП(б) и Советское правительство приняли решение: создать буферное государство — Дальневосточную республику, буржуазно-демократическую по форме, но под руководством Коммунистической партии.⁶

В ноябре 1920 г. в связи с вхождением в состав Дальневосточной республики (ДВР) Камчатский облисполком был реорганизован в областной народно-революционный комитет (облнарревком) — местный орган власти ДВР. В декабре облнарревком предложил исполкомам области, в том числе и Анадырскому, также реорганизоваться в нарревкомы. В начале января 1921 г. созданный в это время Анадырский уездный нарревком приступил к работе. Действовавшие в Анадыре органы власти также были реорганизованы в народно-революционные.

В Чукотском уезде народно-революционную власть представляли коммунисты — уполномоченный Камчатского облисполкома и затем облнарревкома А. М. Бычков и его секретарь Г. Г. Рудых, которые прибыли в Уэлен в конце августа 1920 г. и устранили от власти колчаковского ставленника Д. Хренова.

Положение населения Чукотского полуострова было тяжелым. Охотникам не хватало боеприпасов, продовольственных и других товаров. Во многих чукотских селах был настоящий голод, осо-

бенно в селениях, расположенных северо-западнее мыса Сердце—Камень. Бычков вместе с Рудых и другими коммунистами попытались взять под контроль деятельность русских и иностранных торговцев, обложить их налогом, установить твердые цены, позаботились о снабжении населения товарами и продовольствием, об оказании жителям посильной медицинской помощи. Хотя возможности ревкомовцев были крайне ограничены, они все же сумели завоевать доверие чукчей и эскимосов, привлекли к своей деятельности наиболее активных из них: Тегрынкеу, Окко-Франка и других.

В своих воспоминаниях Г. Г. Рудых пишет: «Тегрынкеу был единственным в Уэлене, а возможно, и на Чукотке, чукчей, знавшим довольно хорошо разговорный русский язык. . . Знал он немного и английский язык. Во время пребывания на Чукотке мы все время пользовались услугами Тегрынкеу как переводчика и пропагандиста среди чукчей».⁷

Связь Тегрынкеу с первыми ревкомовцами повысила его политическую сознательность, и он становится активным пропагандистом Советской власти.

Действуя крайне осторожно, соблюдая традиции чукотского общинного самоуправления, Бычков и Рудых сумели привлечь на свою сторону и бывшего старосту пос. Уэлен Гемалькота, пользовавшегося как глава общины («тапкаралыт») большим влиянием. «Гемалькот, — вспоминает Г. Г. Рудых, — был человек серьезный, малоразговорчивый, авторитетный среди населения. . . Наши распоряжения или советы выполнял аккуратно, если это не противоречило чукотским традициям».⁸

В октябре 1921 г. в Камчатскую область прибыла карательная экспедиция белых из Владивостока во главе с полковником Бочкаревым. Бочкаревцы захватили Охотское побережье, Колыму, областной центр Петропавловск, стали угрожать Чукотке. Под давлением местных контрреволюционных сил Анадырский нарревком вынужден был прекратить свою деятельность, а Бычков и Рудых — покинули Чукотку.

«27 июля 1922 г. я, Бычков, с секретарем Г. Г. Рудых был командирован Камчатским комитетом правительства ДВР на Чукотский полуостров как уполномоченный такового, — читаем мы в заявлении Быčkoва, опубликованном 25 августа 1922 г. в «Известиях». — В октябре 1921 г. Камчатка была занята японо-белогвардейскими бандами. Я оказался отрезанным со всех сторон. Обсудив создавшееся положение, решил с открытием навигации бежать через Америку в Россию. Забрав находившиеся у меня казенные деньги, которые я собрал в виде налогов с коммерсантов, 30 июля с. г. я отправился на торговой американской шхуне на Аляску, где и получил разрешение от американских властей на право проезда. Прибыв в Москву, я сдал деньги в количестве 1250 американских золотых и 1400 бумажных долларов под расписку 6434 в НКФ

А. М. Бычков».⁹

На Камчатке обнарревроком организовал партизанские отряды, начавшие борьбу с белогвардейцами. В начале ноября 1922 г. белые бежали из Петропавловска, но они оставались еще на Севере Камчатки, на Охотском побережье и на Колыме.

После освобождения Приморья от белогвардейцев и интервентов 25 октября 1922 г. на Северо-Восток была послана красноармейская экспедиция под командованием М. П. Вольского. С ней в Петропавловск прибыли члены Камчатского губревкома, назначенного Дальбюро ЦК РКП(б) (Камчатская область к этому времени была переименована в губернию).

Функционирование ревкомов — чрезвычайных органов диктатуры пролетариата — на первом этапе советского строительства на Дальнем Востоке и его Северо-Востоке после гражданской войны вызывалось необходимостью подавления остатков белых банд и контрреволюционных элементов, пограничным положением региона, особым вниманием к народностям Севера, составлявшим тогда большинство населения этого края, оторванностью его от центральных районов страны. Учитывались специфические особенности Чукотки: недостаток советских и партийных работников, отсутствие грамотных среди чукчей, их слабое политическое сознание.

Белогвардейцы-бочкаревцы, находившиеся на севере губернии, могли бежать с награбленной пушниной и другими народными ценностями через Чукотку в США. Возникла острая необходимость срочно назначить уполномоченного губревкома на Чукотку для организации противодействия белым бандам. Ввиду отсутствия в Анадыре ревкомовцев Камчатский губревком вынужден был 23 декабря 1922 г временно назначить на эту должность торговца Ф. И. Караева, лояльно относившегося к Советской власти.¹⁰

Привлечение мелких торговцев к организации борьбы с белыми бандами со стороны губревкома было продиктовано создавшимся сложным положением. Губревком учитывал, что грабежи и расстрелы восстановили против бочкаревцев не только трудящихся, но и зажиточные слои населения, коммерсантов. Вовлечению последних в борьбу с белогвардейцами способствовала и новая экономическая политика Советского государства, согласно которой допускалась свобода частной торговли.¹¹

Помощником Караева был назначен коммунист Н. Кривицын, который находился в Уэлене. Караеву удалось установить связь с коммунистами И. Ф. Бурком и С. П. Завериним, скрывавшимися от белогвардейцев на реке Телеграфной. Он также привлек их к работе Управления уполномоченного губревкома: Бурк был назначен заместителем уполномоченного, а Заверин — секретарем. Таким образом, партийный контроль за работой уполномоченного-купца осуществлялся не только со стороны Петропавловска, но и в Анадыре. Он значительно усилился, когда 28 января 1923 г. в Анадыре образовалась первая коммунистическая ячейка во главе с С. П. Завериним.

21 января 1923 г. Караев выехал в Уэлен,¹² поручив Бурку организацию борьбы с белогвардейцами в Анадырском уезде. В Уэлене Караев собрал жителей ближайших сел чукчей и эскимосов, из 112 лучших охотников сформировал боевое подразделение, названное «Отрядом народной охраны по Чукотскому уезду».¹³

Наладив с бойцами отряда военные учения, постоянную наблюдательную службу, Караев в сопровождении бывшего председателя Анадырского уездного нарревкома Ничепуренко, назначенного им секретарем Управления уполномоченного губревкома в Чукотском уезде, трех членов народной охраны и переводчика Тегрынкеу лично обследовал район от Уэлена до мыса Северного (мыс Шмидта), по пути создавая заградительные отряды, сторожевые посты.

Непосредственного участия в военных действиях чукотские отряды не принимали, но сам факт их организации заставил белогвардейцев отказаться от попытки бежать в Соединенные Штаты через Чукотку.¹⁴ Белогвардейцы были разгромлены красноармейскими отрядами Г. И. Чубарова и Э. Г. Светеца.

Участие народностей Чукотки в защите интересов Советской власти показало рост их политического сознания. Этому в немалой степени способствовала деятельность Управления уполномоченного губревкома по упорядочению торговли. Русские, иностранные торговцы вынуждены были выбирать патенты и платить пошлину. За нарушение правил торговли товары конфисковывались. Так, были взяты под арест товары американских фирм «Олаф Свенсон и К^о», «Феникс», русского торговца Орехова. Голодающему населению оказывалась помощь продовольствием.

По указанию Камчатского губревкома Караев и Бурк провели первоначальное районирование Чукотки. Временно было введено волостное деление. В Анадырском уезде образовались Марковская и Бельская волости, в Чукотском — Провиденская, Яндогайская, Уэленская, Сердце-Каменская, Колючинская и Рыркарпийская. В каждой из них были образованы волревкомы.

В июле 1923 г. в Анадырь были направлены назначенные губревкомом работники Анадырского уездного ревкома во главе с М. А. Подашевским, сменившим здесь Караева. В Чукотском уезде губревком счел необходимым на некоторое время сохранить Управление уполномоченного губревкома для изучения обстановки и проведения необходимой подготовительной работы для организации уездного ревкома. Уполномоченными были назначены сначала коммунист И. Ф. Бурк, затем — с января 1924 г. — инспектор губ. РКИ Г. Н. Лосев.¹⁵ Чукотский уездный ревком был назначен в 1925 г.¹⁶

Дальревком до выработки специального Положения о советском строительстве у народностей Севера предписывал Камчатскому губревкому не производить большой ломки в деятельности сельских и волостных органов власти и управления, а ограничиться укреплением уездных ревкомов.

Сельревкомы создавались в сравнительно крупных селениях Чукотки с небольшими селениями и стойбищами уездные органы власти поддерживали связь через назначенных ими из среды местного коренного населения уполномоченных.

Деятельность уездных органов власти на Чукотке в эти годы была направлена в основном на нормализацию торговли, борьбу с контрабандой, улучшение снабжения населения товарами и продовольствием. Особое внимание уделялось изучению экономического и социального состояния коренного населения, сбору статистических данных.

Большое значение в организации советского строительства на Чукотке имело создание местных коммунистических партийных организаций.

Первая партийная организация, созданная в Анадыре в январе 1923 г., ввиду засорения ее чуждыми элементами не была утверждена губернским бюро РКП(б).

Вновь парторганизация в Анадыре возникла в августе 1924 г. с приездом коммунистов Е. Гайдуковой, М. Кучинского, А. Горбачева и др. Секретарем ее была избрана Гайдукова. Уездным партийным ответственным организатором губбюро РКП(б) назначило Л. П. Суворова. В 1925 г. уездная парторганизация пополнилась коммунистами, прибывшими из Петропавловска, — В. М. Чекмаревым, Г. К. Тогаевым, Б. И. Туриловым. 1 февраля 1926 г. решением губбюро в Анадыре было организовано уездное бюро ВКП(б), с 1 апреля 1926 г. — райбюро, из-за малочисленности коммунистов с 1 сентября 1926 г. оставленное как партячейка. В Анадырском районе партийное руководство осуществлял районный партийный организатор (райпарторг).¹⁷ Формировались и другие звенья политической системы социализма — профсоюзы, комсомол, кооперация, во взаимодействии с которыми ревкомы решали свои задачи.

Активизации работы по советскому строительству у народностей Севера способствовала разработка Дальревкомом «Временного положения об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области», утвержденного им 26 сентября 1924 г.

В. И. Ленин указывал, что у народов с отсталыми общественными отношениями коммунистам крайне важно «понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму».¹⁸

Такие «посредствующие пути» составители Положения видели в создании «родовых Советов», считая, что род у чукчей и других народностей Севера пока еще сохранился.

В августе 1925 г. Камчатское губернское бюро РКП(б) приняло решение об организации в губернии выборных органов Советской власти.¹⁹ Выборы, согласно инструкции ВЦИК от 14 октября 1925 г.,²⁰ начались с самых низших звеньев — сельских Советов, а в родовых — на основании указанного выше Положения Дальревкома 1924 г.

В связи с малонаселенностью Севера Дальнего Востока ВЦИК по ходатайству Дальревкома и Камчатского губревкома 4 января 1926 г. принял постановление об установлении особых норм представительства «для необжитых территорий ДВК»: сельсоветы на Чукотке могли избираться в селениях, насчитывающих не менее 50 жителей, из расчета 1 депутат от 15 человек (на юге Дальнего Востока — 1 депутат от 50 человек).²¹

Одновременно с избирательной кампанией проводилось административно-территориальное районирование. Анадырский и Чукотский уезды в марте—апреле 1926 г. были реорганизованы в районы. Анадырский район охватывал территорию бассейна реки Анадырь до залива Креста и на юге — до границ современного автономного округа, Чукотский — территорию от залива Креста до Уэлена на северо-восточном побережье и на западе — до Чаунской губы. Наряду с родовыми Советами уездным ревкомам предписывалось избирать так называемые лагерные исполкомы (лагеркомы). Название это связано с тем, что некоторые стойбища чукчей назывались лагерями. В инструкции (наказе) уполномоченному Анадырского уездного ревкома по проведению выборов в Советы районной избирательной комиссией отмечалось, что, если в какой-то местности и ее окрестностях проживает не менее 15 семейств коренного населения, принадлежавших к одному «роду», то они избирают родовой исполком (родовой Совет), а если к различным родам — лагерный исполком. По этому же принципу (если насчитывалось менее 15 семейств) организовывалось родовое или лагерное собрание, которое избирало только председателя, а, при необходимости, еще и секретаря.²² В связи с этим практически получалось, что лагеркомы создавались в основном у оседлого населения, а родовые Советы — у кочевого.

Создание органов советского управления более активно проходило в Чукотском уезде. Был избран 21 лагерком, в том числе 12 у чукчей, 9 — у эскимосов. Чукча Гемалькот, избранный председателем Уэленского лагеркома, а затем и членом Далькрайисполкома, был назначен заместителем председателя Чукотского райревкома.

В Анадырском районе в эту избирательную кампанию были образованы сельсоветы в поселках Анадырь, Марково, Еропол, Усть—Белая. Председателем первого Анадырского сельсовета избрали коренного жителя уезда А. С. Воронцова, секретарем — Е. Д. Попову. В выборах приняло участие 72 % избирателей. 60,7 % избирателей приняло участие в выборах лагеркомов на побережье в стойбищах Уэлькаль, Нутепиньмынь, Реткино, Эпмилен, Наварин, а также в Чикаево.²³ Не охвачено выборами было кочевое население.

Следующая избирательная кампания по выборам в Советы состоялась в первой половине 1927 г. Наряду с лагеркоми были избраны и родовые Советы. В Чукотском районе советским устройством было охвачено 78 % населения, в Анадырском — только 21 %.²⁴

В 1927 г чукча Окко-Франк участвует в работе Далькрайисполкома и Всесоюзного съезда Советов.²⁵ Это был первый чукча, побывавший в Москве.

Отставание Анадырского района от Чукотского в темпах советского строительства было связано с большим преобладанием кочевого населения. Требовалось еще время для разъяснительной работы.

В ходе избирательной кампании 1928 г. наряду с выборами и перевыборами сельских и родовых Советов и лагеркомов избирались районные органы Советской власти.

В марте 1928 г. на Чукотке состоялись первые районные съезды Советов, которые заслушали отчеты райревкомов, обсудили перспективы развития экономики и культуры, вопросы национального районирования.

На Чукотском районном съезде Советов был заслушан отчет члена Далькрайисполкома Окко-Франка о его поездке в Москву. Был избран райисполком во главе с коммунистом А. А. Хорошавцевым.

На I Анадырском районном съезде Советов из-за трудностей, связанных с вовлечением в советское строительство кочевого населения, а также по погодным условиям не был обеспечен кворум. В связи с этим Камчатский окрисполком не утвердил избранный на съезде райисполком, продлив полномочия Анадырского райревкома до следующих выборов в Советы, которые состоялись в 1931 г.²⁶ Таким образом, райревком в Анадыре в силу специфических условий просуществовал дольше всех ревкомов страны.

Изучение Дальневосточным Комитетом Севера специфики советского строительства у народностей Севера Дальнего Востока, в частности опыта советского строительства на Чукотке, способствовало подготовке решения Далькрайкомом партии и Далькрайисполкомом (14 июня 1927 г.) об организации Советов у этой части населения на национально-территориальной основе.

Все бывшие родовые Советы, лагерные исполкомы в связи с этим переименовывались в «туземные». Дальневосточным Комитетом Севера был разработан план организации сети таких Советов, а также туземных районов.²⁷

Этот план во время поездок заместителя председателя Дальневосточного Комитета Севера К. Я. Лукса по Камчатке и Чукотке летом 1928 г. был согласован с местными партийными и советскими органами.

В соответствии с планом, разработанным Дальневосточным Комитетом Севера, в 1929 г. на территории Чукотского района возникло два туземных района: Северный народа чаучу (чукчи) и Эскимосский. В Анадырском районе был создан Керекский туземный район.²⁸

Важной политической предпосылкой завершения создания национальной государственности у чукчей являлось дальнейшее

развитие и укрепление всех звеньев политической системы социализма и прежде всего партийных организаций.

К осени 1928 г. относится создание партийных ячеек в Уэлене,²⁹ при фактории Госторга на мысе Дежнева, при Чукотской культбазе (бухта Лаврентия), в геологической экспедиции «Союззолото».³⁰ Для руководства сетью партийных ячеек на Чукотке Камчатское окружное бюро ВКП(б) в июле 1929 г. сформировало Анадырское и Чукотское районные партийные бюро.³¹

К декабрю 1930 г. вместе с Анадырской районной парторганизацией Чукотская объединяла в своих рядах 52 коммуниста.

10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера».³² Наряду с другими был образован Чукотский национальный округ в составе Анадырского, Чукотского, Марковского, Чаунского, Восточно-Тундровского и Западно-Тундровского районов. Позднее район Западной тундры был передан Якутской АССР, так как к западу от Колымы чукчи составляли меньшинство в сравнении с другим населением.³³

Для организаторской работы по созданию Чукотского национального округа Далькрайком ВКП(б) утвердил оргбюро Далькрайкома по Чукотскому национальному округу, секретарем которого был назначен коммунист М. И. Целоусов, и оргкомитет Далькрайисполкома, председателем которого стал коммунист Р. Х. Янсон.³⁴ Были назначены также районные оргбюро и оргкомитеты. Началась практическая работа по созданию округа: выборы в Советы, проведение районных и окружного съезда Советов.

В ряде мест округа Советы создавались впервые. Так, в Чаунском районе раньше было три туземных Совета кочевого населения, после выборов их стало семь.³⁵ Создание новых районов в Чукотском национальном округе облегчило возможность контактов районных центров с кочевым населением.

Избирательная кампания проходила под лозунгом организации бедноты против эксплуататоров в условиях начинавшегося колхозного строительства. В ходе подготовки к выборам в округе было лишено избирательных прав 25 человек. Впервые на собраниях широко прозвучала критика недостатков в работе местных Советов, были выработаны соответствующие наказания вновь избранным Советам.

В Чукотском районе на выборы явилось 70 % избирателей, в том числе 57 % женщин. Всего было избрано 40 сельских и кочевых Советов.³⁶ В целом по округу в ходе избирательной кампании было избрано 80 сельских и кочевых Советов и 5 райисполкомов.³⁷

Итоги избирательной кампании 1932 г. были подведены на 1-й окружной партийной конференции, проходившей в Анадыре 19—21 апреля 1932 г. На конференции присутствовало 14 делегатов с правом решающего и 3 с правом совещательного голоса. Они представляли 158 коммунистов, состоявших в 10 партийных

ячейках и 3 кандидатских группах. 80 человек из общего числа коммунистов были представителями народов Севера. Решения 1-й окружной партийной конференции и прежде всего создание окружной организации ВКП(б) были важным шагом в ускорении процесса социалистического переустройства хозяйства, жизни и быта народов Чукотки. Они были положены в основу работы I Чукотского окружного съезда Советов, проходившего 22—28 апреля 1932 г. На съезд прибыло 40 делегатов с правом решающего голоса и 6 — с совещательным.

На I окружном съезде Советов было оформлено организационно создание Чукотского национального округа и избран первый состав Окрисполкома. Председателем был избран уэленский чукча Тегрынкеу, принимавший активное участие в установлении Советской власти на Чукотке, участник Первого Камчатского окружного съезда Советов.³⁸ В состав окружного исполнительного комитета вошли чукчи Куна-Кирик, Тык-Кай, Там-Там, Омрытагин, Ильмоч, Матлю (эскимос), Кергинкау, Турылкут, Тегрынкеу (женщина), Аттувье, Кергытваль, Лёлёмей.³⁹

В работе съезда приняли самое деятельное участие съехавшиеся из разных районов оленеводы, морские зверобои, рыболовы. На съезде обсуждались вопросы борьбы с богатыми оленеводами, шаманским влиянием, ставились вопросы колхозного строительства, улучшения торговли, просвещения, здравоохранения и т. д.

В выступлениях многих делегатов прозвучало осуждение эксплуататорских элементов, мешавших строить новую жизнь. Чукча-комсомолец Тимофей Елков говорил: «Главная причина слабой работы нацсоветов это — шаман и кулак». Елков привел примеры того, как от Чауна до Ванкарема шаманы не дают национальным Советам вести учет убоя морского и пушного зверя, уверяя население, что иначе зверь уйдет; как они мешают организации колхозов, работе кооперации, школ, проведению кампании пушных заготовок. От имени комсомольцев Елков заверил, что они будут бороться с засилием шаманов.⁴⁰ Делегаты требовали также усилить школьное строительство, поскольку большинство населения Чукотки было еще неграмотно.

Съезд принял решение о развитии народного образования, о подготовке национальных кадров для советских и хозяйственных органов, о дальнейшем развитии кооперативно-колхозного строительства, поручил окрисполкому добиться систематического, планового изучения природных богатств округа, чтобы можно было развернуть их эксплуатацию в ближайшее время.⁴¹

Значение I Чукотского окружного съезда Советов для того времени трудно переоценить. Он как бы открыл глаза народностям Чукотки, которые увидели, что делает для них Советская власть, поняли свои задачи. Об этом они прямо заявляли на съезде. Так, комсомолка Тегрынкеу из Марковского района сказала: «Мы только сейчас разобрались, что такое Советская власть. И теперь только мы поняли, что надо учиться. Неграмотный человек все равно, как слепой».⁴²

Чукотский райисполком возглавил коммунист-камчадал Подкорытов. Председателями всех остальных райисполкомов округа были избраны чукчи. «Задача Советов состоит в том, — говорилось в резолюции съезда, — чтобы скорее передать управление в руки самих трудящихся малых народов Севера».⁴³

Съезд, таким образом, ярко продемонстрировал возросшее национальное самосознание чукотского народа.

Правовой основой деятельности национальных округов стало Положение об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР, принятое ВЦИК и СНК РСФСР 20 апреля 1932 г.,⁴⁴ и Положение о кочевых Советах в национальных округах и районах северных окраин РСФСР, утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 20 августа 1933 г. С утверждением этих Положений прекратилось действие временного положения ВЦИК о родовых Советах 1926 г.⁴⁵

Созданием национального округа был завершён процесс становления национальной государственности у малых народов Чукотки. Начался период ее дальнейшего развития. Советы малых народов Чукотки из органов временного (переходного) советского управления превратились в полноправные органы Советской власти, органы диктатуры пролетариата.

С принятием Конституции СССР в 1936 г. Чукотский национальный округ получил право иметь представителя в Верховном Совете СССР. Первым избранником в Совет Национальностей от Чукотского национального округа был Тевлянто, сын бедного оленевода, кочевавшего в долине реки Белой. Он был знаком с первыми ревкомовцами, учился в Ленинграде в Институте народов Севера на отделении партийного и советского строительства, работал в Анадырском райисполкоме, на Чукотской и Чаунской культбазах. В 1934 г. его избрали председателем исполкома Чукотского окружного Совета депутатов трудящихся.

В ходе выборов 1937—1939 гг. в соответствии с Конституцией СССР была перестроена вся система органов государственной власти. Не потребовалось уже больше и специальных Положений для Советов национальных округов.

Таким образом, в годы социалистического строительства в СССР народы Чукотки при братской помощи русского народа, под руководством Коммунистической партии, минуя капиталистическую стадию развития, прошли сложный путь к созданию своей национальной государственности. При этом были успешно использованы временные переходные формы органов Советского управления, учитывавшие специфику социально-экономического, политического и культурного уровня развития малых народов.

Создание национальной государственности у народов Чукотки явилось главным орудием преобразования их первобытно-общинного строя, оно обеспечило им свободное национальное развитие, ускорило социалистическое переустройство всей их жизни.

- ¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40.
- ² Основные законодательные акты по советскому государственному строительству и праву. М., 1972. Т. 1. С. 103.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 246.
- ⁴ Борьба за власть Советов на Чукотке (1919—1923 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1967. С. 27—28.
- ⁵ Первый ревком Чукотки: Сб. документов и материалов. Магадан, 1967. С. 81—82.
- ⁶ История гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 5. С. 329; В. И. Ленин и Дальневосточная республика. Владивосток, 1985.
- ⁷ Борьба за власть Советов на Чукотке. . . С. 135.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Подробнее об этом см.: Волк И., Леонтьев В., Мухачев Б. Начальник Чукотского полуострова // Время. События. Люди (1917—1927). Магадан, 1967. С. 120—141.
- ¹⁰ Ревкомы Северо-Востока СССР (1922—1928 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1973. С. 21.
- ¹¹ Борьба за власть Советов на Чукотке. . . С. 19.
- ¹² Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 161.
- ¹³ Борьба за власть Советов на Чукотке. . . С. 167.
- ¹⁴ Очерки истории Чукотки. . . С. 161.
- ¹⁵ Подробнее о нем см.: Мухачев Б. И. В благодарной памяти ссырян. — Советская Чукотка. 1984. 8 нояб.
- ¹⁶ Вдовин И. С. Чукотский райревком (1925—1926 гг.) // Краевед. зап. Магадан, 1975. Вып. 10. С. 29 и др.
- ¹⁷ ПА КОК КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 176, л. 8.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 228.
- ¹⁹ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 287.
- ²⁰ Бюллетень Дальревкома. 1925. № 57. С. 870.
- ²¹ Дальревком: Сб. документов и материалов. Хабаровск, 1957. С. 168.
- ²² ЦГА РСФСР, ф. Р-2413, оп. 4, д. 1796, л. 44.
- ²³ Там же, д. 1798, л. 49.
- ²⁴ ГАКО, ф. Р-30, оп. 1, д. 10, л. 50.
- ²⁵ Ревкомы Северо-Востока СССР. С. 161—162.
- ²⁶ Советы Северо-Востока СССР: Сб. документов и материалов. Магадан, 1979. Ч. 1: (1928—1940 гг.). С. 57. Подробнее см.: Мухачев Б. И. Деятельность Анадырского райревкома по организационно-политическому укреплению Советов // Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера. Томск, 1984. Вып. 2. С. 24—36.
- ²⁷ Там же. С. 21—24, 273—274.
- ²⁸ Там же. С. 21.
- ²⁹ Очерки истории Чукотки. . . С. 170.
- ³⁰ Магаданская областная организация КПСС в цифрах. 1954—1977 гг. Магадан, 1978. С. 6. В книге ошибочно указывается, что Чукотская районная парторганизация ведет начало с создания кандидатской группы в Уэлене в 1926 г.: эта группа не была утверждена Камчатским окрбюро ВКП(б) (ПА КОК КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 60, л. 19).
- ³¹ ПА КОК КПСС, ф. 45, оп. 1, д. 176, л. 8; ПА МОК КПСС, ф. 12, оп. 14, д. 5, л. 1—2.
- ³² СУ РСФСР. 1931. № 8, Ст. 98. См. также: Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск., 1968.
- ³³ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 331.
- ³⁴ Советы Северо-Востока СССР. . . С. 57.
- ³⁵ Там же. С. 86.
- ³⁶ ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р-2413, оп. 4, д. 974, л. 78.
- ³⁷ Советы Северо-Востока СССР. . . С. 94—96.
- ³⁸ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. С. 331.
- ³⁹ Очерки истории Чукотки. . . С. 195.
- ⁴⁰ ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р-2413, оп. 4, д. 958, л. 20—21.
- ⁴¹ Советы Северо-Востока СССР. . . С. 86—88.
- ⁴² ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р-2413, оп. 4, д. 958, л. 56.
- ⁴³ Советы Северо-Востока СССР. . . С. 87.
- ⁴⁴ СУ РСФСР, 1932. № 39. Ст. 476
- ⁴⁵ СУ РСФСР, 1933. № 49. Ст. 209.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Кооперативно-колхозное строительство

Кооперативное строительство у народностей Севера рассматривалось партией и Советским государством как средство коренной перестройки их социально-экономических отношений, реконструкции хозяйства, преодоления экономического неравенства, как переходная ступень к победе социалистических производственных отношений. X съезд РКП(б), в частности, указывал: «Советское правительство должно прежде всего через сеть органов единой потребительской кооперации прийти на помощь туземным полупролетарским массам, поставленным разрухой под угрозу вымирания».¹

В первые годы Советской власти большинство чукчей не понимало сущности и задач коллективизации. Поэтому нужны были такие пути и формы постепенного кооперирования населения, которые были бы понятны и доступны им, близки к их трудовой деятельности, традиционному укладу жизни. Такой формой была кооперация.

Кооперативно-колхозное строительство на Чукотке прошло три этапа: 1) создание снабженческо-сбытовой, а затем интегральной кооперации; 2) организация простейших производственных товариществ; 3) переход от товариществ к колхозам с последующим переходом от кооперативно-колхозных форм к государственным (совхозам). Такая последовательность кооперативно-колхозного строительства была обусловлена исторически сложившимся общественным, экономическим и культурным развитием чукотского народа, состоянием хозяйства.

Проще и более организованно протекали кооперирование и коллективизация среди оседлых чукчей — морских зверобоев. Этому способствовали сложившиеся коллективные формы охоты на крупных морских животных, общественное пользование средствами производства (байдарами, вельботами и т. д.). Медленнее и значительно сложнее шло создание коллективных хозяйств у оленеводов, у которых существовало резкое имущественное неравенство. Многие бедняки-олeneводы на первых порах не решались оторваться от богатых стадовладельцев, от которых они зависели материально. Сказывалась и известная настороженность и недоверие к новым формам организации хозяйства, к ломке привычного, веками сложившегося уклада жизни. Известную роль в этом отношении играла агитация богатых стадовладельцев, настроенных против коллективизации.²

16 марта 1923 г. Дальревком, обсудив резолюцию Двенадцатой Всероссийской конференции РКП(б) «О задачах партии в кооперации»,³ поручил Дальцентросоюзу провести в жизнь на территории Дальнего Востока декреты о потребительской, сельскохозяйственной, промысловой, кредитной кооперации.

Первый потребительский кооператив на Чукотке возник в 1923 г. в п. Анадырь. Он имел свои склады продовольствия и товаров в Усть-Белой, Марково и обслуживал в основном оседлое население бассейна р. Анадырь.

В целях более широкого развития кооперации Чукотский райревком 9 января 1926 г. образовал оргбюро кооператоров под председательством В. М. Чекмарева. Вскоре были созданы Уэленский и Дежневский кооперативы. При помощи государственных кредитов кооперативы развивали морской промысел, создавали пошивочные артели. На мысе Северном (мыс Шмидта) была образована первая кооперативная артель из 9 человек. К концу 1927 г. в Чукотском районе в составе кооперативов было 148 членов — 125 мужчин и 23 женщины.⁴

В 1927 г. государство получило первую кооперативную продукцию Чукотки на сумму 3751 р. Часть чукотского населения была охвачена колымским кооперативным объединением «Север», так как в это время Колымский район включал в себя западную часть Чукотки: Чаун, Омолон, Анюй. В этом объединении было 148 представителей коренного населения — чукчей, эвенов, юкагиров.⁵

Начиная с 1926 г. батрацко-бедняцкая часть чукотского населения прочно стала на путь кооперации. Уже с самого начала в кооперативы привлекались в качестве руководителей представители чукотского населения.

Кооперация на Чукотке не ограничивалась только коммерческой деятельностью, она содействовала организации промыслов, создавала производственные артели. Так, Чукотское бюро кооперативов в 1927 г. распределило 12 вельботов и 6 гарпунных пушек между отделениями кооперации для создания первых артелей по добыче морского зверя, организуя чукчей не только как потребителей, но и как производителей.

Успехи кооперации на Чукотке потребовали решения вопроса о видовом и отраслевом ее развитии. I Камчатский съезд кооперативов, прошедший 20 декабря 1927 г., рекомендовал развивать такие кооперативы, которые соответствовали бы особенностям хозяйства народностей Севера. Согласно этому, на Чукотке стали создавать охотничье-промысловые, рыболовецкие кооперативы. Однако практика показала нецелесообразность специализации кооперативов по отраслям хозяйства. Чрезвычайная распыленность населения и комплексность их хозяйства препятствовали отраслевому кооперированию, ибо каждый хозяин должен был вступать одновременно во все кооперативы. Это затрудняло работу кооперативов, вызывало конкуренцию и ведомственные неурядицы между Дальрыболовсоюзом, Дальохотсоюзом, Дальпромсоюзом.

Дальнейшее развитие кооперации показало, что в северных районах наиболее рациональной является кооперативная система смешанного (интегрального) типа, охватывающая все население и все отрасли его хозяйственной деятельности.

Слияние отраслевых кооперативов в районах Крайнего Севера в смешанную кооперацию началось в 1927 г. Далькрайисполком

образовал Дальинтегралсоюз и обязал ускорить интегрирование кооперации. На Чукотке началась соответствующая подготовительная работа.⁶

В Чукотском районе, который в то время охватывал территорию современных Чукотского, Провиденского, Иультинского, Шмидтовского и Чаунского районов, были созданы кооперативы в Уэлене, Наукане, Яндагае, Чаплино, Нуплинграде (бухта Преображения). Уэленский, Яндагайский, Нунлингранский кооперативы обслуживали чукчей, Науканский и Чаплинский — эскимосов. Вслед за этим Уэленский кооператив организует свои отделения в Сешане, Энурмино и Нутэпыльмене.

В 1928 г. бюро кооперативов Чукотского района было реорганизовано в районный Интегралсоюз. То же происходит и в Анадырском районе: к 1930 г. относится образование Чукотского окружного Интегралсоюза.⁷

Создание районных интегралсоюзов приводит к некоторым организационным изменениям: к концу 1929 г. в Чукотском районе — уже три базовых кооператива — в Уэлене, Яндагае и Чаплино и их отделения в Наукане, Миткулино, Чегитуне, Сешане, Энурмино, Нутэпыльмене, Мечигмене, Янракиноте, Имтуке. Так постепенно расширяется сеть отделений кооперативов. Большим достижением явилось вовлечение в кооперацию оленеводов. Были созданы три первых отделения кооператива среди кочующих чукчей в Мечигменской губе, на р. Курупка и в Колючинской губе.

В Чукотском районе из года в год повышался удельный вес кооперативов в снабжении населения промышленными товарами и продуктами, производственным инвентарем, оружием и т. п., а также в заготовках пушнины, продуктов морского зверобойного промысла и оленеводства.

Снабженческо-сбытовая кооперация быстро завоевывает авторитет у чукчей, растет количество пайщиков. На 1 октября 1928 г. в районе было 375 членов кооператива, из них 49 женщин, а на 1 июля 1931 г. — уже 954 пайщика, из них 195 женщин. К середине 1931 г. в выборных органах кооперативов Чукотского района работало 30 человек, из них 25 чукчей и эскимосов (21 мужчина и 4 женщины).⁸

Активно шло кооперирование населения в Анадырском и Марковском районах (в основном было закончено к 1934 г.), тогда как в Восточно-Тундровском и Чаунском районах оно началось лишь с образованием Чукотского национального округа.

Кооперация положила начало социалистическому переустройству промыслового и оленеводческого хозяйства чукчей. С созданием временных и сезонных бригад и артелей обозначилось коренное изменение функций кооперации: от потребительской и снабженческо-сбытовой — к производственному кооперированию.

Первые чукотские производственные артели и товарищества, предшественники колхозов, появились на Чукотке в 1928 г. в Уэлене, Пынаквыне (Пинакуль), Яндагае, Аккани, Лорино и

на Земле Гека. В них объединились оседлые береговые чукчи. На средства товариществ впервые приобретается кооперативная собственность — морзверобойные вельботы, рульмоторы, байдары, оружие и боеприпасы.

На 1 апреля 1932 г. всеми формами производственного кооперирования в округе было охвачено 21.5 % беднячко-среднеячских хозяйств, образовано 27 товариществ по совместной добыче морского зверя, 5 охотничьих и рыболовецких артелей, 9 оленеводческих товариществ.⁹

На паевые взносы и ссуды государства они приобретали основные средства производства, которые являлись коллективной собственностью и составляли неделимый фонд. Средства производства, находившиеся в личной собственности членов товарищества, не обобществлялись.

Первые товарищества были экономически и организационно крайне слабы, и лишь постепенно в результате всесторонней помощи государства они окрепли организационно и экономически: выросли их общественные средства производства, накопились неделимые фонды, улучшилось материальное положение членов товариществ.

В годы второй пятилетки (1932—1937) наметился переход к более высокой форме общественного хозяйства. Началась организационная работа по переводу товариществ в сельхозартели в соответствии с примерным Уставом, принятым II Всесоюзным съездом колхозников-ударников.¹⁰ Артель удачно сочетала общественные интересы производства с личными — создавалась социалистическая колхозно-кооперативная форма собственности. В товариществах и смешанных артелях на отчетно-выборных собраниях вырабатывались местные дополнения к Уставу артели.

Переход на Устав артели положил начало новому этапу социалистического строительства в сельском хозяйстве Чукотского национального округа. В колхозах стала внедряться бригадная система, многие из них перешли на простую систему счетоводства, начинает планироваться производственно-финансовая деятельность. Колхозное производство становится на прочную основу.

Одновременно с организационно-хозяйственным укреплением колхозов стал вопрос о подготовке руководящих колхозных кадров из числа чукчей. Осенью 1937 г. в Анадыре открывается школа, которая начинает готовить техникумов-оленоводов, председателей колхозов, счетоводов и учетчиков. Первый выпуск (48 специалистов) состоялся в 1939 г.

Уже в 1940 г. основные руководящие кадры колхозов Чукотки были представлены коренным населением и среди них — Тымнэнтто, Арэгагын, Культын, Кымкын, Кергувье, Керек, Вильвут, Гырголькау, Гиункеу, Терпук, Рахтыргин, Тиапкир, Вульхан, Кяловялик, Тевлялькай, Алялэ, Лелен и др. Более 90 % председателей, бригадиров, счетоводов колхозов были из числа чукчей и эскимосов.¹¹

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Чукотки

проявили подлинно трудовой героизм. Сельское и промышленное хозяйство развивалось практически стабильно. Правда, возросшая потребность в мясной продукции привела к некоторому снижению общего поголовья оленей (с 436,7 тыс. в 1940 до 414 тыс. в 1946 г.), но зато валовый выход мяса вырос (с 3843 т в 1939 г. до 6120 т в 1944 г., или на 68 %).¹²

Сельское и промышленное хозяйство Чукотки не только обеспечивало нужды населения округа, но и поставляло продукцию в другие районы страны. Так, в первые два года войны продукции морского зверя было вывезено почти на 1,5 млн. р., оленеводства — на 4,8 млн. р., рыбной продукции — на 25 млн. р. В валютный фонд государства за годы войны поступило пушнины почти на 4 млн. р.¹³

За время войны на Чукотке были образованы новые совхозы. Например, подсобное хозяйство Дальстроя «Певек», созданное в 1943 г., было преобразовано в совхоз, в него поступили олени, переданные трудящимся Чаунского района в фонд обороны страны. Также был организован оленеводческий совхоз «Омолон». Успешно работал совхоз «Снежный», созданный еще в 1929 г. Акционерным Камчатским обществом. К 1945 г. он имел 8,8 тыс. оленей.

К этому времени коллективизация оседлого населения Чукотки была закончена. В целом же по округу она составляла 84 %, в 63-х колхозах было объединено 2310 хозяйств. Общественное стадо оленей в колхозах и совхозах за годы войны выросло с 12,2 % до 36,5 % к их общей численности. Полное завершение коллективизации на Чукотке относится к 1952 г.

Важным организационно-хозяйственным мероприятием в развитии сельского и промышленного хозяйства в округе в послевоенный период стало укрупнение колхозов. Этот процесс на Чукотке начался в годы войны по инициативе самих колхозников и местных партийных, советских и хозяйственных органов. В результате объединения мелких, карликовых товариществ и артелей число колхозов к 1953 г. сократилось до 46.

1953—1967 гг. явились периодом дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Крупные хозяйства становятся многоотраслевыми, рентабельными. Общее количество колхозов в результате укрупнения в эти годы сократилось еще почти в два раза (табл. 1).¹⁴

В начале 1968 г. произошла крупная реорганизация колхозов в совхозы и к 1970 г. на Чукотке оставалось лишь три колхоза. В 1975 г. они также были реорганизованы в совхозы.

Многие современные хозяйства Чукотки образовались в результате слияния 6—10 мелких колхозов. Так, совхоз им. В. И. Ленина Чукотского района вобрал в себя товарищества «Мечигменское», «Красный охотник», «Советский оленевод», «Раупелян», «Новый путь», колхозы «Красная заря», «Ленинский путь»; совхоз им. XXII съезда КПСС Анадырского района сформировался из 8 мелких оленеводческих и рыболовецких артелей.

Таблица 1

Численность колхозов и совхозов Чукотского автономного округа

Годы	Колхозы	Совхозы	Всего
1953	46	3	49
1958	41	3	44
1961	30	6	36
1963	27	6	33
1967	26	6	32
1968	3	24	27
1975	—	28 *	28
1985	—	28	28

* В начале 70-х гг. в округе был образован специализированный мясо-молочный совхоз «Северный». Чукчей в нем работает очень мало. Традиционные отрасли хозяйства не развивает.

С укрупнением колхозов общее хозяйственное направление становится комплексным, а экономическое состояние — более устойчивым.

В большинстве хозяйств с этого времени ведущее место занимает оленеводство и только в шести равную с ним долю составляют морской зверобойный промысел и звероводство. Особенно большую экономическую выгоду получили от создания комплексных хозяйств прибрежные совхозы, специализирующиеся ранее исключительно на морском промысле и пушной охоте. И теперь все совхозы округа одновременно с ведущими отраслями занимаются пушным промыслом. В последнее время получили развитие и новые отрасли: звероводство, молочное животноводство, а в некоторых хозяйствах — птицеводство, парниковое овощеводство, в которое постепенно вовлекаются и чукчи, о чем подробнее будет рассказано далее.

Создание новой хозяйственной структуры способствовало росту эффективности традиционных и новых отраслей, преобразованию быта, повышению культуры оленеводов и охотников, улучшению благосостояния рабочих совхозов.

Оленеводство

В первые годы Советской власти развитие оленеводческого хозяйства шло крайне медленно. В значительной части оно носило потребительский, натуральный характер. Товарную часть продукции составляли лишь некоторые виды сырья (шкуры), тогда как мясо почти не имело рынков сбыта, если не считать потребления его обруселым населением на Колыме, Анадыре и отчасти оседлыми чукчами и эскимосами. Несмотря на архаичный и застойный характер производства, в оленеводческом хозяйстве резче, чем у морских зверобоев, проявлялось имущественное неравенство и соответственно — социальная дифференциация. «В 189 олене-

Т а б л и ц а 2
Численность оленей в Чукотском автономном округе
(в тыс. голов)

Год	В колхозах и совхозах	В личной собственности	Всего
1958	331.1	53.4	384.5
1965	539.1	33.2	571.5
1970	553.1	33.9	587.0
1975	508.2	22.3	530.5
1980	540.2	24.8	565.0
1985 *	501.5	23.6	525.1

* Все цифры даны на конец года. Рассчитано по: *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск, 1973. С. 53; Народное хозяйство Магаданской области в X пятилетке: Краткий стат. справочник. Магадан, 1981. С. 52; ГАЧАО, ф Р — 10, оп. 1. д. 799, л. 22; д. 727, л. 3; Магаданская правда 1985. 6 сент.

водческих хозяйствах чукчей применялся наемный труд, тогда как среди оседлых — только в 4».¹⁵

Насколько резким был контраст имущественного неравенства у оленных чукчей, можно судить по следующим данным. Из 401 777 принадлежащих им оленей, только 15 572 находились у батраков-оленоводов, которые составляли около трети всех чукчей, занятых в оленеводстве.¹⁶

На первых порах темпы социалистического преобразования оленеводческого хозяйства на Чукотке были невысокими. К концу 1940 г. обобщественное стадо оленей в округе составляло лишь 8.7 % от общего поголовья, в то время как по другим оленеводческим районам СССР в нем уже находилась почти половина оленей. Общая численность оленей в округе с 1933 по 1940 г. выросла лишь на 2.16 %, а по всему Советскому Союзу на 32.4 %. Такое отставание объяснялось в первую очередь общей низкой культурой ведения этого хозяйства.¹⁷

Настоящее развитие оленеводство Чукотки получило с образованием Магаданской области во второй половине 50-х гг.

В январе 1956 г. в Магадане было проведено 1-е межобластное совещание оленеводов, которое ознаменовало начало нового этапа в развитии оленеводства Чукотки. Уже к следующему региональному совещанию (1959 г.) поголовье оленей в округе увеличилось на 27.6 тыс., затем оно продолжало расти еще более высокими темпами. В целом 60-е гг. в округе характеризуются резким ростом поголовья оленей (табл. 2).

С большими трудностями столкнулось чукотское оленеводство в первой половине 70-х гг. В силу сложившихся погодных условий (гололед) численность оленей во всех категориях хозяйств сократилась. Особенно тяжелыми были 1973 и 1974 гг. Под ледяной коркой оказалась почти половина пастбищных угодий (30 млн. га). Гололед охватил все прибрежные районы, а такие, как Чукотский и Беринговский, оказались и вовсе в бедственном положении.

Случись такое раньше, в прошлом, коренное население Чукотки оказалось бы перед лицом катастрофы, однако в условиях социалистического строя последствия стихии удалось нейтрализовать. На помощь оленеводам пришли все трудящиеся округа. В тундру была брошена современная техника: трактора и вездеходы помогали совершать перекочевки, вертолеты разыскивали нетронутые стихией уголья, доставляли корма. Благодаря самоотверженности оленеводов, механизаторов, летчиков в основном удалось сохранить стада, но все же разбушевавшаяся стихия нанесла большой урон. Прямые убытки от потери оленей только в 1974 г. составили 18 млн. р. Уровень рентабельности оленеводства сократился со 152 % в 1970 г. до 28 % в 1974 г.¹⁸

Советское правительство оказало оленеводам Чукотки большую помощь в ликвидации последствий гололеда. Хозяйствам округа выделили дополнительные ассигнования, технику, строительные материалы, комбикорма и т. п. В развитие их экономики в IX пятилетке было вложено 46 млн. р., а всего за три последние пятилетки более 170 млн. р.¹⁹

В 1976—1980 гг. поголовье оленей в округе вновь начинает увеличиваться. За эти 5 лет оно выросло на 32 тыс. голов, государству было продано 46 тыс. т оленины, получено 27.4 млн. р. прибыли.²⁰

В XI пятилетке роста поголовья оленей в округе не произошло. В зиму 1983/84 г. гололед вновь охватил обширные районы тундры. В его зоне оказалось 37 % поголовья оленей. Трудной по метеоусловиям оказалась в округе и зима 1984/85 г. По этой причине в области недополучили более 20 тыс. телят.²¹

На рост поголовья оленей сказывались и другие обстоятельства. К началу 80-х гг. возможности экстенсивного развития оленеводства были в основном исчерпаны. Общественное стадо достигло численности равной оленеемкости имеющихся пастбищ (553 тыс. голов). В связи с этим магистральным направлением в развитии отрасли в настоящее время становится ее интенсификация: повышение продуктивности на основе достижений современной науки и техники, новой технологии выпаса, улучшения ветеринарной и зоотехнической работы и т. п.

Важные результаты в этом отношении были получены уже в предшествующие годы. Достаточно назвать такие цифры: с 1940 по 1980 г. поголовье оленей в округе выросло в 1.2 раза, а производство оленины в 3.3 раза.²² Основной прирост продукции был получен в результате повышения уровня культуры ведения оленеводства, в частности за счет улучшения структуры оленьего стада.

К середине 60-х гг. в большинстве хозяйств округа маточное поголовье в стадах не превышало 45 %, велик был удельный вес рабочих (ездовых) оленей. Интенсивное внедрение в оленеводстве механического транспорта в годы VIII—X пятилеток позволило увеличить плодовую часть стада (50 % в 1981 г.) и за счет роста численности телят получить тысячи тонн дополнительной продукции.

В XI пятилетке эта работа была продолжена. Управление сельского хозяйства округа разработало оптимальную структуру стада для каждого хозяйства с учетом условий выпаса, наличия сезонных пастбищ, продолжительности маршрутов кочевок и т. п. Эффективность этих мер подтверждают итоги работы многих хозяйств Чукотки. В совхозе им. 40-летия Октября, например, численность маток в стаде достигла к 1984 г. 58 %. Это позволило продать государству мяса на 10 % больше плана. Достигнуты высокие показатели по сохранности животных, деловому выходу телят. В хозяйствах Иультинского района удельный вес маток в 1985 г. превышал 57 %. Район досрочно выполнил задание XI пятилетки по продаже мяса государству. Средний убойный вес оленя достиг в 1985 г. почти 80 кг. В районе нет ни одной отстающей бригады.²³

Вольный выпас по-прежнему составляет основу чукотского оленеводства, однако в системе содержания стад появился ряд технологических новинок. Одна из них — «предубойный откорм». Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в X пятилетке в совхозе «Вперед». По опыту якутского совхоза «Томпонский» здесь начали формировать откормочные группы из истощенных и непригодных для воспроизводства животных, которые вряд ли перенесут суровую зиму. Такому стаду выделяется специальный участок вблизи откормочного пункта. Выпас оленей сочетается с откормом пивной дробинкой (отварной ячмень) из отходов завода пиво-безалкогольных напитков. Уже через неделю животные привыкают к новому рациону и сами охотно идут к кормушкам. Затраты на корма, материалы, транспорт с лихвой окупаются высокими привесами и сортностью мяса. Новшеством заинтересовались в других хозяйствах. В XI пятилетке его с большим успехом использовали многие совхозы Чукотки.

Другая новинка — организация товарных или нагульных стад. Они создаются на летний период главным образом из телят текущего года рождения. Маршрут табунов проходит по летним пастбищам с наиболее богатыми белковыми кормами. В таких условиях животные быстро набирают вес и уже к осени достигают высоких убойных кондиций.

Следует сказать, что внедрение новой технологии содержания оленей встретило серьезные трудности. Она «не вписывается» в традиционную систему оленеводства, исторически сложившуюся у чукчей. Требовалось преодолеть психологический барьер в сознании оленеводов. Сегодня значительная часть этих трудностей позади. В совхозах появилось немало энтузиастов нового дела: П. Еттылин и А. Номенкау из «Возрождения», М. Рахтуль из «Ударника», Г. Маракаммо из «Коммуниста», Кагчейвытегин из «Пионера» и др.

Росту производства продукции оленеводства способствует улучшение породности животных, совершенствование племенной работы. В годы X—XI пятилеток в округе создана собственная племенная база оленеводства. На племенной работе специализи-

руется совхоз «Возрождение», оленеводческие бригады в совхозах «Энмитагино», «Марковский», «Дружба», «Путь к коммунизму». Научно-обоснованные методы селекционной и племенной работы (межпородное скрещивание, бонитировка, межхозяйственный обмен производителями и ремонтным молодняком, создание отборных и улучшенных стад и др.) существенно повышают качественные показатели отрасли. В совхозе «Канчаланский», например, за счет этого производство мяса на 100 январских оленей стабильно удерживается в последние годы на уровне 28—30 ц 75 % животных ежегодно сдаются по высшей категории упитанности. Хорошей постановкой племенной работы во многом объясняются успехи оленеводов совхозов «Омолон», «Турваургин», «Возрождение» и др.

Большим достижением современного оленеводства Чукотки явился переход на рациональное использование пастбищ. Землеустроительные работы (1970 г.) позволили установить правильную «оленеемкость угодий», порядок их эксплуатации по сезонам года, четко определить хозяйственные границы. Однако в результате антропогенного воздействия пастбищная территория сокращается. Это заставляет совхозы искать резервы увеличения емкости имеющихся пастбищ.

Большую помощь в этом оказывает наука. Магаданским НИИ сельского хозяйства Северо-Востока разработана и внедряется система учета состояния угодий и контроля за их использованием²⁴

Успех работы оленеводов определяет прежде всего состояние зимних пастбищ, которых в округе не хватает, зато летние имеются в достатке. В силу сложившейся традиции долгие годы их использовали не в полной мере. Считалось, что основу кормового рациона оленей во все времена года составляют лишайники (ягель). Исследования ученых кардинально изменили эту точку зрения. Установлено, что летом олени предпочитают зеленую растительность, которой в это время года так богата чукотская тундра. Это позволило ввести в активный хозяйственный оборот миллионы гектаров летних пастбищ. Уже упоминавшаяся система нагула и откорма оленей базируется прежде всего на эксплуатации летних кормовых ресурсов. Тем самым снижается нагрузка на дефицитные зимние угодья.

На зимних пастбищах по рекомендациям ученых внедряется подкормка оленей комбикормами и минерально-белковыми добавками. В Чукотском, Провиденском, Беринговском районах используют также подсолнечный жир морских зверей. В условиях гололеда это помогает сохранить и даже повысить упитанность животных. В совхозе «Ударник», например, где технология подкормки уже давно отработана, в суровую зиму 1983/84 г. гололед практически не нанес ущерба оленеводству.

В XI пятилетке начаты исследования агрометеоусловий роста и продуктивности пастбищной растительности,²⁵ что позволит улучшить качество метеопрогнозов для оленеводов, более опера-

тивно выявлять наилучшие условия выпаса и кормодобычи на пастбищах.

Меры по рациональному использованию пастбищной территории позволяют без ущерба кормовым запасам содержать гораздо больше оленей, чем предусматривается оленеемкостью угодий. Так в совхозе «Возрождение» на протяжении многих лет вместо 10 тыс. содержится до 12 тыс. оленей. В совхозе «Канчаланский» ежегодное превышение поголовья составляет 10—12 %.²⁶

Однако далеко не все хозяйства уделяют этим вопросам должное внимание. Сказывается традиционная привязанность оленеводов к определенной местности. По этой причине нередко нарушаются пастбищеобороты, произвольно меняются маршруты стад, что приводит к недоиспользованию одних пастбищ и перегрузке других.

Улучшение качественных показателей отрасли в немалой степени связано со снижением падежа животных от различных инфекционных заболеваний, уносивших в прошлом ежегодно десятки тысяч оленей. Особую опасность представлял некробактериоз («копытка»). В начале 60-х гг. от него погибал практически каждый заболевший олень. На Магаданскую область приходилась почти половина оленей РСФСР, заболевавших этой болезнью. В настоящее время в борьбе с некробактериозом достигнуты существенные успехи. Падеж животных от него сократился в три раза. В XI пятилетке в округе излечивали до 80 % заболевших животных, в отдельных хозяйствах — 90 %.²⁷

Высокой эффективности достигла борьба с гнусом, подкожным оводом. Осенние обработки оленей химическими препаратами — инсектицидами («байтекс», «фентион», «варбекс» и др.) на 90—95 % очищают организм оленей от личинок подкожного овода, животные легче переносят тяготы зимовки. Улучшается качество мехового сырья. В настоящее время методику противооводных обработок успешно освоили более 500 пастухов-оленеводов.

В округе сформированы опытные кадры зооветспециалистов из числа чукчей. Большим уважением пользуются А. А. Туйковав и И. И. Омрычина (совхоз им. 40-летия Октября), Е. Н. Нутевге-Кергувье («Турваургин»), В. Ф. Тагро («Путь к коммунизму»), В. И. Тынечейвын (им. 50-летия Октября) и др.²⁸

В настоящее время чукотское оленеводство приобрело большое народнохозяйственное значение. Эта отрасль является надежной основой экономики совхозов Чукотки, приносит ежегодно более 5 млн. р. прибыли. Половина потребностей населения округа в мясе удовлетворяется за счет оленины. Предприятиям местной промышленности Магаданской области поставляется до 120 тыс. шкур оленей.

Три пятилетки подряд высоких результатов добиваются оленеводы совхозов «Возрождение», «Путь к коммунизму», «Ударник». На 100 январских оленей здесь ежегодно получают по 28—32 ц мяса. Устойчиво работали в 80-е гг. коллективы совхозов «Канчаланский», «Полярник», им. 40-летия Октября, «Путь к комму-

низму», им. Ленина (в Чукотском и Шмидтовском районах), которые независимо от погодных условий ежегодно перевыполняют планы продажи мяса, обеспечивают высокую сохранность поголовья и деловой выход телят.²⁹

Переходящего Красного Знамени Совета Министров РСФСР и ВЦСПС был удостоен по итогам 1981 г. совхоз «Турваургин». Победителями областного социалистического соревнования в XI пятилетке становились Анадырский, Билибинский, Иульгинский, Провиденский, Чаунский районы, совхозы «Омолон», им. 60-летия СССР (быв. «Анюйский»), «Вперед», «Пионер», «Певек», «Большевик» и др.³⁰ Несмотря на неблагоприятные погодные условия высоких результатов в XI пятилетке добились хозяйства Провиденского района, который по итогам 1983 г. стал победителем Всесоюзного социалистического соревнования, ему было вручено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.³¹

На областную Доску Почета за годы XI пятилетки занесены десятки оленеводческих бригад.

Далеко за пределами области известны имена прославленных чукотских оленеводов — Героя Социалистического Труда И. П. Аренто, лауреата Государственной премии В. И. Ровтытагина, кавалера ордена Ленина С. М. Чейвытегина, лауреатов премии Ленинского комсомола С. В. Келы, А. С. Вуквукая и др.

Передовые оленеводы Чукотки пользуются заслуженным уважением всех трудящихся округа. Им оказывается большое доверие.

Делегатом XXI съезда КПСС был избран В. А. Этлену; XXII — бригадир оленеводческой бригады колхоза «Полярник» Чукотского района В. Тынэчейвын; на XXIII съезде партии оленеводов Чукотки представлял Герой Социалистического Труда И. П. Аренто из совхоза «Канчаланский» Анадырского района; на XXIV — бригадир оленеводческой бригады совхоза им. Первого ревкома Чукотки Г. А. Аретагин; на XXV — С. М. Чейвутегин — бригадир оленеводческой бригады совхоза «Дружба» Беринговского района; на XXVI — бригадир оленеводческой бригады совхоза «Канчаланский» Анадырского района, кавалер ордена Ленина Г. В. Аканто; на XXVII — оленевод совхоза «Заря коммунизма» Провиденского района Ф. Н. Еленеут.

В годы X—XI пятилеток в округе стало больше уделяться внимания развитию оленеводства в личном хозяйстве рабочих и служащих (см табл. 2) как дополнительному резерву увеличения производства мяса, что выгодно и семьям оленеводов, и государству.

Оленеводство аккумулирует большую часть трудовых ресурсов малых народностей Севера, и в этом заключена его огромная социально-экономическая функция. В составе оленеводческих бригад в настоящее время работают не только чукчи, эвены, чуванцы, но и русские, украинцы, другие представители народов СССР.

В среднем оленеводческая бригада состоит из 11 человек, участвующих в производстве, 60 % состава — мужчины, 40 % — женщины.³² Рисуя социальный портрет оленеводов Чукотки, В. И. Задорин верно замечает, что жены пастухов-чукчей предпочитают жить и кочевать в составе оленеводческих бригад. Лишь часть из них (15.2 %) постоянно проживает на центральных усадьбах, главным образом в совхозах прибрежной зоны (Чукотский, Провиденский, Беринговский районы), где олени пастбища компактны, а маршруты бригад проходят в сравнительной близости от поселков. Здесь в ненапряженные сезоны года (осень, зима) внедряются элементы сменного выпаса.³³

Бригада — высокоорганизованный производственный коллектив, работающий по принципу хозяйственного расчета и в соответствии с планами совхоза. В ее распоряжении объекты производственного назначения: перевалочные базы, дома на маршрутах, стационарные или переносные коралы, вездеходы, трактора, снегоходы, радиостанции различных назначений, широкий арсенал средств борьбы с болезнями и паразитами северных оленей.

Каждая бригада имеет в своем составе специалистов сельского хозяйства со средним или высшим образованием, механизатора, радиста. В среднем одна оленеводческая бригада обслуживает стадо численностью 2650 голов, включая и личных оленей, при средней нагрузке на одного пастуха 405 животных.

Годовой маршрут бригады отчетливо распадается на сезонные кампании: зимовка, отёл, раннее лето, летовка, осенний выпас. Наиболее беспокойное и трудоемкое время для оленеводов — летние месяцы. Особенно сложны в этот период дневные дежурства. Поэтому в стаде, как правило, постоянно находятся два наиболее опытных пастуха. Ночные смены комплектуют из менее опытных людей. На них же возлагаются обязанности по организации перекочевков. Осенью, с наступлением темного времени года, наоборот, усиливают состав ночных смен. В большинстве бригад принято двенадцатичасовое дежурство.

Летом почти половина рабочего времени пастухов уходит на контроль за выпасом оленей. Около 40 % занимает управление стадом (повороты, сдерживание движения, остановка на отдых и пр.), водопой, а также возвращение отколовшихся от стада оленей. Остальное время уходит на разжигание дымокуров на местах отдыха. Значительных трудовых затрат требует обработка стада против оводов и кровососущих насекомых. За сезон проводится от 12 до 20 обработок. В каждой участвует 4—5 человек: две смены дежурных пастухов и специалист.

Летом бригада в постоянном движении. В зависимости от состояния кормов пастбищного участка длина суточных передвижений колеблется от 3 до 8 км.

Очень напряженным бывает для пастухов август—сентябрь, когда приходит пора туманов, а в тундре в изобилии появляются грибы — любимое лакомство оленей.

Техническая реконструкция отрасли по существу не затронула до сих пор трудоемких операций, связанных непосредственно с содержанием и окарауливанием, выпасом стад. Механизированный транспорт в оленеводческой бригаде снижает общую трудовую напряженность лишь за счет облегчения операций, связанных с транспортировкой имущества, специального оборудования (опрыскиватели, корали), медикаментов, продуктов питания. Благодаря тракторам и вездеходам, сопровождающим бригады на летовке, появилась возможность включения в мобильную группу, кроме пастухов-оленоводо, еще и женщин (а это — резкое улучшение сферы обслуживания), учеников старших классов, работающих подпасками.

Однако затраты на механизированный транспорт, улучшающие бытовые условия, дают незначительный рост производительности труда, и в то же время влияют на себестоимость продукции, которая остается сравнительно низкой — 150—160 р. за центнер мяса против 400—450 р. на откорме крупного рогатого скота в северной зоне. Рентабельность оленеводства 30—35 %.

В современном оленеводстве бытовые, культурные условия оленеводов значительно отстают от требований времени.

Кочевание в оленеводстве остается как необходимый элемент производства. Работники бригад испытывают ряд неудобств, порожденных кочевым образом жизни. Они живут в неустроенных, с современной точки зрения, жилищах (ярангах, меховых палатках), не могут пользоваться в полной мере благами, предоставляемыми широко развитой в нашей стране сферой обслуживания.

Успешное осуществление программы коренного преобразования экономики и культуры народностей Севера внесло большие изменения в характер их расселения и занятий. В результате массового перехода с кочевого на оседлый образ жизни произошло перемещение части населения из оленеводческих бригад, отдаленных охотничьих и рыболовецких участков в крупные благоустроенные поселки с комплексом современных культурных и бытовых условий жизни.

Это обстоятельство дало толчок к возникновению новых социально-психологических установок у молодежи, призванной работать в оленеводстве. По данным исследования В. И. Задорина, произошло некоторое падение престижности профессии оленевода.³⁴

В конце 50-х—начале 60-х годов — в период массового перевода с кочевого образа жизни на оседлый — многие представители малых народностей Севера Чукотки категорически отказывались переходить из яранг в специально построенные на льготных условиях дома. Прошло двадцать лет, и теперь с меньшим упорством молодое поколение отрицает яранги и меховые палатки. Социологические исследования показывают: 81 % оленеводов до 20 лет и 68 % в возрасте от 21 года до 30 лет не принимают ярангу и меховую палатку в качестве желаемого жилища.³⁵

Но подробнее об этом — о жилище и образе жизни чукчей пойдет речь далее.

Дальнейшее развитие оленеводства Чукотки неразрывно связано с улучшением материально-технического обеспечения условий труда и быта оленеводов.

Морской зверобойный промысел

Морской зверобойный промысел — база экономики приморских чукчей *анкальыт* — имеет свою сложившуюся культуру, в которой много заимствовано от эскимосов — исконных зверобоев. На Чукотке еще до Советской власти вошли в употребление нарезное оружие, гарпуные пушки, китобойные вельботы, косой парус, компас и тали, которые приобретались у торговцев-китобоев.

С начала организации первых товариществ и колхозов в морском зверобойном промысле происходят существенные изменения. Из полунатурального этот промысел превращается в доходную отрасль колхозного производства. Большое внимание уделяется техническому перевооружению морского зверобойного промысла, подготовке профессиональных кадров.

Заметное место морской зверобойный промысел занимает в хозяйствах Чукотского, Провиденского и Иультинского районов. В свое время он являлся здесь одним из основных источников доходов колхозов.

В 1932 г. в бухте Провидения создается Пloverская государственная мастерская по ремонту моторов для колхозов, позднее — морская зверобойная станция (МЗС) и морзверкомбинат (МЗК). В 1945 г. была организована Мечигменская МЗС в заливе Лаврентия. Все это сыграло большую роль в развитии морского промысла. Колхозы на договорных началах получали здесь на сезон охоты вельботы и моторы, оружие, боеприпасы, горючесмазочные материалы и т. п.³⁶

Значение комбинатов не ограничивалось только технической помощью. В 1942 г. в поселке Пlover была организована школа подготовки руководящих колхозных кадров. Здесь же было положено начало подготовке механизаторов и специалистов зверобойного промысла.

В послевоенные годы резко возрастают и сами объемы добычи морского зверя, и техническая оснащенность промысла.

В начале 60-х годов морским зверобойным промыслом занимались в 96 бригадах почти 700 охотников. Для многих колхозов он являлся важным источником доходов. Так, в колхозе «Красная звезда» Чукотского района доходы от морского промысла составляли 80 %, свыше 30 % доходов от морского зверобойного промысла получали колхозы им. В. И. Ленина, «Герой труда» и «Вперед» Чукотского района, до 25 % — колхоз «Возрождение» Иультинского района.³⁷

Т а б л и ц а 3
Добыча ластоногих в хозяйствах Провиденского района
(в среднем за год, голов) *

Вид зверя	1956—1960	1961—1965	1966—1970	1971—1975	1976—1980	1981—1982
Моржи	818	271	278	371	615	1091
Лахтаки	782	724	810	526	327	335
Нерпа	2293	2964	1741	929	394	764
Итого	3893	3959	2829	1826	1336	2190

* Подсчитано по: Сводные годовые отчеты колхозов и совхозов Провиденского района за 1956—1982 гг.

В колхозах Чукотского и Провиденского районов объектами промысла были моржи, нерпа-акиба, лахтак, киты и в незначительном количестве белуха; в Иультинском районе — частично моржи, а в основном — лахтак, нерпа; в Билибинском и Чаунском районах, где морской зверобойный промысел имел только внутрихозяйственное значение, добывалась преимущественно нерпа.

Тенденции развития отрасли в 60-е—70-е гг. можно проследить на примере хозяйств Провиденского района (табл. 3).

Объемы добычи ластоногих значительно сократились уже в середине 60-х гг. Интенсивное развитие оленеводства, определяющего экономику колхозов и совхозов, укрупнение хозяйств, концентрация населения в крупных поселках, в результате чего были оставлены обширные промысловые территории, способствовали сокращению промысла лахтака и нерпы. Добыча моржей сократилась вследствие ограничения их промысла в связи со снижением численности популяции. Кроме оленеводства, значительным подспорьем для коллективных хозяйств Чукотки являлся в эти годы и традиционный китовый промысел, который давал не менее 60 % необходимой продукции.³⁸

Долгое время чукотские совхозы и колхозы не уделяли должного внимания развитию отрасли. Низкие закупочные цены на продукцию морского промысла, высокие производственные затраты приносили хозяйствам немалые убытки. В 1972 г., например, только от производства и реализации жира они составили более 430 тыс. р. Отношение к зверобойному промыслу начинает меняться в X пятилетке в связи с развитием совхозного звероводства. Мясо морских животных охотно используют на зверофермах. Укрепляется материально-техническая база отрасли, повышаются расценки на добычу морского зверя, увеличиваются ее объемы. Добыча ластоногих с 1973 по 1980 г. в целом по округу увеличилась с 14 350 по 27 180 ц. В 1980 г. впервые за минувшие 20 лет плановое задание по добыче морского зверя было не только выполнено, но и перевыполнено (108,5 %).³⁹

Рост объемов производства главным образом идет за счет добычи моржа, численность которого в последние годы быстро

увеличивается. В 1980 г. на Чукотке было добыто более 2 тыс. моржей — в 2 раза больше, чем в 1966 г. Особенно быстро растет их промысел в Providенском районе (см. табл. 3). На его долю в 1980 г. приходилось 44 % общей добычи этих животных против 26.7 % в 1966 г. В XI пятилетке в районе усилилось также внимание к промыслу нерпы и лахтака.

Быстро возрождается зверобойный промысел в хозяйствах Чукотского района. В совхозе «Герой труда», например, добыча морского зверя выросла за пять лет (1978—1982) в 1.6 раза. Совхоз им. Ленина (Лорино) задание XI пятилетки по добыче морского зверя завершил за четыре с половиной года. В прибрежных хозяйствах возобновляется товарообмен с оленеводами, которым поставляются лахтачки ремни, подошвы, жир, мясо.⁴⁰

В 1985 г. морским зверобойным промыслом на Чукотке занимались 12 совхозов. В 38 бригадах работало около 200 зверобоев. В некоторых хозяйствах, кроме того, созданы обслуживающие бригады на причале и разделочных площадках. Введены должности инженеров и мастеров промысла.

Современный чукотский морской зверобойный промысел сохраняет много традиционного, производится он коллективно и индивидуально. Предметом промысла по-прежнему является морж, нерпа-акиба, лахтак, реже ларга и еще реже крылатка (мясо и жир последней считаются невкусными и добывают ее ради шкуры).

Морж — один из древних объектов промысла. В настоящее время промысел моржа ведется коллективно и носит сезонный характер. Активно добывают моржа — в мае, июне, несколько затихает промысел летом и вновь активизируется в августе — октябре до самого подхода тяжелых льдов. Моржовый промысел почти полностью сохраняет традиционный комплект орудий: гарпун с поворотным наконечником, воздушные поплавки — буи, моржовые ремни и др. Правда, некоторые орудия несколько видоизменились, стали употребляться поплавки-буи промышленного производства.

Промысел моржа ведется в основном на моторных вельботах. Чукотская байдара из употребления почти вышла, ею пользуются лишь в отдельных хозяйствах (поселки Нешкан, Сиреники, Энмелен). Однако в некоторых случаях байдара имеет большие преимущества перед вельботом; она очень удобна в ледовых условиях, для спуска на воду и высадке на берег при большом накате. В 40—50-е годы многие морзверобойные бригады имели байдару и вельбот, которые использовали с учетом ледовых условий.

Современный промысел моржа на вельботах ведется бригадами в 5—6 человек. Раньше бригады состояли из восьми человек: три пары гребцов, рулевой и носовой. Кроме того, сами условия охоты при низкой технической оснащенности требовали именно такого количества людей. Уменьшить состав бригады позволило появление надежного рульмотора.

В недалеком прошлом чукотские поселки Уэлен, Поутен, Янра-най, Лорино, Янракинот, Сиреники, Энмелен славились промыслом гренландских китов. Охотились на них ранней весной и поздней осенью. Промышляли их с вельботов или байдар под парусами.

В советское время добыча гренландских китов была прекращена, так как они оказались на грани полного уничтожения.

Промысел мелких ластоногих наиболее интенсивно ведется осенью, с появлением первых льдов, несколько сокращается в декабре, январе и снова активизируется с февраля. Промыслом заняты зверобойные бригады, но ведется он и индивидуально.

Чукотский способ добычи тюленей менее разнообразен, чем у других народов Севера (нивхов, ульчей, и др.) и определяется природно-климатическими условиями.

Промышляют нерпу винтовками в полыньях и разводьях, достают ее традиционными закидушками. Почти прекратился промысел нерпы сетями.

Потребности континентальных хозяйств в мясе и жире морского зверя в настоящее время удовлетворяются не полностью, тем более что быстрая окисляемость этих продуктов даже при низких температурах не позволяет создавать их большие запасы. Поэтому все большую актуальность в округе приобретает вопрос о круглогодичном промысле мелких ластоногих не только в специализированных совхозах. В связи с этим в 1983 г совхоз «Канчаланский» провел опытно-экспериментальный лов акибы и ларги в Канчаланском лимане с помощью специальных ловушек.⁴¹

Использование продукции морского промысла за последние годы существенно изменилось. В связи с переходом в новые жилища практически исчезло потребление жира морских зверей для отопления и освещения, теперь он используется лишь в небольшом количестве для питания. Мясо морских зверей идет на питание людей или как корм на зверофермах. Шкуры употребляются для изготовления рабочей охотничьей одежды, обуви, ремней. Моржовые клыки и зубы покупает Уэленская косторезная мастерская. Внутренности идут для приманки в пушном промысле. Подкожный жир ластоногих используется в кожевенном, парфюмерном и мыловаренном производстве. Из сала морских зверей получают не только технические и медицинские, но и витаминизированные жиры. Шкуры дают прекрасный материал для изготовления прочных приводных ремней, обивки мебели и т. д. Широко используется продукция морского промысла для производства кормовой муки, туков, из крови получают альбумин, и т. д.

За счет полной утилизации продукции морского промысла повысилась доходность отрасли. В хозяйствах Чукотского и Провиденского районов она дает ежегодно более 340 тыс. р., в отдельные, наиболее удачные для промыслов года — до 500 тыс.

У зверобойного промысла на Чукотке хорошие перспективы. Поучителен в этом отношении опыт совхоза «Ударник». В X—XI пятилетках здесь отказались от закупки у государства значи-

тельного количества рыбы и мяса для зверофермы. Одновременно развитие получил собственный зверобойный промысел. Добыча моржа выросла в 5 раз, число охотников увеличилось на 20 человек. В результате улучшились показатели работы зверофермы — выросла продажа клеточной пушнины, снизилась себестоимость шкурки. В совхозе началось строительство механизированного комплекса по переработке продукции морского промысла, что позволит существенно сократить трудовые затраты, снизить себестоимость продукции и за счет высокого качества перерабатываемого жира вывести морской зверобойный промысел в число рентабельных отраслей.

Развития зверобойного промысла на Чукотке требует также необходимость поддержания экологического равновесия в природе. Численность ластоногих в результате охранных мер сильно выросла. За последние 15 лет стадо моржей увеличилось в три, а крылатки — в полтора раза. Это позволило увеличить лимиты на отстрел зверя, однако они систематически не выполняются. В 1983 г., например, лимит по нерпе был выполнен совхозами всего на 68 %, по лахтаку — на 38 %.⁴²

Пушной промысел и рыболовство

В отличие от других районов Дальнего Востока, где охотничий промысел, начиная с середины 60-х гг., развивается в рамках государственных и кооперативных промысловых хозяйств, на Чукотке этой отраслью занимаются совхозы. На 1 января 1981 г. в хозяйствах имелось 49 охотничьих звеньев, в них работало 127 человек. Пушным промыслом занята также часть морских зверобоев и рыбаков. Общая численность кадровых охотников в совхозах округа составляет, таким образом, в настоящее время более 200 человек. Кроме них, на промысел ежегодно выходит около 400 охотников-любителей, которым на время охоты по месту основной работы предоставляется отпуск без сохранения содержания. Участие в охоте принимают также учащиеся школ.

Численность охотников в округе за последние 20 лет существенно сократилась. Достаточно сказать, что в 1962 г. на промысле участвовало более 1 тыс. человек, в том числе 524 кадровых охотника.⁴³ Занятость чукчей и других народов Севера в охотничьем промысле невелика и имеет тенденцию к снижению.

Основной объект промысла в округе — полярный песец. Особенно распространена на него охота в Чаунском районе, который является одним из основных поставщиков шкурок белого песца на Северо-Востоке. Добывают также лисицу, белку, горностая и др. В целях обогащения промысловой фауны в послевоенные годы в округе проведена большая работа по искусственному расселению соболя, норки, ондатры. В настоящее время в пушных заготовках округа они занимают значительный удельный вес.

Высокой численности достигла популяция лосей (10,5 тыс.). Ставится вопрос о начале их промысла в рамках государственного промыслового хозяйства.⁴⁴

Промысел песца и лисицы ведется пастями и капканами, белки и соболя — нарезным оружием. Первоначально пасти были распространены главным образом в Чаунском и Иультинском районах, где нет обильных снегопадов и много плавника, идущего на сооружение ловушки. Однако в последние годы они получают все большее распространение и в других районах. Количество пастей, используемых для промысла, выросло в совхозах округа с 250 в 1962 г. до 702 в 1980 г. Примерно столько же строят их ежегодно охотники-любители.

Заготовки промысловой пушнины в округе существенно колеблются по годам в зависимости от условий промысла, численности промысловых животных. Особым колебаниям подвержена численность полярного песца.

Объемы промысла в округе увеличиваются. В X пятилетке они выросли к уровню 1960—1965 гг. в 1,5 раза. Однако в общей структуре доходов совхозов промысловая пушнина занимает незначительное место — примерно 1,5 % (346 тыс. в 1980 г.). Это безусловно сказывается на отношении хозяйственников к отрасли. Многие совхозы не выполняют установленные планы. Там же, где к промыслу относятся с вниманием, он дает хороший эффект.

В частности, регулярно выполняют и перевыполняют планы продажи государству промысловой пушнины совхозы «Заря коммунизма», «Марковский», «Возрождение», «Певек», «Энмитагино» и ряд других. В округе много опытных охотников. В XI пятилетке особенно успешно работали В. Кыпкыл, В. Росхином, А. Мейныринтын из совхоза им. 50-летия Октября, И. Н. Киттагин и В. И. Тыгрынгиргии («Возрождение»), Н. Кочи («Маяк Севера») и др.

Рыболовство, как и охотничий промысел, является в настоящее время подсобной отраслью в чукотских совхозах. Добычей рыбы занимаются все хозяйства, однако государственный план имеют лишь прибрежные совхозы, где ловят лососевых. В XI пятилетке в округе работало 48 рыболовецких бригад, в отрасли было занято около 150 человек.

Основную часть промысла составляют лососевые, на внутренних водоемах добывают «разнорыбицу», в том числе такие ценные породы, как нельма, чир, сиг, муксун, ряпушка, большая часть которых используется внутри хозяйства. В зиму 1983/84 года совхоз «Ударник» организовал (в основном для нужд зверофермы) морской промысел наваги.

Общие объемы промысла в округе зависят от подхода лососей. Добыча местной рыбы стабильно растет. Среднегодовой объем промысла на местных водоемах в X пятилетке составлял 4250 ц, в то время как в IX — 2400 ц. В XI пятилетке в среднем в год добывалось около 6 тыс. ц рыбы.

Внимание к развитию совхозного рыболовства особенно выросло в конце 70-х гг. после Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию рыболовства и увеличению вылова рыбы в пресноводных водоемах страны».⁴⁵ За это время существенно укрепилась материально-техническая база рыболовства. Все хозяйства в достатке снабжены материалами. В рыболовецких бригадах работает около 100 катеров и моторных лодок.

Рост промысла местной рыбы сдерживается, как правило, трудностями реализации продукции: добыча ведется в основном зимой и осенью, когда наступают холода и можно хранить улов, но торговые организации не принимают рыбу в местах промысла, а вывозить ее авиацией невыгодно. В настоящее время принимают меры по улучшению этой работы: торгово-заготовительные организации и совхозы заключают договора-контрактации на заготовку и приемку рыбы, своевременную ее доставку к потребителям. Укрепляется материально-техническая база торгово-заготовительных организаций.

Новые отрасли хозяйства. На базе морского зверобойного промысла и рыболовства получила развитие новая для чукчей отрасль хозяйства — *клеточное звероводство*. Первые зверофермы были организованы в 1955 г. в колхозах им. В. И. Ленина Чукотского района, им. XXII съезда КПСС Анадырского района и в эскимосском колхозе «Угляхтак» Иультинского района.⁴⁶

В начале идея создания звероводческих хозяйств быстро распространилась по Чукотке, почти во всех прибрежных хозяйствах были организованы звероводческие фермы, предпринимались попытки организовать их и в оленеводческих хозяйствах. Считалось, что звероводство расширит сферу занятости чукчей, повысит доходы хозяйств и материальное благосостояние колхозников. Однако практика показала, что звероводство — сложное занятие, требующее большой квалификации.

Могут быть рентабельны только крупные звероводческие хозяйства, имеющие хорошую материально-производственную и кормовую базу, подготовленные кадры звероводов. В связи с этим в 1966—1967 гг. принимались меры к укрупнению хозяйств. Так, в Чукотском районе число звероферм сократилось в 1960—1968 гг. с 7-ми до трех.⁴⁷

В X пятилетке звероводство встало на путь интенсивного развития. поголовье зверей за это время выросло примерно на 11 %, а реализация клеточной пушнины в 1.5 раза, в том числе в хозяйствах Чукотского района почти на 70 %. Все пять лет отрасль выполняла плановые задания в среднем на 120 %. За пятилетку было продано клеточной пушнины на 10.5 млн. р.

К 1985 г. звероводством занималось 6 совхозов. В XI пятилетке обновилась материально-техническая база отрасли: механизировано приготовление кормов, появились холодильники для хранения мяса и рыбы, построены новые шеды (навесы для клеток), улучшились условия труда на фермах. Большая работа

проведена по подготовке квалифицированных кадров. В отрасли работает сегодня наибольшее число лиц со средне-специальным образованием. На звероферме с. Новое Чаплино, например, его имело в 1983 г. более 30 % звероводов — в 3 раза больше, чем по отделению совхоза в целом.

Несмотря на значительное повышение доходности, звероводство во всех совхозах в 70-е гг. было нерентабельным, однако оно имеет важное значение для обеспечения занятости коренного населения. В совхозе «Ударник», например, в 1983 г. на звероферме работало более 13 % народностей Севера, занятых в совхозе. Средний возраст звероводов 35 лет. Тенденция «омоложения» отрасли характерна и для других хозяйств.

За последние годы среди женщин-чукчанок появилось немало признанных мастеров звероводства: Г. И. Котгиргина, Н. В. Тыне-неут, З. Рахтуван, Тыненвирив, А. Д. Акагиргина, Н. П. Тутыне, Е. Какбургина, К. Номкай, К. Майнывуквувье, В. Рахтылина, Е. Ятгаут, Т. Еттылина, С. Вулькан и др. Формируются рабочие династии звероводов. Так, в совхозе им. Ленина (с. Лорино) уже много лет рядом со старейшим звероводом области В. Ф. Векет работают ее дочери Е. Вемрульта, Л. Пинетегина и Т. Векет. Есть династии в других хозяйствах.⁴⁸

В XI пятилетке в округе большое внимание уделялось повышению эффективности работы звероферм — снижению трудоемкости производства и себестоимости продукции, улучшению кормовой базы, зоотехнической работе, повышению качества пушнины. Впервые в истории чукотского звероводства появились фермы, дающие прибыль.

Потребность в улучшении питания колхозников, рабочих совхозов и служащих привела в начале 50-х гг. к организации в чукотских хозяйствах, там, где была возможность, *молочного животноводства, птицеводства, парникового и тепличного овощеводства.*

К началу XI пятилетки в 18-ти совхозах округа содержалось более 1000 голов крупного рогатого скота, в том числе коров. Большая часть поголовья сосредоточена в специализированном мясо-молочном совхозе «Северный». В других оленеводческих хозяйствах молочно-товарные фермы небольшие — 10—20 голов. Продуктивность скота довольно высокая — в среднем более 3 тыс. кг молока на корову, а в таких хозяйствах, как «Канчаланский», имени 60-летия СССР, «Ударник» — от 4.5 до 5.5 тыс. кг. Это дает возможность полностью обеспечивать потребности сельского населения в свежем молоке. Для развития молочного животноводства Чукотки найдены новые перспективные возможности. По разработкам Магаданских ученых на дне бывших озер, ныне осушенных, заготавливаются тысячи тонн грубых и сочных кормов, ранее завозившихся на кораблях с материка. По подсчетам специалистов Анадырская низменность способна обеспечить грубыми кормами молочное животноводство всей Чукотки. Уже имеется более трех тысяч гектаров лугов на месте осушенных карстовых озер.⁴⁹

В последние годы в чукотских селах на базе пищевых отходов совхозных столовых получает развитие свиноводство. Свиной держат также в подсобных хозяйствах некоторых школ-интернатов, сельских больниц и детских учреждений.

Начиная с 1965 г. на Чукотке в хозяйственных целях стали использовать тепло подземных вод. Совхоз им. В. И. Ленина построил на Кукунских термальных источниках теплицы. В 1985 г. их полезная площадь составила почти 1000 кв. м. Овощами снабжается население с. Лорино и частично районного центра п. Лаврентия.

В этом же совхозе с 1967 г. существует единственная в чукотских хозяйствах птицеферма. Куриные яйца в основном поступают в детские сады и интернаты.

С середины 70-х гг. все большее распространение в совхозах Чукотки, в сельских учреждениях и организациях, а также в личных хозяйствах рабочих и служащих, в том числе и чукчей, имеют теплицы на искусственном отоплении. В них выращивают огурцы и помидоры.

Овощеводством в открытом грунте на Чукотке занимается один совхоз — «Марковский». В 1983 г. совхозный огород занимал площадь 4,5 га. Хозяйство получило более 1300 ц капусты, 80 ц картофеля, более 20 ц редиса, укропа, других овощей и зелени, часть из которых была отправлена в г. Анадырь.⁵⁰

В новых отраслях хозяйства Чукотки занято в основном приезжее население.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 253.

² *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 348.

³ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 385—390.

⁴ *Гарусов И. С.* Социалистическое преобразование сельского и промышленного хозяйства Чукотки (1917—1955 гг.). Магадан, 1981. С. 61—62. Там же.

⁶ ГАХК, ф. 682, оп. 1, д. 8, л. 4.

⁷ *Гарусов И. С.* Указ. соч. С. 132.

⁸ *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. С. 343—345.

⁹ Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 180.

¹⁰ От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937. М., 1981. Т. 2. С. 146.

¹¹ Очерки истории Чукотки... С. 229.

¹² Там же, с. 252.

¹³ Там же.

¹⁴ *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.).

Новосибирск, 1973. С. 43; *Селитренник Э. Е.* Колхозное строительство в Чукотском национальном округе. — СЭ, 1965. № 1. С. 16; Магаданская правда. 1985. 3 янв.

¹⁵ *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. С. 296—298.

¹⁶ Там же, с. 298—299; См. также: *Орловский П. Н.* Анадырско-Чукотское оленеводство. — Северная Азия. 1928. № 1. С. 47.

¹⁷ *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. С. 360.

¹⁸ ГАЧАО, ф. Р-10, оп. 1, д. 676, л. 336.

¹⁹ Магаданская правда. 1977. 1 нояб.; 1985. 6 сент.; Советская Чукотка. 1981. 19 апр.

²⁰ Магаданский оленевод. 1982. Вып. 34. С. 2.

²¹ Магаданская правда. 1984. 3 апр.; 1985. 16 нояб.

²² Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. М., 1977. С. 182; Магаданский оленевод, 1982. Вып. 34. С. 14.

²³ Магаданская правда. 1985. 2 авг. и 13 нояб.

²⁴ *Полежаев А. Н.* Системный подход

- к организации кормовой базы северного оленеводства // Сельское и промысловое хозяйство Крайнего Севера: Тез. докладов пятого Всесоюз. совещания «Пути реализации Продовольственной программы на Крайнем Севере». Новосибирск, 1984. С. 88—89.
- ²⁵ Магаданская правда. 1982. 21 авг. См. также: *Коробова Е. Н.* К вопросу агрометеорологической оценки растительности оленьих пастбищ // Сельское и промысловое хозяйство Крайнего Севера. . . С. 77—78.
- ²⁶ Магаданская правда. 1978. 3 янв.
- ²⁷ ГАЧАО, ф. Р-10, оп. 1, д. 634, л. 48; Магаданский оленевод. 1982. Вып. 34. С. 36.
- ²⁸ Магаданская правда. 1984. 4 и 5 апр.
- ²⁹ Там же. 1984. 24 янв.; 1985. 16 нояб.
- ³⁰ Там же. 1982. 11 марта; 1984. 4—5 апр.; 1985. 28 февр.
- ³¹ Там же. 1984. 18 февр.
- ³² *Задорин В. И.* О социальном портрете оленеводов Чукотского автономного округа // Магаданский оленевод. 1978. Вып. 30. С. 29.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Задорин В. И.* Социальные процессы в оленеводческих бригадах // Магаданский оленевод. 1980. Вып. 32. С. 29.
- ³⁵ Там же. С. 30.
- ³⁶ *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. . . С. 368.
- ³⁷ Там же. С. 367—368.
- ³⁸ *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки. . . С. 61.
- ³⁹ Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв. М., 1985. С. 164.
- ⁴⁰ Магаданская правда. 1985. 12 нояб.
- ⁴¹ *Авилов В., Петров В., Тулгунов Н.* Зимой и летом // Северные просторы. 1985. № 2. С. 13—14.
- ⁴² Магаданская правда. 1984. 27 апр. См. также: Лит. газета. 1985. 11 дек.
- ⁴³ ГАЧАО, ф. Р-10, оп. 1, д. 726, л. 43.
- ⁴⁴ Магаданская правда. 1984. 23 мая.
- ⁴⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам М., 1979. Т. 12. С. 453—456.
- ⁴⁶ *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. . . С. 370.
- ⁴⁷ *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки. . . С. 71.
- ⁴⁸ Советская Чукотка. 1981. 4 марта; Магаданская правда. 1984. 4 и 5 апр.
- ⁴⁹ Известия. 1985. 11 авг.
- ⁵⁰ Магаданская правда. 1984. 23 мая.

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ. ОБРАЗ ЖИЗНИ

«Упорный труд советского народа, крупные успехи в экономике, социальной и политической сферах, науке и культуре вывели нашу страну на новые исторические рубежи, открывшие этап развитого социализма», — говорится в новой редакции Программы КПСС.¹

Наше время — период совершенствования социализма — время великих социальных перемен в жизни советского общества. Главное, что определяет на этом этапе национального развития каждого из советских народов — все ускоряющаяся интернационализация, охватывающая все сферы социальной и национальной жизни. Под ее воздействием возрастает общность черт наций и народностей, уменьшается удельный вес национально-специфического, ускоряется развитие и сближение наций и народностей, совершенствуется их социалистический образ жизни.

Современный образ жизни чукчей характеризуется многими интернациональными чертами, вытекающими из общности идеологии, однотипности социальной структуры, социалистического характера собственности. Вместе с тем ему присущи и некоторые особенности. С одной стороны, они продиктованы спецификой региона, в котором расселены чукчи, с другой — влиянием традиций, сложившихся у них на протяжении длительного исторического развития. Интернационализация образа жизни чукчей связана и со стиранием различий между городом и деревней. Прежде всего это происходит на основе роста материального благосостояния сельских жителей.

Жизненный уровень коренного населения Чукотки в 1961—1985 гг. существенно повысился. Важную роль здесь сыграли общие мероприятия КПСС и Советского правительства по улучшению материального благосостояния советских людей: повышение должностных ставок и окладов различным категориям рабочих и служащих, заработной платы колхозников, улучшение условий труда, повышение размеров пенсий и стипендий, снижение государственных розничных цен и т. п.

Одновременно осуществлялись специальные меры, направленные на повышение материального благосостояния народностей Севера. На них были распространены северные льготы, в оленеводческих совхозах ввели сорокапроцентную доплату за кочевой характер работы, увеличились расходы на социально-культурные мероприятия среди коренного населения (бесплатная выдача лекарств, полное государственное обеспечение в дошкольных учреждениях и школах-интернатах и т. п.). Всего в виде дотаций и бесплатных услуг государство расходует на эти цели в расчете на одну семью аборигенного населения Севера в 10—15 раз средств больше, чем в среднем по РСФСР.²

Росту материального благосостояния чукчей способствовали меры по укреплению экономики колхозов и совхозов. На оленину, другую продукцию северного хозяйства неоднократно повышались закупочные цены.

Об эффективности этих мер говорят такие цифры. В Магаданской области доходы народностей Севера в 1960—1980 гг. выросли в 6 раз. Доход 60 % семей коренного населения области в расчете на одного человека превышает 100 р. в месяц.³

Основу материального благосостояния чукчей, как и других народов страны, составляет заработная плата. Она всецело зависит от количества и качества затраченного труда, степени эффективности общественного производства в целом. Зарплата стабильно растет у всех категорий работников. На Чукотке она увеличилась только за 1970—1980 гг. в 2 раза. Среднемесячный заработок рабочего в сельскохозяйственном производстве составлял в 1980 г. 401 р., в том числе у оленеводов — 488 р.

Росту заработной платы в северных совхозах способствовал их переход на хозрасчет (с 1 января 1969 г.). Это дало им право создавать фонды социально-культурных мероприятий, жилищного строительства и др. В результате увеличились доплаты и премии из фонда материального стимулирования. На Чукотке они увеличились с 724 тыс. в 1970 г. до 907 тыс. р. в 1980 г.

На росте заработной платы положительно сказывается в последнее время работа по методу бригадного подряда. В чукотском совхозе «Вперед» заработок бригады оленеводов, работающих на условиях подряда, составил в 1983 г. 23 968 р. — в 2 раза больше, чем в коллективах, работающих по-старому.⁴

Зарплата — далеко не единственный источник доходов коренного населения. Многие семьи чукчей имеют в личной собственности оленей. На каждого оленевода в 1980г. их приходилось в среднем 16.

Важной статьей дохода в отдельных семьях является охота на пушного зверя. Охотники-любители ежегодно сдают государству пушнины на десятки тысяч рублей. Коренному населению выделяются лимиты на бесплатную рыбу лососевых пород в расчете 60 кг на человека. Для ее заготовки в период путины Советы формируют специальные бригады. Там, где места промысла удалены от населенных пунктов, рыбу ловят совхозы. Сверх установленных лимитов она продается по льготным ценам. В традиционном рационе питания чукчей существенное место занимает мясо морского зверя. Его также приобретают в совхозах по льготной цене, но сделать это можно лишь в прибрежных хозяйствах.

Важнейший показатель жизненного уровня трудящихся, их материального благосостояния — обеспеченность благоустроенным жильем, состояние культурно-бытового обслуживания. В селах Чукотки в годы IX—XI пятилеток введено в эксплуатацию более 150 тыс. кв. м жилья. Интенсивное развитие получает культурно-бытовое обслуживание. На качественно новый уровень поднялась культурная жизнь чукотского села.

Подъем материального благосостояния чукчей оказал глубокое революционизирующее влияние на все стороны их жизни. Ускорился отход от примитивных форм материальной культуры. В неё все активнее проникают современные стандартизированные формы. Перестройка быта в соответствии с техническим развитием стирает различия в материально-бытовой сфере образа жизни, все менее заметной становится этническая специфика.

Рассмотрим некоторые из этих тенденций в основных компонентах материальной культуры чукчей более подробно.

Новые поселки и города

На начало 1980 г. на территории Чукотского автономного округа располагалось 2 города — Анадырь и Певек, 18 рабочих поселков и 80 селений, объединенных в 45 сельских Советов, в 27 из которых проживали чукчи.⁵

Издавна чукотские поселки делились на три типа: оседлые, полuosедлые и кочевые.

К первому типу относились поселения оседлых чукчей с устойчивым однонациональным составом населения. Исключение составляли Сиреники, Имтук, где жили чукчи и эскимосы.

Селения приморских чукчей еще в начале 30-х годов представляли собой большие патриархальные общины, восходящие к одному общему предку: в Уэлене их было 4, в Инчоуне — 2, в Чегитуне — 2, и т. д. Селения, как правило, располагались на возвышенных местах с хорошим видом на море, или же на галечных косах, упиравшихся в отроги гор. Рядом были специальные наблюдательные места — *ёпын*, *ёпатынвын*, — с которых следили за появлением зверя, а также жертвенники — *рытватлявыттэ*, — куда ежегодно с началом промысла приносили черепа моржей с клыками, а осенью с появлением льдов — черепа белых медведей. В каждом селении имелись так называемые *гэчеватын* — увеселительные площадки, на которых проводились состязания, игры, танцы; общие мясные ямы — *увэрат*; стойки из челюстей кита для хранения байдар, нарт и другого имущества.

Каждая патриархальная община в селении имела свое место. Её жилища располагались в определенном порядке: на первом месте стояла яранга потомков первого поселенца, чуть позади, справа или слева — яранги родных и двоюродных братьев. Каждая группа яранг объединяла членов одной байдарной общины. Двери яранг были обращены в сторону, откуда реже дуют сильные ветры: в Уэлене — на запад, в Инчоуне — на восток, в Нунымо, Аккани — к морю, в Сешане — на юго-восток и т. д. В селениях оседлых приморских чукчей было, примерно, от 5 до 40—50 яранг с числом жителей максимум до 250—300 человек.

Второй тип — селения обедневших оленеводов, почти полностью лишившихся оленей. На восточной Чукотке их называли *рамагтагратыллыт* (спустившиеся с жилищами к берегу моря).

Рамагтагратылыт располагались на берегу моря, образуя небольшие селения в 2—3 яранги с населением 10—15 человек. Основной существования были промысел нерпы, лахтака, рыболовство, сухопутная охота, собирательство на берегу моря и в тундре. Они часто меняли места в поисках хороших промысловых угодий, существование их было нищенским и в значительной мере зависело от оленеводов и береговых чукчей.

В поселках приморских чукчей рамагтагратылыт выбирали для своих поселений специальные участки: в Аккани — Яаалнуткэн, в Уэлене — конец косы, в Энурмино — Рыпатран, и т. д.

Жилища рамагтагратылыт по началу были такими же, как и у оленеводов, а когда приходили в негодность шкуры полога и покрышки яранги, они принимали вид землянок, покрытых оленьими и моржовыми шкурами. Располагались жилища в отдалении друг от друга. Капитальных хозяйственных построек (мясных ям, стоек для байдар и нарт у них не было).

Третий тип селений — стойбище оленеводов — *чавчыват*, которое в большинстве случаев объединяло родственные семьи: родных, двоюродных братьев и т. п. с их женами и детьми.⁶ Обычно стойбище состояло из 2—3 яранг, реже из 4—5, с населением в 15—30 человек. Зимой стойбище кочевало по определенному маршруту и лишь какое-либо бедствие нарушало этот традиционный путь. Яранги располагались в строго определенном порядке: на первом месте стояла яранга *ыттыолральын* (переднедомного). остальные выстраивались позади неё в зависимости от старшинства и близости родства к *переднедомному*. Летом, когда стада находились на выпасе, несколько стойбищ, связанных родством, обосновывались на берегу моря или реки. Так, лоринская группа оленеводов Чукотского района выходила на побережье Мечигменской губы, ыльвынейская группа чукчей останавливались на побережье Восточно-Сибирского моря в устье р. Раучуван (Б. Бараниха), нешканская (*а'лярамкыт*) — выходила на берега Колючинской губы у залива Камак и т. д. Иногда в летних объединенных стойбищах скапливалось до 15 и более яранг с населением до 100 человек. Такие стойбища чукчи называли *нырон-ныран-варатыльэн нымным* (т. е. трех-четырёх народов селение). Под словом «варат» имелись в виду большие родственные семьи, восходящие к одному общему предку.

В конце 30-х гг., когда создаются первые простейшие товарищества по совместной добыче морского зверя или совместному выпасу оленей, начинается концентрация чукчей в более крупные поселки. Начало этому положили жители полуседлых селений — *рамагтагратылыт*, которые при активном содействии органов советской власти переселялись в постоянные поселки приморских чукчей, где их принимали в товарищества по совместной добыче морского зверя, или устраивались на работу в производственных мастерских, торговых организациях, школах и т. д.

В большинстве случаев базой концентрации берегового и оседания кочевого населения послужили исторически сложившиеся

Т а б л и ц а 4
Удельный вес народностей Севера
к общей численности населения (в %)

Поселки	1967 г.	1979 г
Лаврентия	17.7	14.5
Лорино	82.4	47.8
Уэлен	83.3	72.5
Нешкан	91.4	76.6
Инчоун	90.9	89.9
Энурмино	87.4	91.8

селения, сохранившие свои чукотские названия. В континентальной части Чукотки национальные села образовались на местах, выбранных землеустроительной экспедицией.

До 1947 г. процесс концентрации чукотского населения происходил медленно. В основе его лежал хозяйственный и этнический принцип: морские охотники объединялись с морскими охотниками, оленеводы с оленеводами, по национальности — чукчи с чукчами, эскимосы с эскимосами.

С началом создания комплексных хозяйств (1948 г.) оленеводы стали объединяться с береговыми чукчами и оседлыми жителями р. Анадырь. Но особенно активно укрупняются села Чукотки с 1957 г. Население поселков формируется из представителей различных этнических групп и национальностей. Так, с 1958 г. в Чукотский пос. Нунямо Чукотского района вливаются науканские эскимосы, эвены — в поселки Омолон, Анюиск, Островное и т. д.

К настоящему времени в национальной структуре сел на Чукотке произошли большие изменения. Чисто чукотских сел уже не стало. Существуют чукотско-русские, чукотско-эскимосско-русские, чукотско-русско-эвенские, эскимосско-чукотско-русские, эвено-чукотско-русские, русско-эвенские, русско-чукотско-эскимосские. Удельный вес народностей Севера (табл. 4) ⁷ в современных поселках сокращается за счет роста приезжего населения.

К концу 70-х гг. из 55 населенных пунктов Чукотского автономного округа, в которых жили чукчи, они преобладали лишь в 24. Наиболее крупными чукотскими поселениями являются Усть-Белая, Канчалан, Майныпыльгино, Конергино, Нешкан, Уэлен и другие. В каждом проживает от 400 до 550 чукчей. На Камчатке чукчи преобладают в двух селах Олюторского района — Ачайваяме и Хаилино.

В каждом чукотском селении имеются хозяйственные постройки. На побережье, в 20—30 м от поселка, как правило, стоят корпуса звероферм, на берегу оборудованы площадки для разделки морского зверя, ледники для хранения мяса. Чукотские мясные ямы практически изжили себя и лишь изредка встречаются в личном хозяйстве для хранения мяса собакам и подкормки песцов.

Члены оленеводческих бригад в тундре по-прежнему живут в ярангах. На стойбище на первом месте стоит яранга бригадира, остальные за ней. Однако появился и новый вид поселений — перевалочные базы, которые служат местом отдыха пастухов и снабжения их продуктами и другими товарами. Чаще всего перевалочные базы состоят из дома с комплексом хозяйственных построек: складов для хранения продуктов, горючего для вездеходов и тракторов. Имеются перевалочные базы, которые строятся капитально с комплексом бытовых и культурных услуг. Так, перевалочная база совхоза «Певек» Чаунского района состоит из большого добротного дома. Два жилых помещения предназначены для пастухов, одно — для культурного обслуживания. В особой комнате размещаются специалисты: ветеринары, радисты и др. Дом стоит на берегу живописного озера Лесного. Рядом склады для хранения продуктов и снаряжения. Заведующие перевалочными базами, кроме обслуживания оленеводов, занимаются рыболовством, пушной охотой. Перевалочные базы поддерживают в определенные часы радиосвязь с центральными усадьбами. По такому же типу построена перевалочная база совхоза «Дружба» Беринговского района.

В 1981 г. в совхозах Чукотки имелось 38 перевалочных баз, однако используются они довольно редко, что обусловлено существующей системой пастбищеоборотов: соответствующая территория используется для выпаса оленей не чаще одного раза в 3 года. В настоящее время ставится задача иметь перевалочные базы на всех оленеводческих маршрутах.

Ж и л и щ е. К началу социалистической реконструкции основная масса чукчей жила в ярангах. Приморские чукчи также обитали в каркасных наземных жилищах, которые по конструкции были аналогичны ярангам кочевых чукчей. Различия состояли лишь в том, что одни были переносными, приспособленными для перевозки, другие — постоянными.

До начала планового капитального жилищного строительства оседлые чукчи пытались усовершенствовать свои яранги. Основная жилищ этого периода имели засыпные стены из теса или дощечек упаковочной тары. Крыши покрывались толью, рубероидом или моржовыми шкурами. Внутри была просторная холодная, нежилая часть — *чоттагын*, занимающая примерно $\frac{2}{3}$ всего помещения. В глубине, ближе к задней стене, располагалась комната площадью 10—12 кв. м с жестяной или чугунной печью либо ставился полог.

Спали прямо на полу, на оленьих шкурах и только в более культурных семьях — на кровати. Многие жилища сохраняли форму яранги (прямоугольник со срезанными углами), комната делалась как полог, т. е. между стенами жилой комнаты и наружными было воздушное пространство, световое окно имело глубокий проем. Иногда встречались традиционные яранги, покрытые тесом или рубероидом, и рядом — пристройка из теса. Как правило, в таких жилищах старики жили в меховом пологе, молодежь —

в комнате. В подобных жилищах и модернизированных ярангах сохранялась большая скученность.

Жилища долгое время сохраняли особенности хозяйственно-бытового уклада. Так, в чоттагыне держали собак, у стены стоял длинный ящик, в нем хранили меховую одежду, различные вещи, охотничьи снасти и оружие. В центре чоттагына камнями огораживалось место очага. Дверь в жилую часть была маленькой с высоким порогом, в комнате наряду с печью можно было видеть жировые светильники. Подобные жилища строились на личные средства. В строительстве участвовали родственники и односельчане. Коллективными усилиями проводили и капитальный ремонт.

Со второй половины 50-х гг. на Чукотке начинается массовое капитальное жилищное строительство. Особенно интенсивно велось оно в Чукотском, Иультинском и Провиденском районах. Только за три года (1957—1959) здесь было построено 868 домов. Всего же в округе к 1964 г. их было выстроено около трех тысяч.⁸ Это позволило обеспечить новым жильем почти все коренное население.

В этот период чукотские поселки были застроены рублеными одно-, двух-, четырехквартирными домами с печным отоплением. Каждая квартира представляла большую жилую комнату, кухню с печью и просторным коридором, а также тамбуром, где можно хранить меховую одежду, охотничьи снасти, запасы мяса (в специально построенной для этого кладовке).

Собак стали содержать в отдельных помещениях, чаще всего в старых ярангах. В жилое помещение и тамбур собаки теперь не впускались.

Так как при проектировании домов не были учтены особенности хозяйственно-бытового уклада чукчей, то колхозники, рабочие совхозов сами пристраивали широкие просторные тамбуры для хранения хозяйственных предметов, кладовые для запаса продуктов, рядом с домом воздвигались стойки для сушки мяса, хранения нартов и небольших байдар. Порою подобная пристройка изменяла внешний вид дома, делая его похожим на прежнее чукотское жилище. Все села были радиофицированы и электрофицированы. В эти годы резко меняется и быт чукчей.

В начале 70-х гг. дома, построенные ранее, перестают удовлетворять население. И с этого периода начинается строительство домов со всеми коммунальными удобствами. Уровень комфортности жилищ у чукчей растет в последние годы быстрыми темпами. Например, в X пятилетке в совхозах округа число домов с водопроводом выросло в 2 раза, с горячим водоснабжением — в 5 раз, с канализацией — в 14 раз. Увеличивается энергоемкость жилищ. Если в 1976 г. на 1 кв. м жилой площади здесь приходилось 84 квт. ч электроэнергии, то в 1980 г. — 95 квт. ч.⁹

Государство направляет на развитие чукотских сел, улучшение жилищных и бытовых условий коренного населения крупные средства. В X—XI пятилетках на жилищное строительство в совхозах округа было ассигновано более 59 млн. р. Принимаются

меры для укрепления строительной базы на селе. В округе действуют 16 строительных организаций, в том числе сельские строительные комбинаты, каждый из которых ежегодно осваивает строительно-монтажных работ на 13—15 млн. р. Крупные строительные подразделения сложились в некоторых совхозах округа.¹⁰

Особенно интенсивно застраивались и благоустривались в последние годы чукотские поселки Конергино, Сиреники, Лаврентия, Уэлен и ряд других, застройка которых осуществляется по генеральным планам. Облик современных чукотских сел определяет сегодня двухэтажная застройка. Все большее распространение получает панельное домостроение — применительно к сельской местности разработаны три модификации жилых домов типа «Арктика»: двух и трехэтажные многоквартирные, а также одноэтажные двухквартирные усадебного типа.

Комплексная программа жилищно-гражданского строительства в районах северной климатической зоны, куда входит и Чукотка, предусматривает не только расширение объемов жилищно-бытового строительства, но и принципиально новые требования к нему.¹¹ Ставится задача создать жилые дома, в которых современный комфорт будет сочетаться с национальными и бытовыми особенностями жильцов. Разработаны первые проекты таких зданий. В XI пятилетке началось их сооружение в селах Лорино и Тавайваам.

При распределении жилья чукчи и другие народности Севера, особенно оленеводы, пользуются преимуществом. В 1983 г., например, в совхозах Чукотки было построено 138 новых квартир и 98 из них получили семьи коренных национальностей. Всего же в XI пятилетке им было выделено более 55 % новых квартир (удельный вес народностей Севера в селах округа составляет около 30 %).¹²

Современные многоквартирные жилые дома пользуются популярностью у чукотской молодежи, представителей национальной интеллигенции. Люди старших возрастов предпочитают жить в домах усадебного типа.

Внутренняя обстановка квартир в современных домах также претерпела существенные изменения. Чукчи охотно покупают современную мебель, ковры, холодильники, стиральные машины и другую бытовую технику. Предметы современного быта можно встретить сегодня в большинстве квартир береговых чукчей.

Квартиры оленеводов выглядят пока скромнее, но и здесь ярко прослеживается тенденция к интернационализации быта. В совхозе «Канчаланский», например, количество мебели, покупаемой оленеводческими семьями выросло за 5 лет (1971—1976 гг.) в 5 раз, радиоаппаратуры — в 2 раза, при этом часть заявок оленеводов остается неудовлетворенной.¹³ В постоянных населенных пунктах есть начальные, восьмилетние, средние школы, интернаты, отделения связи и т. п.

Интенсивно развивается в селах округа бытовое обслуживание. В сельских учреждениях быта можно сшить или отремонтировать

верхнюю одежду, обувь, головные уборы, сделать современную прическу. Особой популярностью пользуются они у молодоженов. Свадебное платье невесты, торжественный костюм жениха стали неизменными атрибутами у чукотских юношей и девушек.

Более сложные услуги (ремонт радиотелевизионной аппаратуры, бытовой техники и пр.) оказывают бригады специалистов районных комбинатов бытового обслуживания. По специальному графику они посещают самые отдаленные населенные пункты. В XI пятилетке сельскому населению оказывалось более 180 видов услуг. Чукотские села по этим показателям сближаются с городской местностью. В 1983 г. бытовые услуги на одного человека составляли в городах округа 64,3 р., на селе — 50,5 руб.¹⁴

Своеобразно решается проблема улучшения жилища и быта в тундре. Неоднократно предпринимались попытки внедрить у оленеводов передвижные домики на полозьях, более благоустроенные и соответствующие требованиям культуры. Было разработано несколько типов таких жилищ. Однако ни один из них не оправдал себя на практике, так как был тесен, не приспособлен к кочевому быту, плохо держал тепло.

В XI пятилетке ряд чукотских совхозов начал экспериментальную проверку жилища полустационарного типа — жилищно-бытового комплекса. Он состоит из 7—8 жилых блоков «Север-3». Каждый блок площадью 20 кв. м рассчитан на отдельную семью. В жилищно-бытовой комплекс входят также теплый гараж с небольшой электростанцией, баня. Основной состав бригады живет в нем довольно длительное время. В стаде же постоянно находится сменное звено с меховой палаткой. Жилищно-бытовой комплекс в известной степени повторяет идею перевалочных баз с той лишь разницей, что в случае необходимости основную его часть можно сравнительно быстро перебазировать на новое место. Первый опыт его эксплуатации показывает обнадеживающие результаты, хотя и этот тип застройки принят не единогласно.

Культурно-бытовое обслуживание, одежда, пища

В этой области многое сделано для обслуживания тундровиков. К оленеводам регулярно выезжают (7—8 раз в год) работники торговли и быта. Практикуются комплексные выезды с участием врачей, культпросветработников, самодеятельных артистов. Непосредственно в тундре продают меховую одежду, белье, магнитофоны, радиоприемники, снегоходы «Буран», бинокли, свежие овощи, мясо-молочные продукты и пр. Объемы такой торговли расширяются. Если в 1979 г. на каждого оленевода было продано в тундре различных товаров на 470 р., то в 1982 г. на 585 р. На центральных усадьбах и в отделениях совхозов торговые учреждения ведут специальные карточки спроса — заявки оленеводов.

Одежда. В настоящее время у чукчей используется как исконная, так и современная одежда и обувь в зависимости от времени года и характера занятий. В поселках в основном преобладает европейская одежда, в тундре, особенно зимой и в морском промысле — чукотская. Часто она бывает комбинированной: внизу европейская (белье, рубашка, брюки и т. д.), сверху кухлянка, камлейка, торбаза и т. п.

Женщины-чукчанки повсеместно предпочитают современную одежду: пальто, платье, нижнее белье, чулки, туфли и пр. Старинная женская одежда сохраняется лишь в тундре, да и то в основном у женщин старшего возраста. Но и в этом случае под кэркэр (меховой комбинезон) они надевают белье или платье. Тенденция к переходу на европейскую одежду фабричного производства с каждым годом возрастает. Если в 1971 г. каждая из 20 обследованных семей оленеводов в совхозе «Канчаланский» покупала различной одежды фабричного производства в среднем на 150 р., то в 1976 г. на 680 р. Количество покупной кожаной обуви за это же время выросло с 1.2 до 4 пар на семью.¹⁵ Большой популярностью в настоящее время у чукчей пользуются кожаные меховые пальто, дубленки, унты, у молодежи — джинсы, легкие спортивные куртки, кроссовки.

Одежда европейского типа все большее распространение получает и в тундре, а также на морском промысле. Почти все зверобои, многие пастухи-олeneводы носят резиновые сапоги, шапки-ушанки, ватные телогрейки, однако связано это прежде всего с дефицитом меховой и кожаной чукотской одежды. Особенно он ощущается в континентальных совхозах.

В прошлом потребности в одежде и обуви удовлетворялись каждой чукотской семьей самостоятельно. Их шитьем занимались женщины. Навыки этой работы прививались с раннего детства. В настоящее время большинство девушек-чукчанок уже не владеют искусством изготовления такой одежды. Ее шьют в совхозных мастерских женщины среднего и старшего возрастов, а также жены оленеводов и работницы яранг в оленеводческих бригадах, но удовлетворить спрос они не могут.

К середине 70-х гг. эта проблема в совхозах Чукотки встала довольно остро. Вынужденный переход оленеводов и морских зверобоев на фабричную одежду отрицательно сказывается на здоровье людей (увеличивается число простудных заболеваний), поскольку она не может конкурировать с местной. Материалы, из которых шьется чукотская одежда, пока что не имеют себе равноценных заменителей. Использование их — естественная необходимость. Не случайно чукотской меховой одеждой и обувью широко пользуется все население Севера.

Шкуры и кожи нерпы, лахтака, моржа и оленя обладают рядом ценных качеств, соответствующих суровому климату. Так, из шкур лахтака, реже из шкур моржа, изготавливаются крепкие ноские подошвы. В прошлом пара лахтачьих выкоек на подошвы служила предметом обмена береговых чукчей с оленеводами и имела

большую ценность. Кухлянка, сшитая из шкур оленя, не только хорошо хранит тепло, но и служит замечательным спасательным средством. Если охотник случайно провалился под лед или упал с вельбота в воду, кухлянка не дает телу переохладиться и долго держит человека на поверхности. Известны случаи, когда охотники спасались исключительно благодаря чукотской одежде. Например, в 1948 г. чукча Роптын из Уэлена при 35 градусном морозе продержался в воде четыре часа, пока его не подобрала охотники. После ледяной купели Роптын даже не заболел. Вот почему в хозяйствах округа стараются, чтобы одежда зверобоев, охотников и оленеводов была местной, традиционной. Это одна из мер техники безопасности в оленеводстве и морском промысле.

С этой целью расширяется сеть мастерских, улучшаются условия труда швей. Решается вопрос о повышении расценок их труда. В школах появились кабинеты обслуживания оленеводов, где опытные мастера-практики помогают девочкам овладеть секретами изготовления чукотской одежды. Возобновился августовский забой оленей, дающий наиболее ценный мех для её изготовления. Исконный способ выделки сырья для чукотской одежды не привлекателен для молодежи, поэтому ставится задача перевести его на современную технологию.

Совершенствуется одежда и обувь для оленеводов и промысловиков и на основе новых материалов. В XII пятилетке планируется освоить промышленное производство камлеи из ветрозащитной ткани, предохраняющей меховую одежду от забивания снегом и влагой, объемной резиновой обуви, позволяющей использовать дополнительные меховые утеплители, и т. п.

Пища. Современное питание чукчей состоит из местных мясных, рыбных и завозных продуктов, но по-прежнему большое место занимает в питании местная пища: у оленеводов оленина, у приморских чукчей — мясо морских зверей. В северных районах Чукотки некоторое разнообразие в пищевой рацион вносит рыба: голец, навага, камбала, бычки, сельдьятка, хариус. В Беринговском, Анадырском районах частично в Иультинском и Провиденском большое место в питании чукчей занимают лососевые — кета, нерка и др. Из покупных продуктов обязательными стали хлеб, сахар, чай, масло, молоко, мучные изделия, различные крупы, овощи и фрукты.

Мясо и рыбу чукчи употребляют в вареном, сыром или мороженом, вяленом и сушеном виде. Мороженое мясо и рыба обязательно заправляются нерпичьим жиром и листьями полярной ивы *чевалгын*. Вареное мясо обычно не подсаливают. Очень питательна мороженая печень моржа, нерпы, лахтака, оленя, свежая и мороженая кровь.

Из всех видов мяса морского зверя предпочитается моржовое. Оно хорошо сохраняется и, как говорят чукчи, «сытность большую дает». Издавна распространен особый способ приготовления моржового мяса впрок — заготовка *копалгын-а* (моржовое мясо, ушитое в шкуру с жиром).

Как правило, морж, предназначенный на копалгын, режется на восемь, иногда девять равных частей. Шкура снимается равными прямоугольниками вместе с жиром и мясом. Кости передних и задних лап вырезаются так, что остаются лишь запястья. Со снятого куска шкуры с мясом и жиром режется толстая полоса, но совсем не отрезается. Затем по краям куска делаются прорезы, после чего весь кусок стягивается. В таком виде копалгын долгое время сохраняется в прохладном месте, а в леднике может быть свежим круглый год. В пищу копалгын употребляется в свежем и подкисшем виде. В прошлом для того чтобы копалгын был сочным и вкусным, внутрь вкладывали кусок моржовой печени и почки.

Широко употребляется свежее моржовое мясо в вареном виде.

Из тюленей в пищу употребляют морского зайца (лахтак), акибу, тюленя обыкновенного (ларга) и реже полосатого тюленя (крылатка). Печень тюленей предпочитают употреблять в сыром мороженом виде, потроха — варят.

Из китообразных в настоящее время в пищу используют мясо серого кита. Из семейства дельфинов добывается белуха. Жир ее считается особенно вкусным. Большое лакомство представляет кожа кита и белухи: их едят в сыром и вареном виде.

В современном пищевом рационе чукчей мяса морского зверя стало меньше. В 1981 г., например, коренному населению округа его было продано всего 228 т, в том числе 150 т для копалгын-а. Большая часть мяса потребляется в прибрежных совхозах. В континентальных районах Чукотки эти продукты дефицитны и пользуются большим спросом, хотя в XI пятилетке потребление мяса морских животных несколько увеличилось за счет расширившегося товарообмена между прибрежными и континентальными совхозами

В южных районах Чукотки большое место в питании занимает рыбная пища. В период хода лососевых заготавливают рыбу впрок в виде юколы (сушеной рыбы). Многие чукчи стали консервировать рыбу, готовить ее новыми способами, заимствованными от русских — вялят, коптят, засаливают и т. д., научились солить икру, появились свои специалисты икрянщики.

В тундре у оленеводов основным продуктом питания служит мясо оленя. Его едят мороженым и вареным, делают из него супы, добавляя овощи и крупы. Варят мясо по особому чукотскому способу так, чтобы оно обязательно было в середине с сырцом. Такое мясо сочное и вкусное. Из мелко толченого мороженого мяса варят особый бульон.

Важное место в питании чукчей занимает растительная пища, в первую очередь — дикорастущие, или дикоросы. Они служат хорошим источником витаминного дополнения. Различные листья, ягоды и корешки смешиваются с жиром и в таком виде употребляются в пищу. Сбор растений начинается с конца июня и продолжается до первой декады августа. На зиму дикорастущие растения заготавливают главным образом в июле, в период цветения.

Употребляются в пищу морская капуста, некоторые виды моллюсков, крабы и т. п.

Морскую капусту часто варят с мясом морского зверя, что придает питательность и солоноватый привкус мясу.

С улучшением снабжения на Чукотке, расширением ассортимента завозимых продуктов, развития новых подсобных отраслей хозяйства (парниковое овощеводство, птицеводство, молочное скотоводство) в питании чукчей происходят большие изменения. Регулярной стала выпечка хлеба, завозятся свежий картофель, овощи, а самые дефицитные для севера продукты (фрукты, яйца и т. д.) доставляются в отдаленные чукотские села на самолетах.

В совхозе «Канчаланский», по данным уже упоминавшегося бюджетного обследования, в семьях оленеводов с 1971 по 1976 г. потребление свежего картофеля выросло в 6 раз, свежих овощей — в 18, свежего молока — в 16, фруктов и ягод — в 5, яиц и колбасных изделий — в 3 раза.¹⁶

Естественно и закономерно преобладают местные, привычные продукты: коренное население, например, более охотно покупает оленину, нежели говядину, или свинину, пожилые люди чаще пользуются сухим молоком, а не свежим.

Важная роль в интернационализации этой сферы материального быта чукчей принадлежит общественному питанию, которое получило у них всеобщее признание. Столовые работают во всех чукотских селах. Готовят в них вкусно, достаточно разнообразно и дешево, поскольку основные продукты отпускаются столовым совхозами по себестоимости. Коренное население охотно берет обеды на дом. Особенно большой популярностью в этих случаях пользуется выпечка (кондитерские изделия), а также блины, оладьи, сырники.

И в домашних условиях широко используется русская кухня. Обычным стало готовить различные супы, котлеты, жареный картофель, пельмени, каши и т. д., для детей — блюда из молочных продуктов, яиц, фруктов. Способы приготовления пищи в домашних условиях, регулярность питания по существу уже не отличаются от общепринятых. Электрификация поселков, появление электрических печей и плит, другой бытовой техники намного упростили способы обработки продуктов и их приготовления.

В оленеводческих бригадах, где распорядок жизни определяется условиями кочевого быта, режим питания другой. Основную пищу, как правило, принимают раз в сутки перед сном. Большее распространение находит здесь и употребление мясных и рыбных продуктов в сыром и мороженом виде. В прибрежных поселках чукчей сырая пища (ласты, печень, хрящи морского зверя) используется в основном как лакомство во время разделки животных на причале.

Во всех чукотских семьях во время приема пищи используется современная сервировка, однако сохраняется и старинная хозяйственная утварь. Ею предпочитают пользоваться, когда готовят чукотские блюда. До сих пор можно наблюдать, например, в том

числе и в семьях интеллигенции, употребление вареного мяса не на тарелках, а на деревянном подносе, при этом используются низкие чукотские столики.

Национальный вкус проявляется также в способах приготовления пищи из покупных продуктов. К ним нередко добавляют жир оленя или морского зверя, различные приправы из «дикоросов».

Подводя итог изменениям, происшедшим в культурно-бытовой сфере чукчей, следует прежде всего отметить интенсивное развитие общесоветских форм.

Степень унификации в компонентах материальной культуры у различных групп чукчей проявляется по-разному. Этническая специфика более устойчива у оленеводов, уклад жизни которых в силу природных особенностей их деятельности в значительной степени сохраняет устоявшиеся черты. Более заметна она и в тех сферах материального быта, которые в наибольшей степени связаны с этническим самосознанием, художественным вкусом, наклонностями и привычками народа, выработанными многими поколениями.

Интернационализация образа жизни чукчей ведет к усилению региональной культурной общности, охватывает все народы, живущие в Чукотском автономном округе. Все ценное и рациональное, вырабатываемое в процессе их общения входит составной частью в общую культуру советского народа.

Семья и брак

До начала 50-х гг. в большинстве случаев чукчи жили большими неразделенными семьями. Случалось, что в одной яранге жили два брата с женами и детьми и престарелые родители. Некоторые неразделенные семьи насчитывали 14—16 человек. Выделение отдельных семей уже было в обычае чукчей, но этот процесс сдерживался из-за трудностей строительства жилища. Как только появлялась возможность, женатый сын отделялся от родителей и братьев и строил свое жилище рядом с родными.

Начало государственного строительства домов, рассчитанных на одну семью, стало нарушать принцип расселения жителей в одном поселке родственными группами. Но все же там, где это было возможно, желание родственников учитывалось, и в большинстве случаев они селились по соседству друг с другом.

К концу 60-х гг. чукотская семья состояла в основном из 2—3 поколений: престарелые родители, сын (дочь), его жена (муж) и их дети. В составе таких семей, кроме того, иногда жили неженатые братья и незамужние сестры. Довольно часто встречались также семьи, в которых вместе с женатым сыном или замужней дочерью жили вдовы отец или мать.

Представление о степени распространенности основных типов чукотской семьи (на 1983 г.) дает таблица 5, составленная по

Т а б л и ц а 5
Распространенность типов чукотских семей
(в %)

Тип семьи	Сиреники	Ново-Чапличино	Средний показатель по двум селам	Сельское население СССР *
Брачные пары с детьми и без детей	39	55.2	44.3	66.1
Брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супруга	3.4	—	2.3	9.2
Брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него), с другими родственниками	13.5	6.9	11.4	5.3
Две и более брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками или без них	1.7	—	1.1	4.5
Неполные семьи (матери или отцы с детьми, с другими родственниками)	39	37.9	38.6	10.6
Прочие семьи	3.4	—	2.3	4.3

* Данные по СССР приведены по: Численность и состав населения СССР. М., 1985. С. 252.

данным похозяйственных книг двух сельских Советов — Сирениковского и Ново-Чаплинского, в которых проживают чукчи и эскимосы.¹⁷

В группе обследованных чукчей практически исчезли большие неразделенные семьи. Зафиксирована всего одна такая семья в с. Сиреники. Родители М. Ковране и Рагтытваль — оленеводы и большую часть времени проводят в тундре. В поселке в их квартире живет дочь (ветврач) с мужем (художественный руководитель дома культуры) и их дети. Существование этой и других подобных семей на Чукотке связано, как уже говорилось, с еще существующими трудностями в обеспечении жильем. В данном случае молодые используют пустующую большую часть года квартиру родителей, однако главой этой большой семьи считается отец молодых — оленевод М. Ковране. Это наиболее типичный случай существования у чукчей больших неразделенных семей.

Средний размер современной чукотской семьи (совместно проживающие члены) составлял в округе в 1979 г. 4 человека, в том числе в сельской местности — 4.1, в городе — 3 человека. Это выше, чем в целом по СССР, но меньше, чем у других оленеводческих народов Севера, в частности коряков и ненцев.¹⁸ К малочисленным семьям относятся преимущественно молодые, в которых по 1—2 ребенка.

Брачный возраст наступает в 18—20 лет. Браков более раннего возраста уже не наблюдается. Первые дети у женщин-чукчанок появляются чаще всего в возрасте 20—22 лет. Большинство женатых и замужних чукчей приходится на возраст 30—49 лет: у мужчин — почти 80 %, у женщин — 74 %. В возрасте 20—29 лет соответственно 36.4 % и 53.7 %. Это меньше, чем в среднем по СССР, где аналогичный показатель брачности в этой возрастной категории составляет соответственно 58 % и 70 %.¹⁹

Здесь мы сталкиваемся с серьезной социальной проблемой, которая уже давно привлекает к себе внимание. Дело в том, что значительная часть чукчей в возрасте до 30 лет работает в оленеводстве. В половозрастной структуре оленеводов в последние годы сложилась диспропорция: девушек меньше, чем юношей. Условия кочевого быта, характер женского труда в бригадах не привлекателен для молодых чукчанок. В этих условиях молодому оленеводу весьма не просто найти себе спутницу жизни. По последним социологическим данным, холостой молодежи в оленеводческих бригадах Магаданской области — 69 %. Этим, вероятно, и объясняется наличие разновозрастных браков. Так, например, среди оленеводов Нунлиграна, Энмелена, других чукотских сел довольно часто встречаются семьи, где жена старше мужа на 16—25 лет и более. Отмечены также случаи (Алькатваам) соблюдения левирата.²⁰

За последние годы у чукчей существенно сократился удельный вес браков в возрастной категории 16—19 лет; у мужчин — в 2.4 раза, у женщин — в 1.3 раза. Юноши и девушки в этом возрасте в большинстве случаев еще продолжают учебу в средней школе, ГПТУ, в вузах или техникумах. Часть юношей, кроме того призывается в Советскую Армию.

У чукчей, особенно оленеводов, сравнительно много семей, не имеющих в своем составе супружеской пары (тип 5). В Сирениках, например, в 1983 г. их было 23 или 39 % к общему количеству семей. 17 из них возглавляли женщины. Это семьи вдов (1), разведенных (2) и матерей-одинок (14).

В прошлом у чукчей вдов было значительно больше. Трагическая гибель мужчин на охоте вплоть до конца 60-х гг. не была редкостью. В настоящее время рост неполных семей идет в основном за счет разведенных и матерей-одинок.

За годы Советской власти в положении чукотской женщины произошли громадные изменения. Обеспечено ее полное равноправие во всех сферах общественной и семейной жизни. В экономическом отношении она независима от мужа. Это в известной степени сказывается на росте численности разведенных женщин, а также матерей-одинок, однако в целом их число невелико.

Численность специалистов среди чукчанок растет быстрее, чем у мужчин. Более высок у них и общеобразовательный уровень. Это порождает немалые трудности в выборе мужа. Перспектива стать женой оленевода устраивает немногих — об этом уже говорилось выше. В пастушеских бригадах девушкам с их современ-

ными профессиями делать нечего, а оставаться в поселке на положении жены без мужа не все желают. Выбор же среди тех, кто постоянно живет в поселке также нередко ограничен. Во-первых, часть потенциальных женихов после учебы в техникумах или вузах не возвращаются в родные места. Другие возвращаются уже женатыми. Выходить замуж только для того, чтобы стать женой, отваживается далеко не каждая. И не случайно у женщин, имеющих высшее или средне-специальное образование и не состоящих в браке, дети появляются в довольно позднем возрасте: в 25—30 лет.

Главой чукотской семьи считается обычно тот, кто дает основной семейный доход, но в некоторых случаях им может быть более авторитетный и опытный член семьи. В таких случаях доход всех членов семьи поступает в общее пользование, но распределяется несколько своеобразно: натуральные продукты (мясо, жир, шкуры) становятся общим достоянием, деньгами распоряжается в большинстве случаев тот, кто их зарабатывает.

В настоящее время все дети в семьях чукчей находятся на полном государственном обеспечении и большую часть года живут в интернатах и детских садах. На лето, как правило, дети оленеводов приезжают к родителям в тундру или в отдаленные поселки.

Для престарелых чукчей и инвалидов, которые не имеют родных и близких, созданы специальные дома, в которых они занимаются посильным для них трудом. В целом же численность одиноких (живущих вне семьи) в Чукотских поселках невелика.

В дореволюционный период «обычным способом получения невесты, — писал В. Г. Богораз, — является... обычай работать пастухом у будущего тестя в виде платы за невесту».²¹ Сами чукчи этот обычай не считали отработкой, «пастушеством за жену». Отец невесты обычно объяснял, что он хочет узнать, каков жених: работающий ли, в состоянии ли обеспечить будущую семью? Это был самый распространенный способ выбора невесты, но встречались и романтические браки, когда молодые люди сходились по любви.

Чукотский брак не считался нерасторжимым. Если молодой женщине не нравилось в семье мужа, она могла уйти в любое время. Случалось, что родители забирали дочь, не поладив с семьей зятя или им самим.

Распространено было и многоженство, обычно у богатых оленеводов, морских охотников. Но часто его причиной являлись такие обычаи, как групповой брак, или *левират*.

Обычай многоженства долго сохранялся и в советское время. Сравнительно легко было преодолено многоженство, имевшее социальную основу, когда богатый стадовладелец брал жену как хозяйку на каждое стадо. Значительно труднее изживалось многоженство, в основе которого лежали обычаи левирата, группового брака или необходимости иметь детей, когда от первой жены их не было. Жениться на жене старшего брата или принять жену умершего «товарища по жене» считалось чукчами кровной обязан-

ностью, долгом. Когда эти обычаи осуждались, то чукчам долгое время было непонятно, в чем их порок.

Чукотский свадебный обряд в прошлом был сравнительно простым. Невеста, сопровождаемая близкими родственниками, на собственных оленях приезжала к жениху. У яранги жениха забивали жертвенного оленя. Приносили жертву закату и рассвету, делали и другие кровавые и бескровные жертвоприношения. Затем кровью убитого оленя на лица невесты, жениха и близких родственников наносили семейные знаки жениха. Тем самым невеста отказывалась от своей семьи, от своего очага и родства. Через несколько дней совершалась вторая часть обряда — *а'лярантогыргын* (путешествие, чтобы развеять скуку). Молодожены, сопровождаемые несколькими родственниками, отправлялись в стойбище тестя, чтобы молодая жена сняла скуку по дому.

В настоящее время этот обряд почти изжил себя, наблюдать его можно лишь в редких случаях, правда, сохранились его отдельные элементы. «Путешествие, чтобы развеять скуку» совершается и сейчас, когда жена с мужем едут к ее родным.

Обычай отработки за жену исчез, но в некоторых случаях юноша живет у родителей будущей жены месяц—два, помогая в хозяйстве.

Старые чукотские свадебные обычаи сейчас ушли в прошлое. Молодые люди женятся по любви, торжественно регистрируются в клубе, собирают на свадьбу родных, знакомых, молодоженам делают подарки. Торжественно отмечают комсомольские свадьбы.

Межнациональные браки у чукчей и в прошлом были не редкостью. «Оленные чукчи. . . — отмечал В. Г. Богораз, весьма склонны жениться на женщинах чужих племен».²² Встречались чукотско-корякские браки, чукотско-эскимосские, чукотско-эвенские и изредка чукотско-русские. Чукчи-оленоводы, например, охотно женились на корякских, эвенских и юкагирских женщинах, выросших в тундре и привычных к кочевой жизни, приморские чукчи охотно брали замуж эскимосок, которые были знакомы с приморским бытом. Но браки между оленоводами и береговыми чукчанками случались крайне редко, так как женщины не были приспособлены к кочевому быту, а мужчины-оленоводы — к оседлой жизни на побережье.

Многонациональный состав современного населения Чукотского автономного округа, совместный труд чукчей с представителями других национальностей, оседлый образ жизни способствовали изжитию старых норм семейно-брачных отношений.

В Сирениках и Ново-Чаплино, например, больше половины всех семей — смешанные, в основном чукотско-эскимосские или эскимосско-чукотские, а также с представителями пришлого населения, в основном с русскими. В пересчете на общестатистический показатель (1000 семей) это составит 529 семей — в 2—3 раза больше, чем в Латвии, Казахстане, Молдавии, отличающихся повышенным

процентом смешанных семей, и в 5 раз больше, чем в целом по СССР (сельское население).²³

Численность таких семей растет на Чукотке очень быстро. Если, например, в Ново-Чаплино они составляли в 1962 г. 23 %, ²⁴ то в 1983 г. — 63.7 %.

18.5 % всех этнически смешанных чукотских семей в поселках — семьи с участием русских, однако имеются также украинско-чукотские и молдавско-чукотские семьи.

Эту тенденцию убедительно подтверждает и динамика браков. (Смешанные браки и смешанные семьи не одно и то же. Есть смешанные семьи, в которых брак юридически не оформлен, хотя муж с женой живут совместно по 15—20 и более лет, имеют общих и уже взрослых детей. Таких семей немного, но они есть.) В 1973—1983 гг. в селах Сиреники и Ново-Чаплино их было зарегистрировано 113, в том числе 48 смешанных. Удельный вес последних вырос за это время в Сирениках с 25 % до 40 %, в Ново-Чаплино — с 33 % до 55 %. При этом основная часть таких браков у чукчей также происходит с эскимосами, браки с представителями пришлого населения, главным образом русскими, составляют 32 %.

Преобладают браки русских мужчин с чукчанками. Браки русских женщин с чукчами наблюдаются реже. В этом случае мужья-чукчи, как правило, — представители местной интеллигенции: учителя, работники советских, партийных организаций.

Несколько иная картина в других селах Чукотки. У южных и восточных чукчей смешанные браки составляют лишь 17.9 %, причем большинство их с представителями приезжего населения, главным образом с русскими. В Амгуэме, Канчалане, Алякватвааме, например, они составляют более 80 % от общего числа смешанных браков, в Энмелене и Нунлигране — более 60 %, в Мейныпыльгино — 50 %.^{24a}

Удельный вес смешанных браков, их этническая структура зависят от хозяйственной специфики населенных пунктов, соотношения приезжих и местных жителей, национального состава сел вообще.

В смешанных семьях, состоящих из народностей Севера, национальность детям в большинстве случаев присваивается по матери.

Собственные имена чукчей. Среди чукчей большое распространение имели генеалогические или патрилинейные имена, что было связано с представлением о возвращении умерших. В советское время это представление стало вытесняться идеей сохранения наследственных признаков, фамильных традиций. Имя ребенку, как правило, присваивается через 2—3 недели. Причем имя сыну подбирается по имени деда через поколение, а если отца нет в живых, то по имени отца. Но если ребенок попал в беду, перенес тяжелую болезнь, — ему меняли прежнее имя, которое затем уже помнили лишь ближайшие родственники и то хранили его в тайне. Иногда наследственное имя возрождалось

в младших поколениях, бывали случаи, что оно присваивалось ребенку лишь с наступлением совершеннолетия.

В связи с тем, что чукотские личные имена имели генеалогические корни и уходили в далекое прошлое, в каждом чукотском селении или кочевом стойбище был определенный круг распространенных имен.

Во всех случаях лица, имеющие в основе своего имени одну значимую основу, являются родными или двоюродными братьями и сестрами. Даже тогда, когда встречались тезки, то они обязательно старались найти своих общих предков.

Генеалогические имена по своему этимологическому признаку могли быть пяти видов: 1) описательные, характеризующие качества человека (обычно они самые распространенные): *О'мрын* (крепкий), *О'мрына* (крепкая); 2) охранительные, отпугивающие, в основе которых обычно использовались названия злых и добрых духов, животных: *Кэлы* (дух, демон), *Кэльэнны* (дух-женщина), *Ы'ттыын* (собака); 3) ложные, по своему назначению близкие к охранительным: *Эгтинки* (некрасивый), *Э'кэнэвыт* (плохая); 4) местные (топонимические), встречающиеся очень редко, которые как правило, присваиваются безродным, одиноким людям: *Нэскэнэв* (женщина — из села Нешкан); 5) уничижительные имена или клички, которые как и местные, обычно давались людям несостоятельным и не имеющим родственных связей. Довольно часто в старости человеку затем давалось уважительное ласкательное прозвище. Например, *Таай* — по значению близкое к русскому «тятя». Прозвища давались и детям за какие-либо особенности.

В советское время в связи с изменением социальных условий жизни, улучшением материального благосостояния и исчезновением веры во «всемогущих духов» становятся малоупотребительными охранительные, ложные и уничижительные имена. У чукчей также стало принято называть человека по фамилии, имени и отчеству. Если в 1965 г. фамилию, имя и отчество носил 21 % обследованных чукчей, фамилию и имя — 42 %, только имя — 37 %, ²⁵ то в 1983 г. соответственно 66, 21 и 13 %.

Резко сокращается употребление традиционных имен в 40-е гг. Среди чукчей, родившихся в эти годы, число лиц только с именем в сравнении с предыдущим десятилетием сокращается в 6 раз. В 5 раз становится больше лиц с фамилией, именем и отчеством. Обычай давать ребенку при рождении только имя по-видимому, окончательно исчезает лишь в 50-е гг. Бытование же имени в сочетании с фамилией продолжается вплоть до последних лет.

Общепринято давать детям русские имена. В таком случае чукотское имя ребенка, данное в семье, становится фамилией. Среди чукотской интеллигенции вошло в обычай присваивать себе в качестве отчества чукотское имя-прозвище отца: *Тымнэтагын* Дмитрий Кагье-вич (имя-прозвище отца *Кагье*), *Рочгына* Зинаида Ако-вна (имя-прозвище отца *Ако*). В этих случаях отчество выбирают себе сами носители имен.

Во многих чукотских семьях фамилию детям начинают присваивать по имени главы семьи, как правило, отца, у женщин входит в обычай принимать чукотское имя-фамилию мужа.

С 30—40-х гг. среди чукчей стало входить в обычай оформлять русские заимствованные имена чукотскими с помощью аффиксов: *Майю-ны Май-тагын Варваранав* и др. Но этот способ образования новых имен не получил широкого распространения.

В настоящее время чукотская система имен приблизилась к общепринятым нормам в Российской Федерации, т. е. фамилия дается по отцу, имя выбирается родителями, отчеством становится имя отца.

Здравоохранение

Первые шаги в организации регулярного медицинского обслуживания коренного населения Чукотки связаны с деятельностью передвижных медицинских отрядов Российского общества Красного Креста (РОКК) и Народного комиссариата здравоохранения. Уже в 1924 г. из резервного фонда СНК РСФСР на организацию таких отрядов были выделены первые ассигнования.²⁶

Работа отрядов носила преимущественно характер обследования — накапливались материалы о состоянии здоровья коренного населения, степени распространения различных заболеваний, вырабатывались необходимые рекомендации по организации лечебной работы. Одновременно оказывалась медицинская помощь.

Уже первые исследования показали, что заболеваемость коренных народностей Севера туберкулезом, чесоткой, другими болезнями значительно выше, чем у русского населения.

Во второй половине 20-х гг. на Чукотке начинают возникать стационарные медицинские учреждения с разъездным персоналом. Больницы и амбулатории были созданы на культбазах. Специальные санитарные комиссии проводили осмотр яранг, следили за чистотой, лучшим хозяйкам выдавали премии, стимулировали соблюдение санитарно-гигиенических правил. Особое внимание уделялось профилактике детских заболеваний.

В деятельности первых чукотских медиков было много трудностей, и, пожалуй, главная из них — недоверие, с которым чукчи относились к работе врачей. Потребовалась громадная разъяснительная работа, прежде чем народности Севера стали самостоятельно обращаться за медицинской помощью. И, конечно же, лучшим средством против косности и предубеждения оказывались результаты врачебной помощи. Из года в год росло число женщин-рожениц, прибегавших к услугам врачей-акушеров. Если в 1932 г. в больнице Чукотской культбазы рожали 2 женщины, то в 1934 г. — уже 30.²⁷

Создание развитой системы медицинского обслуживания особенно ускорилось после образования Чукотского национального округа. С этого времени на Чукотке быстро растет число медицин-

ских учреждений, увеличиваются ассигнования на нужды здравоохранения. К 1940 г. в округе уже работало 12 больниц на 165 коек, 17 фельдшерско-акушерских пунктов, более 80 медицинских работников, в том числе 18 врачей. Бюджет здравоохранения вырос с 13 тыс. р. в 1925 г. до 2062 тыс. в 1940 г. Росла популярность медиков среди коренного населения. Число обращающихся в медицинские учреждения округа в 1933—1940 гг. увеличилось с 900 до 3975 человек.²⁸

Много было в те годы подлинных энтузиастов, замечательных людей, которые, преодолевая трудности кочевой жизни, способствовали приобщению чукчей к новой социалистической культуре. Большой вклад в дело здравоохранения на Чукотке внесли врачи Ф. Л. Леонтьев, Е. П. Кузьмина, С. И. Диробаум, А. П. Пономаренко и др.

К профилактической и санитарно-просветительной работе среди кочевого населения стали подключаться Красные яранги. Для обслуживания особенно отдаленных районов и оказания экстренной помощи особым стала использоваться авиация.

В послевоенные годы Министерство здравоохранения РСФСР направило на Чукотку две врачебные экспедиции, которые обследовали сотни коренных жителей. В результате были выявлены и изучены причины, вызывающие различные заболевания среди местного населения. Участники экспедиции оказали существенную помощь в налаживании работы местной лечебной сети. Для улучшения медицинского обслуживания коренного населения в округ были направлены квалифицированные врачи. В Анадыре была создана постоянно действующая санитарно-авиационная станция.²⁹

В 1953 г. на Чукотке работало 16 больниц, 37 фельдшерских пунктов, 295 медицинских работников. Бюджет учреждений здравоохранения вырос с 1946 по 1953 г. более чем в 3 раза и составил 6 млн. 313 тыс. р.³⁰

Более быстрый рост сети стационарных медицинских учреждений наблюдается сразу после образования Магаданской области. В районах округа открылись противотуберкулезные диспансеры, укомплектованные врачами-фтизиатрами, санитарно-эпидемиологические станции. Были созданы два постоянно действующих передвижных медицинских отряда для обслуживания оленеводов и охотников. Улучшилась материально-техническая база больниц и фельдшерских пунктов. В Анадыре открылась медицинская школа, где готовились кадры из числа коренного населения.

В 1958 г. в системе здравоохранения округа работало 133 врача, почти 300 человек среднего медицинского персонала.

Большое воздействие на совершенствование системы здравоохранения, улучшение медицинского обслуживания коренного населения оказали в эти годы постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г. и «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны

здоровья населения СССР» от 14 января 1960 г.³¹ К концу 60-х гг. в каждом населенном пункте Чукотки работало медицинское учреждение. Для обслуживания оленеводов санитарной авиацией округу выделялось ежегодно 1 млн. р. В медицинских учреждениях округа работало 342 врача, 922 средних медицинских работника.³² В 1970 г. на каждые 10 тыс. жителей Чукотки приходилось врачей в 1,6 раза больше, чем в среднем по стране. В результате огромной заботы Советского правительства об охране здоровья трудящихся общая смертность на Чукотке в 1965—1970 гг. сократилась в 4,5 раза, численность чукчей с 1959 по 1970 г. выросла на 1522 человека, или на 15 %.³³ Серьезные успехи были достигнуты в борьбе с туберкулезом, наиболее распространенным заболеванием среди северян. Совершенствование способа выявления больных на ранних стадиях заболевания, применение более эффективных методов лечения, широкая профилактическая работа помогли успешно бороться с этой некогда грозной болезнью. Только с 1965 по 1971 г. заболеваемость туберкулезом у взрослого коренного населения Чукотки сократилась более чем на 30 %, у детей — на 46 %.³⁴

В годы IX—XI пятилеток продолжалось дальнейшее совершенствование системы здравоохранения. Осуществлена большая программа строительства типовых лечебных учреждений. Вошли в строй новые больницы в Анадыре, Певеке, Билибине, Полярном, расширены больницы в Чукотском, Иультинском и других районах. В селах построены новые амбулатории, аптеки, фельдшерско-акушерские пункты, в Providении и Певеке приняли больных новые современные поликлиники. В результате число больничных коек в округе увеличилось в 1971—1984 гг. с 1730 до 2360. В 1985 г. на Чукотке работало в общей сложности более 250 медицинских учреждений.³⁵

За последние 10 лет в развитие материально-технической базы лечебных учреждений округа вложено почти 30 млн. р., бюджет здравоохранения вырос почти на 70 % и составил в 1985 г. 30,5 млн. р. Ежегодно расходы на медицинское обслуживание каждого жителя выросли со 151 до 241 р.³⁶

Большая забота проявляется в округе о здоровье матери и ребенка. Во всех крупных населенных пунктах Чукотки работают молочные кухни, создана сеть родильных и детских отделений. За последние три пятилетки на Чукотке открыто более 30 женских консультаций, детских поликлиник и амбулаторий.³⁷ Введена в строй областная детская соматическая больница, областной дом ребенка, расширен детский санаторий на курорте «Талая». В XI пятилетке в округе нет материнской смертности, тяжелой акушерской патологии.

Для школьников Магаданской области, в том числе и Чукотки, построен круглогодичный санаторный лагерь на 200 мест и летний — на 240 мест в Приморском крае на берегу Амурского залива. За последние годы на Чукотке построено около 50 новых детских садов-яслей. Охват детей дошкольными учреждениями

в округе составляет в настоящее время около 70 %. Детскими садами и яслями охвачены все дети коренных национальностей.

Государство направляет на эти цели крупные средства. Дополнительные ассигнования выделяют также совхозы. В селе Сиреники, например, расходы на содержание одного ребенка в детском саду-яслях составляют в среднем ежегодно около 1800 руб., причем родители оплачивают из этой суммы менее 1 %.

В летний период значительная часть ребятишек округа вывозится в санатории и пионерские лагеря центральных районов страны.

К концу XI пятилетки на Чукотке сложилась стройная и высокоэффективная система здравоохранения, способная решать разнообразные и сложные задачи. Почти во всех центральных усадьбах совхозов, в наиболее отдаленных и труднодоступных поселках работают сельские участковые больницы, в других селах — фельдшерско-акушерские пункты и амбулатории. В райцентрах созданы центральные районные больницы, туберкулезные диспансеры, санэпидемстанции и другие специализированные медицинские учреждения. В крупный лечебный центр превратилась окружная больница, где работают врачи по 33 специальностям, в районных больницах — по 13—18.

В 80-е гг. значительно улучшилось медицинское обслуживание кочевых оленеводов. С этой целью в округе создано 4 передвижных медицинских отряда, в том числе гельминтологический и передвижная зубоветеринарная лаборатория. В оленеводческие бригады регулярно выезжают также сельские медики. Непосредственно в тундре ежегодно проходят медицинский осмотр более 80 % всех оленеводов, рыбаков и охотников. На сверхнормативное медицинское обслуживание коренного населения (бесплатные медикаменты, детское приданое и пр.) отпускается ежегодно более 220 тыс. р. Каждый год около 300 чукчей, эскимосов, представителей других северных народов поправляют свое здоровье в санаториях, на курортах и домах отдыха. Особенно большой популярностью пользуется магаданский курорт «Талая».³⁸

По данным на 1984 г. в системе здравоохранения округа работало 3273 медицинских работника высшей и средней квалификации. В пересчете на 10 тыс. человек населения это значительно больше, чем в Англии, Японии, Франции и других развитых капиталистических странах, выше, чем в среднем по СССР.³⁹ В XI пятилетке усилилась работа по подготовке медицинских кадров из числа коренного населения. В медицинские институты и училища в 1981—1985 гг. по внеконкурсным путевкам из округа было направлено около 100 юношей и девушек коренных национальностей.

В далекое прошлое ушли шаманские способы лечения, страшные рассказы и легенды об эпидемиях, уносивших из жизни жителей целых поселков. Сейчас в округе никого уже не удивляет, что главным терапевтом в окружной больнице работает Заслуженный врач РСФСР О. Д. Тымнетувге, в с. Лаврентия районную

больницу возглавляет М. И. Ыттырультина, лечит своих земляков С. Кымыльгин и др. А всего в системе здравоохранения округа работает почти 100 представителей народностей Севера с высшим и средним медицинским образованием.

Проблемы охраны здоровья коренных северян занимают важное место в деятельности научных учреждений и организаций. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 августа 1979 г. «О дальнейшем развитии медицинской науки в районах Сибири и Дальнего Востока»⁴⁰ создан Институт медицинских проблем Севера в г. Красноярске, ряд других научно-исследовательских учреждений.

В последние годы в северных районах страны, в том числе и на Чукотке, разворачиваются комплексные исследования экологии человека. Особое внимание ученых занимают проблемы воспроизводства коренного населения в условиях бурного научно-технического прогресса в связи с переходом народностей Севера к нетрадиционным видам деятельности и условиям труда, к новому образу жизни. Разрабатываются структура и система показателей комплексной оценки здоровья коренных народов, расширяются исследования по охране здоровья матери и ребенка, рациональному питанию, народной медицине и другим важным вопросам.⁴¹

Широкие мероприятия по улучшению благосостояния, условий труда и быта, медицинского обслуживания коренного населения разработаны в округе в связи с решениями XXVII съезда КПСС. Перед лечебными учреждениями ставится задача усилить профилактическую направленность здравоохранения, повысить качество медицинского обслуживания. С этой целью в XII пятилетке планируется осуществить коренную реконструкцию действующих медицинских учреждений, улучшить их обеспеченность современным диагностическим и лечебным оборудованием, лекарственными препаратами, расширить сеть специализированных больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений. В этом находит отражение постоянная забота партии о здоровье советских людей, об их физическом и духовном совершенстве.

Физическое воспитание

Важную роль в укреплении здоровья людей играют физическая культура и спорт. Суровая северная природа Чукотки с ее коротким летом и долгой зимой всегда требовала, чтобы человек был физически крепким, выносливым и сильным. Поистине нужна была спартанская закалка, и ее имело, ее приобретало с детства чукотское население.

Чукотская женщина, оголив плечо из керкера, спокойно раздвигала тушу оленя голыми руками на сорокаградусном морозе, а молодому пастуху ничего не стоило сбегать в гости к соседям за 20—30 км, попить чаю и вернуться обратно. Для пастуха-

оленевода пробежать такое расстояние по болотистой тундре не считалось сложным делом.

С незапамятных времен чукчи уделяли большое внимание физическому воспитанию. В кочевых стойбищах и береговых селениях огромным уважением и почетом пользовался человек, обладавший большой физической силой и ловкостью. Его называли «эрмэчын» — силач. Поэтому все свободное время чукчи отдавали различным состязаниям, физическим тренировкам и спортивным играм. «Нет дела, таскай камни, прыгай, бегай!» — говорили они.

«Чукчи страстно любят всевозможные состязания, требующие физической силы и ловкости, и пользуются каждым удобным случаем для их устройства, — писал В. Г. Тан-Богораз. — Через каждые три или четыре дня на различных стойбищах околотка устраивались гонки на оленях. . . Эти гонки разнообразились пешим бегом, прыганием через барьер, скачками на лахтаке и т. п.»⁴²

Физическая тренировка проходила в различных условиях и в разное время года, преимущественно под открытым небом, независимо от погоды, к тому же — с созданием искусственных трудностей. Так, если прыгали, то специально на сырой и скользкой моржовой шкуре, камень, который играющие должны были выхватить друг у друга, обмазывался жиром, и т. д.

Спортивные игры и состязания в основе своей одинаковы как у приморских чукчей, так и у оленеводов, но и здесь сказывался хозяйственный уклад: приморские чукчи воспитывали будущих морских охотников и хороших швей и разделщиц морского зверя, оленеводы — пастухов и хозяек яранг. Для малыша приморских чукчей необходимой принадлежностью становились праща и бола (в просторечии: костяшки), для сына оленевода — аркан — необходимый предмет каждого пастуха. Игры с арканом — самые любимые, и среди детей, и среди взрослых. Они распространены и среди оленеводов, и среди морских охотников, у которых только в летнее время аркан вытесняется пращей и болой.⁴³

Чукотские виды спорта хороши тем, что они готовят человека к жизни в условиях сурового Севера, закаляют его, делают неуязвимым и жизнестойким.

Физическое воспитание чукчей в настоящее время органично вписывается в сложившуюся в стране систему физической культуры и спорта. В округе работают добровольные спортивные общества, детско-юношеские спортивные школы. Серьезно занимаются этими вопросами комсомольские организации, общеобразовательные школы и дошкольные учреждения, трудовые коллективы.

Наряду с общепринятыми формами этой работы, современными спортивными играми и соревнованиями большой популярностью у чукотской молодежи пользуются их традиционные виды. Они развивают у будущих оленеводов и охотников необходимые

для их труда навыки, воспитывают ловкость, физическую выносливость.

В прошлом в поселках береговых чукчей были свои оригинальные спортивные площадки — *гэчэватын*. Состязания на гэчэватыне начинались с подъема тяжелых камней. Камень как штанга выжимался вверх. Часто проводился и такой вид тренировок. Охотник ложился животом на гальку. На него клали камень, и четверо человек, ухватившись за руки и ноги приподнимали его. Вес камня с каждым разом увеличивался, пока не наступал предел.

Здесь же происходила чукотская борьба. Определенных ее правил не существовало, борцы могли применять любые приемы, любую хитрость, лишь бы положить соперника на лопатки.

Современные соревнования и игры проходят на спортивных площадках при школах, стадионах. Используется в основном фабричный спортивный инвентарь. Некоторые традиционные игры чукчей вошли в репертуар художественной самодеятельности и профессиональных коллективов. В частности, в программах чукотско-эскимосского Государственного ансамбля «Эргырон» можно увидеть игру — прыгание на моржовой шкуре.

Борьба, бег с посохом, гонки на собаках и оленях обязательны на каждом празднике в поселках и в тундре. В округе работает 42 секции национальных видов спорта, в них занимается 1850 человек.

Национальные виды спорта включены в программу детских и юношеских спортивных школ. В 1985 г. занятия по ним проводили 11 штатных преподавателей и более 70 общественников. В 1984 г. нормативы массовых спортивных разрядов по национальным видам спорта выполнили 268 человек, а всего в округе более 500 разрядников.

Чукотские спортсмены неоднократно становились призерами чемпионатов РСФСР по национальным видам спорта. В апреле 1985 г. в Анадыре прошел 1-й окружной чемпионат. В нем участвовали и корякские спортсмены. В программу чемпионата, кроме чукотских, входили традиционные виды спорта эвенов, эвенков, ненцев, хантов, других народов Севера.

Дальнейшее развитие как традиционных, так и новых видов спорта, совершенствование всей физкультурно-массовой и оздоровительной работы — важный резерв в укреплении здоровья коренного населения, гармоничного развития личности советского человека.

¹ Программа КПСС. М., 1986. С. 9.

² Лашов Б. В., Литовка О. П. Социально-экономические проблемы развития народностей Крайнего Севера. Л., 1982. С. 50.

³ Кокорев Е. М. Социальное развитие северного региона. Магадан, 1981. С. 89.

⁴ Магаданская правда. 1984. 22 дек.; 1985. 15 мая.

⁵ Народное хозяйство Магаданской области в X пятилетке. Магадан, 1981. С. 5.

⁶ Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934, Ч. 1. С. 142.

⁷ Леонтьев В. В. Хозяйство и культура

- народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск, 1973. С. 91. Сведения за 1979 г. взяты из материалов первичного учета сельских Советов Чукотского района.
- ⁸ *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки. . . С. 99; *Селитренник Э. Е.* Некоторые вопросы колхозного строительства в Чукотском национальном округе // СЭ. 1965. № 1. С. 20.
- ⁹ *Тураев В. А.* Традиции и современность в социалистическом образе жизни народностей Севера // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток. 1983. С. 20.
- ¹⁰ Магаданская правда. 1981. 16 дек.; 1984. 5 дек.; 1985. 5 мая.
- ¹¹ Правда. 1982. 11 янв.
- ¹² Магаданская правда. 1984. 28 марта.
- ¹³ *Тураев В. А.* Традиции и современность. . . С. 21.
- ¹⁴ Магаданская правда. 1984. 28 марта.
- ¹⁵ *Тураев В. А.* Традиции и современность. . . С. 21.
- ¹⁶ Там же. С. 20.
- ¹⁷ Мы располагаем достаточно подробными этностатистическими материалами лишь по небольшой группе чукчей (около 320 человек) Сирениковского и Новоапалинского сельских Советов Провиденского района. Они были собраны в результате этнографической экспедиции летом 1983 г. И хотя эти материалы не дают полной картины семейно-брачных отношений чукчей, по ним тем не менее можно судить о характере происходящих изменений.
- ¹⁸ См.: Численность и состав населения СССР. М., 1985. С. 289, 291, 293.
- ¹⁹ Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 89.
- ²⁰ *Задорин В.* Когда уходит женщина. . . // Северные просторы. 1985, № 3. С. 14; *Симченко Ю. Б., Лебедев В. В.* Смешанные браки у южных и восточных чукчей // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985. С. 169.
- ²¹ *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. С. 119.
- ²² Там же. С. 128.
- ²³ Население СССР. . . С. 99.
- ²⁴ *Гурвич И. С.* Этнические процессы на Крайнем Северо-Востоке Сибири // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 210.
- ^{24a} *Симченко Ю. Б., Лебедев В. В.* Указ. соч. С. 171—174.
- ²⁵ *Леонтьев В. В.* Хозяйство севера и культура народов Чукотки (1958—1970 гг.). Новосибирск, 1973. С. 129.
- ²⁶ Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 190.
- ²⁷ Там же. С. 214.
- ²⁸ Там же. С. 214, 235; Народное хозяйство РСФСР в 1981 г. М., 1982. С. 48.
- ²⁹ *Нефедова С. П.* Культурное строительство на Чукотке // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. Магадан, 1971. С. 145.
- ³⁰ Очерки истории Чукотки. . . С. 288.
- ³¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК М., 1971. Т. 7. С. 257—263; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 634—645.
- ³² Очерки истории Чукотки. . . С. 288, 382.
- ³³ Там же. С. 383.
- ³⁴ ГАЧАО, ф. Р-1, оп. 1, д. 607, л. 77, 79.
- ³⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1983 г. М., 1984. С. 304; Магаданская правда, 1985. 15 янв.; Медицинская газета. 1977. 29 июня.
- ³⁶ Магаданская правда. 1985, 15 янв.; Советская Чукотка. 1980. 14 февр.
- ³⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1983 г. С. 304.
- ³⁸ *Васильев В.* На страже здоровья // Политическая агитация. 1982. № 10. С. 21—24; Магаданская правда. 1985. 15 янв.
- ³⁹ См.: Мы и планета: Цифры и факты. М., 1980. С. 209. Народное хозяйство СССР. 1922—1982. М., 1982. С. 542. Народное хозяйство РСФСР в 1983 г. С. 304; Магаданская правда. 1985. 15 янв.
- ⁴⁰ КПСС в резолюциях. . . 1981. Т. 13. С. 477—481.
- ⁴¹ См.: *Орехов В. К.* Медико-биологические проблемы народностей Севера // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии, 1984. Вып. 2. С. 22—23.
- ⁴² *Тан-Богораз В. Г.* Северные рассказы. М., 1958. С. 2.
- ⁴³ Подробнее см.: *Леонтьев В. В.* 1) Сила и ловкость. Магадан, 1979. 32 с.; 2) Чукотские спартапцы // На Севере Дальнем. 1969. № 1. С. 128—141.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Народное образование

Становление и развитие народного образования на Чукотке было сопряжено с большими трудностями, которые преодолевались в ходе творческого совершенствования системы обучения, школьных программ, создания учебников на родном языке, укрепления материальной базы школ. С установлением Советской власти на Чукотке была проявлена особая забота о школах и их работе. В октябре 1923 г. уполномоченный по Чукотскому уезду И. Ф. Бурк организовал работу уэленской школы, к 1925 г. на Чукотке уже действуют 4 школы: три в Чукотском и одна в Анадырском районах. Однако этого было явно недостаточно. По итогам переписи 1926—1927 гг., грамотой владело только менее 1 % местного населения, а среди оленеводов не было ни одного грамотного человека.¹

В 1928 г. в заливе Лаврентия была построена культбаза, открылась первая школа с интернатом, а к 1930 г. на Чукотке уже насчитывалось 11 школ всеобуча, в которых обучались дети чукчей и эскимосов.²

Если приморские чукчи в общем благожелательно отнеслись к организации школ и обучению грамоте, то кочевники-олeneводы поначалу не понимали и не принимали все мероприятия, связанные с внедрением школ и образования. На просьбу отпустить детей в школу, они отвечали: «У нас одна школа: мальчишка сделать хорошим оленеводом, девочку — хозяйкой яранги».³ Практически посадить за парты, вовлечь детей оленеводов в школу удалось лишь в результате организации коллективных хозяйств и постепенного перехода оленеводов на оседлость.

Вопрос о создании письменности на родных языках ранее бесписьменных народов был поставлен в 1921 г. на X съезде РКП(б), проходившем под руководством В. И. Ленина. В осуществление решений X съезда партии, в августе 1922 г. Отдел Нацменьшинств при Наркомнаце РСФСР внес в коллегию Наркомнаца предложение о введении письменности для малых народностей Севера и о создании алфавитов, отвечающих особенностям местных языков.⁴

Основоположником изучения чукотского языка является В. Г. Богораз. В 1930 г. был разработан первый чукотский алфавит на основе алфавита северных народов, утвержденного в феврале 1931 г.⁵ В 1932 г. был издан первый чукотский букварь — *Челгыкалекал* («Красная грамота»), составленный В. Г. Богоразом и молодым учителем И. С. Вдовиным при участии чукчей Аттувги и Анкакмылгына — студентов Института народов Севера.

Для внедрения письменности на чукотском языке и распространения букваря на Чукотку выехала бригада студентов Север-

ного отделения Института им. А. И. Герцена в составе П. Я. Скорика (Чукотский район), И. С. Вдовина (Чаунский район) и Г. Н. Мельниковой (Усть—Белая). Введением письменности на Чукотке руководил созданный осенью 1932 г. специальный окружной комитет во главе с председателем окрисполкома Тэгрынкеу. В состав комитета, кроме специалистов-североведов, входили: секретарь окружного комсомола чукча Рэрмэн, председатель окружного Интегралсоюза эскимос Матлю и другие. На местах были созданы районные пятимесячные курсы Комитета нового алфавита по подготовке учителей чукотского языка. В Чукотском районе курсами руководил П. Я. Скорик.

В 1933 г. в тундру и отдаленные приморские поселки для ликвидации неграмотности было направлено 24 человека из чукчей, среди них 19 комсомольцев. Это была первая ударная бригада по ликвидации неграмотности.⁶ В том же году газета «Советская Чукотка» начала выходить со страницей на чукотском языке.

Одновременно с началом становления народного образования на Чукотке стала решаться проблема кадров. В 1925 г. первые представители народностей Севера прибыли в Ленинград для обучения на рабфаке Ленинградского университета. В 1927 г. этот рабфак был реорганизован в Северный факультет Ленинградского института живых восточных языков (ЛИЖВЯ). Направление на учебу в Ленинград осуществлялось по специальной разверстке Комитета Севера и Наркомпроса. В числе первых представителей Чукотки был чукча Тэвлянто, ставший впоследствии председателем Чукотского окрисполкома, первым депутатом Верховного Совета СССР от Чукотки.

Кадры готовились не только в Ленинграде. В 1926 г. при Хабаровском педагогическом техникуме открылось Отделение народов Севера, преобразованное в 1929 г. в самостоятельный техникум.⁷ С 1930 г. учителей стал готовить Институт народов Севера в Ленинграде (ИНС), созданный на базе Северного факультета ЛИЖВЯ.

Введение письменности на родном языке, специальная подготовка учителей значительно облегчали и ускоряли обучение детей и взрослых. Научившись читать и писать на родном языке, они легче усваивали русскую грамоту.

Успешному внедрению письменности на родном языке способствовало то, что в чукотском языке нет резко различающихся диалектов. Молодой чукотский литературный язык стал объединяющим для всех говоров.

Одновременно с распространением и внедрением письменности велась большая работа по совершенствованию методики обучения чукотских детей, созданию школьных программ, методических пособий и учебников. В основу было положено первоначальное обучение в первых и вторых классах на родном языке с постепенным переходом на русский язык в третьем и четвертом классах. Для школ народов Севера были созданы общие стабильные

программы начальных школ, которые охватывали тот же круг знаний, что и программы школ всей Российской Федерации.

Однако в организации сети школ на Чукотке возникали трудности. Создание культурных баз казалось вначале самой действенной мерой. Но, как показала практика, на кочевое население и население мелких береговых стоянок приморских чукчей деятельность культурных баз распространить было трудно.

Опыт работы учителей Чукотской культбазы в 1931/32 учебном году в селении Яндагай (*Янранай*) показал, что школу надо приблизить к населению, что невозможно собрать всех детей в интернаты культбаз. За один год работы в Яндагае учителя Комовы (муж и жена) охватили обучением всех детей этого селения, привлекли к обучению взрослых, помогли организовать простейшее товарищество по совместному промыслу.⁸

С этого времени открываются одна за другой школы в кочевьях и далеких селениях. Так, если в 1930 г. в Чукотском национальном округе было 13 школ, в которых обучалось 388 чукчей и эскимосов, то в 1935 г. их становится 48 с контингентом учащихся в 1193 человек, а к 1940 г. сеть школ в округе стабилизируется: работают 68 школ, в которых учатся 1925 детей чукчей, эскимосов, эвенов.⁹

Безусловно, кочевые школы не могли дать тот круг знаний, который требовался по учебной программе. Большинство кочевых школ и школ в прибрежных селениях были карликовыми, в них насчитывалось от 5 до 20 учащихся, работали один—два учителя. Условия работы и жизни учителей были крайне тяжелыми. Школы размещались в ярангах, палатках, или же в построенных из плавника домиках. Обложенные дерном, они напоминали землянки. Оленеводы не всегда приветливо относились к учителям, считая их подчас лишними в стойбище, а грамоту — ненужной. Однако в деле охвата начальным обучением, ликвидации неграмотности и организации советской кооперативной работы кочевые школы сыграли большую роль и подготовили переход к семилетнему обучению.

Дальнейшее развитие сети школ шло в тесной связи с социалистической реконструкцией основных отраслей хозяйства — морского и пушного промыслов, оленеводства, перестройки бытового уклада. Начинается объединение мелких прибрежных селений морских охотников, переходят на оседлый образ жизни оленеводы, организуются комплексные хозяйства. В укрупненных поселках строятся новые благоустроенные школы с интернатами. Обучение и содержание детей в интернатах государство полностью берет на себя.

Одновременно со строительством и организацией школ решается вопрос с кадрами учителей. Учителя, прибывшие из центральных районов страны, проходили в Анадыре специальную подготовку. Их знакомили с методикой обучения, жизнью и бытом чукчей. Одним из обязательных условий было знание учителями родного языка учащихся. И практика показала, что во всех слу-

чаях, когда в школах работали учителя, знавшие родной язык учащихся, они добивались высокой успеваемости детей, пользовались большим доверием у родителей.

Одновременно шла работа по подготовке национальных кадров. Первыми местными учителями были выпускники Института народов Севера и ликвидаторы неграмотности, подготовленные на пятимесячных курсах Комитета нового алфавита. В 1939 г. в Анадыре открывается педагогическое училище, и в 1943 г. чукотские школы пополняются местными учительскими кадрами. К 1967 г. педучилище окончило 346 человек, в том числе чукчей — 141, эскимосов — 37, эвенов — 25, юкагиров — 10, чуванцев — 34 человека. По существу Анадырское педагогическое училище явилось кузницей кадров интеллигенции для Чукотки. Многие выпускники педучилища впоследствии окончили высшие учебные заведения, стали общественными деятелями, учителями, поэтами, писателями. А. Д. Нутэтэгрына — чукчанка, была депутатом Верховного Совета СССР, председателем Чукотского окрисполкома, Ю. Рытхэу стал хорошо известным чукотским писателем, П. И. Иненликэй, сын оленевода, ученым, А. Кымытваль — первой чукотской поэтессой. Звание Заслуженный учитель РСФСР получили М. И. Номгыргина-Рыкваткот и М. Айневтегин и др.¹⁰ Ныне учителями работают квалифицированные педагоги с высшим и средним специальным образованием. Они принимают активное участие в составлении учебников, переводе детской художественной литературы на чукотский язык, создают свои национальные произведения. А из когорты перых русских учителей вырастают видные ученые, филологи, историки, педагоги — И. С. Вдовин, П. Я. Скорик, Л. В. Беликов и многие др. Так была создана прочная база для развития системы образования на Чукотке, дальнейшего совершенствования обучения детей коренных народностей.

Письменность, созданная на основе латинской графики, приводила к необходимости переучивания детей при обучении их русскому языку, затрудняла приобщение к многонациональной советской культуре и детей, и взрослых. Поэтому единый северный алфавит в 1936 г. был заменен алфавитом на основе русской графики. С 1937 г. началось издание учебников и литературы на чукотском языке на русской графической основе. Автором нового чукотского букваря стал И. С. Вдовин. По этому букварю, выдержавшему много переизданий и используемому в школах и в настоящее время, сотни чукчей получили и получают основы грамоты.

В 1947 г. в школах народов Севера вводится дополнительный класс — подготовительный. С этого времени обучение в северных школах округа в подготовительных, первых и вторых классах ведется на родном языке, в третьих—четвертых — на русском языке, а родной язык — как отдельный и специальный предмет.

В связи с образованием в 1953 г. Магаданской области и принятием Закона о школе в 1958 г. происходят значительные

изменения в сети школ всеобуча. Совершенно исчезают кочевые школы. Школы округа получают четкое деление на городские и сельские.

Переход от начального обучения к семилетнему, а затем к восьмилетнему представлял определенную трудность. Начальные школы округа по национальному составу учащихся были однородны. Семилетние школы также в своей основе были однородны. В средних школах наблюдалась иная картина. Так, в Лаврентьевской школе 60 % составляли дети народов Севера, 40 % — русские; в Провиденской — 20 % — дети чукчей и эскимосов и 80 % — русские. Такой состав учащихся затруднял обучение.

Хорошей успеваемостью отличались школы (Науканская и Чаплинская), однородные по составу учащихся, сохраняющие преемственность между начальными и пятыми классами. Там же, где она нарушалась, складывалась иная ситуация. Например, в чукотскую Уэленскую семилетнюю школу поступали учащиеся — собственно уэленские и ученики из Инчоуна и других поселков. Собственно уэленские ученики приходили в пятый класс со сравнительно хорошей подготовкой и успешно оканчивали семилетнюю школу, учащиеся из других школ поступали со слабыми знаниями. Переход на общую программу обучения, аналогичную программе русских школ, вызывал дополнительные трудности, но и они постепенно были преодолены.

После принятия Закона о школе в округе происходит реорганизация семилетних школ в восьмилетние, при этом численность сельских школ сократилась. Учащиеся V—VII классов для дальнейшей учебы были переведены в школы райцентров и рабочих поселков. Дети чукчи составляли в них от 10 до 15 %. Оказавшись в иной национальной среде, вдали от родителей и привычной жизни, они трудно привыкали к новым условиям. К тому же в школах городского типа не учитывались особенности обучения детей народностей Севера. В результате среди чукотских школьников появилось много неуспевающих. Некоторые просто бросали школу, и родители не настаивали на продолжении учебы.

Начиная с 60-х гг. внимание органов народного образования к изучению родного языка на Чукотке, как и в других районах Крайнего Севера, было ослаблено.¹¹ Он изучался как предмет лишь в некоторых школах. Сократилось издание чукотских учебников.

Сложившееся положение вызвало серьезную тревогу у научной и педагогической общественности, поскольку дети стали забывать родной язык, возникли трудности в их общении с родителями. Проведенные исследования (В. А. Аврорин и др.) показали, что взаимодействие родного и русского языков, особенно на начальном этапе обучения — важнейшее условие успешного овладения знаниями, русским языком, средство всестороннего интеллектуального развития детей.¹² На основе разработанных рекомендаций с 1967/68 учебного года во всех школах округа учебно-воспитательный процесс совершенствовался на основе чукотско-русского

двуязычия. В настоящее время обучение в национальных школах округа ведется на русском языке, а чукотский изучают с подготовительного по 3-й класс включительно. В 4—8-х классах его преподают факультативно. Он используется также во внеклассной и внешкольной работе с детьми.

Параллельное изучение чукотского и русского языков положительно сказывается на общем развитии школьников, помогает им глубже познать тонкости и родного, и русского языков.

Принятое 20 июня 1972 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановление «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы»,¹³ определило дальнейшие основные направления в совершенствовании народного образования, в том числе и на Чукотке. За IX пятилетку в округе произошло сокращение численности малокомплектных школ, начальные были преобразованы в восьмилетние, а восьмилетние — в средние. К концу пятилетки проблема восьмилетнего всеобщего обучения чукчей в округе была в основном решена.¹⁴ Если в 1970/71 учебном году на Чукотке своевременно заканчивали восьмилетнюю школу 79,8 % учащихся коренных национальностей, а среднюю — 14,1 %, то в 1975/76 г. соответственно 98,8 и 51,3 %.¹⁵ Тем самым были созданы условия для перехода народностей Севера ко всеобщему среднему образованию.

В годы X—XI пятилеток продолжалось дальнейшее совершенствование народного образования на Чукотке. Вошли в строй новые школы более чем на 9 тыс. ученических мест, в том числе в Анадыре, Усть-Белой, Озерном, Уэлене и других селах.

Более чем на 1 тыс. мест расширилась сеть школьных интернатов. В 1985 г. в них на полном государственном обеспечении находилось 3360 воспитанников, в основном чукчей, эскимосов и других народностей Севера. За две последние пятилетки на нужды народного образования было израсходовано более 300 млн. р. Расходы на содержание каждого школьника в округе составляли в 1985 г. 637 р., каждого воспитанника в интернате — более 3 тыс.¹⁶

К концу XI пятилетки на Чукотке работала 81 школа, в том числе 37 национальных. Увеличилось число сельских средних школ. Кроме Уэлена и Хатырки, они появились также в Ново-Чаплино, Сирениках, Лорино и других национальных селах. Ежегодно продолжали учебу в 9-х классах 86—91 % восьмиклассников. Остальные получали среднее образование в техникумах и училищах. Таким образом, в округе в основном завершён переход ко всеобщему среднему образованию чукчей и других народностей Севера.

Усилилась работа по повышению образовательного уровня той части чукотской молодежи, которая не получила среднего образования в предшествующие годы. Для этого в округе создано 13 вечерних, 2 заочных средних школы, открыто более 40 учебно-консультационных пунктов. В 1980 г. в них учились 870 чукчей,

эскимосов и других народностей Севера. В Беринговском районе, например, за три года (1978—1982) аттестаты зрелости получило 46 молодых рабочих коренных национальностей.¹⁷

Для оказания помощи оленеводам, рыбакам и охотникам при учебно-консультационных пунктах введены должности разъездных учителей-методистов.

Растет успеваемость и качество учебы чукотских школьников. Важная роль в последние годы отводится школе в деле подготовки кадров для промыслово-оленеvodческого хозяйства округа, профессиональной ориентации учащихся. Во многих школах совхозы оборудовали кабинеты по оленеводству, снабдили их необходимой техникой. Ежегодно в летний период в оленеводческих бригадах, на зверофермах, в морском зверобойном промысле работает до тысячи учащихся 5—10-х классов. Свой опыт и знания школьникам передают более 500 наставников из числа лучших оленеводов, охотников, мастеров декоративно-прикладного искусства.¹⁸

В результате остро вставшая проблема кадров в оленеводстве сегодня несколько потеряла свою остроту: в XI пятилетке оставались работать в совхозах, продолжая учебу в сельскохозяйственных учебных заведениях и СПТУ, до 70 % выпускников средних и восьмилетних школ Чукотки.

Анализ кадровой проблемы показывает, что наибольший дефицит оленеводов испытывают те хозяйства округа (им. 22 съезда КПСС, «Анадырский», «Вперед», «Полярник» и др.), где существуют лишь начальные школы. Уезжая для продолжения учебы в другие села, школьники теряют связь с родным хозяйством, перестают жить его заботами. В связи с этим ставится задача реорганизовать в ближайшие годы часть начальных школ в малокомплектные восьмилетние, создав в них необходимые условия для плодотворной и качественной учебы. Другое направление в решении кадровой проблемы оленеводства — реорганизация сельских профессионально-технических училищ, готовящих специалистов для промыслово-оленеvodческого хозяйства, в средние. Практика показывает, что восьмиклассники, закончившие такие училища, значительно лучше приживаются в оленеводстве, чем выпускники средних школ.

Дальнейшее усиление роли школы в профессиональной ориентации чукотской молодежи вытекает из задач реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Разработанная Магаданским обкомом КПСС комплексная программа ее реализации предусматривает ускоренные темпы развития трудового обучения и воспитания школьников.¹⁹ В XII пятилетке планируется значительно расширить профили профессиональной ориентации, открыть при школах области 15 производственных комплексов, а на промышленных предприятиях и в совхозах — учебные цехи и участки.

Учитываются особенности национальных школ Чукотки. В XII пятилетке в них сохранятся подготовительные классы, обучение будет по-прежнему начинаться с 7 лет и вестись по про-

грамме 3-летней начальной школы, пока не будут созданы соответствующие условия и кадры для перехода на новую систему. С этой целью при Анадырском педучилище открыто Отделение педагогики и методики начального обучения. При национальных школах планируется открыть филиалы детских спортивных и музыкальных школ, ввести в начальных школах преподавание ручного труда и т. п.

Переход ко всеобщему среднему образованию чукотской молодежи, повышение качества знаний школьников коренных национальностей способствуют ускоренному росту национальных кадров специалистов высшей и средней квалификации. Особенно быстро растет численность учителей. Если в 1976 г. в округе работало 75 учителей из народностей Севера, то в 1982 г. — 155, в том числе 65 % с высшим образованием. Расширяется подготовка кадров для других отраслей народного хозяйства. В XI пятилетке она осуществлялась в учебных заведениях 14 министерств и ведомств страны, в том числе торговли, сельского и рыбного хозяйства, связи, бытового обслуживания, культуры, лесного и жилищно-коммунального хозяйства и др.

В настоящее время в округе насчитывается около 600 специалистов высшей и средней квалификации из числа коренных национальностей. Среди них партийные и советские работники, директора и главные специалисты совхозов, строители и т. п. Двадцати из них присвоено почетное звание заслуженных работников РСФСР.

Культурно-просветительная работа

Широко развернуть культурно-просветительную работу в первые годы советского строительства на Чукотке было чрезвычайно сложно: мешало отсутствие нужных средств и низкий уровень жизни чукчей. Поэтому Чукотский райревком проводил культурно-просветительную работу на базе имеющихся школ.

Большой вклад в развитие культуры и просвещения на Чукотке внесла Анадырская районная изба-читальня, открывшаяся в октябре 1927 г. Кроме своего главного предназначения — нести книгу в массы, изба-читальня организовала занятия кружков — театрального, хорового, выпускала стенную газету «Анадырь», проводила собрания, заседания ячейки ВКП(б), комсомольцев, женсовета, крестьянских комитетов.²⁰

Камчатское губбюро РКП(б) и районные партийные организации в 20-е гг. большое внимание уделяли работе среди женщин, которые имели своих представителей в школьном Совете, в избирательных районной, сельской и других комиссиях.²¹

В декабре 1933 г. Чукотский окружной комитет ВКП(б) принял решение о работе с женщинами коренных национальностей в стойбищах и кочевьях.²²

Культурно-бытовой уровень развития аборигенного населения определил и главный метод работы — живое слово, беседу.

Когда были построены первые культбазы (в 1928 г. — Чукотская, а в 30-е гг. — Вилюнейская и Чаунская), они объединили различные виды кооперативной, хозяйственной, просветительной, ветеринарной и научно-исследовательской деятельности. Сюда вошли и школа-интернат, врачебно-медицинский пункт, Дом народов Севера, ветеринарный пункт, передвижное политпросветучреждение — красная яранга, киноустановка. Сфера их деятельности — ликвидация неграмотности, преодоление пережитков прошлого, пропаганда научных и политических знаний, разнообразная кружковая работа. Чукотская культбаза внесла значительный вклад в развитие культуры чукчей и эскимосов.

Дальневосточный комитет Севера обращал серьезное внимание на проведение культурно-просветительной работы в отдаленных районах. Заседание Комитета от 27 октября 1927 г. предусматривало создание киноустановок в Анадыре, Уэлене, организацию при школах-интернатах передвижных отделений для обслуживания кочевников, открытие библиотек в райцентрах, особенно в Уэлене.²³ Для обслуживания кочевников Чукотки в 1929 г. около Мечигменской губы появилось первое культурно-просветительное учреждение — красная яранга, Типовое положение о котором было разработано позже — в 1932 г.

Особая роль в культпросветработе отводилась пропаганде советского киноискусства. В 1931 г. стационарных киноустановок на Чукотке еще не было, однако имеющиеся две передвижные установки делали все возможное, чтобы познакомить большее количество оленеводов и морских зверобоев с первыми советскими фильмами.²⁴

Важную задачу осуществлял культпоход, организованный в Чукотском округе с 15 декабря 1932 г. по 15 декабря 1933 г. Основная цель его заключалась в мобилизации общественности и народных масс на борьбу с безграмотностью, за повышение качества учебы в школах, за дальнейшее развертывание работы среди коренных жителей, особенно кочевников. Активно действовали сотрудники красной яранги Чукотской культбазы. За 1931—1933 гг. они обучили на ликбезах 79 человек, на различных курсах — 68. Сотрудники культбазы помогали нацсоветам, колхозам, проводили политико-просветительную и краеведческую работу. Опыт Чукотской культбазы был обобщен и рекомендован другим культбазам.²⁵ К апрелю 1933 г. на Чукотке имелось 5 домов туземцев, 9 кинопередвижек, 4 красных яранги. За 1931—1932 гг. было обучено грамоте 396 человек, а в 1932—1933 гг. — 1060.²⁶

Удачным местом проведения политического, культурного просвещения стали туземные торговые ярмарки.

Новый этап в развитии культурно-просветительной работы связан с деятельностью Чукотского окружного комитета нового алфавита (КНА), о чем уже говорилось в предыдущем параграфе. Подчеркнем лишь, что деятельность членов нового алфавита была очень значимой, широкой и не сводилась только к орга-

низации кружков и курсов по ликвидации неграмотности, но и распространялась на политучебу, общий уровень духовной культуры.

Новыми формами работы, оказавшими существенное воздействие на формирование мировоззрения чукчей, явились организация радиопередач на чукотском языке, издание газет «Советская Чукотка» и «Советский Уэлен», специальных учебно-политических газет для малограмотных. С 1935 г. газета «Советская Чукотка» стала выходить с приложением на чукотском языке.

К концу 1934 г. на чукотском языке было издано 6 книг, а в 1940 г. общий тираж литературы на чукотском языке уже составил 13 тыс. экземпляров.²⁷ Печать, радио, издание книг массовыми тиражами играли важную роль в просвещении чукчей, их мобилизации на решение очередных хозяйственных и культурных задач.

По инициативе партийной и комсомольской организаций 27—28 июня 1935 г. в Уэлене провели двухдневный субботник. Это мероприятие имело большое значение: жители увидели преобразенный их трудом Уэлен. Хорошие результаты давала такая форма политпросветработы, как Политдень, беседа на дому, в кругу семьи и т. д.²⁸

В условиях социалистического строительства на Чукотке дальнейшее развитие получило художественное творчество. 13 февраля 1929 г. в Уэлене была открыта косторезная мастерская, а в 1933 г. при Науканской и Уэленской школах созданы кружки по обучению резьбе по кости (об этом подробнее см. далее — с. 244—249)

В 30-е гг. устанавливаются культурные связи Чукотки и Москвы. Выступления артистов Московской консерватории с поразительным интересом воспринимались чукчами, эскимосами, коряками.²⁹ Северяне тоже показали свое искусство

Значительным событием в жизни Чукотского округа явилось открытие 14 ноября 1931 г. в Анадыре краеведческого музея, который стал центром краеведческой и научно-исследовательской работы. Главный ее результат — народности Севера начали активно включаться в социалистическое строительство. С энтузиазмом овладевали знаниями и техникой женщины-чукчанки. Они стали работать в колхозах, сестрами-практикантами в больницах, учиться в совпартшколе. Их выбирали в нацсовет, на руководящие работы в колхозах. Среди первых были чукчанки Куймель, Таратваль, Вакатова, Антель, Кергина и т. д.³⁰

Активной силой стали комсомольцы. В менее освоенной северной части Чукотского района к 1935 г. было 6 комсомольских организаций с 72 комсомольцами, из них 19 человек — ликвидаторы неграмотности, 8 — учителя-практиканты, 3 — счетоводы колхоза. В новые составы национальных советов вошли 27 комсомольцев. Большой общественной активностью отличались слушатели совпартшколы. Бюро Чукотского ОК ВКП(б) от 23 июля 1935 г. отмечало их значительный культурный и политический рост.³¹

Успехи ленинской национальной политики среди малых народов получили положительную оценку на II Чукотском окружном съезде Советов (апрель 1935 г.): «Мероприятия партии и правительства создали возможность быстрого культурно-хозяйственного роста Чукотского округа, и то, что мы не имели на I съезде Советов, теперь на II съезде Советов имеем, — это та общественная, активная сила коренного населения Чукотки, которая поднялась и двинулась на борьбу с вековой отсталостью, с бытовыми пережитками народов, населяющих Чукотку. Это характеризует правильность руководства ВКП(б) и Советской власти социалистическим строительством в нашем отсталом округе».³²

Война прервала деятельность многих учреждений культуры в нашей стране, однако Чукотка, являясь тылом, который «ковал победу фронту», продолжала изыскивать возможности для дальнейшего культурного строительства, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, активизировала работу красных яранг, клубов, количество которых за годы войны даже возросло, как и число местных радиоточек и радиоузлов.³³

В 1943 г. состоялся первый выпуск Анадырского педагогического училища.

Как и повсюду в стране, культурно-просветительные учреждения Северо-Востока СССР принимали участие в сборе средств на постройку танков, самолетов, бронепоездов, занимались подпиской на военные займы, отправкой подарков на фронт. О том, что политико-массовая работа в тот период принесла свои плоды, убедительно свидетельствовали воинские и трудовые подвиги жителей Чукотки. За годы Великой Отечественной войны они внесли в фонд обороны страны 15 920 233 р. наличными и свыше 80 млн. р. облигациями государственных займов.³⁴

В первой послевоенной пятилетке была поставлена задача расширить сеть культпросветучреждений. В августе 1948 г. Бюро Чукотского окружкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о мерах по улучшению культурно-просветительной и политической работы среди коренного населения. В декабре 1948 г. на основе постановления Совета Министров СССР «О мерах помощи хозяйственному и культурному строительству в национальных округах и районах Крайнего Севера» было принято решение об увеличении числа красных яранг.³⁵

С начала 50-х гг. в печати все чаще стали появляться сообщения об успехах культурно-массовой работы на Чукотке.

В объявленном в 1955 г. ВЦСПС смотре народных талантов приняло участие свыше 1000 жителей Чукотского национального округа.³⁶ К 25-летию округа на Чукотке функционировало 6 домов культуры, 29 сельских клубов и библиотек, 20 красных яранг, 21 изба-читальня; на каждые 500 жителей приходилась 1 кино-установка.³⁷

Несмотря на значительные успехи культурно-массовой работы, оставалось еще немало проблем. Серьезного внимания заслу-

живала работа с молодежью. Не случайно этот вопрос был включен в повестку дня Пленума Магаданского областного комитета ВКП(б) от 20—21 сентября 1954 г.³⁸ ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1957 г. приняли Постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», направленное на усиление политико-воспитательной работы среди коренного населения. Особо подчеркивалась необходимость более полного учета национальных особенностей.³⁹ Методическое руководство культпросветработой, оказание помощи в подготовке репертуара были возложены на Чукотский окружной Дом народного творчества, организованный в 1957 г.

С конца 50-х—начала 60-х гг. новые учреждения культуры строились по более совершенным проектам, могли вместить большее число людей. К 1965 г. в округе насчитывалось 107 клубных учреждений. С 1966 по 1970 гг. было построено еще 8 сельских домов культуры, 18 клубов преобразовано в дома культуры.⁴⁰ Эти учреждения, а также фестивали молодежи способствовали выявлению творческих возможностей молодого поколения. Так, Чукотско-эскимосский ансамбль, созданный на базе самодеятельности Анадырского педагогического училища, стал лауреатом сначала Всесоюзного, а затем и VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.⁴¹

Важную роль в жизни коренного населения Чукотки играли передвижные культпросветучреждения. Коллективы красных яранг регулярно бывали в тундре, проводили беседы, лекции, выпускали стенные газеты, демонстрировали кинофильмы, оформляли доски почета у оленеводов. В красных ярангах продолжалось обучение неграмотных и малограмотных. Работа среди коренного населения вызвала к жизни новые формы культурного обслуживания: вошли в практику репортажи с трудовых праздников, «говорящие письма», кочевые бюллетени и журналы, которые рассылались в производственные бригады колхозов и совхозов. К 1972 г. в округе действовало 40 красных яранг.⁴²

На нынешнем этапе к культурному обслуживанию оленеводов привлекаются агитбригады, которые имеют в своем распоряжении современную технику: вертолет, комплект кино- и фотоаппаратуры, магнитофоны, радиоприемники и пр.

В 70-е гг. отмечалась стабилизация количества учреждений культуры: в 1975 г. на Чукотке действовало 103 дома культуры и клуба.⁴³ Культпросветучреждения вели и ведут пропаганду внешней и внутренней политики КПСС и Советского правительства, основных положений конституции СССР, обсуждают материалы партийных съездов и пленумов, готовят разнообразные программы к массовым праздникам, посвященным знаменательным датам в жизни нашей страны.

Неогъемлемой чертой идейно-политического воспитания трудящихся в округе является развитие интернационалистического сознания, пропаганда советского образа жизни, разъяснение национальной политики партии.

Важным направлением культурно-просветительной работы остается трудовое воспитание. К числу первоочередных задач в этой области относится пропаганда передового опыта. Сохраняют свое место традиционные формы: лекции, фотовыставки, календари трудовой славы, чествование победителей социалистического соревнования и т. д. Все большее распространение получают устные журналы, знакомящие слушателей с достижениями современной науки и техники. Прочно вошли в практику устные журналы, посвященные правофланговым пятилетки.

Для современного этапа характерно повышение требовательности к уровню проводимых мероприятий, к деятельности работников культуры. Культпросветучреждения, работающие с коренным населением, используют разнообразные формы, позволяющие вовлекать в культурно-массовую работу самые широкие слои населения. Сюда в первую очередь следует отнести национальные фестивали. Первоначально они возникли как своеобразные олимпиады по национальным видам спорта: таким, как национальная борьба, перетягивание каната, гонки на оленьих упряжках, бросание аркана, бег с палкой, стрельба и пр. Теперь они переросли в традиционные праздники труда, на которых чествуются передовики производства. В программу фестиваля включается концерт художественной самодеятельности, выставка произведений прикладного искусства. Завершается праздник спортивными соревнованиями. За успехи в работе Анадырский дом культуры в 1970 г. был удостоен звания «Лучший Дом культуры РСФСР».⁴⁴

Развитию самобытного самодеятельного творчества в немалой степени способствовало проведение Первого Всесоюзного фестиваля художественного творчества трудящихся (1975—1977). В фестивале приняли участие 24 национальных ансамбля. В репертуаре многих коллективов нашли отражение события современности. Вместе с тем любительские коллективы не замыкаются в узконациональной специфике. Они постоянно совершенствуют репертуар, обогащая его искусством соседних народностей и народов. Содружество национальных культур способствовало возникновению новых форм творчества, неизвестных традиционному искусству. Примерами могут служить Чукотский духовой оркестр окружного дома культуры, Анадырская хоровая капелла.

Наряду с активизацией самодеятельного творчества последние годы характеризуются расширением гастролей профессиональных исполнителей, что способствовало повышению требовательности к любительским коллективам.

Национальная самодеятельность послужила основой для создания в 1968 г. первого на Дальнем Востоке профессионального ансамбля «Эргырон» («Рассвет»). Государственный чукотско-эскимосский ансамбль выступал перед зрителями многих республик СССР, был на гастролях за рубежом. «Эргырон» получает постоянную помощь от ведущих деятелей культуры нашей страны.

В ряду учрежденных культур, ведущих большую работу по пропаганде ленинского идейного наследия, современных дости-

жений науки, трудовому воспитанию населения, следует назвать библиотеки. Они оказывают помощь в профессиональной ориентации, повышении квалификации, общем росте культурного уровня. Совершенствованию работы библиотек способствовало Постановление ЦК КПСС 1974 г. «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе». Если в 1940 г. в Чукотском округе насчитывалось всего 7 массовых библиотек с фондом в 22 тыс. книг, то в 1965 г. их было уже 83, книжный фонд достиг к этому времени 550 тыс. К концу X пятилетки число библиотек увеличилось до 97, а книжный фонд в них вырос более чем в 2 раза — до 1 179 тыс.⁴⁵ За годы XI пятилетки он превысил 1 300 000 экземпляров.⁴⁶

Библиотеки готовят списки новых книг, организуют читательские конференции, обзоры литературы, передвижные выставки. В настоящее время даже самые отдаленные бригады укомплектованы передвижными библиотечками со специально подобранной общественно-политической, сельскохозяйственной, художественной литературой. Библиотеки не только приобщают своих читателей к богатому наследию мировой классики, но и активно пропагандируют творчество национальных поэтов и писателей.

В сложных условиях Крайнего Севера особое место в организации досуга трудящихся и повышении их культурного уровня принадлежит кино. Не случайно отмечается постоянный рост числа киноустановок в округе: в 1940 г. их было 8, в 1965—144, в 1983—163.⁴⁷ В 1972 г. в Анадыре была сдана в эксплуатацию телевизионная станция системы «Орбита», которая связала Чукотку с центром страны. Все это убедительные свидетельства постоянной заботы партии и правительства о жителях Крайнего Севера.

Таким образом, за годы Советской власти культурно-просветительная работа на Чукотке приобрела огромный размах. Многообразие ее форм и методов совершенствовалось из года в год, активно влияя на формирование мировоззрения и на культурное развитие населения края.

Народное танцевальное искусство

Народная хореография чукчей — это своеобразная летопись истории, на страницах которой особым языком пластики запечатлен весь путь их трудного и вместе с тем успешного развития. Однако воссоздать ее историю довольно сложно. Дореволюционные источники не содержат сколько-нибудь значительных описаний этой стороны жизни народа. В распоряжении исследователей находится отрывочный, разрозненный материал, которым необходимо пользоваться осторожно.

По описаниям этнографов, путешественников, миссионеров можно установить, что традиционное танцевальное искусство (вместе с другими видами художественной деятельности чукчей)

входило в состав обрядов и праздников, игравших важную роль в их общественной жизни.

Следует подчеркнуть, что термином «танец», «пляска» пластику обрядов и праздников можно назвать лишь условно. Это скорее пляски-пантомимы, в которых пантомимические, подражательные элементы занимают ведущее место.

Существует определенная закономерность в музыкально-пластическом материале обрядов и праздников как у оленных (кочевых), так и оседлых чукчей, хотя искусство последних носит следы влияния эскимосской культуры.⁴⁸ Закономерность эта состоит в том, что независимо от цели отправления ритуалов в них отмечаются: традиционные, всем известные пляски, исполняемые в определенном месте, в определенное время и имеющие тенденцию к уменьшению пантомимных элементов; пляски с бубном, пляски-пантомимы импровизированного характера. В некоторые обряды включаются пляски развлекательного характера.

Почти все праздники годового цикла оленных чукчей, связанные с их хозяйственно-практической деятельностью, содержат древние представления о роли дикого оленя в жизни народности. Обряды сопровождаются театрализованными действиями, изображающими отдельные моменты промысловых процессов. Отсюда характер и направленность танцев. Во всех ритуалах этого цикла присутствуют пляски-пантомимы, связанные с изображением оленя, его повадок, а также изображения различных моментов охоты. Некоторые танцы исполняются под своеобразный аккомпанемент — горловое пение.⁴⁹ Это как бы имитация звуков, издаваемых загнанными оленями, и такого рода танцы называются *пичгъэйнен* (горлом кричать).⁵⁰

Другой тип обязательных танцев исполняется под аккомпанемент бубнов. Чаще всего такие танцы предваряют исполнение семейных песен, мелодии которых созданы в далекой древности и бережно передаются из поколения в поколение. Если *пичгъэйнен* не имеют стабильной формы, то в рассматриваемых танцах уже существует деление на две группы, определены места нахождения танцоров и музыкантов, аккомпанирующих на бубнах. Аккомпаниаторы должны стоять спиной ко входу, а напротив их — пляшущие женщины. Следует подчеркнуть, что сама пляска раньше носила импровизационный характер, и танцующие исполняли ее, не согласуясь друг с другом. В. Г. Богораз отмечал, что такой способ танцевания у чукчей носил название *ветчалыт* (стоящая), так как исполнители танцевали, почти не сходя с места.⁵¹

Третий тип танцев, который завершал обряды благодарения, назывался *тевляыргын* (стрихивание). В религиозно-культуровой традиции чукчей большое место отводилось мистическим приемам защиты от злых духов. Одним из них был — *тевляыргын*.⁵²

Интересно отметить, что рассматриваемые хореографические формы имеют тяготение к уменьшению пантомимических элементов и по своему характеру приближаются к тому явлению, которое

мы называем «танец», «пляска». Большую часть остальных обязательных пластических моментов в обрядах и праздниках с полным основанием можно назвать плясками-пантомимами. Своеобразны они в празднике, посвященном добыче диких оленьих быков и где имитируются характерные черты и повадки волка.⁵³ Очевидно, смысл этой пляски-пантомимы состоит в том, чтобы вселить в охотников веру в удачу, веру в свои силы, воспитать храбрость, мужество, терпение. Эта мысль подтверждается такими фактами: собираясь убить своего врага, чукчи надевают на себя новую одежду, обвешанную лоскутами волчьего меха, и волчью шапку.⁵⁴

Наиболее древние черты таких плясок-пантомим сохранились в празднике «воскресения» зверей, где мужчины изображали охотников, а женщины — зверей, которые объединяются в общем танце, носящем произвольный характер. Женщины пытаются имитировать зверей и их повадки.⁵⁵ Отголоски этой массовой имитации сохранились во многих обрядах и праздниках чукчей, где нередки индивидуальные танцы, воспроизводящие ворона, волка, медведя, куропатку и т. д.

Обычно по окончании обязательных церемоний начинаются танцы-пантомимы сиюминутного характера, т. е. темы их рождаются здесь же на торжестве под влиянием запоминающихся моментов, связанных с промыслом или повседневным бытом. Исполнялись они соло или парами под аккомпанемент бубна. Эти импровизации обладали способностью, не теряя традиционной формы и сюжета, обрастать новыми оттенками в зависимости от событий, случившихся в недавнее время. Качество и привлекательность плясок-пантомим зависели от таланта исполнителя, его пластических данных. Эта часть обрядов и праздников отличается от остальных выделением группы зрителей, что придает танцам-пантомимам скорее развлекательный, нежели магический характер, хотя многие из них имеют древнюю и переходящую из поколения в поколение тему — «Ворон», «Гуси», «Битва морских куликов»⁵⁶ и т. д. Своеобразны танцы «с гримасами», на которые обратил внимание Ф. П. Врангель, отмечая, что главное достоинство пляски чукотских женщин — мимика.⁵⁷ К сожалению, по имеющимся данным трудно составить представление об этих танцах, так как они носили импровизационный характер, трудно определить также их смысловую и целевую направленность.

Обряды и праздники оседлых чукчей, как и оленных, имели промыслово-магический характер, только в них чаще фигурировали морские животные.

Общие закономерности остаются неизменными и для ритуалов оседлых чукчей. Почти все они начинаются игрой на бубнах и пением семейных, традиционных для данной семьи, мелодий. Затем следуют обязательные ритуальные танцы-пантомимы, имитирующие охотничьи сюжеты, повадки зверей. Отдельные пары изображают охотника и морского зверя.⁵⁸ Танец, представленный

из линий аккомпанирующих мужчин и пляшущих женщин в осеннем празднике оседлых чукчей, ничем не отличается от вышеописанного в ритуалах оленных.

Что же касается плясок-пантомим сиюминутного характера, то в них намечается более значительное расхождение. Неизменным остается факт наличия подобной формы представления. Если в праздниках оленных чукчей было точно известно, что будет исполнена пляска «Ворона», «Волка» и т. д., то в рассматриваемом случае содержание представления до исполнения оставалось загадкой, хотя охотничьи сюжеты, конечно, были предопределены и чаще всего пляски-пантомимы воспроизводили моменты из недавней охоты. Неизменной была последняя часть этого представления — благодарственный танец духам.⁵⁹

Интересно отметить склонность к юмористической оценке изображаемого, что является показателем частичного перехода плясок-пантомим этой формы от обрядовых к зрелищным, развлекательным.

Заслуживает внимания благодарственное служение, посвященное копыю, — *пойгымнэгыргын*. Поводом к нему служили удачная охота на крупного зверя или победа над врагом. Вся музыкально-пластическая часть этого торжества была импровизацией на тему праздника. Исполнялись песенные мотивы, темой которых были сила копья, ловкость и храбрость его владельца. Пляски-пантомимы воспроизводили те же сюжеты.

Такое большое место плясок-пантомим в социальной жизни чукчей наводит на мысль, что в древности они имели важное промыслово-магическое значение. Примеры подобного назначения пантомимы находили у многих народов.⁶⁰ Промыслово-магические пантомимы имели целью способствовать охотничьей удаче. Танцующие изображали успешную охоту, «заверяли» зверя, что к нему отнесутся с подобающим почтением. Судя по тому, что первые исследователи чукчей подчеркивали обязательность этого раздела ритуалов, можно предположить, что раньше эти пантомимы были центром всего празднества. Интересно отметить, что хотя им и придавалось магическое значение, все разыгрываемые сюжеты предельно реалистичны и являются точной копией событий, имевших место в процессе добывания зверя.

Кроме танцев, плясок-пантомим, входивших обязательными элементами в сюжетную канву обрядов и праздников, существовали и такие, которые видимой связи с ритуалами не обнаруживали. Они носили скорее развлекательный характер, хотя, возможно, много веков назад имели какую-либо смысловую нагрузку в обрядово-магическом синтетическом зрелище. С течением времени эта связь могла ослабиться и забыться совсем.

Соревнования в игре и на бубнах — неперемнная часть почти всех крупных, многодневных праздников, таких, как убой тонкошерстных оленей, благодарения, *Кэреткуна*.⁶¹ На торжество собирались самые знаменитые шаманы и по очереди под аккомпанемент бубна доводили себя до состояния экстаза.

Детские танцы обычно начинаются после завершения основных ритуалов и имеют целью приобщить детей к музыкально-танцевальной культуре своего народа. Дети получали награду за хорошее исполнение и развлекали взрослых. Исполняли танцы юноши, мальчишки, а девочки, кроме танцев, осваивали трудное горловое пение,⁶² собравшись для этого в кружок.

Интересна своей направленностью пляска на шкуре или, как называют исследователи, «торговая пляска». Ее обычно исполняли мужчина и женщина из семей, связанных групповым браком. Мужчина во время танца клал оленью шкуру у ног танцующей и по окончании — одаривал ее подарком. После этого он имел право провести с ней ночь.⁶³

Танцы в масках носили явно развлекательный характер. Оставаясь неузнаваемыми, танцоры исполняли шуточные и пародийные танцы⁶⁴ существовали у чукчей и увеселения, не связанные с обрядами и праздниками общими сюжетами. Так, в заключение ритуальных спортивных соревнований на специальной площадке устраивались игры и танцы, целью которых было выявление лучших танцоров и певцов. Для этой же цели в ненастную погоду люди собирались в чьей-нибудь яранге и танцевали. Лучшие танцоры ездили на состязания в другие стойбища.⁶⁵

Танцы чукчей — яркое и самобытное явление, корни которого затерялись в глубине веков. Сейчас с достоверностью сказать можно лишь то, что в основе пластики чукотских танцев — подражание, имитация поведения животных, являвшихся основным объектом охоты. В изображении животных и птиц чукчи достигли подлинного совершенства, и одно-два движения могли дать точное представление о звере и его повадках.

Пантомима занимала одно из основных мест в танцевальном искусстве чукчей. Существовали пантомимы, где мимика доминировала над всеми основными элементами, как например, в пантомиме «*рультынтэтык*»,⁶⁶ этимология и направленность которого не выяснены. Тот факт, что он сохранялся и оберегался, говорит о большом значении, которое придавали ему в народе.

Характерно, что танцы чукчей не отличаются большой подвижностью. Более активна верхняя часть туловища. Исполнители почти не сходят с места, раскачиваются из стороны в сторону, приседают, выгибаются, двигают плечами и руками. Передвижения по площадке незначительны. Если танцуют одновременно несколько человек, движения их не согласуются.

Индивидуальность танцующего занимает главенствующее положение в исполнительской манере, в его пластической и мимической выразительности. Это придает неповторимость танцу в зависимости от искусства того или иного танцора или танцовщицы.

Исполняясь танцы довольно продолжительное время — 12—14 часов; особым почетом пользовался тот, кто дольше всех танцевал. Хореографическую часть обрядов и праздников начинали обычно устроители их, хозяин и хозяйка яранги. Преимущество в танцах было за женщинами.

Современное искусство чукчей является новой ступенью в развитии художественного творчества народа. Сохраняя свои лучшие черты и национальные особенности, обогатилось и танцевальное искусство, как по форме, так и по содержанию. Одним из ярких тому примеров является организованный в 1968 г. профессиональный чукотско-эскимосский музыкально-хореографический ансамбль «Эргырон» («Рассвет»).

Значительное развитие получила танцевальная художественная самодеятельность, которая во всех своих формах продолжает сохранять народные традиции.

Наряду с праздниками, которые отмечает весь советский народ, у чукчей сохранились трудовые праздники, посвященные отелу и убою оленей, началу и окончанию охоты на морских зверей, подведению итогов хозяйственного года.

Сохранив свою трудовую основу, традиционные праздники освободились от религиозных элементов, от мистической атмосферы. Они включают в себя танцы, которые прославляют тружеников, подчеркивают уважение народа к труду, которое существовало испокон веков.

Одной из эффективных форм отображения современности явилась пляска-пантомима, особенность которой быстро фиксировать событие, живо реагировать на окружающую жизнь, давать творческий простор исполнителям. Все это сделало ее емкой, подвижной и в новых условиях. Сохранив традиционную форму, пляски-пантомимы впитывают новое содержание, ярко и самобытно воспроизводят его. Таким образом, пляски-пантомимы продолжают оставаться одной из национальных особенностей чукотского танцевального искусства.

Среди современных сюжетов наиболее многочисленны танцы о труде. Они претерпели значительную трансформацию вместе с изменением жизни чукчей: от простого изображения трудовых процессов до осознания сущности труда в жизни общества, понимания особой роли его в формировании нового мировоззрения. Преимущество здесь за танцами с промысловой темой. «Охота на моржа», «Охота с копьем», «Охота на песца», «Охота на уток» и т. д. — вот далеко не полный перечень названий такого рода танцев. И рядом с ними: «Выделка шкур», «Девушки шьют», «Строители домов», «Танец плотника», «Танец штукатура», «Танец радиста», «Танец о летчике».⁶⁷ Новая жизнь заявляет о себе ярко и эмоционально.

Любят чукчи свою суровую землю, ее животных, природу. Изображая все это в танце, они проявляют незаурядное искусство, истоки которого уходят в народную традицию. Наблюдательность, великолепное знание животного мира, изумительная тонкость в пластическом воспроизведении поведения зверя отмечают танцы-пантомимы с этой тематикой. Для них характерно соединение танца с песней. Вот некоторые названия этой группы: «Северное сияние», «Цветок», «Ворон», «Журавли». Любят чукчи лирические, сатирические и шуточные пляски.⁶⁸

Появились и другие формы коллективного исполнения танцев — национально-самодетельные танцевальные ансамбли. Их деятельность заслуживает самого серьезного внимания, так как лучшие из них проводят большую работу по поиску и отбору материала для своего репертуара.

Ансамбли являются как бы новым этапом в дальнейшем развитии танцевального искусства чукчей. В их постановках отбираются, систематизируются и закрепляются наиболее характерные, наиболее существенные сюжеты, движения, фигуры. Через ансамбли традиционное национальное искусство обогащается достижениями мировой культуры. Здесь же бережно сохраняются традиции народного творчества.⁶⁹

Участвуя во Всесоюзном фестивале самодеятельного творчества, во Всероссийских смотрах художественного творчества, чукотские ансамбли не раз демонстрировали прекрасные образцы народного хореографического искусства. Среди них такие как «Олененок», чукотско-эскимосский «Уэлен», «Солнышко», «Белый парус», Майно-Пыльгинская «Дружба», Хатырские «Чукотские зори», Эмеленская «Ракушка» и др. Некоторым из них присвоено звание «народный ансамбль песни и танца».

Создание народных коллективов помогло сохранить многие богатства традиционного фольклора. Об этом хорошо сказал писатель Ю. Рытхэу: «То, что называют самодеятельностью в чукотских и эскимосских селениях, это неповторимо. . . Это свойство подлинного искусства, жизнестойкость, гибкость, способность в, казалось бы, застывшие, древние формы вмещать новое содержание, давая ему иное, непривычное и неповторимое освещение».⁷⁰ Вот названия лишь некоторых танцевальных постановок, ярко подтверждающих эту мысль писателя: «Танцевальная сюита», «Будни Чукотки», «Соревнование», «Танец продавца» и т. д.⁷¹

Уже в 1985 г. в фестивале самодеятельного художественного творчества участвовало 157 самодеятельных коллективов.⁷²

Ансамблю «Эргырон» была доверена честь показать неповторимое искусство северного края на XII Всемирном фестивале в Москве.

Еще одной характерной особенностью современного танцевального искусства чукчей является его подлинная народность в том первоначальном смысле этого слова, когда зрители не только смотрят выступления самодеятельных артистов, но и сами начинают танцевать. Так бывает почти всегда, когда танцоры выезжают в тундру, в оленьи бригады и когда бывает даже сложно отличить танцора-артиста от танцора-колхозника.

Итак, хореографическое творчество чукчей в непрерывном поиске. Постоянная забота партии и правительства о развитии национальной культуры — вот тот фундамент, на котором растет, совершенствуется и разгорается новыми красками хореографическое искусство чукчей.

Музыкальный фольклор

С давних времен песни, народная музыка играли важную роль в трудовой и духовной жизни чукчей. Возникшая из реальных жизненных потребностей общества система художественно-образного отражения действительности со временем вызвала у них потребность в эстетическом наслаждении. Это привело к выделению и совершенствованию отдельных видов народного искусства, в том числе музыкального. Песни и танцевальные мелодии стали исполняться не только во время трудовых праздников и религиозных ритуалов, но и в часы отдыха, для развлечения. Наивысшей организационной формой бытования народной музыки, как искусства, стали возникшие в далеком прошлом и сохранившиеся до наших дней песенно-танцевальные соревнования. Такие соревнования — на лучшие вновь созданные песни, танцы и пантомимы — проводились как между художественно одаренными людьми данного селения, так и между жителями соседних селений, между представителями разных народностей, населяющих Крайний Северо-Восток. В частности, соревновались в песенно-танцевальном творчестве уэленские чукчи и науканские эскимосы, жители Чукотки и Аляски. Победители песенно-танцевальных соревнований награждались подарками: шкурками речного бобра, росомахи, волка, своими изделиями; а иногда это были специально созданные в честь победителей песни. Навсегда осталась, например, в памяти жителей села Уэлен песня-подарок от эскимосов Аляски, которая была создана в 1938 г. в честь чукчи Атыка — победителя на песенно-танцевальном соревновании в городе Ном на Аляске.

Чукотку с полным основанием можно назвать краем массового народного и музыкального творчества. «Между чукчами есть свои легенды, предания старины и народная поэзия, выражаемая в играх и песнях, — писал А. Аргентов. — На игрищах песни поются с текстом; мотивы их довольно разнообразны. . . При пении чукчи делают выразительные жесты, мужчины бьют в бубны, мурлычат монотонно и соблюдают непрменный такт. По временам они подражают реву и крику различных животных и птиц, что делают с большим искусством». ⁷³ «Чукчи любят пение, — отмечает В. Г. Богораз, — особенно во время праздников. Каждая семья и даже каждый человек имеет несколько собственных напевов. Одни из них наследственные, другие собственного сочинения». ⁷⁴

В далеком прошлом у оленеводов возник своеобразный прием гортанного пения, именуемый по-чукотски *пильгэйн'эн*. Гортанное пение производится путем втягивания воздуха. Певец немного сжимает горловые связки, губы широко растягивает в стороны, и, вдыхая воздух, издает своеобразный шелестящий звук. Меняя сжатие горла и растяжение губ, он изменяет высоту звука. Опытные певцы могут сочетать гортанное пение с обычным, именуемым *тилгэйн'эн*, образуя два самостоятельных голоса-тембра. Как и

в прежние времена, хотя и реже, в некоторых селениях Чукотки и сейчас устраиваются состязания в исполнении гортанных песен. Эти состязания носят название *айн'арачвын* — звукосоревнование. Участвуют в них, как правило, группы девушек или молодых женщин, реже — люди более старшего возраста, желающие выразить в этом пении свое настроение. Пильг'эйи'эн обладает своеобразными художественными возможностями в изображении различных явлений природы, картин быта. В одних случаях это — бегущее стадо оленей, преследуемое волками, езда на оленях или весенняя тундра, покрытая цветами, перелет птиц, в других — различные трудовые процессы, настроения и переживания человека.

Ко времени установления на Чукотке Советской власти музыкальное искусство чукчей развивалось лишь средствами народного творчества, не имело профессионального начала. Однако древние чукотские мелодии звучат и в наши дни. Сохранению их в быту немало способствовала традиция передачи от поколения к поколению семейных, общинных песен с характерными ритмами и интонациями. Уже при рождении каждый чукча вместе с именем получает от родителей именную песню, сочиняемую отцом или матерью в первые же дни появления ребенка на свет. В ней отражаются те или иные черты новорожденного, мечты о его будущем. Такой, например, является созданная в 1945 г. песня чукчанки Тамары Кэлерултыны (село Усть-Чаун Чаунского района) для ее дочери Нины Аргиц. В ней говорится: «Ты, моя доченька, сейчас спи спокойно. Вырастай большая! Говорю тебе я: когда вырастешь, запоешь, как журавль».

Вырастая, ребенок узнает и заучивает личные песни родителей, дедов, других родственников, став взрослым, сочиняет песни сам, в том числе личную именную песню. В ней он выражает свою индивидуальность, эмоциональный настрой; во многих случаях упоминает свое имя, иногда — краткие сведения о своей работе, об окружающей природе, о любимом олене или собаке-вожаке упряжки. Например, песня оленевода Етылына (село Кепервеем Билибинского района) начинается произнесением его имени, а мелодия изображает волнистую линию сопков, которую он обычно видит, сидя около стада оленей.

Традиционные мотивы, подвергаясь вариационным изменениям и обогащению новыми интонациями, ложились в основу новых музыкальных произведений.

Если сопоставить звукоряды и интонации этих песен, можно сделать вывод о том, что именно из таких ладообразований в процессе многолетней практики сложился четырехзвучный бесполутонный лад, лежащий в основе многих старинных и современных чукотских мелодий.

Чукотская народная музыка развивалась преимущественно как вокальная. Она не имела музыкальных инструментов со строго фиксированной высотой извлекаемых звуков. Из числа народных музыкальных инструментов получил у чукчей повсе-

местное признание и широкое применение лишь ударный инструмент бубен-ярар. А. Аргентов писал, что бубен «непременно имеется у каждого домохозяина. С бубном чукча и сетует, и радуется, и шаманит».⁷⁵ В. Г. Богораз дополнял: «Составным элементом домашней святыни является бубен-ярар. . . Каждая семья должна иметь свой бубен, упражнение на котором во время известных праздников обязательно для всех домочадцев, мужчин и женщин. . . В долгие зимние вечера чукчи берутся за бубен просто для развлечения, для того, чтобы сделать свое настроение более повышенным и возбужденным».⁷⁶

Играет на бубне обычно самый опытный музыкант или постановщик народного танца, показывая певцам и танцорам темп, ритм и динамику исполнения данного произведения. На праздничных торжествах, при выступлениях на клубной сцене больших коллективов нередко играют на бубнах сразу несколько музыкантов. Есть танцы и пантомимы, музыкальное сопровождение которых построено так, что в определенном месте пение прерывается на несколько тактов и пантомима продолжается только под аккомпанемент бубнов. В других случаях пантомима сопровождается только игрой на бубнах. Нередко солист сам аккомпанирует себе на бубне во время исполнения пантомимы.

Нельзя не обратить внимание на то, что на всех сельских, районных, окружных и областных смотрах и фестивалях художественной самодеятельности, проводившихся начиная с 1954 г. по сегодняшний день, ни один из принимавших в них участие чукотских любительских ансамблей песни и танца ни разу не применял в своих выступлениях какой-либо иной музыкальный инструмент, кроме ярара. Между тем у чукчей были и другие музыкальные инструменты. В разное время в различных селениях Чукотки местные жители изготавливали примитивные струнные и духовые инструменты, а также различные шумовые инструменты — жужжалки, завывалки. В трудах В. Г. Богораза упоминаются простейшие духовые музыкальные инструменты. Описывая, например, «праздник гагары», он отмечает, что «чукчи подражали пению этих птиц свистками, сделанными из гусиных перьев или из дерева с язычками из китовой кости».⁷⁷ В Атласе музыкальных инструментов народов СССР приводится несколько чукотских струнных инструментов — *эй'нэн'эн* (орудие для звучания): щипковый-трехструнный, смычковый-двухструнный, ударный-однострунный.⁷⁸

В Атласе упоминается также, что чукотские музыканты использовали распространенный у многих народов комыс-варган. В наше время в некоторых селах Чукотки можно обнаружить у местных жителей разновидность варгана — *ванныярар* (зубной бубен), изготовленный из дерева, камыша или кости, реже — из металла.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что народные струнные и духовые музыкальные инструменты не вошли в повседневный обиход чукчей, не приобрели единой, прочно установившейся конструкции, единых приемов игры на них.

За годы Советской власти коренным образом изменилась жизнь на Чукотке. Но и теперь в любом чукотском селении, в любой бригаде оленеводов, охотников, рыбаков можно услышать народные песни. Они исполняются по различным поводам, в различной обстановке. Среди них есть такие, которые воскрешают в памяти исполнителей и слушателей яркие картины происходивших когда-то событий. И это не случайно. Ведь нередко песни создаются в часы тяжелых испытаний, выпавших на долю охотника или оленевода. В эти критические минуты песня согревает душу, прибавляя человеку сил, помогает найти правильное решение. А потом, исполненная в кругу родных и близких, служит образцом оптимизма, школой мужества. Эти «памятные песни» чаще всего являются семейной реликвией и не предназначены для широкого публичного исполнения. Такова, например, песня охотника Суглягина, жившего в конце 1940-х годов на острове Аракамчечен Провиденского района. Отправившись зимой в тундру на охоту, он был застигнут пургой на открытом месте, где не смог сделать укрытие из снега. Пурга длилась несколько дней. Охотник лежал на скале и медленно замерзал. Но он не сдавался и подбадривал себя, сочиняя песню-импровизацию, в которой рассказывал о переживаемых испытаниях, о своей надежде на спасение «Сулхэны идти не может, не может. Нет ног, нет рук. Ну что ж, взлечу. . . Сулхэны прибыл. Мы очень обрадовались. Мы очень рады».

Друзья нашли Суглягина, привезли в стйбище, но спасти его не удалось. Однако, продолжая до последней минуты бороться за жизнь, он спел жене и детям созданную им песню. А теперь ее поют внуки и правнуки Суглягина, восхищаясь его мужеством и стараясь походить на него.

Знакомясь с многочисленными памятниками — песнями-импровизациями, можно зримо ощутить, как за годы советской власти происходили на Чукотке прогрессивные преобразования, как перестраивалось мировоззрение коренного населения. Труд работников различных сельских профессий, борьба со стихийными силами суровой северной природы, успехи социалистического строительства, события общественно-политической жизни — все это нашло отражение в современных песнях, пантомимах и танцах. Создаваемые в настоящее время песни-импровизации нередко отражают радостные события в жизни тружеников тундры и приморских селений. Так, в 1973 г., когда бригадир шестой оленеводческой бригады совхоза «Энмитагино» Котгыргин был награжден орденом Трудового Красного Знамени, пастухи поздравили своего товарища, а его жена Елена выразила радость в тут же созданной песне. На Чукотке принято в честь отличившегося в труде человека исполнять его личную песню, отдавая ему тем самым дань уважения.

Индивидуальные (личные, именные, памятные) песни и сейчас составляют как бы первую ступень чукотского народного музыкального творчества. Создаются они по образцам индивидуаль-

ных песен предков, на основе их интонаций, характерных ритмов, формы строения. Эти песни являются неисчерпаемым источником для второй ступени народного творчества, для творчества самобытных композиторов-мелодистов, создающих произведения общественной значимости.

Традиционное музыкальное искусство на Чукотке развивается ныне на основе взаимовлияния и взаимообогащения культур братских социалистических наций и народностей. Сохраняя свои лучшие традиции, музыкальное искусство чукчей значительно обогатилось как по форме, так и по содержанию, получило организационное оформление. В большинстве чукотских селений лучшие певцы и танцоры, ранее встречавшиеся лишь на праздниках или песенно-танцевальных соревнованиях, теперь объединены в постоянно действующие ансамбли песни и танца. В ансамблях формируется репертуар, создаются произведения на современные злободневные темы. Перенесение выступлений из тесных яранг на сцены Домов культуры способствовало освоению сценического мастерства, созданию современных национальных сценических костюмов.

В новых условиях продолжает сохраняться тесная связь чукотского песенно-танцевального творчества с повседневной жизнью авторов, исполнителей и слушателей. Героями многих произведений стали передовики производства, уважаемые люди. Так, чукчанка О. П. Геунтонау создала Песню о лучшем оленевode совхоза «Маяк Севера» — Канано; К. П. Келенны-Зорина является автором «Песни о старейшем и мудрейшем охотнике Рагтувье».

В народном творчестве 50-х гг. отмечалось новое явление: создание самобытными композиторами-мелодистами песен на стихи профессиональных чукотских поэтов — А. Кымытваль, В. Кеулькута, М. Вальгыргина. Одним из таких произведений явилась песня «Охотник» на одноименные стихи В. Кеулькута. Для ее создания участница ансамбля песни и танца Дома культуры села Канчалан Анадырского района М. Тевляна-Зизянова использовала мелодию личной песни односельчанки Калянтонуа.

Приобщение чукчей к общественно-политической жизни всего советского народа привело к возникновению нового для них жанра — песен на общественно-политические темы. Возникли многочисленные произведения о В. И. Ленине, о Коммунистической партии, съездах КПСС, о Конституции, о завоевании космического пространства, о борьбе за мир и дружбу народов. Например, в песне «Мы все за мир», созданной жительницей села Нунлигран Провиденского района Г. Н. Тагриной, говорится: «Все-все песню пойте с нами вместе. Послушай, Родная земля. Мы песню поем, чтобы слышали все. . . Наша страна лучше стала. Ни за что не отдадим (ее никому). Тоже я и Кубу буду защищать. О хорошем будем говорить».

Развитие музыкального мышления на современном этапе приводит к обогащению старинных малообъемных, бесполутоновых

ладов чукотской народной музыки новыми звуками, полутоновыми сопряжениями. Все это создает предпосылки к осуществлению перевода традиционной народной музыки на профессиональную основу, к использованию в ней достаточно совершенных струнных и духовых музыкальных инструментов, хорового многоголосья.

На протяжении последних десятилетий чукчи стремятся к овладению струнными музыкальными инструментами для исполнения национальных произведений. Еще в 1930—1940-е гг. в ряде сел Чукотки местные музыканты изготовляли своими силами струнные инструменты, применяя в качестве резонаторов консервные банки, грифов — деревянные палочки; использовали самодельные жильные струны. Играли на них пальцами или примитивным смычком, сделанным из деревянной палочки или китового уса.

Образцами служили европейские струнные инструменты, с которыми их познакомили русские музыканты. Так, в 1929 г. секретарь первой комсомольской ячейки в селе Уэлен Г. П. Сычев организовал из учеников общеобразовательной школы струнный оркестр, в котором дети чукчей обучались игре на мандолинах, балалайках, гитарах.⁷⁹ В 1936 г. концертная бригада преподавателей и студентов Московской консерватории выступила во многих прибрежных селах Чукотки с исполнением произведений русской и западноевропейской музыки. В бригаде были певцы и музыканты струнного (скрипичного) квартета.⁸⁰

Когда в селах Чукотки появились домры, балалайки, гитары, баяны, местные жители стали осваивать их, учились играть на них русские и чукотские мелодии. За последние двадцать лет в ряде населенных пунктов Чукотки работники учреждений культуры организовали большое число самодеятельных оркестров русских народных инструментов, музыкантами которых являются чукчи и эскимосы. Сегодня музыкальные инструменты промышленного изготовления проникли и в тундру. В оленеводческих бригадах появились самодеятельные музыканты, которые исполняют на гитарах и домрах чукотские народные мелодии и песни советских композиторов. Начиная с 1964 г. на областных и окружных курсах руководителей национальных ансамблей слушателей обучали музыкальной грамоте и технике игры на музыкальных инструментах. Это усилило тягу чукчей к использованию музыкальных инструментов промышленного изготовления в национальном музыкальном творчестве. Наибольших успехов достигла в этом чукчанка Г. Н. Тагрина. Возглавляемый ею вокальный ансамбль «Журавушка» исполняет созданные ею чукотские многоголосные песни с инструментальным сопровождением.

В эти же годы в Магаданской области значительно расширилась сеть музыкальных учебных заведений. Наряду с областным музыкальным училищем в районных центрах и нескольких селах области работают теперь детские музыкальные школы, в которых учатся дети местного населения. Созданы благоприятные возмож-

ности для подготовки из музыкально одаренной чукотской молодежи композиторов, дирижеров, профессиональных певцов и музыкантов.

Народное декоративно-прикладное искусство

На протяжении многих веков чукчи создали оригинальное народное декоративное искусство, в котором нашли свое отражение жизнь охотника, морского зверобоя, оленевода, их необычайно острая наблюдательность, тонкое знание повадок и образа жизни животных.

Этническую специфику чукотского народного декоративного искусства определил главным образом своеобразный орнамент, очень мелкий и строго геометрический. Этот орнамент заметно варьировался в зависимости от тех материалов, из которых он делался, и от тех предметов, которые он украшал.

Кожа и мех оленя, тюленей, собаки и росомахи — самые древние и широко распространенные материалы для шитья одежды, обуви, пологов, сумочек, других предметов домашнего и хозяйственного обихода. Эти же материалы служили и для украшений вещей. Искусство художественной обработки кожи и меха всецело находилось в руках женщин. Этому их учили в семьях с малолетства.

С удивительным терпением и любовью женщины производили тончайшую работу по украшению кожи и меха, требовавшую значительной затраты времени и сил. В декоре изделий из мягких материалов преобладали различные розетки, круги, полукруги, полоски, исполненные как в технике своеобразной вышивки, так и в технике аппликации. По ровдуге чукотские женщины вышивали русскими фабричными нитками, причем некоторые швы этой вышивки удивительно подражали накладным швам из подшейного волоса оленя. При орнаментации одежды широко использовались кисточки из меха и ниток, крашеной шерсти молодой нерпы, а также меховые выпушки.

В орнаментике на праздничной чукотской одежде, на обуви и на колчанах преобладали кружки.

По данным В. Г. Богораза, меховое покрытие нарт для перевозки детей сами чукчи называли «солнцем».⁸¹ Лучистые круги на амулетах назывались «луной».⁸² На других кожаных предметах, особенно на поясах, встречались аппликации, составленные из мелких кожаных квадратиков и полосок.⁸³

И праздничная одежда чукчей, и кожаные детали нарт-кааран, и сумочки, и пояса — все свидетельствует о тонком мастерстве и художественном вкусе чукотских женщин, сумевших создать своеобразную классику национального декоративного искусства.

Помимо шитья одежды и других предметов из кожи и меха и их орнаментации, чукотские женщины умели плести удивительно красивые сумки из волокон кипрея и дикой ржи, растущих в при-

полярной тундре. В этих сумках они хранили принадлежности шитья. Технический прием плетения был не таким уж простым — в основу волокон вплетались более темные, чем сама сумка, травы.⁸⁴

Художественная обработка твердых материалов (кость, дерево, металл) в дореволюционное время находились в руках мужчин. Наибольшего совершенства достигла художественная обработка кости. Умение обработать кость для необходимых орудий труда и промысла послужило истоком резьбы по кости у чукчей и эскимосов. Изделия из кости XVIII—XIX вв. широко представлены в коллекциях наших музеев и большей частью опубликованы.⁸⁵

Дореволюционная скульптура из кости носила главным образом анималистический характер. Распространены были изображения оленей, моржей, китов, тюленей, собак, птиц. Типичным для этого искусства был устойчивый размер фигур, от 2 до 8 см. Многие скульптуры украшались гравированным орнаментом в виде точек, коротких полосок, ритмически организующих поверхность скульптурной формы.

С течением времени менялось значение орнамента. Если в искусстве прошлых веков орнамент выполнял магическую и декоративную роль, то в XIX в. он теряет магическую функцию. Это подтверждается тем, что большинство скульптур нового времени украшается орнаментом, в то время как в изделиях древнеберингоморской культуры орнамент украшал в основном вещи, имевшие отношение непосредственно к охоте.⁸⁶

В скульптуре чукчей XIX—начала XX в. чувствуется большая близость к изделиям старых мастеров. Силуэт скульптур предельно прост и скуп, форма не разработана в деталях, фигуры животных обтекаемы. Однако в XIX в. появляются и другие скульптурные произведения, в которых уже заметны нарушения той неподвижности, статичности, которая была раньше. Нередко чукотский резчик показывает теперь и поворот головы медведя, и повернутые лапы тюленя, и песка, с настороженно поднятыми ушами и острой мордочкой, и птицу, готовящуюся к полету.

Значительным событием в искусстве чукчей XX в. является появление сюжетной гравировки на кости. Изобразительное графическое искусство чукчей имеет древние корни. Это подтвердилось открытием в 1967 г. техником-геологом Н. М. Саморуковым петроглифов на реке Пегтымель в Заполярной Чукотке, исследованных чл.-корр. АН СССР Н. Н. Диковым. На скалистых выступах были обнаружены силуэтные изображения, выполненные способом неглубоких выбивок, притирания и вышлифования. Анализируя петроглифы Пегтымеля, Н. Н. Диков отметил в них сочетание изображения морской охоты и охоты на дикого оленя и сделал вывод, что авторами этих петроглифов были древние предки чукчей и эскимосов. Он обратил внимание на то, что у пегтымельских петроглифов «... много общего по стилю и содержанию с чукотским и эскимосским изобразительным искусством последних столетий, особенно с косторезным».⁸⁷ И. С. Вдовин

правомерно выделяет обширный комплекс общих элементов культуры у этих двух соседних народов, один из которых, эскимосы, был ассимилирован пришедшими на берег моря чукчами, воспринявшими в свою очередь много эскимосского в хозяйстве и культуре.⁸⁸

В графическом искусстве чукчей выражались те же идеи, что и в пластике, — сложные взаимоотношения охотника со зверем.

Это были рисунки на деревянных предметах, предшествующие гравировке по кости, — изображения китов, моржей, касаток на сиденьях в байдарках и на веслах. Эти рисунки выполнялись кровью нерпы, моржа или сажей и были сплошь закрыты цветом. Их силуэт был очень простым и выразительным и напоминал по своему лаконизму скульптурное изображение. Вполне возможно, что скульптура, столь сильно развитая в искусстве чукчей и эскимосов, оказывала влияние на характер графических изображений.

В XIX в. гравированные на кости рисунки чукчей встречались сравнительно редко, но зато рисунки на деревянных дощечках, на веслах и сиденьях в байдарках были весьма развиты. Это были охотничьи сценки, изображения морских животных, яранг. Для всех этих рисунков характерно было четкое деление на две группы: относились к морю и помещались на одной стороне предмета или изображали сушу и располагались на другой его стороне.⁸⁹

Среди новейших чукотских изделий из кости, покрытых гравировкой, особый интерес представляют целые клыки моржа. Для XIX в. такие клыки не характерны, не встречаются они и среди археологических находок. С. В. Иванов вполне убедительно относит появление гравировки на целых клыках к концу XIX или к началу XX в., а самый ранний из известных датированных гравированных клыков относит к 1904—1907 гг.⁹⁰

В начале XX в. чукотские резчики начинают придавать изображениям человека и животных индивидуальные черты. Целый клык позволил в несколько раз увеличить площадь рисунка, по сравнению с костяными пластинками XIX в. На гравированных изображениях человека и животных появляются новые детали, ранее не интересовавшие художника, ограниченного небольшой поверхностью распиленного на мелкие куски моржового клыка или узкой пластинкой из кости. Так, теперь художник изображал у людей лицо и одежду, у тюленей и медведей — шерсть, глаза, у олсней — копыта. У него появился также интерес к окружающему пейзажу — холмам, травам, кустам, морским волнам, плавающим льдинкам, облакам. Таким образом, значительно расширилась познавательная сторона искусства чукчей.⁹¹

Говоря о дореволюционном периоде развития чукотско-эскимосской резной кости, нельзя не отметить и ряд черт, снижающих художественную ценность этого вида искусства.

Во-первых, с проникновением к чукчам железа и других металлов, постепенно теряются навыки обработки кости, так как

костяные наконечники гарпунов и другие изделия все чаще заменяются металлическими, совершенно исчезает рельефная резьба на предметах промысла, гарпуны делаются упрощенно, без всякой орнаментации.

Во-вторых, с появлением в середине XIX в. у берегов Чукотки иностранных китобоев и торговцев стали появляться безвкусно исполненные изделия из кости в виде ложек, ножей, шпилек, колец для салфеток, моделей нартов, шхун и т. п.: покупатели заказывали резчикам такого рода изделия для продажи на рынках Америки. Стремясь угодить неприхотливым вкусам заказчиков, мастера выполняли из кости вещи, совершенно чуждые им по своему назначению и характеру, повторяющие по сути дела предметы европейского обихода. Но эти низкопробные «произведения» не смогли остановить поступательное развитие народного искусства. Расцвет его падает на Советский период, когда оно, сохраняя свои лучшие традиции, наполняется новым содержанием, приобретает качественно новые черты.

Вплоть до начала сороковых годов чукотская скульптура сохраняет большую стилистическую общность с лучшими изделиями конца XIX—начала XX в. Эту общность можно заметить и в одинаковом отношении к материалу, и в создании одиночных скульптур животных. Чукотский мастер, как и прежде, продолжает понимать скульптуру как единый, почти нерасчлененный объем, в пределах которого мало внутреннего движения. Скульптуры имеют ровные, как бы срезанные основания, что еще больше подчеркивает монолитность массы. Малорасчлененный объем, единство скульптурной формы способствуют впечатлению весомости, монументальности, несмотря на небольшие размеры. Эта стилистическая линия в скульптуре наиболее близка к прошлым векам, когда скульптура представляла символ зверя, служила как бы амулетом.

Но наряду со скульптурой такого типа встречаются и произведения, в которых заметны новые черты, определяющие второе направление в пластике 20—30-х годов. Мастера пытаются передать характерные позы и движения животного, при этом неожиданный поворот придает образу живость, элемент индивидуальной характеристики.⁹² Эти черты изобразительности, отличающие скульптуру чукчей 20-х годов от ранних этапов ее развития, особенно хорошо видны при рассмотрении шахматных фигур, привезенных А. Миндалевичем в 1932 г. и находящихся ныне в фондах Музея Арктики и Антарктики в Ленинграде (НВ-298).

Интересно, что уже в скульптуре 20—30-х годов появляются и совершенно новые сюжеты, рожденные революцией. Мастера пытались передать предметы нового времени, отразить те социальные преобразования, которые происходили на Чукотке. Незвестный резчик создал образ красноармейца с винтовкой в руках, в шинели и в шлеме, украшенном пятиконечной звездой. Образ русского друга, стоящего на страже завоеваний Октября, был близок и понятен уже в те годы чукотскому мастеру.

Советское государство высоко ценило традиционное искусство чукчей и заботилось о его развитии. Проведение ряда мероприятий положило начало организации первых косторезных артелей, художественному руководству промыслом, его профессионализации. В 1928 г. на Чукотской культбазе в заливе Лаврентия инструктор косторезного дела Морозов организует первые группы резчиков по кости.

В том же году кружок резьбы по кости при Уэленской школе создает П. Я. Скорик. В 1931 г. в Уэлене была создана стационарная косторезная мастерская, ставшая впоследствии основным центром развития чукотского и эскимосского искусства. Активным организатором мастерской был первый председатель Чукотского окрисполкома Тегрынкеу, а ее первым заведующим стал его брат, опытный резчик Вуквутагин, который до последних дней жизни, до 1968 г. оставался среди резчиков этой мастерской. За долгие годы творческой работы он обучил многих молодых резчиков и граверов, ставших зрелыми мастерами. Первыми резчиками в Уэленской мастерской, помимо Вуквутагина, были Аромке, Хальмо и Айе. В эти же годы в свободное от учебы время резьбой занимается молодой мастер, будущий знаменитый чукотский художник Вуквол.⁹³

Если в прошлом резьба по кости считалась исключительно мужским делом, то в 30-е годы и девочки начали в Уэленской мастерской успешно осваивать косторезное дело. Среди них были ставшие впоследствии первыми женщинами-граверами Эмкуль, Краснова, Кмеймит, Энмина.⁹⁴ Первым учителем их был А. Л. Горбунков, специально направленный в 1935 г. в Уэлен для организации профессиональной подготовки мастеров. Большое внимание А. Л. Горбунков уделял рисунку, графическим приемам, определению зрительной памяти и наблюдательности детей. Занятия с детьми преследовали и другую цель — выявить в их среде художественно одаренную молодежь, подготовить будущих мастеров косторезного дела.⁹⁵

В искусстве гравировки по кости произошли большие изменения. Прежде всего в гравировке на моржовых клыках получает отражение новая жизнь при Советской власти: изображаются новые дома, поселки, радиомачты, пароходы, доставляющие грузы, и т. п. Впервые появляются в гравировке портретные изображения руководителей партии и Советского государства — В. И. Ленина, М. И. Калинина и др.

Среди искусных мастеров 30-х годов выделяется Вуквол (1914—1942), потомственный косторез, прошедший первоначальное обучение у своего отца Хальмо. Это был выдающийся резчик-гравировщик, талантливый и вдумчивый мастер, много работавший над собой. Ему принадлежит первый опыт перевода миниатюры в монументальное декоративное искусство. Его работа над порталом из светлой пластмассы, изготовленная для Всесоюзной художественной выставки 1937 г. в Москве, как верно заметил С. В. Иванов, «со всей очевидностью доказала, что

чукотско-эскимосские резчики могут стать хорошими монументалистами». ⁹⁶

Ряд работ Вуквола посвящен челюскинской эпопее. Для жителей Уэлена эта тема была особенно близкой. Именно здесь базировались самолеты, отправляющиеся на спасение людей из лагеря О. Ю. Шмидта. Вукволом были исполнены рисунки на бумаге, затем гравировка на портсигаре и две композиции на моржовых клыках, которые хранятся сейчас в Москве, в Музее народного искусства и в Государственном музее Великой Октябрьской социалистической революции. ⁹⁷

В «Челюскинской эпопее» нет привычной композиции. Здесь масса действующих лиц, много сюжетов, сценки трудовых будней и митинга, охоты и гибели судна, угощения челюскинцев в чукотской яранге и идущих на посадку самолетов. Однако этой, на первый взгляд, «беспорядочностью», Вуквол решает сложные композиционные задачи, достигая мощного многоголосого звучания темы. Чукотский художник-самоучка интуитивно подошел к эпическому пониманию и воспроизведению сцен современной истории. Будни челюскинцев как бы напоминают многовековую героическую борьбу чукчей с суровой природой Севера.

С большой любовью Вуквол относится к истории, традициям своего народа. Он делает из картона копии ритуальных масок для праздника Кита, рисует иллюстрации к народным чукотским сказкам, в 1934—1935 гг. создает рисунки-эталоны для резьбы и гравировки по кости на мотивы сказки «О Лёльгылине». ⁹⁸

В мае 1937 г. Вуквол уехал в Ленинград и стал учиться на подготовительном отделении Института народов Севера. В Ленинграде Вуквол создает два выдающихся произведения чукотского искусства — гравированный клык «Чукотская легенда о Ленине», который хранится в Центральном музее В. И. Ленина, и иллюстрации к книге Ф. Тынэтэгина (Тинетева) «Сказки чаучу». ⁹⁹

Художественный язык «Чукотской легенды о Ленине» близок другим произведениям Вуквола, особенно его порталу для Всесоюзной художественной выставки. Несмотря на то, что сцены связаны последовательностью литературного произведения, они читаются как вполне самостоятельные, и это придает им особую значимость.

Наряду с Вукволом, в 30-е годы создавали свои замечательные произведения Вуквутагин, Гемауге, Кулиль, Пенькок, Хальмо, Рошилин, Ичель, Айе, Аромке, Еттуги, заложившие основы современного косторезного и гравировального искусства чукчей.

В трудные военные годы руководители округа сочли необходимым сохранить косторезный промысел, а для этого объединить при Уэленской мастерской всех косторезов Чукотки. Решением бюро Чукотского окружкома ВКП(б) было утверждено новое предприятие, получившее название «Уэленский промкомбинат по художественной обработке кости и художественной вышивке». ¹⁰⁰ Директором Промкомбината был назначен старший

коммунист В. М. Леонтьев, хорошо знавший Чукотку. Вместе с Вуквутагиным он проводит большую организационную работу, и уже к окончанию войны в косторезном цехе работали 24 мастера, а в пошивочном — 80 швей. Среди молодых мастеров были девушки-резчицы Н. Краснова, Кмеймит, Янку, Энмина, Тынатваль.

В эти же годы расцвел талант чукчи Ичеля (1898—1956). Интерес к пейзажу, картинность — новые черты, характерные для творчества Ичеля, который создал такие замечательные работы, как «Нападение медведей на поселок», «Пароходы в море» и др.

Традиции творчества своего отца продолжил Юкау (1930—1948). Живописность, декоративность, эмоциональность были характерны для творчества этого художника, имевшего все задатки большого мастера и, к сожалению, ушедшего из жизни в возрасте 18 лет. Его лучшие работы «Море» и «Олений караван» хранятся в фондах Московского Музея народного искусства.

Другая стилистическая линия была типична для творчества Ренвиля (1915—1948), продолжившего творческие поиски Вуквола. Так же, как и в работах Вуквола, в гравюрах Ренвиля основную роль играет рисунок, все изображения передаются тонким контуром, при отсутствии штриховки, цвет мало привлекает мастера. Рисунок Ренвиля — точный, близкий к профессиональному. Людей он изображает в сложных ракурсах: охотников, притаившихся во льдах, оленеводов, распрягающих оленей и т. п. Ренвиль, в отличие от других художников, хорошо владел перспективой и передачей светотени, в то время, как Ичель, хорошо владея цветом, тяготел все же к плоскостности и силуэтности рисунка.

Близким по манере Ренвилю был мастер Онно (1912—1946), свои самые лучшие произведения посвятивший событиям Великой Отечественной войны. Это — гравированные ножи с надписями «Смерть фашистам», «Мой подарок Красной Армии» и клык «День Победы на Чукотке».¹⁰¹

В начале 40-х годов начинают успешно работать Вера Эмкуль, Энмина (1923—1945), Натаукана, Надя Краснова (1925—1949), Елена Янку и другие. Их работы также реалистичны, как и лучшие образцы мужской гравюры и не уступают им по своим художественным достоинствам.

Вера Эмкуль, дочь старого резчика Аромке, прошла славный путь от простой ученицы-подмастерья до признанного мастера, Заслуженного художника РСФСР, Лауреата Государственной премии имени И. Е. Репина. Ее произведения отличают точный рисунок, мастерство композиции, разнообразие настроений, богатство художественных приемов. В одном случае в ее работах звучит цвет, в другом — все построено на контурном рисунке. Например, произведение Эмкуль «Рождение кита» (1945) имеет живописный характер, гравированный клык «Охота на моржей» (1946 МАЭ)

решена графично, где преобладает контур с незначительной штриховкой по краям, композиция насыщена экспрессией, мятущимся ритмом.

Энмина, племянница старого резчика Айе, несмотря на то, что прожила очень короткую жизнь, оставила заметный след в искусстве своего народа. Очень интересна ее гравюра на клыке «Чукотская сказка» (1945 г.), на которой с этнографической точностью рисуются бытовые сценки из жизни чукчей — и сценки охоты, и плавание на байдаре, и до деталей правдивый рассказ о национальной одежде главного героя сказки, показанного в виде великана в самом центре композиции, лежащего на льдине и смотрящего вдаль туда, где резвятся белые медведи.

В работах Натауканы (Нотавыквыны) значительное место занимает лирический пейзаж с мягкими контурами могучих гор и с необъятным морским пространством.

У Нади Красновой, ученицы Веры Эмкуль, был свой творческий почерк. Если в ранних ее работах (например, в «Сказке о Кэле», 1944 г.) ощущается влияние мастеров старшего поколения и самой Эмкуль, то в композиции «Бегущие олени» (1949 г.) Краснова сумела великолепно передать стремительный бег и силу движения красавцев тундры.

В 40-е годы приходит в искусство Елена Янку, творчество которой достигло своего расцвета в 70-е годы. С самых первых шагов в творчестве ее интересует отображение современной жизни — строительство, прибытие грузов, труд и отдых зверобоев, спортивные состязания чукотской молодежи.

В 1955 г. были приняты серьезные меры для укрепления материальной базы и дальнейшего развития косторезного промысла на Чукотке: строится интернат, жилой дом для мастеров-косторезов, организуется ученичество. Руководитель мастерской художник-искусствовед И. П. Лавров сразу начал заботиться о подготовке новых кадров мастеров из числа наиболее одаренных учащихся Уэленской средней школы.¹⁰²

В 50-е годы наблюдается активное обращение граверов к фольклору. И. П. Лавров направляет внимание мастеров на богатство и выразительность народных сказок и легенд. Он читает им вслух напечатанное, собирает и записывает услышанное. Если в 30-е годы отражение народных сказок в гравировке на моржовых клыках было единичным явлением, то в 50-е — увлечение фольклором стало характерной чертой творчества чукотских гравировщиков. Умение работать с мастерами позволило И. П. Лаврову выявить их творческие возможности, что в большей мере обуславливало проявление индивидуальных черт в их работе. Изделия, созданные в это время, свидетельствуют о разнообразии творческих индивидуальностей среди чукотских резчиков и гравировщиков.

Наиболее интересные художественные произведения в 50—60-е годы создали Вуквутагин (1898—1968), награжденный в 1950 г. орденом Ленина, Туккай (1911—1974), удостоенный

в 1967 г. ордена Октябрьской революции, молодые мастера Лев Никитин (1940—1973), Хуват (1938—1968), а также Виктор Теютин, Лидия Теютина, Иван Сейгутегин, Галина Тынатваль, Елена Янку и другие.

В конце 50-х—начале 60-х годов многие из названных мастеров были приняты в члены Союза художников СССР. На окружных, областных, зональных, республиканских и всесоюзных выставках этих лет экспонировались многофигурные скульптурные композиции, отдельные скульптуры, сюжеты гравюры на клыке, художественные изделия из меха и оленьего волоса, другие произведения народного декоративно-прикладного искусства.

Большим событием в культурной жизни всего Дальнего Востока явилась Первая зональная художественная выставка «Советский Дальний Восток», открывшаяся в 1964 г. в г. Хабаровске. На ней было представлено декоративно-прикладное искусство малых народов, и среди них — творчество замечательных чукотских мастеров Туккая, Килилоя (1934—1976), Куннукая, Сейгутегина, Галины Тынатваль, Веры Эмкуль, Елены Янку.¹⁰³

На Второй зональной выставке (1967 г., Владивосток) участвовало уже 8 художников-чукчей, на Четвертой (1974 г., Владивосток) — 14, на Пятой (1980 г., Чита) — 16 мастеров.¹⁰⁴

Народное декоративно-прикладное искусство чукчей получило наивысшее признание в 70-е годы, когда мастера И. Сейгутегин, Г. Тынатваль и В. Эмкуль были удостоены Государственной премии РСФСР имени И. Е. Репина (1976 г.), и Туккай, Е. Янку, В. Эмкуль, И. Сейгутегин получили почетное звание Заслуженного художника РСФСР.

В народном декоративно-прикладном искусстве чукчей за последние годы появились новые имена, немало талантливых произведений. Это и Майя Гемауге, ученица Елены Янку и Галины Тынатваль, создавшая замечательные произведения «Удачная охота» (1974 г.) и «Моржи» (1974 г.), Галина Иргутегина, автор гравировок на моржовом клыке «На Чукотке» (1973 г.) и «В стаде» (1974 г.), и безвременно погибший Лев Никитин, ученик знаменитого Туккая, и брат и сестра Теютины (дети художницы В. Эмкуль), и Елена Илькей (дочь Туккая).

В творчестве этих мастеров появилось много нового. Ими создана целая серия миниатюрных скульптур, основанная на традициях пластики XVIII—XIX вв. Сохраняя национальный характер, скульптурные украшения соответствуют современному костюму чукчей, чему способствуют их простота, отточенность форм, ярко выраженная красота материала. В гравированных кулонах, брелоках, браслетах нашла выражение традиционная черта национального искусства чукчей, его этническая специфика — слияние формы предмета и скульптурного завершения. В этом плане большую ценность представляют современные чукотские браслеты, состоящие из миниатюрных скульптур китов и нерп. Каждое из звеньев браслета, представляющее миниатюрное изображение животного, трактовано в декоративном плане,

что полностью соответствует характеру вещи. При этом образ животного, его типичные черты не только сохраняются, но еще и акцентируются. Да и сам цвет кости, то зеленовато-серый, то почти черный, то серо-коричневый, с плавными переходами к светлому, почти белому, — придает миниатюрным скульптурам особую декоративность.

Появились большие изменения и в скульптурной резьбе. В работах мастеров, создающих сложные многофигурные композиции (Килилой — «Забой моржей», 1957; И. Сейгутегин — «Волк и олень», 1968; Л. Никитин — «Дед, не кури много», 1970; Г. Татро — «Охота на нерпу», 1973; В. Теютин — «Поединок», 1973; «Охота на моржа», 1973), ощущается стремление авторов ритмично расположить скульптуры, уйти от подробностей, которые их привлекали раньше. Большое внимание мастера скульптуры уделяют национальному быту чукчей, отображению его этнографических особенностей. Молодых мастеров интересуют такие этнографические детали из жизни родного народа, как обработка шкуры нерпы, резка жира, починка снегоступов, а также подробности сцен охоты на моржей, выявление в образах людей национальных черт и характера.

Значительные изменения произошли и в искусстве гравировки на моржовом клыке. Ведутся успешные поиски декоративных приемов в решении сюжетных композиций. Это выражается и в способах размещения изображений на плоскости моржового клыка, и в характере ритмов, и в особенностях рисунка, силуэта, колорита, и в укрупнении (по сравнению с прежними произведениями) изображений, что позволяет художникам решать их более декоративно. Да и само искусство гравировки неизмеримо выросло, рисунок стал точнее и выразительнее, значительно усовершенствовалась логика повествования, последовательно передающая сюжет.

В художественной обработке меха, этом традиционном женском народном искусстве чукчей, необходимо выделить новый круг вещей, связанных с корнями традиционной народной культуры, и круг вещей, которые отражают происходящие в этом виде искусства изменения.

К первому направлению относятся предметы одежды — торбаса, кухлянки, выполняемые в основном для собственных нужд. Этим вещам свойственны строгие геометрические формы орнамента меховой мозаики, скупость цвета, построенного на сочетании естественных тонов материала, светлого и темного; логика расположения орнаментальной узорной каймы, подчеркивающей конструкцию вещи, украшение вышивкой подшейным волосом оленя, а также применение трудоемкой техники продержки узких полосок мандарки (выделанной шкуры нерпы). Здесь преобладают орнаменты прямоугольных форм (прямые линии, квадраты, прямоугольники, ромбы, зигзаги) и криволинейных (точки, круги, овалы, дуги, волнообразные линии), складывающиеся в полосы, звездчатые и крестообразные розетки.¹⁰⁵

Второе направление в художественной обработке меха наиболее ярко проявляет себя в вещах, выполняемых на продажу, — в вышивке на тапочках и торбасах. Его отличает яркость цвета, что обусловлено применением цветного бисера, ярких хлопчатобумажных ниток. Сочетание многослойных швов бисера, цветных ниток, часто дополненных блестками, придает изделию нарядность, праздничность, часто вступающие в противоречие с утилитарным назначением предмета. В растительном орнаменте, которого ранее чукчи почти и не знали, можно увидеть, наряду с условными растительными формами, формы более конкретные.

В последние годы намечается формирование самостоятельного направления в художественной обработке меха — создание изделий подарочного характера. Это направление имеет непосредственную связь с местной традицией, зиждется на повсеместном владении художественным ремеслом обработки кожи и меха.

Основные причины отмеченных изменений в современном народном декоративно-прикладном искусстве чукчей следует видеть, на наш взгляд, в тех огромных переменах, которые произошли в жизни народности за последние десятилетия. Всеобщая грамотность населения, появление большого отряда национальной интеллигенции, широкое ознакомление с формами, видами декоративно-прикладного искусства народов СССР, формирование социалистической общесоветской культуры — все это не могло не сказаться на характере и содержании народного декоративно-прикладного искусства у чукчей.

Но сама сущность народного искусства не изменилась — сохранилась его этническая специфика, не иссякает любовь мастеров к национальному орнаменту, к тем материалам, которые давала и продолжает давать художнику полярная тундра и охота на морского зверя. Творческое, осознанное отношение к наследию национального искусства, тесная связь с современной жизнью народа, ощущение себя в ритме сегодняшнего дня дают чукотскому художнику-мастеру большое удовлетворение, успех.

В день 60-летия американского художника Рокуэлла Кента чукотская мастерица Елена Янку преподнесла ему в дар одну из лучших своих гравюр на моржовом клыке. В ответ благодарный художник написал ей: «Чукотская графика на клыке — чудо Вашей земли. Ваше искусство — правда жизни: через него познается душа народа». ¹⁰⁶ Большой успех выпал на долю чукотских мастеров в 1937 г., когда их работы были представлены на выставке в Государственной Третьяковской галерее в Москве. Сегодня произведения чукотских мастеров хорошо знают не только в нашей стране, но и в Париже, в Брюсселе, в Монреале, в Осаке и в Праге. ¹⁰⁷

Произведения народных мастеров год от года становятся все разнообразнее пластически, обогащаясь новыми изобразительно-выразительными средствами. Так, большое будущее ожидает освоение чукотскими мастерами нового материала — челюстей и ребер кита.

Залог дальнейшего развития и подлинного расцвета искусства чукчей — в его массовости. После Постановления ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» (февраль 1975 г.)¹⁰⁸ в поселке Уэлен было открыто Художественное отделение детской школы искусств, что безусловно положительно сказалось на подготовке кадров молодых художников.¹⁰⁹

Но нерешенных проблем осталось еще немало. Внимательный подход к ним с учетом специфики каждого промысла требуется со стороны соответствующих министерств и ведомств, управлений местной промышленности, органов культуры, научных учреждений. «Необходимо, — указывает газета «Правда», — повышать авторитет художественных советов народных промыслов, их влияние на ассортимент, профиль и добротность выпускаемых изделий. Ждут решения и такие вопросы, как система оплаты, морального стимулирования труда мастеров, обеспечение их жильем».¹¹⁰

Обновленное новой социалистической жизнью, современное искусство чукчей, будучи верным лучшим традициям старых мастеров, утвердило себя как яркое художественное явление в многонациональной культуре всех народов СССР. Это искусство развивается ныне не изолированно, а в тесном контакте с искусством народов СССР, обогащая его своими самобытными традициями и являясь неотъемлемой, важной составной частью нашей социалистической культуры.

Устное народное творчество

Устное народное творчество чукчей — важнейшая составная часть духовной культуры, созданная усилиями многих поколений полярных охотников и оленеводов. Чукотский фольклор, как и фольклор других бесписьменных народов, сохранил для науки множество ценных сведений о быте и социальных отношениях в далеком прошлом, о космогонических представлениях, контактах с соседними народами. В художественном отношении устное народное творчество чукчей весьма своеобразно и в отличие от фольклора других народов имеет особенности, связанные со спецификой самой фантастики чукотских сказаний.

В основе устного творчества чукчей и в особенности наиболее древних его пластов лежат мифологические представления полярных охотников об окружающем мире. Чукотский фольклор отличается большой насыщенностью мифологическими образами и сюжетами, что довольно отчетливо проявляется в разных его слоях. Главное, что характеризует чукотскую мифологию, это — глубочайшая древность ее происхождения, охотничья сущность с неизменной победой человека-охотника в его борьбе за существование и безрелигиозный характер самого мифотворчества.

Не следует забывать о том, что сам процесс мифотворчества складывался и развивался у чукчей именно в фантастической,

образной форме, хотя вера в миф как в «истинный рассказ» существовала всегда.

Мы предлагаем этимологизировать чукотское слово *лымн'ыл* (сказка) как лыгэ-пын'ыл (-мн'ыл) лыэ-пын'ыл (-мн'ыл) лы-мн'ыл. словообразовательный префикс лыги-лыгэ- со значением «истинный», «подлинный», «настоящий» в сочетании с медиальной корневой основой существительного *пын'ыл* (-мн'ыл), которая переводится на русский язык как «рассказ», «весть», «новость», т. е. первоначально, по-видимому, слово «лымн'ыл» употреблялось в обычной префиксальной форме — *лыгэ-пын'ыл* (истинный рассказ),¹¹¹ но постепенно произошло слияние префикса с корнем

Словом *лымн'ыл*, которое традиционно, вслед за В. Г. Богоразом, переводится у нас весьма и весьма условно и собирательно как «сказка», чукчи обычно называли и до сих пор называют почти все свои фольклорные повествования.

Следует сказать, однако, что В. Г. Богораз в конце прошлого века зафиксировал у колымских чукчей-оленоводов специальные, уточняющие названия для космогонических мифов и исторических преданий о войнах: *Тоттомгаткэн пын'ылтэ* (Начала творения весте) и *Э'кэльбыльэткин пын'ылтэ* (Времен раздоров весте).¹¹²

Но в дальнейшем эти уточняющие названия не получили широкого распространения и бытования, по крайней мере в других районах расселения чукчей. В 30-е и 40-е годы, например, в Чукотском районе, сказители-чукчи не употребляли этих названий. В некоторых случаях, правда, они употребляли такие названия, как *пын'ыл* или *пын'ылтэл* для обозначения повествования о каких-то действительных событиях, т. е. для обозначения рассказов типа преданий. Все прочие жанры, кроме песен и заклиний, чукчи называли обычно — *лымн'ылтэ* (мн. ч.), употребляя это очень древнее слово в обобщенном, собирательном значении.

И совершенно очевидно, что именно так — *лымн'ылтэ* — чукчи называли первоначально свои мифы, подчеркивая этим названием свою незыблемую веру в них как в «истинные рассказы».

Эскимосы, ближайшие соседи чукчей на восточном побережье Чукотского полуострова, также верили в свои фольклорные повествования и называли их *ун'ипаг'ан*, что в переводе обозначает «рассказ о действительных событиях».¹¹³ И у других народов, живущих в других географических и исторических условиях, в частности у древних греков, мифы назывались «истинными рассказами».¹¹⁴

Советские исследователи теоретических проблем фольклористики неизменно подчеркивают в своих работах то бесспорное положение, что создатели и носители мифов верили в них, и вера эта была связана с бессознательно-художественным восприятием мира человеком доклассового общества, с его попытками объяснить окружающий мир.¹¹⁵

Во многих известных нам чукотских мифах, сказаниях и преданиях так или иначе упоминается охота на дикого оленя как главный источник существования героев и вполне реалистически

изображается весь связанный с этой охотой быт. Чукотские сказания нередко прямо начинаются с того, что вот живет человек, который «постоянно на диких оленей охотится». Это наглядное свидетельство глубокой древности и исторической устойчивости охоты в жизни чукчей, а также исконности самих сказаний.¹¹⁶

В весьма драматическом мифе о четырех братьях, например, герои постоянно бьют оленей и живут только этой охотой. Здесь говорится даже о «множестве диких оленей» (*ылвамкыйнык*), проходящих невдалеке от жилища охотников, и потому слышен их «шум», т. е. стук копыт и треск рогов. Миф как бы переносит нас в далекое прошлое чукотского народа.¹¹⁷

Когда погибали охотники-мужчины и некому было добывать пищу, то женщины — и особенно молодые девушки — шли добывать оленя, упражнялись в ходьбе и беге с тяжелыми камнями за спиной, как это делали всегда молодые юноши и мужчины-охотники. Древние чукотские сказания нередко повествуют о сильных, ловких и смелых девушках-охотницах, успешно добывающих дикого оленя копьём и луком. Так, в одном сказании о смелой девушке и ее брате очень выразительно изображается северная Диана, которая осталась одна с младшим братом в вымершем стойбище. Она упражняется в беге с камнями, привязанными за спиной и к ногам, беспощадно тренирует себя, становится сильной, «легкой в беге» (*инъытвиркын*), на бегу настигает мчащихся диких оленей, бьет их копьём, а туши цесет на спине и еще волоком тащит.

На основе наблюдений за жизнью природы зарождалась и формировалась чукотская мифология во всем ее многообразии и самобытности: все в природе очеловечилось, все представлялось живым и телесным. И все приравнялось к человеку-охотнику, к его силе, ловкости и энергии. Древний охотник наделял природу фантастическими существами и явлениями, чтобы «объяснить» самому себе многие загадочные для него тайны природы.

Небо, возвышавшееся над головой, наполнялось самой энергичной жизнью, связанной, разумеется, со всеми реальными условиями существования человека. Небо — это твердь, на которой живут «верхние люди» (*гырголрамкын*), т. е. люди, умершие на земле и продолжающие вполне реально жить там, наверху. «Верхние люди» так же охотятся на оленей, как и «нижние люди» (*ивтылрэмкын*) здесь, на земле. Там, в большом и светлом шатре, живет Солнечная Старуха (*Тиркынпын'эв*). Солнечная Старуха — это солнце. Она лежит в своем шатре «лицом вниз» и сверху через круглое отверстие смотрит вниз — светит людям. Это и многое другое изображается в большом и многослойном мифологическом сказании о Тиркынпын'эв.

Но, как свидетельствуют чукотские мифы, сам человек в те далекие времена еще не отделял себя от окружающей его полярной природы, а как бы являлся ее частью. Человек не отделял себя от животных, на которых охотился, и даже в той или иной форме объединял себя с животным миром, вступая в контакты со зверем:

брачные связи, перевоплощение человека в зверя, а зверя в человека, равноправные поединки-игры (*увичвэт*). И в чукотских мифах человек всегда одерживает победу, которая изображается как равноправное состязание в силе и ловкости, как поединок не на жизнь, а на смерть.

Когда и как переходили чукчи от охоты на дикого оленя к промыслу морского зверя — об этом мы почти ничего достоверно не знаем. Но, по мнению историков и археологов, этот процесс начался у чукчей около двух тысяч лет назад.¹¹⁸ Длительным и трудным был этот переходный процесс в истории чукчей, и поначалу, как полагает И. С. Вдовин, промысел морского зверя носил у чукчей сезонный характер, проводился в летний период, долгое время еще сочетался с охотой на оленя — более надежным источником существования. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания об охоте на оленя в фольклорных сказаниях уже приморского происхождения, в которых речь идет о параллельной охоте на тюленей и диких оленей: «Пять братьев. . . Младшие постоянно убивают тюленей. Старший постоянно убивает диких оленей».¹¹⁹

Чтобы добыть мясо и жир морского зверя, люди в условиях древнего охотничьего быта вели тяжелую и опасную борьбу со страшной морской стихией. И борьба эта нередко оканчивалась гибелью охотников, после чего оставались осиротевшие семьи, которым помогала община, пока подрастали сироты. Вот почему в чукотском фольклоре приморского происхождения уже с давних времен появляется тема о сироте (*ейвэл*). Тема эта входит в чукотский фольклор довольно отчетливо и варьируется в разных сюжетах, что свидетельствует о ее древности.

Более надежной долгое время была испытанная веками охота на оленя. Поэтому матери призывают своих сыновей, морских охотников, искать еду на суше: «Свирепо море, ищите еду на суше!».¹²⁰ В мифологическом сказании о Рорате речь идет о путешествии героя по бурному морю в маленькой кожаной лодочке в поисках похищенной жены, о его поединках и состязаниях с кэле-похитителем.¹²¹ Герой сказаний Рорат живет на берегу моря, хотя и охотится на диких оленей.

Но с течением времени чукотские охотники на оленя все больше и больше оседали на побережье океана и вступали в длительные контакты с эскимосами, морскими зверобоями, перенимали у них технику промысла моржа и тюленя — поворотный гарпун и кожаную лодку.¹²² И с этого времени в чукотскую мифологию постепенно входит и формируется разнообразная морская фантастика, связанная уже с олицетворением животных и птиц полярного моря, с морскими путешествиями чукотских охотников. И везде — преодоление трудных препятствий, борьба с враждебными силами, в которой человек-охотник побеждает.

В маленькой кожаной лодочке или просто на льдине с помощью песни, обращенной к ветру, с гарпуном в руках плыли отважные герои чукотских сказаний в неведомые морские дали — то пресле-

дую коварную нерпу, то в поисках похищенной жены или сестры, то на выручку младшим братьям, попавшим в плен к людоедам за морем, на чужом берегу (*рочгынотак*). В пути они обгоняют летящих морских птиц, плывут быстрее, чем летят чайки и утки, переплывают «темные» моря и «моря лунного света», где «никогда не наступает рассвет». Они попадают в бурю, когда «лодочку сильной волной бросает», преодолевают смыкающиеся скалы на краю моря, подобные Симплегадам античного мифа.

«Раздвигалась эта скала и смыкалась сразу, потом опять раздвигалась и смыкалась снова. . . Множество птицы всякой крошила, смыкаясь», — повествуется в сказании о двух братьях с сестрой.¹²³

Большой интерес представляют мифы о белых медведях. С белым медведем (*умкы*) нельзя было враждовать открыто, зная его свирепый нрав в голодное зимнее время. Его надо было «задобрить», что и осуществлялось с помощью обряда благодарения. Надо было «объяснить» медведям, что человек вынужден иногда убивать их, чтобы поддержать свое существование во время зимнего голода и холода, когда снежные бури сотрясают яранги, выдувая из них тепло и жизнь. Люди как бы «просили прощения» у медведя за убийство и «благодарили» его за мясо, жир и шкуру. А иначе медведи могли «отомстить», как люди, по законам кровной мести.¹²⁴

Так создавались чукотские мифы о белых медведях с человеческими лицами, живущих как люди в снежных или меховых жилищах, в своей стране, на островах в океане. Они похищают у человека жену, и человек вступает с ними в борьбу, в смертельное состязание, «играя» моржовой головой с острыми клыками как мячом, и побеждает! Сила человека, его ловкость и быстрота в «игре» поражают даже таких могучих и ловких зверей, как белые медведи: «Ну и силен же ты, человек» — с восхищением говорит старик-медведь.¹²⁵

Медведи, живущие как люди в своей стране и в человеческих жилищах, — это полумедведи-полулюди, с человеческим разумом и речью. «И совсем как люди жили они и говорили тоже как люди — только медведями были белыми», — поясняется в сказании.¹²⁶ Это своеобразные медвежьих «кентавры», подобные античным кентаврам и минотаврам.

В записях В. Г. Богораза мы встречаем очень интересные мифы о брачных связях человека с белой медведицей, о том, как медведица рождает человеку детей и уносит их в свою страну, о том, как человек выходит победителем из трудных и опасных состязаний с медведями в их стране.¹²⁷

Другая группа чукотских мифов связана с очеловечиванием моржа, с сюжетами о брачных связях человека с тюленем. Мифы эти рассказывают о девушке, которая превращается в моржуху с человеческим лицом после того, как отец и братья подвешивают связанную ремнями девушку вниз головой на крутом обрывистом утесе над морем. . . Это отвергнутая отцом дочь, которая ни к кому

не хочет идти в жены. Когда ремень, на котором висела девушка подгнивает и обрывается, героиня падает в море, попадает к моржам, сама превращается в моржиху, и тогда начинается ее вторая жизнь — жизнь хозяйки моржовой страны.

В мифах о тюлене, весьма немногочисленных, основная тема — это брачные связи человека с тюленями. В одних сюжетах тюлень утаскивает в воду женщину, жену охотника, и там, в море, она превращается в тюленью самку, становится женой тюленя. В другом мифе охотник вступает в брачную связь с нерпой, а когда люди убивают ее, человек предается отчаянию и горю.

Киту в чукотских мифах тоже отводится определенное место: в более древних мифах кит становится мужем девушки, и она рожает от него сына-китенка, которого даже кормит грудью. Китенок уже обретает какие-то человеческие черты, говорит с матерью как человек, но растет как кит. В других, более поздних мифах переходного типа, с элементами сказки, упоминаются уже «китовый человек» (*р̄эвклявыл*) и «китовые люди» (*р̄эвыльыт*), «жители китовой страны» (*р̄эвнутэльыт*), к которым попадает сирота. В одном из этих более поздних мифов появляется даже «китовый народ» (*р̄эврэмкын*), который живет глубоко в море — там их страна, и туда к ним попадает человек, нырнувший в море. Человек берет там в жены «китовую женщину», которую ему предлагают сами киты.

В советской фольклористике, как известно, уже утвердилась научно-материалистическая, марксистская концепция о безрелигиозности народной мифологии. Вслед за Марксом и Плехановым советские ученые очень убедительно и безоговорочно отделяют мифологию от религии. Безрелигиозный характер мифотворчества теоретически обосновывается, в частности, в работах таких ученых, специалистов в области теории фольклора, как В. Е. Гусев¹²⁸ и М. И. Стеблин-Каменский.¹²⁹ Материалы чукотского фольклора также подтверждают безрелигиозный характер народной мифологии.

Особое место в устном творчестве чукчей занимают мифы о создании мира, людей и животных, т. е. мифы космогонические, которые довольно обстоятельно описаны в существующей научной литературе.¹³⁰

Непосредственно с мифологией связаны основные и наиболее характерные жанры и виды чукотского фольклора, такие, например, как мифологические сказания и предания, мифологические сказки и сказки о животных. Но сказки эти в чукотском фольклоре лишь весьма условно можно назвать «сказками», так как ни преднамеренного вымысла, ни острого социального конфликта, который разрешается при помощи волшебства, в этих повествованиях еще нет — это жанр переходного типа от мифа к сказке, с весьма зыбкими жанровыми границами. И все это тоже называлось *лым-н'ыл*, что означало вовсе не вымышленный рассказ, а как раз наоборот — «истинный рассказ», т. е. повествование, в которое верили.

В. Г. Богораз, как первооткрыватель и первый исследователь чукотского фольклора, систематизируя собранный им большой фольклорный материал, определил отдельные виды устного народного творчества чукчей, выделил космогонические мифы, исторические предания как зачатки героического эпоса, а все остальное отнес к *лымн'ылтэ* и перевел это слово на русский язык как «сказки».¹³¹

В чукотских *лымн'ылтэ* основные жанровые признаки сказки, т. е. социальный конфликт и преднамеренный вымысел, — отчетливо не сформировались в силу определенных исторических условий. Конфликты, как правило, — семейно-бытовые, которые не имеют конкретной социальной основы, так как происходят в рамках семейной общины.

Фантастика этих повествований по существу своему сохраняет в значительной степени характер мифа. Но разного рода сюжетные наслоения, переплетение древних элементов мифа с более поздними бытовыми деталями, динамическая насыщенность и драматизм повествования, развернутые и выразительные диалоги — все эти признаки свидетельствуют уже о переходных формах развития фольклора от мифа к сказке.

Что же касается юмора, который нередко содержится в классическом сказочном жанре, то в чукотских *лымн'ылтэ* юмор чаще всего встречается в так называемых сказках о животных. Юмор в *лымн'ылтэ* характеризует как психологический облик народа, его оптимизм, так и реалистические черты быта.

Весьма четко выделяется в чукотском фольклоре группа повествований героического характера, гораздо более позднего происхождения, нежели жанры, связанные с мифологией. Длительные чукотско-корякские межплеменные войны за олени стада нашли свое художественное отражение в цикле исторических преданий и героических сказаний о сильнейших (*эрмэчьыт*), т. е. о героях, олицетворяющих в художественных, гиперболизированных образах силу и непобедимость племени. Так возникли и складывались в прозаической повествовательной форме зачатки чукотского героического эпоса, который в силу определенных исторических причин не получил полного развития.¹³²

Следует отметить, что исторические предания и сказания, образцы которых были зафиксированы В. Г. Богоразом, ясно и отчетливо отражают конкретно-историческую тему межплеменной борьбы с коряками. Наиболее типичными, развернутыми и художественно выразительными из них являются сказания о *Лявтыльывальыне* (Кивающем головой), об Эленди и о Талё.¹³³ В других образцах чукотских героических сказаний тема историческая отходит на второй план, а в центре повествования — подвиги самого героя, изображение его упражнений с камнями, битв с полчищами врагов и его победы. Борьба здесь уже не конкретизируется исторически, а обобщается в художественном образе героя сказания, как например в Сказании о сильном Вытрытва и в Сказании о Нанкытэмтэнэ и его сыновьях.¹³⁴

Как уже было сказано выше, в устном народном творчестве чукчей с давних пор бытуют и варьируются в разных жанрах сюжеты о приморском сироте. Прежде всего следует подчеркнуть, что его фольклорный образ является гораздо более древним, чем это принято считать. Главное здесь в том, что образ приморского сироты возник значительно раньше, чем начался распад древних семейно-общинных отношений чукчей, и он отнюдь не является следствием только этого исторического процесса.

Образ сироты порождался в чукотском фольклоре приморским охотничьим бытом, самими условиями морского зверобойного промысла. Время от времени погибали в море охотники, и в приморских семейных общинах оставались осиротевшие дети. А порой от голода вымирали целые семьи, а детям-сиротам, оставшимся в живых, помогали родственники или соседи. И фольклор отображал это явление, как постоянное и типичное, еще задолго до начала распада семейно-общинных отношений.

Так, в одном из сказаний осиротевшие дети, брат и сестра, отправляются в соседнее селение в поисках пищи. Их принимают там в семью, и старик-хозяин долго и упорно тренирует мальчика-сироту, который становится сильным, ловким, «легким в беге» и сам, собственными силами, добывается удачи в жизни.

О помощи сиротам со стороны родственников или соседей упоминается и в других сказаниях. Фольклор также повествует об упорных тренировках сироты и о том, как он становится ловким, сильным и удачливым охотником. В одних сюжетах он добывается всего сам, и фольклор убедительно и очень реалистично отражает здесь физическую подготовку чукотских юношей к трудной охотничьей жизни. А в других сюжетах сироте помогают животные — волки, горностаи, т. е. персонажи мифические. И фантастика эта чисто мифологическая: помощь животных человеку — обычный и распространенный мотив в чукотских мифах.

Что же касается конфликтов в сюжетах о сироте, то они семейные, а не социальные. Сироты были предметом заботы всей общины, но община и сама часто голодала и потому не всегда справлялась с прокормлением сирот, которые так или иначе были «лишними ртами». Дядья были ближайшими родственниками сироты по линии отца, поэтому на них и возлагалась забота об осиротевшем племяннике. Но дядья были «добрые», которые кормили сироту, а были и «злые», которые жалели лишний кусок мяса, добытого с таким трудом. И этих «злых» дядьев фольклор всячески осуждает.

Борьба сироты с «насилньником»¹³⁵ — это уже более поздние наслоения, связанные, очевидно, с некоторыми элементами распада общинных отношений. В отдельных сюжетах борьба эта действительно подается как борьба против насильника, хозяина стойбища, который обижает и притесняет других. Но, повторяем, — это позднейшие наслоения и, кроме того, волшебства здесь тоже нет: сирота сам, своей ловкостью и силой побеждает насильника, иногда ему помогают животные, например волки,

мышь. Но борется и побеждает всегда он сам. В этих сюжетах гиперболизуется сила и ловкость сироты так же, как гиперболизируются образы «сильнейших» в героических сказаниях. Сюжеты борьбы сироты с насильником — это героизация образа сироты в чукотском фольклоре, проявление симпатии народа к этому образу, выражение идеи торжества справедливости, типичной для чукотского фольклора. Сюжеты о сироте — это не жанр, а тема, которая входит в разные жанры: в сказание, предание и в бытовую сказку переходного типа с элементами мифологии.

Историческое и национальное своеобразие чукотского фольклора создает немалые трудности при исследовании и выявлении его жанрового состава. Зыбкость жанровых и видовых границ, переходное состояние отдельных жанров и видов увеличивает эти трудности. Главное, что необходимо учитывать при исследовании данной проблемы, — это особый мифологический характер чукотского фольклора, определяющий и его содержание, и художественную форму, а, следовательно, в значительной степени и жанровый состав.

Если принять теоретические принципы классификации, предложенные В. Е. Гусевым, термин «жанр» применять в более широком значении, а термин «вид» — в более узком,¹³⁶ то основные прозаические жанры чукотского фольклора следующие: мифы, сказания, предания, а также сказки переходного типа. Если же попытаться подразделить эти основные жанры на виды, то состав чукотского фольклора выглядит следующим образом: космогонические и тотемические мифы; мифологические, героические и бытовые сказания; мифологические, исторические и бытовые предания.

Сказки в чукотском фольклоре — это переходный жанр, с очень зыбкими, неотчетливыми границами, жанр, не обладающий достаточно выраженными признаками классического сказочного жанра. Эти весьма условные чукотские сказки переходного типа можно подразделить на сказки мифологические, сказки о животных и сказки бытовые.

То, что нередко и не всегда оправданно называют в устном народном творчестве «легендами», в чукотском фольклоре не что иное, как предания — мифологические, исторические или бытовые. Применение термина «легенда» к этому виду фольклора чукчей, коряков и эскимосов вообще вызывает возражения, если иметь в виду основную часть фольклора, сформировавшуюся к началу XX в. Жанр такого рода в фольклоре чукчей не сложился. И это можно объяснить тем, что сюжетной и жанровой основой чукотского фольклора была мифология древних охотников, а более поздние времена отразились уже в исторических преданиях и героических сказаниях, в которые тоже верили, как в «истинные рассказы».

Фольклор чукчей в течение многих веков являлся неизменным и единственным хранителем поэтического языка. Хотя язык мифов и сказаний существенно не отличался от повседневного разговорного, но некоторые художественные средства все же использо-

вались. Метафоры как художественное средство слабо развиты в устном народном творчестве чукчей и их немного. Значительно шире представлены сравнения (враги — как туча, бегал подобно дикому оленю; и т. п.).

Чукотские мифы и сказания — отчетливые по содержанию, лаконичные и предельно выразительные по форме — создавались в течение тысячелетий и бережно передавались из поколения в поколение в устной традиции. И народ не только сохранял, но постоянно обогащал свою духовную культуру, которая органически входила в повседневную жизнь, в сознание, поддерживала в людях энергию, волю к победе и веру в свою охотничью удачу.

Становление и развитие художественной литературы

Зачинателями литературы малых народов советского Дальнего Востока в конце 20-х—начале 30-х гг. стали студенты Северного факультета Ленинградского Восточного Института, а затем и самостоятельного Института народов Севера.

Большую роль в развитии национальной литературы сыграли русские учителя и предстатели передовой советской интеллигенции. Один из них — Владимир Германович Тан-Богораз — блестящий знаток чукчей, этнограф, лингвист, фольклорист, прозаик и поэт. Обладая даром писателя и хорошо зная жизнь народов Севера, В. Г. Тан-Богораз способствовал пробуждению и развитию литературных способностей у многих воспитанников Института.¹³⁷

В предвоенные годы стало хорошо известно имя одного из ярких представителей чукотской зарождающейся литературы Тынэтэгына (Федора Тинетева, 1920—1940). Он родился в семье бедного оленевода. После окончания школы на Чукотке Федор Тинетева приезжает в 1939 г. в Ленинград в Институт народов Севера. Здесь он вступает в комсомол, сочиняет стихи, записывает по памяти сказки, которые с детства слышал от взрослых. В 1940 г. в Ленинграде выходит на чукотском и русском языках его первая книга * «Чавчывалымнылтэ» — «Сказки чаучу».¹³⁸ Иллюстрирует ее талантливый чукотский косторез Вуквол.

«Можно только предполагать, что Тынэтэгын, которого знали и как Федора Тинетева, обладал незаурядным литературным талантом, — пишет Ю. Рытхэу. — Его „Чавчывалымнылтэ“ — это не просто собранные им сказки оленных людей, а переработанные, смело пропущенные через свое воображение и восприятие веками сберегаемые повествования, устные художественные произведения, служившие на протяжении тысячелетий основой для художественного воспитания чукотского народа».¹³⁹

Сказки Тынэтэгына — это первые образцы чукотского фольклора, отраженные в художественной форме. Творчество Тынэтэгына, как и других писателей малых народов Дальнего Востока, развивалось под воздействием русской советской литературы, оно впитывало в себя не только мудрость поколений, но и пафос герои-

ческих свершений социалистической Родины. Основная тема, пронизывавшая в предвоенные годы творчество молодых писателей северных народностей, — «раньше и теперь» — прозвучала, по характеристике Г. Ходжера, «возвышенно и аккордно».¹⁴⁰ Одно из лучших своих стихотворений, обошедших едва ли не все хрестоматии и сборники писателей-северян, Тынэтэгын так и назвал: «Раньше и теперь»:

Карандаш держать мы не умели.
Карандаш и книгу дал нам Ленин,
Он свои заветы нам оставил.¹⁴¹

Послевоенные годы характеризуются все возрастающей творческой активностью литераторов-чукчей, овладением ими новыми для себя родами литературы — прозой и поэзией. Уже в 50-е годы заставил говорить о себе Юрий Рытхэу, питомец Анадырского педагогического училища и Ленинградского университета.

Внимание привлекли его публицистические произведения о судьбах чукотского народа — «Две речи Тэгрынэ»¹⁴² и его стихи, публиковавшиеся в книге для чтения для чукотской школы¹⁴³ и в периодической печати.

Но писательский успех Ю. Рытхэу принесли не столько стихи, сколько рассказы из жизни своего народа, которые с 1951 г. стали регулярно появляться в центральных журналах и альманахах. С того времени, как в альманахе «Молодой Ленинград» был опубликован рассказ Ю. Рытхэу «Люди с того берега», жанр рассказа надолго становится основным в творчестве чукотского писателя. В 1953—1956 гг. выходит несколько сборников рассказов Ю. Рытхэу: «Друзья-товарищи», «Люди нашего берега», «Имя человека» и другие.¹⁴⁴ Ведущая тема их — современная жизнь береговых чукчей, морских зверобоев. Живо и правдиво повествовал автор о трудовых делах колхозников, о происходивших в их жизненном укладе переменах, о столкновении нового с устоявшимися веками привычками, обычаями и представлениями, о стремлении молодежи и пожилых людей к знаниям. Красной нитью проходит тема подлинной дружбы русских и чукчей, высокого гуманизма советских людей.

Еще одна особенность рассказов Ю. Рытхэу, созданных в первой половине 50-х годов, — действие по преимуществу разворачивается в одном и том же приморском колхозе, ряд персонажей — сквозные, переходящие из одного рассказа в другой, а эпизоды, положенные в основу произведения, переплетаются. Таким образом, объединенные общей темой, единством действующих лиц, местом и временем, рассказы Ю. Рытхэу становились как бы эскизами большого полотна из жизни чукотского народа. На их основе позднее и была создана книга «Чукотская сага».¹⁴⁵

Разумеется, не все произведения молодого чукотского автора были равноценны по своей художественной выразительности. Но лучшие из них — «Тэгрынэ летит в Хабаровск», «Окошко», «Старый Мэмыль смеется последним», «Пять писем Вали Крама-

ренковой» и ряд других — подкупали искренностью, глубоким пониманием жизни своего народа, несомненным дарованием автора.

В середине 50-х годов произведения Ю. Рытхэу стали появляться в переводе на иностранные языки.¹⁴⁶

Они вызвали за рубежом широкий отклик в печати. Для многих представителей капиталистического мира сам факт появления книг чукотского писателя в переводе на иностранные языки оказался неожиданным: по утверждению апологетов буржуазии, северные народности «самой историей и окружающей их суровой природой навеки обречены оставаться на низшей ступени человеческой культуры».¹⁴⁷

Анализируя творчество Ю. Рытхэу, буржуазные исследователи сравнивали жизнь чукотского народа и других народов Советского Союза с жизнью национальных меньшинств в капиталистических странах. Напрашивавшиеся выводы оказывались не в пользу «цивилизованного» буржуазного общества. В этой связи обратило на себя внимание опубликованное в советской печати письмо к Ю. Рытхэу английского журналиста Р. Паркера. Рассматривая творчество советского писателя, представителя чукотского народа, английский журналист вспоминал трагическую судьбу коренных жителей Канады — эскимосов-игальмютов. И его слова звучали обвинительным приговором буржуазной действительности.¹⁴⁸

В конце 50-х годов Ю. Рытхэу обращается к произведениям крупных форм. В повести «Время таяния снегов», увидевшей свет в 1958 г.,¹⁴⁹ показана судьба целого поколения чукотского народа в тот период, когда ломался сложившийся веками уклад охотников и оленеводов и они приобщались к общей культуре советского общества.

В последующие годы одно за другим появляются новые произведения Ю. Рытхэу — рассказы, повести, романы, свидетельствующие о крепнущем даровании их автора.

По-прежнему серьезная работа по приобщению учащихся к литературной деятельности проводилась в Анадырском педагогическом училище народов Севера, где учащиеся под руководством таких преподавателей, как И. У. Березкин, могли заниматься в литературном или переводческом кружках, издавать свои литературные ученические рукописные газеты и журналы. Так, на страницах рукописного журнала «Юность», выпускавшегося в училище в середине 50-х годов, началась творческая биография Владимира Тымнэтувгэ (Тымнегубве) (1935—1965). Поэзию В. Тымнэтувгэ отличает напевность, четкая ритмика, образность. Недаром многие из его стихов были положены на музыку.¹⁵⁰

В стенах Анадырского педучилища стремилась глубже познать фольклор и самобытное искусство своего народа Антонина Кымытваль (р. 1938 г.). В 1958 г. молодая выпускница едет в один из самых отдаленных районов Чукотки — снежненскую тундру — учителем Красной Яранги. Там проходит дальнейшее ее становление как поэтессы. А. Кымытваль — участница VI Всемирного

фестиваля молодежи и студентов в Москве. Ее стихи начинают печататься с 1957 г. в альманахе «На Севере Дальнем», в газетах, а впоследствии в журнале «Дальний Восток». Многие из них посвящались природе родного края, но преобладали гражданские мотивы. Логическим завершением творческих поисков на этапе становления поэтического мастерства явился ее стихотворный сборник «Песня сердца», вышедший в 1960 г. на чукотском языке.¹⁵¹

Развитие литературного творчества писателей-чукчей самым тесным образом связано с развитием национальных районов Крайнего Севера, серьезный импульс которому дало создание в 1953 г. Магаданской области и в 1954 г. — Магаданского книжного издательства, которое стало не только базой по выпуску книг, но и своеобразной творческой лабораторией местных литераторов. При нем начало работать литературное объединение, а во многих районах Северо-Востока — литературные группы.¹⁵²

В 50-е годы проходило и становление поэта Виктора Кеулькута (1929—1963).¹⁵³ Стихи его начали регулярно появляться на страницах областных и окружных газет, в альманахе «На Севере Дальнем».¹⁵⁴ В декабре 1955 г. он был командирован на III Всероссийское совещание молодых писателей. В апреле 1958 г. увидели свет два стихотворных сборника Виктора Кеулькута «Моя Чукотка» (на русском и чукотском языках). А через несколько месяцев в Москве вышло еще одно издание его стихов — «Пусть стоит мороз».¹⁵⁵ Книжки «Моя Чукотка» и «Пусть стоит мороз» получили высокую читательскую оценку, а их создатель был принят в Союз писателей.

В марте 1958 г. В. Кеулькут возвратился из Москвы на Дальний Север и был приглашен переводчиком в Магаданское издательство.

Поэтическое дарование первого профессионального чукотского поэта ощутимо во многих его стихотворениях, особенно в таких, как «Пастух», «Осень», «Ветер».

Стихи В. Кеулькута привлекают читателя задушевностью, художественной простотой, лиризмом, самобытностью и необычайной любовью к своему родному краю.

В 1962—1963 гг. В. Кеулькут учился на высших литературных курсах Союза писателей в Москве, продолжая работать над стихами. Они вошли в сборник «Дождь не мешает», вышедший на чукотском языке в Магадане.¹⁵⁶ К сожалению, В. Кеулькут не увидел этого сборника: он умер в 1963 г., в расцвете творческих сил. Но его литературное наследие осталось примером искренней любви и преданности отчужденному краю, благородному служению которому посвятил себя поэт.

Иногда от людей я слышал,
Что у нас не жите, а горе:
Злые ветры срывают крыши,
Постоянно бушует море,
Летом грязь, а зимой заносы,

Тундра топкая, словно студень,
Караулят лиман торосы —
Ни пройти, ни проехать людям.
Скучно, холодно и пустынно.
Ни весны, мол, здесь нет, ни лета. . .
Вы спросите Чукотки сына —
Я отвечу:

«Неправда это!»

Да, бывает пурга, не скрою,
И нередко бушует море,
И морозно у нас зимою.
Только это — совсем не горе.
Хороша охота на зверя!
Ничего, что сезон короткий.
Нет, плохим словам не поверит
Тот, кто жил у нас на Чукотке!
Всюду птичий веселый гомон,
Реки наши рыбой богаты.
Столько дел! Не сидится дома
Даже самым тихим ребятам.
Необъятная тундра наша
Вся покрыта цветами летом.
Пусть мне скажут, — есть место краше,
Я отвечу:

«Неправда это!»

Замерзает бездельник всюду.
А увидит, что солнце светит,
И о солнце он скажет худо,
Красоты его не заметит.
Говорят иногда такое,
Словно жизнь у нас без просвета,
Но мы знаем, земляк, с тобою,
Что неправда, неправда это!¹⁵⁷

Лучшее из того, что было создано Виктором Кеулькутом, вошло в сборник «Солнце над Чукоткой»,¹⁵⁸ явившийся своеобразным памятником яркому дарованию певца родного края.

Произведения, создаваемые авторами-чукчами, становятся достоянием читателей не только на Северо-Востоке страны, но и за пределами региона. И в этом проявлялось и проявляется творческое содружество братских советских литератур, значительная помощь русских писателей своим собратьям по перу. Много делал как переводчик и популяризатор творчества народов Чукотки поэт Валентин Португалов. Немало поработал в области поэтического перевода Владимир Сергеев.

Примером заботы социалистического государства о развитии литературы северных народностей явилась Первая конференция литераторов народностей Крайнего Севера, проведенная и организованная Союзом писателей СССР в 1961 г. в Комарово (под Ленинградом). В ее работе участвовали известные этнографы-североведы, филологи и писатели, в числе которых были Виктор Кеулькут, Антонина Кымытваль, Юрий Рытхэу, Владимир Тымнэтувэ.¹⁵⁹

В 60—80-х годах в чукотской литературе появились новые имена. Повесть Василия Ятгыргина «Мальчик из стойбища», вышедшая в начале 60-х годов на чукотском и русском языках,¹⁶⁰

подкупала непосредственностью и правдивостью. Читатель с интересом следил за первыми трудовыми шагами юноши Кэргынкаава и ждал от автора продолжения жизнеописания своего героя. И он не обманулся в ожиданиях. Новая книга, увидевшая свет через несколько лет — «Судьба мужчин не балует»,¹⁶¹ продолжив повествование о жизни Кэргынкаава, рассказала о новом поколении чукчей, родившихся на заре Советской власти, мужавших и крепнувших в больших делах новой Чукотки.

Этот период характеризуется дальнейшим совершенствованием чукотской поэзии. Она развивалась в русле всей многонациональной советской литературы. С интересными поэтическими книгами в 60—70-х годах выступили Антонина Кымытваль, Михаил Вальгирин, Владимир Тынескин; в периодической печати публиковались десятки талантливых стихотворений молодых авторов.

Стремясь овладеть тайнами поэтического мастерства, много и упорно работала над собой А. Кымытваль. Она окончила высшие литературные курсы. Результатом ее многолетнего труда стала книга «Тебе»,¹⁶² полная тонкого лиризма, где, однако, сильно звучала и гражданская тема. Стихам поэтессы свойственны свежие краски, самобытные художественные образы, созвучные времени.

В творчестве А. Кымытваль нашло отражение то новое, что принесла Советская власть на Чукотку. Огромная любовь к отчужденному краю с новой силой прозвучала в поэтическом сборнике «Слушая музыку», увидевшем свет в год 50-летия образования СССР.¹⁶³

Искренние и возвышенные стихи А. Кымытваль — пример подлинной любви к Чукотке, нерасторжимости с родной землей. Столь же ярко в ее творчестве звучит тема «Октябрь в моей жизни» — точка отсчета второго рождения чукчей.

Когда придет и мой последний час,
То вспыхнет мысль в сознании моем,
Что жизнь мою, как и у всех у нас,
Октябрь наполнил светом и теплом.¹⁶⁴

Четкая гражданская направленность свойственна многим стихам А. Кымытваль. Украшением ее поэтического творчества могут служить стихотворения «Манолис! Жизнь возьми мою!», «Письмо жене Лумумбы», «Наш голос сильнее оружия», «Суть женщины тождественна добру» и др.

Любимый, я — жена, но я и мать
и силою такой наделена,
что крыльями могла бы обнимать
всю землю, на которой рождена.

Я — женщина, я — радости исток,
улыбка неба, солнце и цветы.
Но ради жизни я сложу у ног
все, что во мне сумел увидеть ты.

Суть женщины тождественна добру
и так же созидательна, как труд.
И если я когда-нибудь умру —
тугие зерна в детях прорастут.

Привлекательны и стихи Михаила Вальгиргина. Они радостны и оптимистичны, проникновенно и тонко говорят о природе Чукотки и ее людях. М. Вальгиргин публиковался в 60-х годах в местных газетах, альманахе «На Севере Дальнем», поэтических сборниках. В 1968 г. вышла его первая книжка «Здравствуй, светлая жизнь» (на чукотском языке), а спустя два года русский читатель познакомился с его сборником «Вельботы уходят в море».¹⁶⁵

Тематика стихов М. Вальгиргина разнообразна. Он пишет о тундре, о любви и дружбе, о детях. Но главная тема его творчества — море и человек труда.

...И отныне,
где бы я ни был,
память вытащит на свет
волны — синие, как небо,
пену — белую, как снег.

За холшовыми стенами,
дни и ночи напролет,
песню старой моей няни
море медленно поет.

А с рассветом
без укора,
все обиды хороня,
море
маминой рукою
будит ласково меня.

(«Шум волн»)

Немало своих стихов М. Вальгиргин посвятил детям. Собранные воедино, они составили книжку «Веселое лежбище».¹⁶⁶ С чувством юмора автор рассказал юным читателям о забавных приключениях их сверстников — о зверях и морских животных. Стихи М. Вальгиргина ритмичны, хорошо запоминаются.

Отличительная черта творчества этого поэта — неиссякаемый оптимизм, хотя судьба его нелегка и трагична: ему пришлось вынести суровые испытания, лишиться ног.

В историю чукотской поэзии давно и прочно вошло имя Владимира Тынескина. Его стихотворение «Ленин на Чукотке», опубликованное еще в конце 60-х годов, привлекло внимание читателей, неоднократно печаталось в газетах и сборниках.

Первая книжка В. Тынескина — «Олени ждали меня»¹⁶⁷ — увидела свет в 1978 г. Вошедшая в нее с таким же названием поэма позволяет судить о широте интересов поэта, его кругозоре, глубине и разносторонности знаний, зрелости и самобытности Тынескина как художника.¹⁶⁸

... Лично я
без гор лиловых,
тундры в розовом снегу
посреди пейзажей новых,
все равно: степных, сосновых, —
долго выжить
не смогу.

Чтобы, солнышко встречая
от снегов твоих вдали,
для людей иного края
сам я вспыхнул, излучая
теплоту родной земли.

60—80-е годы стали временем дальнейшего совершенствования творчества Юрия Рытхэу. Большую известность получила его повесть «Нунивак»¹⁶⁹ — впечатляющий рассказ о судьбах двух мальчиков: Таю, живущего на советском берегу, и Таграта — на американской стороне. Повесть привлекла интересным сюжетом, зримым сопоставлением советского образа жизни с капиталистической действительностью.

Углубляя свое творчество, Ю. Рытхэу в эти годы берется за произведения больших и сложных форм. Но о чем бы ни писал он — главной темой всех его произведений оставалась тема коренных преобразований на Крайнем Северо-Востоке за годы Советской власти, нерушимая дружба советских народов. Именно эта тема получила отражение в его романе «В долине Маленьких Зайчиков».¹⁷⁰

Одно за другим появляются в этот период новые произведения Ю. Рытхэу, среди которых выделяются романы «Айвангу» и «Ленинградский проспект», новые повести и рассказы, объединенные в книги «Волшебная рукавица», «Голубые песцы», «Самые красивые корабли» и др.¹⁷¹ Одновременно Ю. Рытхэу работает в жанре публицистики и художественного очерка.

В год, когда советский народ готовился торжественно отметить 50-летие образования СССР, отдельным изданием вышел публиковавшийся ранее в журнальном варианте роман Ю. Рытхэу «Сон в начале тумана». Размышления над историческими судьбами больших и малых наций помогали глубже осознать истоки нерушимой ленинской дружбы народов нашей страны, о назначении человека, о нормах человеческих отношений.¹⁷²

В 70-х годах Ю. Рытхэу зарекомендовал себя приверженцем исторического жанра в литературе. Его книги, созданные в эти годы, наряду с произведениями других авторов братских советских республик являют собой пример того, как следует «читать историю» во имя большой, единственной правды, как надо верно пользоваться уникальным орудием писательского домьсла и переосмысления. Различные аспекты из прошлого родного края художественно отображены им в романах «Иней на пороге» (1970), «Белые снега» (1975), «Конец вечной мерзлоты» (1977) и др. произведения. Но если эти, как и многие другие произведения

Ю. Рыхэу, отличаются энциклопедической обстоятельностью и широтой исторического охвата событий, ставили своей целью познакомить читателя с наиболее важными сторонами истории и жизни своего народа, то в 80-х годах в его книгах определилось пристальное внимание к проблемам современной жизни чукчей. О том, что волнует сегодня и молодежь, и старшее поколение чукотского народа, о воспитании нового человека — труженика и творца. Такова, например, одна из последних его повестей «Прямо в глаза» («Юность», 1984, № 10).

Богатое духовное творчество чукчей давно привлекает внимание многих профессиональных писателей. Обработывая фольклорные материалы, используя сюжеты чукотских сказаний и разнобразные факты истории чукчей, прозаики, поэты, драматурги создают на этой основе оригинальные произведения, становящиеся серьезным приобретением многонациональной советской литературы. Еще на рубеже XX в. появились «Чукотские рассказы», а затем и роман В. Тана-Богораза «Восемь племен». В предвоенные годы жизнь чукчей находила отражение в рассказах Бориса Горбатова, очерках «На Чукотке» Тихона Семушкина, «Северных рассказах» Ивана Кратта, «Колымских очерках» Анатолия Фетисова, «Чукотских рассказах» Наума Пугачева.

Значительные произведения, основанные на богатом чукотском материале, появились в послевоенные годы. Заслуженный успех у многомиллионного советского читателя получил роман «Алитет уходит в горы» Тихона Семушкина, повесть «На Севере Дальнем» и романы «Быстроногий олень» Николая Шундика, «Поиски счастья» Николая Максимова, повесть Владилена Леонтьева «Антымавле — торговый человек», стихи Анатолия Павлухина и ряд других.

В единстве писательских поколений, неразрывной преемственности их в борьбе за идейно-художественную зрелость каждой литературы в отдельности и всей советской литературы в целом проявляется единство национальных литератур.

На юбилейном Пленуме правления Союза писателей СССР, состоявшемся в сентябре 1984 г., первый секретарь правления Г. М. Марков отметил, что на памяти нынешних читательских поколений родились, выросли литературы некоторых народностей Советского Союза, в том числе Крайнего Севера и Дальнего Востока. «Лучшие художники, представляющие эти литературы, — говорил он, — сумели соединить вековые поэтические традиции устного эпоса своих народов с достижениями русской и мировой культуры. Именно на этом пересечении различных художественных традиций возникло новое оригинальное искусство, полное поэтической одаренности, реалистического своеобразия, острой выразительности, покоряющей наших современников».¹⁷³ В числе ярких представителей таких литератур вместе с нанайцем Григорием Ходжером, манси Юваном Шесталовым, нивхом Владимиром Санги был назван чукча Юрий Рыхэу.

За короткий исторический срок писатели-чукчи внесли видный вклад в сокровищницу советской культуры. Их творчество убедительно подтверждает одно из важных положений Программы Коммунистической партии Советского Союза, где сказано: «Создание подлинно народной многонациональной советской культуры, завоевавшей международное признание, — историческое достижение нашего строя. Истоки ее могучего влияния — в верности правде жизни, идеалам социализма и коммунизма, гуманизме и оптимизме, тесной связи с народом. . .»

Воплощая идейное богатство и многообразие духовной жизни социалистического общества, его реальный гуманизм, она обогащает мировую культуру, все полнее проявляет себя как могучий фактор духовного прогресса человечества, как прообраз грядущей культуры коммунизма».¹⁷⁴

¹ *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 323.

² *Леонтьев В. В.* Народное образование на Чукотке // Два мира — две судьбы. Магадан, 1978. С. 184.

³ *Орловский П. П.* Год Анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия. 1928. Кн. 2. С. 61.

⁴ *Новиков В. Д.* К истории Северного морского пути в первые годы Советской власти // Летопись Севера. 1949. № 1. С. 37.

⁵ *Алькор (Кошкин) Я. П.* Письменность народов Севера // Советский Север. 1931. № 10. С. 118.

⁶ *Леонтьев В. В.* Письменность и пути повышения грамотности чукчей // История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967. Вып. 17. С. 195.

⁷ *Вдовин И. С.* Общие сведения о создании письменности на языках народов Севера // Младописьменные языки народов СССР. М.; Л., 1959. С. 289—290; Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 189.

⁸ *Леонтьев В. В.* Народное образование. . . С. 188—189.

⁹ Там же.

¹⁰ *Леонтьев В. В.* Хозяйство и культура народов Чукотки (1958—1970). Новосибирск, 1973. С. 150—151.

¹¹ *Мелляков Н. И.* Ленинская национальная политика и просвещение народов Севера // Летопись Севера М., 1977. Т. 8. С. 46.

¹² *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975. С. 213.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и плену-

мов ЦК. М., 1978. Т. 11. С. 94—102.

¹⁴ ГАЧАО, ф. Р-16, оп. 1, д. 304, л. 1.

¹⁵ Там же, л. 6—7.

¹⁶ Магаданская правда. 1985. 15 янв., 6 и 7 сент.

¹⁷ Народы Дальнего Востока в XVII—XX вв. М., 1985. С. 182; Советская Чукотка. 1982. 18 июня.

¹⁸ Народы Дальнего Востока. . . С. 182.

¹⁹ Магаданская правда. 1985. 30 янв.

²⁰ Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917—1972. Магадан, 1975. С. 57.

²¹ ПАКО, ф. 45, оп. 1, д. 60, л. 74, 79.

²² Историческая хроника Магаданской области. С. 73, 90.

²³ ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р-3138, оп. 1, д. 100, л. 16.

²⁴ ЦГА РСФСР ДВ, ф. Р-2444, оп. 1, д. 280, л. 54.

²⁵ Там же, ф. Р-353, оп. 1, д. 54, л. 99.

²⁶ Там же, ф. Р-2413, оп. 4, д. 629, л. 68.

²⁷ Культурное строительство РСФСР: Стат. сб. М., 1958. С. 448—449.

²⁸ Советская Чукотка. 1935. 12 июля, 18 и 30 окт.

²⁹ *Дьяков А. Б.* Арктический рейс бригады Московской консерватории // Советская Арктика. 1937. № 1. С. 52—55.

³⁰ Женщины в Советах и на производстве // Советская Чукотка. 1935. 30 апр.

³¹ Советская Чукотка. 1935. 23 февр.; ПАХК, ф. 2, оп. 2—5, д. 321, л. 39.

³² Советская Чукотка. 1935. 30 апр.

³³ Историческая хроника Магаданской области. С. 124.

³⁴ Там же, с. 147.

³⁵ Там же, с. 159—160.

³⁶ Советская Чукотка. 1955. 20 дек.

- ³⁷ *Балицкий В. Г.* От патриархально-общинного строя к социализму. М., 1969. С. 188.
- ³⁸ Историческая хроника Магаданской области. С. 188.
- ³⁹ КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 7. С. 259, 262—263.
- ⁴⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976. С. 478; Советская Чукотка. 1970. 24 апр.
- ⁴¹ Советская Чукотка. 1957. 8 сент.
- ⁴² *Каштанов И. М.* Культура Крайнего Севера: достижения, проблемы. Культурное строительство в Магаданской области. Магадан, 1971. С. 57—58; Историческая хроника Магаданской области. С. 309.
- ⁴³ Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. С. 478.
- ⁴⁴ *Каштанов И. М.* Культура Крайнего Севера. . . С. 61.
- ⁴⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. М., 1981. С. 364.
- ⁴⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1983 г.: Стат. ежегодник. М., 1984. С. 353.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Вдовин И. С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 153.
- ⁴⁹ *Богораз В. Г.* 1) Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900. Ч. 1. С. 147; 2) Луораветланско-русский словарь. М.; Л., 1937. С. 122.
- ⁵⁰ *Жорницкая М. Я.* 1) Традиционные танцы чукчей-оленьеводов // XIV Тихоокеан. науч. конг.: Тез. докл. Хабаровск, 1979. С. 10; 2) Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М., 1983. С. 72—77; *Вдовин И. С.* Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественногo сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 204.
- ⁵¹ *Богораз В. Г.* Материалы. . . С. 107.
- ⁵² *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1939. Ч. 2. С. 82; *Кузнецова В. Г.* Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // ТИЭ, М.; Л., 1957. Т. 35. С. 318.
- ⁵³ *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 2. С. 81.
- ⁵⁴ *Августинович А.* Три года в Северо-Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. Б. М., Б. г. Т. 18. № 10. С. 726.
- ⁵⁵ *Богораз В. Г.* Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки // Сов. фольклор, 1936, № 4/5. С. 32.
- ⁵⁶ *Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 392; *Жорницкая М. Я.* Хореографический образ ворона у аборигенного населения Северо-Востока Сибири // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М., 1978. С. 77—80.
- ⁵⁷ *Врангель Ф. П.* Путешествия по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820—1824). М., 1948. С. 186; *Жорницкая М. Я.* Народное хореографическое искусство. . . С. 62—63.
- ⁵⁸ ГАХК. ф. 537, оп. 1, ед. хр. 46, л. 193.
- ⁵⁹ Там же, ед. хр. 49, л. 237.
- ⁶⁰ *Авдеев А. Д.* Происхождение театра. М.; Л., 1959. С. 32—57.
- ⁶¹ *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 2. С. 77, 82, 95.
- ⁶² Там же, с. 99; *Кузнецова В. Г.* Материалы по праздникам и обрядам. . . С. 284.
- ⁶³ *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 2. С. 95.
- ⁶⁴ *Жорницкая М. Я.* Народное хореографическое искусство. . . с. 71.
- ⁶⁵ *Леонтьев В. В.* Национальные игры чукчей // На Севере дальнем: Литературно-художественный альманах. Магадан, 1960. С. 130; *Чаадаева Л.* Ишу свой танец // Наука и религия. 1978. № 1. С. 21.
- ⁶⁶ *Жорницкая М. Я.* Традиционные танцы чукчей-оленьеводов. С. 10.
- ⁶⁷ *Лыткин В. Л.* Новая жизнь — новые песни. Магадан, 1970. С. 46—70.
- ⁶⁸ Там же. С. 61—81.
- ⁶⁹ *Лыткин В. А.* Чукотская и эскимосская народная песня // Музыка Сибири и Дальнего Востока. М., 1982. С. 147—148.
- ⁷⁰ *Рытху Ю.* Мелодии Дальнего Севера // Сов. культура. 1985. 24 авг. С. 5.
- ⁷¹ Магаданская правда. 1976. 17 июля.
- ⁷² Магаданская правда. 1985. 17 авг.
- ⁷³ Описание Николаевского Чаунского прихода члена-сотрудника Сибирского отдела Русского Географического общества А. Арсентова // ЗСОРО. СПб., 1857. Кн. 3. С. 69.
- ⁷⁴ *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1934. Ч. 1. С. 23.
- ⁷⁵ Описание Николаевского Чаунского прихода. . . С. 93.
- ⁷⁶ *Богораз В. Г.* Очерки материального быта оленных чукчей // Сб. МАЭ, 1901. С. 51—52.

- ⁷⁷ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 2, с. 71, 95—99.
- ⁷⁸ Вертков К., Благодаров Г., Язовицкая Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1963. С. 196—197.
- ⁷⁹ Широков Ю. А. Чукотский художник Вуквол // ЗЧКМ, 1973. Вып. 6. С. 20.
- ⁸⁰ Рудницкая С., Дьяков А. Четыре месяца в Арктике // Театры в Арктике. Л., 1937. С. 231—262.
- ⁸¹ Bogoras W. The Chukchee. Material Culture. — The Jesup North Pacific Expedition. Memory of the American Museum of Natural History. Leiden; New York, 1904. Vol. 7. P. 226.
- ⁸² Лавров И. П. Чукотская резная кость // Искусство. 1947. № 2. С. 123—124.
- ⁸³ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. С. 170, 220, 222.
- ⁸⁴ Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сб. МАЭ, 1955. Т. 16. Табл. 24.
- ⁸⁵ Иванов С. В. Чукотско-эскимосская гравюра на кости // СЭ, 1949, № 4. С. 107—124; Антропова В. В. Современная чукотская и эскимосская резная кость // Сб. МАЭ, 1953. Т. 15. С. 5—121; Широков Ю. А. 1) Гравированные клыки в собрании Государственного музея революции // ЗЧКМ. Магадан, 1968. Вып. 5. С. 87—93; 2) Чукотско-эскимосская кость в Магаданском областном краеведческом музее // КЗМОКМ, 1977. Вып. 11. С. 82—95; Орлова Е. П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. Новосибирск, 1964. 112 с.; и др.
- ⁸⁶ Митлянская Т. Б. Художники Чукотки. М., 1976. С. 26.
- ⁸⁷ Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (Петроглифы Пегтымеля). М., 1971. С. 64.
- ⁸⁸ Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сиб. этнограф. сб. ТИЭ. М., 1961. Т. 64. С. 27—63.
- ⁸⁹ Иванов С. В. Чукотско-эскимосская гравюра на кости. С. 111.
- ⁹⁰ Там же. С. 113.
- ⁹¹ Там же. С. 112—113.
- ⁹² См.: Митлянская Т. Б. Художники Чукотки. С. 51.
- ⁹³ Там же. С. 49; Широков Ю. А. Чукотский художник Вуквол. С. 19—20.
- ⁹⁴ Орлова Е. П. Чукотская, корякская, эскимосская, алеутская резная кость. С. 6.
- ⁹⁵ Ефимова А. К., Клитина Е. Н. Чукотское и эскимосское искусство из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Л., 1981. С. 16.
- ⁹⁶ Иванов С. В. Чукотско-эскимосская гравюра на кости. С. 118.
- ⁹⁷ Митлянская Т. Б. Взгляд охотника, чуткость художника // Радуга на снегу. Культура, традиционное и современное искусство народов Крайнего Севера. М., 1972. С. 55.
- ⁹⁸ Широков Ю. А. Чукотский художник Вуквол. С. 23.
- ⁹⁹ Тын'этэгин Ф. Чавчывалымн'ылтэ (на чукот. яз.). Л., 1940.
- ¹⁰⁰ Леонтьев В. В. Народные умельцы // Время, события, люди. Магадан, 1973. С. 181—182.
- ¹⁰¹ Лавров И. П. Рисунки Онно (К мифологии чукчей) // СЭ. 1947. № 2. С. 122—133.
- ¹⁰² См. также: Тимашева Л. Е. 1) Современная чукотско-эскимосская резная кость. Магадан, 1967. 26 с. + илл. 2) Чукотско-эскимосский промысел резной кости и пути его развития // История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967. С. 184.
- ¹⁰³ Первая зональная художественная выставка «Советский Дальний Восток»: Каталог. Хабаровск, 1964. С. 39.
- ¹⁰⁴ Митлянская Т. Б. Художники Чукотки. С. 195—198.
- ¹⁰⁵ Митлянская Т. Б. Развитие современного народного искусства чукчей и эскимосов // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов. Л., 1981. С. 231—233.
- ¹⁰⁶ Цит. по: Коротич В. Известен всему миру // Таежные зори. Большая судьба малых народов. Хабаровск, 1978. С. 313.
- ¹⁰⁷ Hajek L. Kunst der Tschuktschen-Halbinsel. Prag, 1959. S. 303—306.
- ¹⁰⁸ О народных художественных промыслах: Постановление ЦК КПСС от 17 февраля 1975 года // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1976. Т. 10. С. 354—357.
- ¹⁰⁹ Подробнее см.: Тимашева Л. Е. Молодое искусство Севера. — Советский Дальний Восток. 5-я зональная художественная выставка. Буклет. Чита, 1980. С. 6.

- ¹¹⁰ Художественные промыслы. — Правда, 1981, 11 января.
- ¹¹¹ *Скорик П. Я.* Грамматика чукотского языка. М., 1961. Ч. I. С. 323—324.
- ¹¹² *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. С. 4—5.
- ¹¹³ *Меновицков Г. А.* Эскимосские сказки. Магадан, 1980. С. 9; Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. С. 14.
- ¹¹⁴ *Вико Джамбатиста.* Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940. С. 144, 149, 353.
- ¹¹⁵ *Пропл В. Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 26—27, 50—51, 149—150; *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 114; *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Л., 1976. С. 4, 64—65; *Мелетинский Е. М.* Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 24—25.
- ¹¹⁶ Здесь и далее, кроме ссылок на известные фольклорные сборники В. Г. Богораза, приводятся ссылки на фольклорные записи автора раздела, зафиксированные им в 30—40-е годы в Чукотском районе и опубликованные на чукотском языке. *Беликов Л. В.* Лымнылтэ. Чукотские народные сказки и предания (На чукотском языке). Магадан, 1979. С. 187.
- ¹¹⁸ *Вдовин И. С.* Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. С. 36—38; *Диков Н. Н.* Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969. С. 235.
- ¹¹⁹ *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка. С. 329.
- ¹²⁰ Там же. С. 374.
- ¹²¹ Кэле (мн. ч. кэльэт) — фантастические существа в чукотской мифологии, враждебные человеку. Они охотятся за людьми, похищают женщин, а затем вступают с человеком в смертельный поединок, который изображается как состязание в силе и ловкости. В мифологических сказках переходного типа образ этот принимается, подается с насмешкой и юмором, что отражает уже появление сказочных элементов в чукотском фольклоре.
- ¹²² *Вдовин И. С.* Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. С. 37, 48, 49.
- ¹²³ *Беликов Л. В.* Лымнылтэ... С. 61.
- ¹²⁴ Автор раздела наблюдал подобные обряды в 1932—1934 гг. в селении Ванкарем Чукотского района.
- ¹²⁵ *Беликов Л. В.* Лымнылтэ... С. 28.
- ¹²⁶ Там же. С. 21.
- ¹²⁷ *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка... С. 301.
- ¹²⁸ *Гусев В. Е.* 1) Проблемы фольклора в истории эстетики. М.; Л., 1963. С. 186—187; 2) Эстетика фольклора. С. 79.
- ¹²⁹ *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. С. 64.
- ¹³⁰ *Богораз В. Г.* Материалы... С. 7—11; *Беликов Л. В.* К характеристике устного народного творчества чукчей // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1960. Т. 167. С. 282—284; *Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М., 1979. 230 с.
- ¹³¹ *Богораз В. Г.* Материалы... С. 4—5.
- ¹³² Подробнее см.: *Беликов Л. В.* Героические сказания чукчей // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1965. Т. 269. С. 154.
- ¹³³ *Богораз В. Г.* Материалы... С. 339, 359.
- ¹³⁴ *Беликов Л. В.* Лымнылтэ... С. 116, 199.
- ¹³⁵ *Эрмэчыын* (чук.) — слово многозначное, которое приобретало разные значения — как прямые, так и переносные (см.: *Богораз В. Г.* Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л., 1937. С. 30—31). В чукотском фольклоре слово это обычно употребляется в значениях «сильнейший» (в героических сказаниях), «хозяин стойбища», «наильник», притесняющий соседей.
- ¹³⁶ *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. С. 110—111.
- ¹³⁷ История советской многонациональной литературы. М., 1972, т. II, кн. 2, с. 444—445.
- ¹³⁸ *Тынэтэгэын.* Сказки чаучу/ Ред. и пер. с чукот. Г. Мельникова. Рис. Вуквола. Л., 1940.
- ¹³⁹ *Рытхэу Ю.* Эхо далеких годов // Магаданская правда. 1980. 18 мая.
- ¹⁴⁰ Писатели малых народов Дальнего Востока. Хабаровск, 1966. С. 6.
- ¹⁴¹ Таежные родники. Хабаровск, 1970. С. 241.
- ¹⁴² Лит. газета, 1950. 5 дек.
- ¹⁴³ *Скорик П. Я.* Родное слово: Книга для чтения для 3 класса чукот. нач. школы / Сост. П. Я. Скорик и Ю. С. Рытхэу. Л., 1950. 279 с.

- ¹⁴⁴ *Рытхэу Ю.* 1) Люди с того берега. Рассказ / Авториз. пер. с чукот. А. Смоляна // Молодой Ленинград. Л., 1951. Сб. 3; 2) Друзья-товарищи: Рассказы / Авториз. пер. с чукот. А. Смоляна. М., 1953. 48 с.; 3) Люди нашего берега: Рассказы / Авториз. пер. с чукот. А. Смоляна. М., 1953. 256 с.; 4) Имя человека: Рассказы / Авториз. пер. с чукот. А. Смоляна. М., 1955. 124 с.; 5) На шхуне «Мэри Сайм»: Рассказы (На коряк. и рус. яз.). Хабаровск, 1955. 24 с.; 6) Судьба человека / Авториз. пер. с чукот. А. Смоляна. Магадан, 1955. 144 с.
- ¹⁴⁵ *Рытхэу Ю.* Чукотская сага / Авториз. пер. с чукот. А. Смоляна. Магадан, 1956. 372 с.; 3-е изд. М., 1960. 384 с.
- ¹⁴⁶ Произведения советских писателей в переводах на иностранные языки. Отдельные зарубежные издания 1954—1957: Библиогр. указ. М., 1959. С. 171.
- ¹⁴⁷ Творчество народов Дальнего Востока Севера. Магадан. С. 192—193. Огонек, 1953, № 46.
- ¹⁴⁸ *Рытхэу Ю.* Время таяния снегов: Повесть. М., 1958. 76 с.
- ¹⁴⁹ Писатели малых народов... С. 106.
- ¹⁵⁰ *Кымытваль А.* Песня сердца. Стихи (На чукот. яз.). Магадан, 1960. 78 с.
- ¹⁵¹ Магаданская областная организация КПСС в цифрах. 1954—1977 гг. Магадан, 1978. С. 10; ГАМО, ф. Р-146, оп. 1, д. 96, л. 58—59. См. также: ГАМО, ф. Р-336, оп. 1, д. 15, л. 3, 9, 10, 12.
- ¹⁵² Писатели Дальнего Востока: Библиогр. справочник. Хабаровск, 1973. С. 105.
- ¹⁵³ ГАМО, ф. Р-336, оп. 1, д. 10, л. 4—5.
- ¹⁵⁴ *Кеулькут В.* 1) Пусть стоит мороз: Первая книга стихов / Авториз. пер. с чукот. Н. Старшинова. М., 1958. 64 с.; 2) Моя Чукотка. Стихи / Пер. с чукот. Л. Соловьевой. Магадан, 1958. 108 с.
- ¹⁵⁵ *Кеулькут В.* Дождь не мешает: Стихи (на чукот. яз.). Магадан, 1963. 64 с.
- ¹⁵⁶ Таежные родники. С. 207.
- ¹⁵⁷ *Кеулькут В.* Солнце над Чукоткой: Стихи. М., 1966. 112 с.
- ¹⁵⁸ Литература и жизнь. 1962. 25 марта.
- ¹⁵⁹ *Ятгыргын В.* Мальчик из стойбища. Магадан, 1962. 72 с.; То же (на чукот. яз.). Магадан, 1963. 76 с.
- ¹⁶⁰ *Ятгыргын В.* Судьба мужчин не балует: Повесть. Магадан, 1970. 96 с.
- ¹⁶¹ *Кымытваль А.* Тебе: Стихи (Пер. с чукот.). Магадан, 1969. 72 с.
- ¹⁶² *Кымытваль А.* Слушая музыку: Стихи (Пер. с чукот.). Магадан, 1972. 64 с.
- ¹⁶³ Цит. по: Песня, ставшая книгой: Рожденная Октябрем поэзия. М., 1982. С. 555—556.
- ¹⁶⁴ *Вальгиргин М.* 1) Здравствуй, светлая жизнь: Стихи (на чукот. яз.). Магадан, 1968. 48 с.; 2) Вельботы уходят в море: Стихи. Магадан, 1970. 80 с.
- ¹⁶⁵ *Вальгиргин М.* Веселое лежбище: Стихи для детей (Пер. с чукот.). Магадан, 1973. 24 с.
- ¹⁶⁶ *Тынескин В.* Олени ждали меня: Стихи (Пер. с чукот.). Магадан, 1978. 88 с.
- ¹⁶⁷ См.: *Пчелкин А.* Этим и прекрасен // Олени ждали меня. Магадан, 1978. С. 6.
- ¹⁶⁸ *Рытхэу Ю.* Нунивак: Повесть. М., 1963. 240 с.
- ¹⁶⁹ *Рытхэу Ю.* В долине Маленьких Зайчиков: Роман. М.; Л., 1963. 360 с.
- ¹⁷⁰ *Рытхэу Ю.* 1) Айвангу: Роман. М., 1966. 296 с.; 2) Ленинградский проспект: Роман. Л., 1967. 288 с.; 3) Волшебная рукавица: Повесть. М., 1963. 48 с. 4) Голубые песцы: Повести и рассказы. М., 1964. 224 с.; 5) Самые красивые корабли: Роман и рассказы. М., 1968. 176 с.
- ¹⁷¹ *Рытхэу Ю.* Сон в начале тумана: Роман. М., 1972. 544 с.; *Сурганов В.* Юрий Рытхэу и его роман «Сон в начале тумана» // *Рытхэу Ю.* Сон в начале тумана. М., 1972. С. 2.
- ¹⁷² Под знаменем партийности и народности: Материалы юбилейного Пленума Правления Союза писателей СССР, посвященного пятидесятилетию Союза. М., 1984. С. 31—32.
- ¹⁷³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 58—59.

ЧУКЧИ В СОСТАВЕ НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Из закономерным результатом экономических, социально-политических и культурных преобразований, происшедших в СССР за годы строительства социализма, явилось формирование новой исторической общности — советского народа. Главные черты ее — идейно-политическое, социально-классовое и интернациональное единство входящих в нее народов. Равной среди равных выступает в ней и чукотская социалистическая народность.

Становление чукчей как членов новой исторической общности в основном оформилось уже в переходный период. Создание социалистической национальной государственности в форме округа, коллективизация оленеводческо-промыслового хозяйства и промышленное освоение Чукотки укрепили политические и социально-экономические основы их единства со всем советским народом. Культурная революция внесла коренные изменения в духовный облик некогда отсталых оленеводов и охотников.

Великая Отечественная война была первым и суровым испытанием для советского народа как новой исторической общности. В тесном единстве с русским, другими братскими народами нашей Родины с честью выдержал этот экзамен и малочисленный чукотский народ. Так подлинным патриотом Страны Советов проявил себя в битвах Великой Отечественной войны уэленский косторез Вуквол, мужественно сражались с врагом воины-чукчи Кергинто, Ятыргин, Нупатагин, Тимофей Елков и др.

Коренное население Чукотки внесло вклад в дело великой победы самоотверженным трудом и материальными взносами. За годы войны жители Чукотки передали в фонд обороны почти 25 млн. р., 12 585 оленей, на 123 тыс. р. пушнины, на 50 тыс. теплых вещей для Красной Армии.¹

Полная и окончательная победа колхозного строя, социалистических производственных отношений внесли существенные изменения в социальную структуру населения округа. Если в 1939 г. единоличники составляли здесь 35,9 %, то в 1959 г. — 0,1 %. К этому времени социальная структура округа включала в себя 45,9 % рабочих, 21,4 % колхозного крестьянства и 32,6 % народной интеллигенции, т. е. приближалась к социальной структуре всего советского общества,² хотя в составе рабочего класса округа чукчи в это время были представлены еще незначительно.

Дальнейшее совершенствование общественной структуры в Чукотском автономном округе происходило по пути изменения соотношения между ее составными социальными компонентами, по пути усиления социальной однородности: численный рост рабочих у чукчей шел главным образом за счет колхозного крестьянства. В 60-е—начале 70-х гг. по решению общих собраний колхозников все коллективные хозяйства Чукотки были

преобразованы в совхозы. Колхозники стали рабочими социалистических сельскохозяйственных предприятий, пополнив тем самым ряды национального отряда рабочего класса. Значительно выросла за эти годы и национальная интеллигенция.

Социальная группа рабочих-чукчей представлена всеми основными ее отрядами: промышленным, транспортным, строительным, аграрным и сферы обслуживания, но абсолютное большинство рабочих занято в сельскохозяйственном производстве — 67 %.

Формирование и развитие отряда рабочих происходит у народностей Севера под влиянием индустриализации и научно-технического прогресса прежде всего в оленеводстве и промысловом хозяйстве. Само понятие совхозного производства за последние годы на Чукотке в корне изменилось: совхозы все больше аккумулируют в себе не только функции производителей сельскохозяйственной и промысловой продукции, но и многие другие, свойственные в обычных условиях транспортным, строительным, жилищно-коммунальным предприятиям и организациям. Это не могло не отразиться и на внутренней структуре отряда рабочих-чукчей.

Так, в эскимосско-чукотском совхозе «Ударник» (с. Сиреники), например, занято 87 чукчей — 81.3 % всех лиц этой национальности, живущих в поселке (1983 г.). Из этого числа в оленеводстве их работает 48.3 %, в звероводстве — 15 %, в мастерской по пошиву меховой одежды — 9.2 %, в строительстве — 8.1 %, в жилищно-коммунальном хозяйстве — 5.7 %, в административно-управленческом аппарате — 4.6 %, столько же в детском саду-яслях, на молочно-товарной ферме — 1.1 %.

Как видно из приведенных данных, совхозное производство обеспечивает населению достаточно широкий выбор рабочих мест.

Стойко сохраняя приверженность к традиционному труду, они активно осваивают новые профессии. Среди звероводов их 38 %, среди строителей — 19 %, среди работников детских учреждений — 21 %, среди механизаторов — 9 % и т. д. Сходная картина (с известными вариациями) и в других хозяйствах.

Главная сфера приложения труда чукчей в совхозах округа — оленеводство. Несмотря на то, что эта отрасль существует издавна, количественные и качественные изменения в отрасли, определившие выделение оленеводов в отдельную социально-профессиональную группу рабочих, произошли по существу только в конце 70-х годов. В оленеводстве за небольшим исключением работают только народности Севера. В масштабах страны эта группа довольно многочисленна и значительную ее часть составляют рабочие-чукчи. Рабочие-олeneводы как социальная группа не однородны по своему составу. Наряду с традиционными профессиями пастух-олeneвод, чумработница появились новые: оленевод-механизатор, оленевод-радист, веттехник. Правда, границы между ними пока сильно размыты и тем не менее группы уже существуют. Можно полагать, что дифференциация эта будет все более углубляться, поскольку специализация труда, по словам В. И. Ленина,

«по самому существу своему, бесконечна — точно так же, как и развитие техники».³

В промышленности, строительстве, транспорте чукчи представлены незначительно — примерно 5 %. В селениях Чукотки, где живет большинство народностей Севера, практически нет промышленных предприятий. Подавляющая часть промышленных рабочих-чукчей приходится на городское население, однако оно не велико и расселение его весьма своеобразно. 75 % чукчей, живущих в городах, сосредоточено в окружном и районных центрах. Горнодобывающих предприятий в них нет, индустриальная сфера труда представлена лишь энергетикой, строительными и транспортными организациями, предприятиями пищевой и местной промышленности. Характер труда промышленных рабочих-чукчей определяют, таким образом, основные направления экономики края. В профессионально-квалификационном плане эту группу можно разделить на две категории: квалифицированные рабочие по обслуживанию и ремонту машин и механизмов (трактористы, шоферы, слесари и т. п.) и неквалифицированные рабочие ручного труда. Последняя наиболее многочисленна. В Providении, например, к ней относится более 60 % всех рабочих-чукчей (1983 г.). Для сравнения напомним, что в целом по СССР ручным трудом занято около 35 % рабочих, почти в 2 раза меньше.⁴

В последние годы у чукчей, как и в целом по СССР, быстро растет число рабочих и служащих в сфере обслуживания: по данным Чукотского окрисполкома к началу 80-х гг. в сфере услуг работало около 30 % трудоспособного коренного населения. Если же учесть, что в ней занята и часть сельскохозяйственных рабочих и служащих (детские сады, жилищно-коммунальное хозяйство, столовые), то общая численность этой категории трудящихся будет значительно больше. В Сирениках, например, на ее долю приходится более 48 % народностей Севера, в Ново-Чапдино — 68 %, в Providении — 72 %. Более 30 % чукчей, занятых в этой сфере — лица квалифицированного умственного труда.

К этой же категории тесно примыкает небольшая группа лиц (в обследованном массиве — 5.8 %) преимущественно умственного, но малоквалифицированного труда — кассиры, операторы почтовых отделений, телеграфисты и др.

Достаточно представительна группа служащих (23 %), чей труд по своему характеру приближается к физическому: швеи комбината бытового обслуживания, продавцы, парикмахеры. И, наконец, самая многочисленная (38.5 %) категория — служащие-неспециалисты, ближе всего стоящие к рабочим: вахтеры, уборщицы, дворники, санитарки.

В целом растет внутривидовая дифференциация рабочих и служащих, численность национальной интеллигенции, расширяется сфера приложения труда рабочих и служащих, меняется характер старых профессий. Все это знаменует важный этап развития народности по пути сближения социальных групп, преодоления различий между умственным и физическим трудом.

Преодолению существующих различий будет способствовать выравнивание условий труда и быта населения различных регионов страны, тщательный учет особенностей интересов классов и социальных групп.⁵ В этом направлении в округе уже осуществлен комплекс важных мероприятий.

Реорганизация коллективных хозяйств в совхозы позволила приступить к специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. Без этого в современных условиях невозможно совершенствование системы управления, организации труда и технологии, рациональное использование природных и трудовых ресурсов, повышение эффективности производства. Вместе с тем специализация и концентрация — это новый шаг в сближении сельскохозяйственного труда с индустриальным, в укреплении социальной общности трудящихся.

В настоящее время 66 % поголовья оленей в Чукотском автономном округе сосредоточено в трех районах — Анадырском, Билибинском и Чаунском. Здесь расположено 13 из 19 совхозов, имеющих стада свыше 15 тыс. голов, в том числе такие оленеводческие гиганты, как «Омолон», им. Первого ревкома Чукотки, «Канчаланский», «Марковский» и др. На долю этих трех районов приходится более двух третей производства товарной продукции оленеводства; почти 80 % оленины, проданной государству округом в XI пятилетке, поступило из этих районов.⁶

Создание крупных специализированных хозяйств, внутрихозяйственная специализация вызвали коренное обновление традиционных отраслей хозяйства чукчей. Выросла материально-техническая база совхозов, повысилась энерговооруженность. Только в VIII—X пятилетках они получили более 630 новых вездеходов, тракторов, автомашин, 107 передвижных электростанций.⁷

Обновление материально-технической базы хозяйства чукчей меняет и социальный облик бывших кочевников. Новая техника и технология предъявляют повышенные требования к образовательному уровню трудящихся и их профессиональной квалификации. Новое содержание исконных отраслей хозяйства и связанные с этим изменения в культурной и бытовой сферах жизни чукчей ускоряют у них формирование новых черт, присущих социалистическому типу личности. Растет трудовая активность коренного населения Чукотки, повышается его политическая культура.

К концу 50-х годов практически единственной формой трудовой активности чукчей было социалистическое соревнование, в которое втягивались тогда лишь отдельные, наиболее сознательные рабочие и колхозники. Сегодня чукчи все активнее участвуют в движении за коммунистическое отношение к труду, во всеозначных трудовых починах и кампаниях, в борьбе за экономию и бережливость, высокое качество работы и т. п.

Существенно выросла массовость социалистического соревнования: в сельскохозяйственном производстве Чукотки в нем участвуют более 70 % всех рабочих совхозов.

Увеличился вклад в экономику страны Чукотского автономного округа. За большие достижения в коммунистическом строительстве он награжден орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы народов. Правительственных наград удостоены десятки представителей чукотской народности. Только в X пятилетке их получило более 30 человек. Среди чукчей три Героя Социалистического труда, лауреаты Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола.

Характерная особенность в развитии трудовой инициативы чукчей в последние годы — появление передовиков не только в традиционных, привычных для них сферах труда, но и в новых отраслях — звероводстве, строительстве, транспорте, других сферах экономики округа. Среди них бетонщик В. Тытенет, плотник Г. Тнанаут, швея комбината бытового обслуживания Н. Ровтыт, командир экипажа Анадырского авиапредприятия, депутат областного Совета П. Ынкау, его товарищи по профессии, пилоты Б. Ринтычейвун, В. Баум, авиатехник В. Эйсмонт, геолог Г. Тынанкерган и многие другие.⁸

В связи с индустриализацией промыслово-оленоводческого хозяйства у чукчей появляются возможности научно-технического творчества, что является принципиально новым явлением в развитии трудовой активности коренного населения. Например, за активное внедрение организационно-технических мероприятий, направленных на рациональное использование пастбищ, повышение уровня зоотехнической и ветеринарной работы, применение средств механизации и радиосвязи и полученные при этом высокие результаты труда бригадиру оленеводческой бригады совхоза «Возрождение» В. И. Ровтытагину присуждена Государственная премия СССР.⁹

За звание коллектива высокой дисциплины и качества труда борются многие оленеводческие бригады совхоза «Путь к коммунизму». Бюро Анадырского райкома партии одобрило эту инициативу и рекомендовало ее всем коллективам района.¹⁰

Распространение среди оленеводов, рыбаков, охотников нашли широко известные в последние годы трудовые почины «Пятилетке качества — рабочую гарантию», «Ни одного отстающего рядом!» и другие.

Росту трудовой активности чукчей способствует большая организаторская и идеологическая работа партийных, профсоюзных, комсомольских организаций в трудовых коллективах северян. Повсеместно проводятся занятия экономического всеобуча, экономические конференции, работают школы коммунистического труда, специальные агитколлективы и культбригады.

В рамках новой исторической общности — советский народ — крепнет идейно-политическое единство входящих в нее наций и народностей. Конституция СССР 1936 г. изменила порядок образования и форму деятельности Советов Севера. Они вошли в единую систему Советов СССР и были преобразованы в Советы депутатов трудящихся, а сами национальные округа превратились

в специфическую форму национальной государственности. Тем самым подчеркивалось равноправие всех трудящихся страны независимо от их национальности и численности.

В последующие годы значение Советов как представительных органов государственной власти еще более увеличилось, они становились все более представительными. Только с 1971 по 1982 г. число депутатов в местных Советах Чукотского автономного округа выросло на 434 человека. Из 2594 депутатов Чукотки, избранных в 1982 г., 67 % — рабочие, 49 % — женщины, около 41 % — молодежь.¹¹

Расширяется участие в органах Советской власти коренного населения Чукотки. Если в 1973 г. депутатами Советов было избрано 503 представителя чукотской народности, то в 1982 г. — 627.¹² В том же 1982 г. народности Севера в составе населения округа составляли примерно 10 %, между тем в составе Советов их было 26 %, в том числе в окружном Совете — 35,6 %, в сельских Советах — более 50 %. Всего за годы Советской власти школу работы в Советах округа прошло более 7 тыс. депутатов коренных национальностей.¹³

Рост численности депутатов из числа народностей Севера отражает неизменность принципов ленинской национальной политики КПСС, служит надежной гарантией их свободного национального развития. Вместе с тем это важный показатель их фактического равенства с другими нациями и народностями страны, роста их идейно-политической зрелости и культуры.

Больше половины сельских Советов округа возглавляют представители коренного населения. Депутаты-чукчи принимают активное участие в работе постоянных комиссий, в выполнении наказов избирателей, регулярно отчитываются перед ними, являются примером на своих рабочих местах.

В X пятилетке Канчаланский сельский Совет народных депутатов во главе с чукчей В. Г. Вальгыргином дважды становился победителем Всероссийского социалистического соревнования сельских и поселковых Советов, награжден переходящим Красным Знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС.

Важное значение для улучшения деятельности Советов автономных округов имеют принятые в последнее время Закон «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов» и постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве».¹⁴

Повышается роль местных Советов и как проводников и исполнителей национальной политики КПСС. Они стали чаще обращаться к жизненно важным для коренного населения вопросам — культурно-бытовому обслуживанию оленеводов, рыбаков и охотников, подготовке и закреплению национальных кадров, развитию основных отраслей хозяйства и т. п.

Национально-государственное строительство у чукчей получило новые стимулы для своего совершенствования с принятием в 1977 г. нового Основного Закона страны — Конституции СССР. Она внесла существенные изменения в название и статус северных округов, что отражает социально-экономические и этнические перемены, происшедшие на Севере за годы социалистического строительства. В новой Конституции СССР законодательно закреплено само положение об автономных округах (ст. 88). На этой основе принят Закон Российской Федерации «Об автономных округах РСФСР», который определяет основные принципы образования и деятельности Советов народных депутатов округа, их компетенцию и полномочия,¹⁵ организацию работы Советов и других государственных органов.

Следует подчеркнуть, что национальная государственность численно малых народностей сохраняется даже в том случае, когда их удельный вес в общем населении автономии составляет незначительный процент. Так, население Чукотского автономного округа за счет миграции из других районов страны выросло в 1959—1979 гг. почти в 3 раза и составило 136 тыс. человек, а удельный вес чукчей при росте их общей численности соответственно уменьшился с 21,3 % до 8,1 %, ¹⁶ однако Конституция СССР и в этом случае гарантирует подлинную свободу национального развития чукчей. Такой гарантией является существование у них собственной национальной государственности в форме округа.

Социалистическая государственность чукчей проявляет в последние годы еще одну важную особенность, вытекающую из самой сущности новой исторической общности. В ней все отчетливее проступает тенденция к интернационализации. Автономный округ, являясь формой советской политической автономии чукчей, не разъединяет народы, а, наоборот, — сплачивает их, выражает интересы всех трудящихся округа независимо от национальности.

Чукотские Советы — подлинно интернациональные органы власти, яркое воплощение братской дружбы народов СССР. В составе, например, окружного Совета Чукотки депутаты 9 национальностей, в сельских и поселковых Советах — 21.

На основе братской дружбы, принципах интернационализма строится работа и других органов, составляющих политическую систему: партийных организаций, профессиональных союзов, комсомола, различных массовых общественных организаций. Среди коммунистов Магаданской области, например, люди 80 национальностей. Удельный вес чукчей в областной парторганизации постоянно увеличивается. С 1955 по 1977 г. их число выросло с 298 до 879 человек.¹⁷ В Чукотской окружной парторганизации в январе 1980 г. состояло 12 460 коммунистов 67 национальностей, в том числе чукчей 931, эскимосов — 103, эвенов — 78, других народностей Севера — 48.¹⁸ Комсомол округа объединял в своих рядах 2533 юноши и девушки народностей Севера (14,2 % состава окружной организации).¹⁹ В 1980 г. около 300 чукчей и других

народов Севера входили в выборный партийный актив, 90 из них являлись руководителями партийных и комсомольских организаций.

Совместная с русскими и представителями других национальностей работа в составе партийной организации, Совета, выполнение партийных поручений и депутатских обязанностей, участие в работе собраний, сессий, пленумов служит хорошей школой интернационализма, обеспечивает гармоничное сочетание национальных и интернациональных интересов.

Образую новую историческую общность, советские нации и народности не растворяются в ней, не прекращают своего существования как общности национальные. Наоборот, сам факт существования новой исторической общности исключительно благотворно влияет на развитие входящих в нее народов.

Численность чукчей растет. Между переписями 1959—1979 гг. она увеличилась на 19,3 % и составляла в 1979 г. 14 тыс. человек. За это же время население РСФСР выросло только на 16,9 %.

Абсолютное большинство чукчей по-прежнему живет в Чукотском автономном округе — 11 292 человека. Около 700 человек — в г. Магадане и других районах Магаданской области, 1289 человек — в Камчатской области, в том числе 1222 в Корякском автономном округе, около 300 — в Якутии, остальные рассредоточены по другим городам и районам страны.²⁰ В большинстве своем — это студенты вузов и техникумов, учащиеся профессионально-технических училищ.

Переустройство экономики и жизненного уклада чукчей вызвало глубокие этнические изменения в их среде. Основное направление современного этнического развития чукчей — внутреннее сплочение народности. За советский период значительно окрепла их этническая монолитность. Существовавшие в прошлом у чукчей две этнографические группы (береговые морские зверобои и тундровые оленеводы) в результате социалистических преобразований утратили часть специфики своих культурно-бытовых особенностей, исчезла былая разобщенность береговых и тундровых чукчей. Произошло интенсивное сближение, а в ряде случаев и слияние с чукчами мелких этнографических групп округа — оленных чуванцев, кереков.²¹

Консолидация народности сопровождается изменениями в языке и культуре. Словарный состав чукотского языка пополнился значительным количеством новых слов и терминов. На чукотском языке издается учебная и художественная литература, окружная газета, ведутся радио- и телепередачи.

В последние десятилетия в этническом развитии чукчей все большее значение приобретает другое направление — межэтническая интеграция, всестороннее сближение с культурой других народов СССР и в первую очередь с русской. Интеграционные процессы особенно отчетливо проявляются в материальной культуре, о чем уже шла речь выше. Исчезают из обихода ее архаичные и примитивные элементы, все более широкое распространение

получают общесоветские виды материальной культуры. У чукчей и других народов страны, проживающих на территории округа, формируются общие, зональные черты культуры и быта, всего образа жизни.

Особое значение для углубления интеграционных процессов имеет развитие и совершенствование единой социалистической экономики СССР, сложившейся на основе общих экономических целей и интересов всех наций и народностей. Являясь составной частью единого народнохозяйственного комплекса, Чукотский автономный округ занимает в системе общесоюзного производства важное место. Еще к середине 50-х годов окончательно определилась его общая специализация: добыча редких и цветных металлов, оленеводство, морской зверобойный промысел, звероводство.

Особенно высокими показателями социально-экономического прогресса отмечены два последние десятилетия. Общий объем промышленного производства за эти годы возрос более чем в 4 раза, производительность труда — в 2.5 раза.²²

Окрепла энергетическая база Чукотки. На побережье Северного Ледовитого океана сформирован Чаун-Билибинский энергоузел, в состав которого входят Билибинская АЭС, Чаунская ТЭЦ и плавучая электростанция «Северное сияние». Мощные тепловые электростанции работают в других поселках. Рост промышленности дал толчок развитию морского, авиационного и речного транспорта. На побережье Чукотки выросли современные морские порты Певек, Providения, Анадырь, Эгвекинот, ежегодно принимающие и отправляющие сотни тысяч тонн народнохозяйственных грузов. С появлением мощных атомных ледоколов на повестку дня встает вопрос о круглогодичной навигации.

В краю, где в недалеком прошлом единственным средством связи между населенными пунктами и людьми были собачьи и оленьи упряжки, байдары да вельботы, пролегали автодороги и автозимники, по которым ежегодно перевозятся миллионы тонн народнохозяйственных грузов. С центром округа — г. Анадырем авиационным сообщением связаны все населенные пункты Чукотки. По рекам Анадырь и Омолон значительную часть грузов перевозит речной транспорт.

Высокими темпами развиваются средства связи — радио, телевидение. С помощью спутниковых систем «Орбита», «Экран», «Москва» программы Центрального телевидения к концу 70-х гг стали уверенно принимать в самых отдаленных уголках Чукотки.

Само собой разумеется, что осуществить это грандиозное строительство своими силами, без помощи всей страны, союзных республик чукчи и другие народности округа не могли. На чукотской земле нашли свою вторую родину представители многих народностей СССР. В 1982 г. здесь трудились люди 84 национальностей. Причем, многонациональными становятся не только коллективы промышленных предприятий, но и совхозы Чукотки. Даже в такой специфической отрасли северного хозяйства, как оленеводство, с каждым годом работает все больше людей, при-

ехавших из других районов страны. Среди рабочих-оленьеводов Магаданской области, по данным обследования 1977 г., их было более 6 %.²³

Характеризуя это явление, академик А. П. Окладников справедливо писал, что во времена царизма подобные темпы роста пришлого населения стали бы подлинной катастрофой для народностей Севера, однако в наши дни, наоборот, с ростом многонационального населения начался бурный рост производительных сил, а соответственно и благосостояния народностей Севера. «Так, одинаковые по форме с прежними явления социально-экономической жизни в условиях социализма имеют диаметрально-противоположные последствия».²⁴

В условиях многонационального состава населения Чукотки ускоряется сближение наций и народностей, обмен опытом, становление общих обычаев, традиций. Совместная трудовая деятельность, единые заботы и цели укрепляют товарищество, формируют общие черты характера.

В сближении чукчей с русскими и другими народами важная роль принадлежит русскому языку, ставшему в СССР языком межнационального общения. С 1970 по 1979 г. число лиц, свободно владеющих русским языком, среди чукчей выросло с 58 до 61 %.²⁵ По отдельным районам и населенным пунктам процент двуязычия еще выше. Проведенный в 1972 г. опрос показал, например, что в пос. Уэлен лиц, владеющих только родным языком, — 11 %, в Нешкане — 13, в Конергино — 16 %.²⁶ Широкое распространение двуязычия не означает, однако, что чукотский язык утрачивает свои позиции. В 1979 г. его называли родным более 80 % чукчей округа.

Интернационализация всех сфер жизни народов СССР — магистральное направление развития многонационального советского общества. В рамках новой исторической общности национальные интересы чукотского народа органично сочетаются с интернациональными интересами всех советских людей.

Индустриализация Чукотки — это не просто новые рудники, порты и электростанции. Прежде всего это новые социальные условия, в которых возникают и развиваются новые общественные отношения, в корне меняется внутренний мир человека.

Промышленное строительство в округе ускоряет процесс урбанизации, в который втягивается и чукотское население. К началу 80-х годов в двух городах и десяти поселках городского типа Чукотки проживало 869 человек, или 7.7 % всех чукчей округа. Почти половина из них сосредоточена в г. Анадыре — более 400 человек. Крупные отряды городских жителей образовались также в Марково (183 человека), в Провидении (151 человек). Кроме того, чукчи живут в Магадане, Петропавловске-Камчатском, Хабаровске, Уссурийске, других городах страны.

Значительную часть городских жителей из числа чукчей составляет интеллигенция. 34 % занятых в городской местности чукчей имеет высшее и средне-специальное образование. Это в 3 раза

больше, чем на селе. По этому показателю чукчи лишь незначительно уступают русскому населению Магаданской области.

Характер промышленного производства в городах и рабочих поселках округа требует достаточно высокого образовательного уровня и у тех, кто занят физическим трудом. 24 % всех чукчей в городах — лица со средним образованием, в большинстве своем владеющие той или иной специальностью, причем большую их часть составляют молодые люди в возрасте 20—29 лет. Молодых город привлекает также более благоприятными условиями труда и быта, возможностями более разнообразного отдыха.

Урбанизация у чукчей в основе своей не выходит пока за пределы их обитания. В результате адаптация к новым условиям труда и жизни не усложняется дополнительными трудностями акклиматизации. Город усиливает внутринациональные связи чукчей — к родственным, соседским добавляются производственные, причем на более высоком уровне. На этой основе растет национальная консолидация и самосознание.²⁷

Одновременно ускоряется и процесс интеграции. Урбанизация расширяет область приложения труда чукчей, их культура становится все более разносторонней, увеличивается сходство жизненного уклада с укладом других советских народов.

Опираясь на единый народнохозяйственный комплекс страны, экономические и социальные завоевания всего советского народа, чукчи ускоренными темпами ликвидируют остатки своей былой отсталости. Если между переписями 1970—1979 гг. число лиц с высшим и средним образованием в РСФСР выросло в 1.4 раза, то у чукчей — в 4.3 раза.²⁸ В X—XI пятилетках расходы на культурно-просветительную работу в РСФСР выросли на 64 %, в Чукотском округе — в 2 раза. В целом же бюджет учреждений культуры Чукотки за это время увеличился с 2826 тыс. до 5.6 млн. р.²⁹

В 1984 г. на каждого жителя РСФСР в библиотеках республики приходилось 7.6 экз. книг и журналов, в Чукотском округе — 8.7 экз. В 2.3 раза вырос в 1970—1984 гг. разовый тираж газет (по РСФСР — в 1.3 раза).³⁰

Неизмеримо выросли культурные запросы чукчей. В обследуемом нами том же пос. Сиреники, например, каждая чукотская семья выписывала в 1983 г. в среднем по 5.3 экз. газет и журналов. Около 70 % чукчей, живущих в поселке, являются читателями сельской библиотеки. За 7 месяцев 1983 г. каждый из них прочитал в среднем более 12 книг.

В развитии социалистической культуры чукчей в последние годы все заметнее проявляются две основные тенденции: критическое и творческое осмысление культурного наследия прошлых поколений и усиление взаимовлияния культур других народов страны в русле единой советской многонациональной социалистической культуры.

Развитие социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернационалистской по духу единой

культуры советского народа на базе лучших достижений и самобытных прогрессивных традиций народов СССР — важнейшая задача КПСС в деле совершенствования национальных отношений. «Рост и сближение национальных культур, — отмечается в Программе партии, — упрочение их взаимосвязей делают все более плодотворным взаимное обогащение, открывает советским людям широчайшие возможности для приобщения ко всему ценному, что рождено талантом каждого из народов нашей страны».³¹

Эта оценка в полной мере относится и к социалистической культуре чукотского народа.

- ¹ *Нефедова С. П.* Чукотскому автономному округу — 50 лет // Краеведческие записки. Магадан, 1982. Вып. 12. С. 14.
- ² Очерки истории Чукотки с древнейших времен и до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 317.
- ³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 95.
- ⁴ *Сенявский С. Л.* Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М., 1982. С. 121.
- ⁵ Программа КПСС. М., 1986. С. 43.
- ⁶ *Сиденко А. И.* К итогам работы оленеводческих совхозов Магаданской области // Магаданский оленевод, 1982. Вып. 34. С. 14; Магаданская правда. 1985. 7 дек.
- ⁷ Политическая агитация. 1980. № 21. С. 20.
- ⁸ Северные просторы. 1985. № 2. С. 36; Советская Чукотка. 1981. 5 мая; 1982. 20 июня; 1983. 26 июня.
- ⁹ Магаданская правда. 1978. 12 марта.
- ¹⁰ Советская Чукотка. 1983. 23 авг.
- ¹¹ ГАЧАО, ф. 1, оп. 1, л. 576, л. 9; Советская Чукотка. 1982. 7 окт.
- ¹² ГАЧАО, ф. 1, оп. 1, д. 656, л. 187; *Увачан В. Н.* Путь, равный столетиям // Молодой коммунист. 1982. № 12. С. 40.
- ¹³ Народное хозяйство РСФСР в 1981 г. М., 1982. С. 6, 13; Магаданская правда. 1983 г. 24 мая.
- ¹⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1981. Т. 13. С. 396—418; Свод законов СССР. М., 1982. Т. 1. С. 325—328.
- ¹⁵ Свод законов РСФСР. М., 1983. Т. 1. С. 671—699.
- ¹⁶ Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. М., 1977. С. 9; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. М., 1980. С. 8.
- ¹⁷ Магаданская областная организация КПСС в цифрах. 1954—1977 гг. Магадан, 1978. С. 67—71.
- ¹⁸ ПАМО, ф. 22, оп. 10, л. 28, л. 1.
- ¹⁹ Там же, ф. 31, оп. 14, д. 18, л. 1—6.
- ²⁰ Население СССР. М., 1974. С. 86; Вестник статистики. 1980. № 7. С. 58, 59—60.
- ²¹ *Гурвич И. С.* Этнокультурные процессы у народов Севера и Дальнего Востока СССР // Расы и народы. М., 1977. С. 149.
- ²² *Кобец В. И.* Опыт некапиталистического пути развития народностей Чукотки // Опыт некапиталистического пути развития малых народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 113; Советская Чукотка. 1981. 7 окт.
- ²³ Магаданская правда. 1981. 4 янв.
- ²⁴ Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1972. № 11. Вып. 3. С. 5.
- ²⁵ Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. С. 16.
- ²⁶ *Гурвич И. С.* Указ. соч. С. 153.
- ²⁷ *Окладников А. П., Бойко В. И.* Проблемы периодизации миграций в Северной Азии (Сибири) // Проблемы истории демографии СССР. Томск, 1980. С. 21—23.
- ²⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. С. 18; *Луковцев В. С.* Минувя тысячелетия. М., 1982. С. 18.
- ²⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1983 г. М., 1984. С. 386; Политическая агитация. 1980. № 20. С. 29; Магаданская правда. 1985. 15 янв.
- ³⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1983 г. С. 5, 336, 346, 353.
- ³¹ Программа КПСС. М., 1986. С. 44—45.

. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН СССР — Архив АН СССР
 Архив ЛО ИЭ — Архив Ленинградского отделения Института этнографии
 АН СССР АН СССР
 Архив МАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии АН СССР
 АН СССР
 ВСОРГО — Вестник Сибирского Отдела Русского географического общества
 ГАИО — Государственный архив Иркутской области
 ГАКО — Государственный архив Камчатской области
 ГАМО — Государственный архив Магаданской области
 ГАХК — Государственный архив Хабаровского края
 ГАЧАО — Государственный архив Чукотского автономного округа
 ДАИ — Дополнения к актам историческим
 ДВР — Дальневосточная республика
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗОИАК — Записки Общества изучения Амурского края
 ЗПОРГО — Записки Приамурского отдела Русского географического общества
 ЗСОРГО — Записки Сибирского отдела Русского географического общества
 ЗЧКМ — Записки Чукотского краеведческого музея
 ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
 ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества
 ИРГО — Известия Русского географического общества
 ИСО — Известия Сибирского отделения АН СССР
 ИСОРГО — Известия Сибирского отдела Русского географического общества
 КСДГНС ИЭ — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
 ЛОААН СССР — Ленинградское отделение Архива АН СССР
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
 АН СССР
 ЛЧИЭ — Ленинградская часть Института этнографии АН СССР
 МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
 ОМА СХ МО — Объединенный межведомственный архив Управления сельского хозяйства Магаданской области
 ПА КОК КПСС — Партийный архив Камчатского обкома КПСС
 ПА МОК КПСС — Партийный архив Магаданского обкома КПСС
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография
 СУ РСФСР — Статистическое управление РСФСР
 ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
 ТЭОМОЛЕ — Труды этнографического отделения Московского общества любителей естествознания
 ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР
 СССР
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦГА ДВ — Центральный государственный архив Дальнего Востока РСФСР
 РСФСР
 ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Краткий обзор источников	9
Сведения путешественников (9). Материалы официальные (11). Архивные источники (13). Исследования по истории и этнографии (16).	
История и культура чукчей в дооктябрьский период (XVII в. до 1917 г.)	
Проблема этногенеза. Этнические связи чукчей	31
Этногенез (31). Чукотско-эскимосские этнические связи (38). Чукотско-корякские этнические связи и отношения (45). Чукотско-юкагирские отношения (48).	
Хозяйство и материальная культура	54
Оленеводство (55). Морской зверобойный промысел (62). Рыболовство и другие промыслы (67). Орудия охоты и оружие (71). Средства передвижения (73). Жилище (76). Домашняя утварь (79). Одежда (80).	
Религиозные верования и шаманизм	87
Социально-экономические отношения	99
Политика самодержавия на Чукотке	121
Чукчи в период социалистического строительства	
Создание национальной государственности	149
Социально-экономическое развитие	162
Кооперативно-колхозное строительство (162). Оленеводство (167). Морской зверобойный промысел (176). Пушной промысел и рыболовство (180).	
Жилищно-бытовые условия. Образ жизни	186
Новые поселки и города (188). Культурно-бытовое обслуживание, одежда, пища (194). Семья и брак (199). Здравоохранение (206). Физическое воспитание (210).	
Духовная культура	214
Народное образование (214). Культурно-просветительная работа (221). Народное танцевальное искусство (227). Музыкальный фольклор (234). Народное декоративно-прикладное искусство (240). Устное народное творчество (251). Становление и развитие художественной литературы (260).	
Чукчи в составе новой исторической общности	274
Список сокращений	286

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЧУКЧЕЙ

*Утверждено к печати
Институтом истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР*

Редактор издательства *А. Ф. Варустина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Т. А. Бравая, С. В. Добрянская*
и *О. В. Олендская*

ИБ № 21433

Сдано в набор 28.06.86. Подписано к печати
12.02.87. М-33018. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага оф-
сетная № 1. Гарнитура литературная. Фотонабор.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18. Усл. кр. отт. 18,5.
Уч.-изд. л. 20,63. Тираж 1800. Тип. зак. 577.
Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12